

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
224

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Редакционная коллегия:

Л. И. АВИЛОВА (зам. главного редактора),
В. И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л. В. КОЛЬЦОВ, С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В. Д. КУЗНЕЦОВ,
Н. В. ЛОПАТИН, Н. А. МАКАРОВ (главный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук В. Ф. СТАРКОВ,
доктор исторических наук А. Н. СОРОКИН

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 344 с., ил., вклейка после с. 114.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-9551-0433-1

Сборник посвящен теоретическим и методическим подходам в изучении погребального обряда в современной археологии. В публикуемых статьях рассматриваются теоретические и методические разработки, которые применяются в современной археологии, как российской, так и зарубежной, для интерпретации различных аспектов погребального обряда.

Тематически выпуск состоит из нескольких блоков. Первый, самый большой, включает в себя статьи, посвященные общим теоретическим и методическим проблемам изучения погребального обряда. Второй раздел посвящен антропологическим исследованиям. Третий включает в себя материалы, относящиеся к эпохам неолита и бронзы.

Следующий раздел представляет статьи по эпохе раннего железного века и раннего средневековья. Заключает публикацию материалов раздел «Средние века и Древняя Русь».

Данное коллективное исследование будет интересно для коллег-археологов и представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

ISBN 978-5-9551-0433-1

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2010
© Авторы, 2010
© Языки славянской культуры, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Сборник «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии» содержит более двадцати докладов-статей участников Всероссийской научной конференции под тем же названием, которая состоялась в ноябре 2005 г. в Институте археологии РАН. Всего в настоящее издание вошли 22 статьи исследователей академических учреждений, музеев и вузов Москвы, Твери и Коломны. Зарубежная сторона представлена археологами Молдавии и Болгарии.

Главная цель конференции состояла в том, чтобы выявить те теоретические и методические разработки, которые применяются в современной археологии, как российской, так и зарубежной, для интерпретации различных аспектов погребального обряда.

Погребальный обряд в древности и средневековье представляет собой отражение складывавшейся тысячелетиями целостной системы взглядов, связанных как с религиозными и мифологическими воззрениями, так и с социально-политической структурой породившего их общества.

Погребальный обряд – один из наиболее информативных источников при воссоздании этнической истории населения прошлых эпох, его социальной структуры, идеологических представлений. Поэтому вполне понятен постоянный интерес археологов любой специальности к изучению погребальных комплексов и реконструкции погребального обряда с помощью этнографии и письменных свидетельств.

Отдел теории и методики ИА РАН на протяжении двух последних десятилетий не раз уже выступал с инициативой обсуждения наиболее злободневных вопросов, связанных с «погребальной» тематикой (Гуляев, 1990; 1995; Гуляев, Каменецкий, Ольховский, 1999; и др.). Вместе с тем приходится с сожалением отметить, что данная проблематика еще весьма далека от своего окончательного решения.

Требуется дальнейшего упорядочения понятийный и терминологический аппарат, касающийся погребений и погребального обряда.

В отечественной археологии довольно слабо обстоит дело с корректным и продуктивным использованием этнографических аналогий при интерпретации погребальных комплексов.

При постоянном интересе к социальной (социологической) интерпретации погребального обряда в нашей археологической науке (по сравнению, например, с англо-американской археологией) явно недостаточно внимания уделяется вопросам идеологических (религиозно-мифологических) реконструкций на основе материала захоронений разных эпох.

Не очень заметен сейчас у нас и прогресс в этнокультурном направлении интерпретации погребального обряда. И как тут не вспомнить многочисленные отечественные работы 1950–1960-х гг. по этногенезу и культурогенезу, независимо от степени их обоснованности реальными фактами.

Все вышесказанное позволяет надеяться, что данный сборник будет полезен для решения хотя бы части из названных проблем. Большой оптимизм внушает и то, что в последние годы наблюдается широкое внедрение антропологических методов в археологию. Здесь особенно заметны успехи в изучении таких тем, как палеодемография, болезни древних людей, их пищевой рацион, стрессы и физические нагрузки, открывающие, в свою очередь, новые, не известные ранее возможности для археологов при изучении погребального обряда.

Сборник тематически распадается на несколько блоков (или разделов, частей). Первый, самый большой, включает в себя доклады, посвященные общим теоретическим и методическим проблемам изучения погребального обряда. Второй раздел посвящен антропологическим исследованиям. Третий включает в себя материалы, относящиеся к эпохам неолита и бронзы.

Следующий раздел представляет статьи по эпохе раннего железного века и раннего средневековья. Заключает публикацию материалов конференции раздел средние века и Древняя Русь.

Авторы и составитель сборника выражают надежду, что данное коллективное исследование будет интересно для коллег-археологов и представителей смежных с археологией наук.

В. И. Гуляев

ЛИТЕРАТУРА

- Гуляев В. И.*, 1990. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. Вып. 201.
- Гуляев В. И.*, 1995. Погребальная обрядность, структура, семантика и социальная интерпретация (Введение в дискуссию) // РА. № 2.
- Гуляев В. И., Каменецкий И. С., Ольховский В. С.*, 1999. Введение // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. М.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

В. И. Гуляев

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

С самого начала следует оговорить, что в настоящей статье речь пойдет, естественно, не о всей необъятной зарубежной литературе по интерпретации погребального обряда, а только о работах англо-американских (и, частично, скандинавских) авторов. Но ведь именно англо-американская археология последние 30–40 лет является главным поставщиком новых идей в области археологической теории, в том числе и по погребальному обряду. Учитывая ограниченность пространства (рамками статьи), я постараюсь изложить лишь самые основные концепции и взгляды на проблемы изучения погребального обряда в рамках «новой» (или «процессуальной») археологии 60–80-х гг. XX в. и «пост-процессуального» направления в науке (90-е гг. XX и начало XXI в.). Хорошо понимая все значение конкретных примеров и фактов в археологии, я попытаюсь, хотя бы и в самой краткой форме, проиллюстрировать чисто теоретические постулаты ссылками на современные археологические исследования, осуществляемые сейчас в странах Западной Европы и США.

Интерес археологов к материалам из погребений и погребальному обряду в целом объясняется тем, что традиционно это один из двух основных видов археологических источников (другой вид – поселения). Опираясь на его анализ, мы можем реконструировать быт, духовную и материальную культуру, социальное устройство, идеологические представления, уровень развития изучаемого общества, его традиционность и подверженность влияниям, – словом, весь спектр вопросов, которые археологи пытаются решить с большей или меньшей объективностью для воссоздания истории давно исчезнувших людей, оставивших эти погребальные памятники.

Археологи хорошо знают, что после завершения процедуры раскопок погребений и первичной обработки полученных результатов (классификация материала, его предварительное хронологическое и культурное определение и т. д.) наступает новый этап в исследовании: вещеведческий анализ заканчивается и археолог вступает в область *интерпретации* данного погребального комплекса (или комплексов). А она требует не только знаний ряда других научных дисциплин, но и специальной методики для сопряжения самых разных видов источ-

ников – археологических, этнографических, исторических, антропологических и пр.

На протяжении всего времени существования научной археологии интерпретация погребального обряда осуществлялась в четырех основных направлениях:

- 1) религиозно-мифологическом (или идеологическом);
- 2) этнокультурном (выделение «погребального эталона» и отклонение от него в рамках определенной этнокультурной группы);
- 3) хронологическом (выявление динамики «погребального эталона» во времени);
- 4) социальном (или социологическом, включая палеодемографию).

В разные периоды то или иное направление могло разрабатываться более интенсивно, чем остальные, но вместе с тем приходится признать, что все они существовали и развивались параллельно.

Систематические раскопки погребений (прежде всего погребений, видимых на поверхности земли, – «погребальных холмов» или «курганов») начались в США и Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в.: Томас Джефферсон в США; Йенс-Яков Ворсо – в Дании; Каннингтон, Мортимер и Гринвелл – в Англии (Chapman, Randsborg, 1981. P. 2).

В течение XIX в. был накоплен огромный материал, заполнивший местные музеи и сохранивший до наших дней бесценные сведения о погребальном обряде людей, живших в Европе в эпохи неолита, бронзы и раннего железа. Именно тогда появились в археологических кругах первые, еще очень робкие, попытки осмыслить данные из погребений в хронологическом, этнокультурном и религиозно-мифологическом плане.

Первые солидные труды по интерпретации погребального обряда были созданы этнографами в последние десятилетия XIX в. Это работы Эдварда Тэйлора «Первобытная культура» (Taylor, 1871; Тэйлор, 1939) и Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь» (Frazer, 1886; Фрэзер, 1981). Оба исследователя объясняли все особенности и разнообразие погребального обряда только исходя из первобытной мифологии и религиозных верований.

В первые десятилетия XX в. хронологический, этнокультурный и религиозно-мифологический подходы в объяснении погребального обряда продолжали развиваться как в Европе, так и в США, но появилось и нечто новое: труды группы ученых из школы Эмиля Дюркгейма – Роберта Гертца (1907 г.) (Hertz, 1960) и Арнольда Ван Геннепа (1909 г.) (Van Gennep, 1960).

Эти исследователи связывали захоронение умершего с различными аспектами социальной системы. По их мнению, различия в погребальных ритуалах могли быть вызваны разницей в статусе умерших индивидов внутри данного общества, а также таким фактором, как способ (причина) ухода из жизни. А самый главный их постулат гласит: погребальный обряд следует рассматривать в ряду других «обрядов перехода», означающих перемены в статусе индивида (рождение, инициации, женитьба, беременность и, наконец, смерть); в данном случае, погребальный обряд – это «переход» умершего члена общества из мира живых в мир мертвых.

По сути дела, это были первые исследования, которые трактовали смерть как социальную и биологическую трансформацию. Следует также отметить, что и А. Ван Геннеп и Р. Гертц строили свои выводы на чисто этнографическом материале традиционных обществ Африки и Юго-Восточной Азии.

По их мнению, похороны – это отражение обряда «перехода» с трехступенчатой структурой.

1. *Первая стадия* – «обряд отделения» (изоляции) трупа от других членов общества. Труп помещают отдельно, в особое место (жилище, святилище, специальная площадка и т. д.). Участники ритуала «выходят» из своих прежних социальных ролей и «переходят» в иное, так называемое «пороговое», состояние.

2. *Вторая стадия* – осуществление самих похорон (с захоронением трупа любым традиционным способом), когда их живые участники превращаются в «плакальщиков», а умерший переходит от статуса личности, индивида, к статусу трупа, и при этом душа его отделяется от тела.

3. Наконец, *третья стадия*: «ритуал воссоединения», когда участники похорон возвращаются к обычной жизни. «Плакальщики» возвращаются к общественной жизни, но уже без мертвеца, труп которого окончательно помещен в нужном месте, а душа должна присоединиться к душам предков.

Для Р. Гертца смерть осознавалась как некая внешняя сила, ударяющая по данному коллективу и сотрясающая самые основы его жизни. Гибель индивида была равносильна катастрофе и ставила перед обществом в целом массу серьезных проблем.

Чтобы облегчить тем составляющим (труп, душа умершего и живые сородичи) переход в новый социальный статус и решить проблемы своих взаимоотношений, в каждой из них должны произойти перемены и должно быть восстановлено равновесие в течение определенного отрезка времени, варьирующего от нескольких минут до нескольких лет.

Р. Гертц утверждал, что «обряды перехода» как раз и выполняли эту задачу, и именно данные ритуалы, оставляющие после себя какие-то материальные следы, и находят при раскопках археологи.

Воздействие смерти индивида на оставшихся членов группы (общины) может различаться в очень значительных пределах, в зависимости от положения умершего в данном обществе, так же как могли сильно варьировать масштабы и формы обрядов, необходимых для «выведения» его (или ее) из этого мира в мир иной.

Итак, масштабы и формы ритуалов, необходимых для достижения эффекта «отделения» («выведения»), сильно различаются в зависимости от социального статуса участников похорон и умершего внутри данного общества. Одним из побудительных мотивов этих церемоний было восстановление социального порядка перед лицом хаоса.

С одной стороны, статус умершего влияет на масштаб обрядов, необходимых для обеспечения его «удаления» («отделения»); с другой – реинтеграция участников похорон с другими членами общества требует восстановления социальной структуры и взаимосвязи живых и мертвых. Это и есть тот принцип, который лежит в основе всех эмпирически наблюдаемых вариаций в погребальном обряде любого общества.

Вторая связь, на которую обращает особое внимание Р. Гертц, это связь между трупом и душой. Погребальный процесс должен способствовать *отделению* души от тела, обычно сразу же после наступления смерти, а затем, по прошествии некоторого времени, это должен быть акт в виде церемонии, отмечающей воссоединение души умершего с душами предков. Правда, следует отметить, что часто наблюдается некоторая двусмысленность в разделении этих двух этапов. И Р. Гертц сделал очень важное замечание о том, что физическое состояние трупа и состояние души часто тесно связаны. Только когда труп достиг стабильной физической формы, будь то через гниение или через кремацию, в конце данного процесса душа действительно становится полноправным членом загробного мира.

Поэтому похороны отражают три этапа в этой взаимосвязи: отделение тела от души, «пороговая» стадия, где душа еще находится на перепутье, и «пост-пороговая» стадия, когда она присоединяется к сообществу мертвых (предков).

Третья связанная с похоронами сфера – это взаимосвязь души умершего с живыми соплеменниками. Отделение души от мира живых часто довольно длительный процесс. В течение этого периода те, кто был близок к мертвецу либо физически, либо по кровному родству, сами находятся в «пороговом», оскверненном (грязном) состоянии. Таким образом, похоронный процесс имеет здесь две сверхзадачи: кроме обозначения отделения души от тела, необходимо постепенное уменьшение взаимосвязей души умершего с живыми. Это достигается по истечении определенного времени и благодаря правильному отправлению ритуалов. Завершение данного процесса отмечает окончательное освобождение души (и переселение ее в мир предков) и реинтеграцию общины живых.

Взгляды Р. Гертца и А. Ван Геннепа позволили в общих чертах определить ритуальную структуру, стоящую за погребальными реалиями, которые находят в процессе раскопок археологи. Работы этих исследователей в целом выдержали проверку временем и оказали огромное воздействие на развитие археологической науки.

Правда, это произошло значительно позже. А в те годы (первые десятилетия XX в.), да и какое-то время спустя, в гуманитарных науках Запаदा господствовали теоретические концепции так называемой «культурно-исторической» школы. Особенно сильны были ее позиции в США, где во главе ее стояли такие крупные фигуры, как этнограф Франц Боас и археолог Альфред Крёбер (Аверкива, 1979. С. 68–197). Последний с завидным упорством доказывал, что погребальный обряд менее, чем другие черты культуры, полезен при реконструкции истории культуры, поскольку он весьма нестабилен и изменчив. И эта нестабильность связана с непостоянством человеческого поведения, очень похожего на капризы моды.

В начале 1960-х гг. взгляды А. Крёбера и всей школы в целом подверглись разгромной критике со стороны Л. Бинфорда – «отца-основателя» «новой», или «процессуальной» археологии. Он отверг тезис о нестабильности погребального обряда и на основе ряда впечатляющих примеров (как этнографических, так и археологических) продемонстрировал его завидную устойчивость и консервативность.

Как ответная реакция на взгляды культурно-исторической школы, с ее концепцией однолинейной эволюции, внутри этнографии Запада возникло течение «диффузионизма», объясняющего с помощью диффузии все изменения материальной культуры во времени и пространстве (теория «культурных кругов» Ф. Гребнера, В. Шмидта и др.) (Першиц, Монгайт, Алексеев, 1968. С. 21). Что касается погребального обряда, то сходство и различие между культурами в таких чертах, как труположение (ингумация) и трупосожжение (кремация), индивидуальные или коллективные захоронения, формы и размеры могил, интерпретировались сторонниками этого направления только через диффузию и миграции.

Последователем его был и выдающийся английский археолог Вир Гордон Чайлд¹. Он, как и многие его коллеги, считал, что погребальный обряд следует целиком отнести к сфере религии (идеологии) (Childe, 1951. P. 170, 171).

В середине 1960-х гг. в западной археологии сформировалось теоретическое направление, получившее название «новой археологии». Оно заявило впервые о себе в 1962 г., когда в журнале «American Antiquity» вышла программная статья Льюиса Бинфорда «Археология как антропология» (Binford L., 1962). Однако подлинным манифестом нового теоретического течения стал вышедший в 1968 г. сборник «Новые перспективы в археологии» под редакцией самого Л. Бинфорда и его жены (Binford L. and Binford S. (eds.), 1968).

Суть теоретических взглядов «новых археологов» сводилась к нескольким принципиальным положениям. Одним из исходных было то, что главной задачей своей науки представители данного направления считали не исторические реконструкции, а изучение закономерностей человеческого поведения и культурного развития в прошлом. Соответственно, археология провозглашалась дисциплиной, принадлежащей не к истории, а к культурной антропологии (т. е. этнографии).

Ставя перед археологией задачу изучения закономерностей развития культуры, «новые археологи» понимали культуру как развивающуюся динамичную систему адаптации человека к природной среде, включающую в себя такие компоненты, как технологический, социологический и идеологический, следы которых могут быть прослежены на археологическом материале. При этом следует отметить, что изучение культуры и культурных процессов часто становилось у них самоцелью, заслоняя собой изучение общества, продуктом которого культура и является. В американской историографии описательные дисциплины (куда «новые» археологи-«процессуалисты» относят и историю) традиционно не имеют статуса подлинной науки. Именно с этим и был связан призыв «процессуалистов» превратить археологию в науку, снабдив ее прогрессивными методами компьютерного века.

Широкое применение в «новой археологии» нашли этнографические аналогии и математические методы исследования. В дальнейшем, до начала 1980-х гг., «новая археология» создала или заметно развила и усилила такие направления в

¹ Хотя чаще его в литературе называют лидером нео-эволюционистского течения в археологии Запада.

нашей науке, как этноархеология, экологическая археология, палеодемография и «поведенческая» (behavior) археология. Особо надо отметить ее тесную связь с естественными науками – биологией, географией, математикой и др.

Впрочем, вернемся к проблемам интерпретации погребального обряда.

Л. Бинфорд в своей главной работе на эту тему «Погребальные практики: их изучение и потенциал» на основе этнографических параллелей дал свою интерпретацию погребального обряда – точнее, его социальной составляющей (Binford L., 1971). Автор доказывает, что формы, представленные в погребальной практике символами, не должны смешиваться с тем, что в действительности они символизируют. Так, различные способы захоронения умерших – ингумация, кремация и пр. – могут в разных обществах иметь разное значение. Если же просто сопоставить эти символы и вывести в итоге некие формальные взаимосвязи между двумя (и более) обществами, как это часто делалось представителями «культурно-исторической» школы, то это – чистая фикция.

Но какие же именно аспекты социальной организации общества могут быть символически отражены в погребальном обряде? Согласно Л. Бинфорду, это, во-первых, *социальная личность* умершего; во-вторых, состав и величина социальной группы, выражающей в ходе похорон свое отношение к умершему.

Главные показатели «социальной личности», которые проявляются в погребальной практике, это возраст, пол, социальное положение, социальные связи, условия и место смерти. Основной вывод автора таков: форма и структура, характеризующие погребальную практику любого общества, есть отражение формы и организационных особенностей самого этого общества. Исследование Л. Бинфорда было основано на материалах 40 этнографически описанных традиционных обществ Старого и Нового Света. Ученый понимал при этом, что реально ему не удастся достигнуть той степени точности, какая требовалась при анализе этнографических данных для выявления разнообразия статусов индивидов или социально-культурной структуры. Однако он считал, что способы жизнеобеспечения (subsistence) четко коррелируются с социальной сложностью общества: охотники-собиратели, перемещающиеся с места на место земледельцы, оседлые земледельцы и пастухи-скотоводы были четырьмя социальными группами, выделенными им на основе способа жизнеобеспечения. В ходе своего исследования Л. Бинфорд обнаружил, что общества, относящиеся к оседлым земледельцам, чаще используют эти параметры (пол, возраст, социальное положение, условия и место смерти, социальные связи – членство в клане, роде, общине, племени и т. д.) для символического «социальной персоны» умершего в своих погребальных ритуалах, нежели другие три группы.

Наконец, ученый проанализировал взаимосвязи этих параметров «социальной персоны» с особыми формами погребальной церемонии. Он изучил способы подготовки тела и его размещения, формы могил, их ориентировку и местонахождение, количество и характер погребального инвентаря, которые были известны для отобранных им этнографических обществ. На его взгляд, использование некоторых из этих особых погребальных ритуалов варьирует в соответствии с параметрами «социальной персоны»:

а) пол (мужской или женский) выделяется только ориентировкой и типом погребального инвентаря;

б) возраст определяется на основе размещения трупа (могила, помост, река, лес и т. д.), типа могилы и ее местонахождения.

«Социальный подход» к погребальному обряду в духе идей Л. Бинфорда нашел довольно много сторонников, как в США, так и в Западной Европе. Напомню, что речь идет о конце 60–70-х гг. XX в. Одним из главных его последователей был археолог и этнограф Артур Саксе. Его докторская диссертация «Социальные параметры погребальной практики» (Saxe, 1970) вышла даже чуть раньше основополагающей работы самого Л. Бинфорда на ту же тему (Binford L., 1971). А. Саксе взял этнографические описания трех традиционных обществ (ашанти в Западной Африке, папуасы-капауку в Новой Гвинее и бонток игорот на Филиппинах) и на основе этих материалов выдвинул *восемь (!!!)* гипотез по социальному осмыслению погребального обряда. Я не буду излагать их здесь все – они довольно тривиальны и во многом повторяют выводы Л. Бинфорда. Наибольший (а возможно, и единственный) интерес для археологов представляет у А. Саксе его *гипотеза № 8*. Ее краткое содержание таково: «Формальные места (или участки), предназначенные только для захоронения умерших (т. е. кладбища, могильники), организуются или устраиваются корпоративными социальными группами, чтобы через наследство от предков, похороненных там, узаконить свои права на важнейшие, но ограниченные ресурсы (в том числе на землю)».

Нет никаких сомнений в том, что А. Саксе очень образованный человек, прочитавший по своей теме массу соответствующей литературы. Однако есть большие сомнения в возможности найти надежные и объективные доказательства для выдвинутых им гипотез. Ведь все они основаны на старых этнографических отчетах. А проверить их достоверность практически нельзя. Как уже отмечалось выше, самой интересной для археологов является у А. Саксе его *гипотеза № 8*, построенная на основе наблюдений этнографа Меггита в Папуа – Новой Гвинее. И суть ее состоит в утверждении права на землю живых членов общины с помощью ссылок на наследие предков. Именно для этой цели и устраивались формальные могильники и кладбища.

Эту гипотезу повторно рассмотрела позднее Линн Гольдстейн, использовавшая при этом уже материалы по 30 этнографическим группам. Она установила, что организация постоянного, специализированного и ограниченного участка для захоронения была тем средством, с помощью которого корпоративная группа, пытаясь узаконить свои права на ограниченные ресурсы, могла облечь данную взаимосвязь в ритуальные «одежды». Другими словами, отсутствие формального места для захоронений не всегда информирует нас о социальной структуре общества, тогда как его наличие реально говорит о существовании корпоративной группы и почитании предков (Goldstein, 1976).

Таким образом, из всех гипотез А. Саксе только гипотеза № 8 продолжает активно обсуждаться в среде археологов Западной Европы и США. Правда, ее подверг резкой критике главный лидер «пост-процессуализма» Йан Ходдер (Англия). Тем не менее эта гипотеза может, вероятно, помочь нам в понимании

вопроса о том, почему устраивались кладбища и могильники. Но она бессильна объяснить, почему именно формальные участки для захоронения умерших, а не другие формы легитимизации, использовались группами для утверждения своего права на землю и другие местные ресурсы. Кроме того, взаимосвязи живых соплеменников с предками гораздо шире и глубже, нежели простое установление через них функциональных связей с землей, как считали А. Саксе и Л. Гольдстейн. И этому есть множество примеров в обществах разных эпох и разных культур Старого и Нового Света. Достаточно сослаться на богатейшую традицию культа предков у древних майя (Гуляев, 1981) или перуанских инков (Dillehay, 1995).

В 1978 г. появилась работа еще одного сторонника идей Л. Бинфорда – Джозефа Тэйнтера. Называлась она «Погребальный обряд и изучение первобытных социальных систем» (Tainter, 1978). И опять основывалось данное исследование только на этнографических материалах: на этот раз были рассмотрены 103 традиционных общества. На основе своего анализа Дж. Тэйнтер пришел к выводу, что с определенным социальным рангом были тесно связаны определенные черты похоронных обрядов, а именно: сложность обращения с трупом, сооружение и месторасположение могилы или гробницы, ее размеры, а также масштаб и продолжительность погребального ритуала, материальные затраты на этот ритуал и наличие (или отсутствие) жертвоприношений (включая человеческие). Ученый предложил абстрактное понятие «затрата энергии», или «затрата труда», и установил, что социальный ранг умершего индивида коррелирует со степенью затрат энергии на его погребальный обряд в 90% всех рассмотренных случаев. Напротив, считает этот автор, если судить по погребальному инвентарю, то социальный ранг по вещам отмечен всего в 5% случаев.

Итак, Дж. Тэйнтер считает, что объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале будет во многом зависеть от социального статуса умершего индивида. Эти затраты должны отражаться в таких чертах погребения, как его размеры и тщательность оформления, методы обращения с трупом и способ его захоронения, а также характер погребального инвентаря. Основной вывод этого ученого гласит: «Этнографическая литература ясно показывает, что затраты энергии на погребальный ритуал прямо соответствуют рангу умершего, ранговой градации общества».

Но, по признанию самого автора идеи, измерить затраты энергии можно пока только относительно, в рамках «больше» или «меньше». Как считает сам Дж. Тэйнтер, для изучения социальных аспектов погребального обряда важны два момента:

- а) пространственное размещение погребений (наличие кладбищ, могильников), которое содержит информацию о наличии корпоративных групп²;
- б) затраты энергии на похороны как отражение социальных градаций.

² Например, на Гаваях могильник в Калоко состоит из четырех групп погребений (каждая обнесена своей отдельной оградой), и селение Калоко (точнее, община) также делится на четыре части (большие семьи или линиджи). И именно эти подразделения внутри общины владеют земельными участками вокруг поселка, ссылаясь на право наследования земли от своих предков.

Апофеозом в изложении идей «новой археологии» по погребальному обряду явился выход в Кембридже в 1981 г. сборника статей под леденящим душу названием «Археология смерти». Вступительную статью – «Подходы к археологии смерти» – написали составители и ответственные редакторы этого тома, Роберт Чэпмен и Клавс Рандсборг. Среди его авторов многие известные специалисты по изучению погребального обряда: Джеймс Браун, Джейн Буикстра, Джон О’Ши, Линн Голдстейн, Йан Киннес и др. Все они не только сторонники общих концепций «новой археологии», но и активные сторонники «социального подхода» к погребальному обряду. Материалы для выводов взяты авторами из археологических памятников неолита и бронзы Западной Европы и материалов индейских обществ Америки.

Основное внимание в этих работах уделено определению степени стратификации (или «ранжирования») в обществах древней и средневековой эпох на основе изучения могильников. Обычно при этом приводятся три главных аргумента.

Первый – принцип (объем) затраты усилий (энергии) общества на осуществление похорон. Эти затраты будут отражаться в сложности процедур по обращению с трупом умершего, в местоположении, размерах и конструкции погребальных сооружений, в масштабах и продолжительности ритуалов, связанных с погребальным циклом.

Второй аргумент – пространственное размещение погребений (формальные, четко установленные кладбища и могильники), которое прямо связано с создавшими их корпоративными группами (семья, род, племя, община).

Третий аргумент – количество и качество погребального инвентаря (особенно наличие предметов, символизирующих высокий статус их владельца).

Методы, используемые данными исследователями при анализе погребений, варьируют от сравнительно простых корреляций взаимосвязи между возрастом, полом и погребальным инвентарем до изучения взаимного расположения могил внутри могильника с целью выделения каких-то социальных групп и делений и компьютерных программ для кластерного анализа. Широко применяются ими и антропологические методы: палеодемография, палеопатология и определение пищевого рациона древнего населения.

В середине 1980-х гг. в университетском Кембридже (Англия) вокруг заметной фигуры археолога Йана Ходдера объединилась группа специалистов самых разных профессий, которые главной своей целью ставили критику основных постулатов «новой археологии». Так появился на свет еще один феномен археологической мысли – «пост-процессуализм». Всех этих ученых объединяло стремление воссоздать по данным археологии и смежных с ней дисциплин не только экономическую и социальную историю древних обществ, но и их духовную культуру – идеологию (прежде всего религию). В рамках «пост-процессуализма» вышла в свет монография Й. Ходдера «Археология символов», или «Символическая археология» (Hodder, 1984), ставшая подлинным знаменем нового направления в теоретической археологии.

Однако наиболее развернутую и глубокую критику основных идей «новых археологов» по погребальному обряду осуществил недавно Майк Паркер Пир-

сон в своей фундаментальной монографии «Археология смерти и погребений» (Pearson, 2000). Сам автор так определяет суть своей книги: «Моя работа не столько о мертвых, сколько о живых людях, которые их хоронили». Погребальные обряды, как он считает, создают искаженный, идеализированный и ритуализированный портрет умершего, поскольку такие обряды осуществляются не самими покойниками, а другими людьми – их живыми сородичами. М. П. Пирсон критически разбирает концепции всех крупнейших «процессуалистов» – Л. Бинфорда, А. Саксе, Дж. Тэйнтера, Л. Гольдстейн, Дж. О’Ши и др. По его мнению, погребальное разнообразие не всегда отражает нюансы социальной организации. В противовес этому он рассматривает различные похоронные ритуалы как символическое насыщенное поле (или арену), где участники процесса похорон обсуждают вопросы о власти, имуществе (собственности) и идеологии внутри общества живых. Он убедительно показывает («в пику» сторонникам «социального подхода»), как каноны религии, эсхатология и космология могут оформить и предопределить похоронные ритуалы человеческих коллективов прошлого, минуя материальные и социальные факторы.

Автор книги абсолютно не согласен с главным постулатом «новой археологии», которая рассматривала погребальный обряд как основной источник сведений о ранге и статусе покойного. Современные археологи «пост-процессуальной» школы вообще выражают большое сомнение в четкости образа «социальной персоны», отражаемого в самом факте похорон. Этнография дает немало случаев, когда умерший, кем бы он ни был при жизни, может быть абсолютно не представлен (или представлен очень плохо) после смерти как социальная личность. Простейший пример: родные и близкие могут просто словесно выразить свое горе над телом покойного, похоронить его, поплакать над могилой и тихо разойтись по домам.

Итак, в течение 1980-х и 1990-х гг., постепенно нарастая, поднялась волна жесткой критики против основных взглядов представителей «новой археологии» по поводу изучения погребального обряда. Гипотеза Л. Бинфорда о «социальной персоне» была всесторонне рассмотрена и отвергнута (Pearson, 2000). То же самое произошло и с «теорией ролей», которые якобы были заранее предписаны всем участникам похоронного процесса и которые, как считалось, целиком отражали их социальный статус.

«Пост-процессуалы», напротив, уверены в том, что участники погребальных церемоний – умные и импровизирующие актеры, а не механические куклы, автоматически исполняющие предписанные им роли.

Другая слабая сторона «процессуального» подхода к погребениям состояла в том, что археологи этого направления некритически использовали этнографические данные, часто вообще полученные из вторых рук или основанные на очень ненадежных наблюдениях и плохо документированные. А это, в конечном счете, вело и к ошибочным выводам.

Погребальный обряд виделся «процессуалистам» лишь как пассивное отражение социальной структуры общества, тогда как он должен трактоваться как активное поле деятельности всех участников похорон. Ведь во многих случаях похороны – это не просто переутверждение социальной структуры и социальных

ролей, а ключевой момент в общественной жизни – борьба за власть и влияние, за передел имущества и собственности, за решение хозяйственно-экономических и социальных вопросов. Как отмечал М. П. Пирсон, «мертвые не хоронят сами себя, и если могилы являются в какой-то мере указанием на социальный статус, то здесь налицо и социальный статус организаторов похорон, и социальный статус умершего».

Критике подверглась и гипотеза Дж. Тэйлтера о «затратах энергии». Ведь эта модель де-факто предполагает полное совпадение затрат на похоронный ритуал в целом и того, что получается из археологически наблюдаемых остатков погребального обряда. Нет в данной гипотезе и четких критериев измерения этих затрат (труда, энергии).

«Новые археологи» всегда делали упор на изучение формы, а не содержания рассматриваемого явления. Назначение и символизм предметов погребального инвентаря и самих погребальных обрядов практически игнорировались. Например, «процессуалисты» никогда не задавались вопросом – *почему* погребение обычно связано с *особым набором вещей*? Все внимание этих ученых уходило на выяснение взаимосвязи между данными предметами и поиски признаков их «престижности» и «богатства» (для решения вопроса о социальной стратификации, ранжирования и т. д.).

Между тем, как считают «пост-процессуалисты», предметы погребального инвентаря должны рассматриваться не просто как внешние атрибуты при теле покойника, отражающие (но далеко не всегда) его социальный статус, а как вещи, демонстрирующие сложные взаимосвязи между живыми и мертвым индивидом, как своего рода «обмен дарами» с мертвецом. Ведь нередки случаи, когда в могилу кладутся предметы вроде бы утилитарного назначения и вроде бы относящиеся к личным вещам покойника, а на самом деле их изготовили только для похорон, и никогда в обыденной жизни они не использовались. Так, погребенный в кургане бронзового века в Восточной Англии взрослый мужчина имел при себе кремневый кинжал и набор орудий из того же материала, а трасологический анализ показал, что они никогда не использовались по назначению и были изготовлены специально для похорон (Pearson, 2000). Есть довольно много этнографических примеров, касающихся погребальных одежд. Если считать, что они соответствовали тому, что носили люди той эпохи при жизни, то это – явное искажение реальной картины. Археолог отнюдь не всегда должен интерпретировать облачение (костюм) мертвеца как воплощение личного имущества умершего, как одежду, типичную для живых людей той эпохи.

В заключение мне представляется весьма полезным привести несколько примеров современных исследований археологов-«пост-процессуалистов» в области погребального обряда. В авангарде этого направления идут, безусловно, ученые Англии и скандинавских стран.

Начну, причем совершенно произвольно, с работы Андерса Калиффа (Швеция), вышедшей в 1996 г. и озаглавленной «Могильные структуры и алтари: археологические следы эсхатологических концепций бронзового века» (Kaliff, 1996). Автор делает свои выводы по материалам раскопок на острове Рингеби в Швеции. И суть его публикации такова. Погребальная практика может интер-

претировавшаяся как система ритуалов, основанных на понимании (восприятии) людьми прошлых эпох проблем жизни и смерти. Есть все основания предполагать, считает А. Калифф, что те виды древних памятников, которые мы называем могильниками, выполняли, помимо служения в качестве мест захоронений умерших, также и иную функцию – ритуальных центров. На могильниках конца бронзового века в Южной Скандинавии встречается несколько типов построек и сооружений, которые позволяют дать более широкую интерпретацию назначения данных памятников. На острове Рингеби на могильнике были обнаружены «дом мертвых» (ритуальная постройка, святилище), каменные алтари и кучи обожженных камней или вымосток. Автор призывает коллег понять, что *могила* – более сложное понятие, чем обычно считают. «Форма могил, – пишет он, – подобно другим религиозным и священным местам, создается на основе определенных символических соображений, с помощью которых люди хотят продемонстрировать нечто важное. Это может быть символическая картина жизни, смерти и возрождения, или символическая космология. Могила имеет и другую функцию – как место связи (место сообщения) между живыми и мертвыми или между людьми и божествами. С могилой связаны также и представления как о месте для инициаций и возрождения. Форма могилы может отражать социальный статус умершего, а также его собственные пожелания (еще при жизни) относительно внешнего вида и устройства его «последнего приюта». Могильные материалы особенно ценны для изучения религии и духовной культуры (интерпретация эсхатологических идей)» (Kaliff, 1996. P. 177).

Как отмечает этот скандинавский исследователь, особый интерес к углублению знаний о функциях древних могил связан сейчас с появлением «пост-процессуальной» археологии, с ее новым взглядом на назначение символов и ритуалов. Вместо прежних упоминаний символических проявлений просто как пассивных величин, они рассматриваются теперь как факторы, активно участвующие в развитии общества. Заметно пересмотрена в настоящее время и общая роль религии в жизни человеческих коллективов древности и средневековья. «Задача современных археологов, – считает автор, – состоит в том, чтобы найти способ приблизиться к пониманию мыслей и чувств древних людей. “Пост-процессуализм” и сосредоточил свои усилия именно на таких вопросах, хотя, как это часто бывает, теоретические рассуждения не совсем совпадают с полевыми археологическими исследованиями» (Ibid.). Поэтому, видимо, нужно снова и снова обращаться к конкретному археологическому материалу – это наш главный «оселок» для проверки достоверности любых теоретических построений. Автор как раз и дает нам такую возможность. Скандинавские археологи давно обратили внимание на тот факт, что некоторые местные могильники древности, кроме выполнения своей основной функции (как места упокоения усопших), были еще и ритуальными центрами. Причем могильники этого типа были обнаружены вблизи земледельческих поселений и часто перекрывают культурные слои этих – более ранних по времени – поселений. Это позволяет предполагать, что культ предков был важным элементом в древнескандинавской религии.

Остров Рингеби стал использоваться для захоронения умерших с 1000 г. до н. э. Здесь же, среди могил (и в прямой связи с ними), отправлялся культ

предков и совершались жертвоприношения. Предки, чьи кости лежали в этой земле, должны были защищать живых и помогать им: способствовать развитию земледелия, охоты, рыболовства, а также узаконить право живых соплеменников на владение территорией острова.

Главным обрядом при захоронении была кремация тела умершего: сжигался и труп, и сопровождающий его инвентарь, а все, что оставалось после сожжения, помещалось в могиле. Разрушая тело (при кремации) и «запечатывая» оставшееся от этого в могиле, люди стремились всячески способствовать быстрейшему отделению души от тела покойного. Огонь и дым, возможно, ассоциировались с улетанием души на небо.

Здание для отправления сложных обрядов, связанных с культом предков, как уже отмечалось выше, находилось прямо на самом могильнике. Там же обнаружены и многочисленные каменные платформы для совершения обряда кремации.

Далее перейдем от бронзового века к неолиту той же Швеции; Александр Грамш в статье «Смерть и непрерывность» возвращается к идеям «обрядов перехода» Ван Геннепа и Гертца и пытается найти им подтверждение на материалах из длинных курганов эпохи неолита (Gramsch, 1995). Изучая длинные земляные курганы в Швеции (эпоха местного неолита), автор, к своему удивлению, обнаружил под ними «кучи мусора» – остатки более ранних поселений. Начав более тщательно анализировать эту ситуацию, он обнаружил точно такие же случаи (длинные курганы, возведенные на культурных слоях покинутых поселений) в Дании, Польше и Северной Германии. Какова же причина столь странной взаимосвязи? Для объяснения данного феномена А. Грамш использует идеи об «обряде перехода» Ван Геннепа и Гертца. Он считает, что суть всех этих действий связана с воссозданием единства и стабильности общины перед лицом смерти. Выделяются три этапа в усилиях коллектива: «отделение», «пороговое состояние» и «возрождение». Отделение состоит в строительстве деревянной ограды вокруг курганов или выкапывания рва-траншеи. Возрождение – это воздействие оплодотворяющих сил мертвых предков (культурный слой заброшенного селения) на землю и тем самым повышение ее плодородия.

Не отстают от скандинавов и англичане. Лукас Гэвин в статье «Смерть и дом: история тела в неолите и ранней бронзе Йоркшира» вновь ставит вопрос о реальной функции гробницы или могилы в древних обществах. В тот период в Англии жили пастухи-скотоводы и мотыжные земледельцы. Они обитали небольшими полукочевыми группами и хоронили своих умерших в коллективных гробницах (Gavin, 1996). Эти гробницы впущены в землю и построены из дерева. Их длина – от 2 до 20 м. Но важны даже не сама гробница, ее размеры и обустройство. Важна судьба трупа внутри гробницы.

Гробницы имеют трехчленное деление: вход с западной стороны, сама погребальная камера и восточный терминал (как бы «выход») с восточной стороны. В большинстве склепов трупы расчленены. Однако процессы разложения или расчленения тела умершего и манипуляции с ним проходили внутри самой гробницы. В некоторых случаях костей в склепе очень мало, а иногда встречаются и совсем пустые. Отмечены и скопления одних черепов в погребальной камере. Автор считает, что гробница функционировала не как место вечного упо-

коения усопших, а как «канал» («переход»), через который трупы проходили от состояния целого тела с плотью до расчлененного скопления костей. И, видимо, в какой-то момент останки некоторых индивидов вообще удалялись из гробницы. Для объяснения данной ситуации опять вспоминаются «обряды перехода». По мысли автора, мы имеем дело с переходным обрядом, превращающим плоть трупа в голые кости, т. е. мертвого человека в скелет – в предка, уже аморфного и далекого от мира живых, но очень нужного им для помощи в жизнеобеспечении и узаконивании прав соплеменников на землю и местные ресурсы.

И заканчиваю я этот короткий обзор ссылкой на работу американских археологов Л. Гэмбла, Ф. Уокера и Дж. Рассела «Интеграционный подход к погребальному анализу: социальные и символические параметры погребальных обрядов индейцев чумаш» (Gamble, Walker, Russell, 2001). Авторы применили на деле комплексный подход к изучению погребального обряда индейцев чумаш, живших в I–II тыс. н. э. на тихоокеанском побережье Калифорнии (США). Были задействованы этнографические, исторические и археологические источники, связанные с могильником Малибу. В этом индейском обществе бусы из морских раковин считались эквивалентом денег и мерилем богатства в целом. Изучая количество бус в могилах, ученые смогли выделить социальные иерархические группы внутри общества чумаш. Причем богатые могилы принадлежали как взрослым, так и детям мужского и женского пола. Пространственно они концентрировались на определенных ограниченных участках в центре и на юге кладбища. Богатые могилы более глубокие и просторные, чем рядовые, и содержат, помимо большого количества бус, украшения, культовые и бытовые предметы и, в особых случаях, самую большую ценность у чумаш – дощатые лодки.

Таким образом, несмотря на крах основных концепций «новой археологии», часть ее идей относительно погребального обряда («социальный подход») продолжает существовать и использоваться и в наши дни. «Пост-процессуализм» отверг многое из теоретического багажа своих предшественников и сделал акцент на идеологические, религиозные, символические аспекты похоронных ритуалов.

Что же полезного мы можем извлечь и, по возможности, использовать в своей практике интерпретации погребального обряда из опыта наших зарубежных коллег? Прежде всего, как показывает и наш и зарубежный опыт, при изучении погребального обряда (а тем более при его интерпретации) необходим *комплексный подход*, т. е. привлечение максимально полного набора источников. Далее, требуется корректное и постоянное применение этнографических аналогий. Весьма перспективен «ландшафтный подход»: «макро»- и «микро»-анализ расселения древнего человека с выявлением всех синхронных и диахронных археологических памятников – поселений, могильников, культовых мест, дорог и т. д.

Требуется внимания и проблема локализации могильников на местности и осмысление истинного назначения наземных погребальных сооружений (курганов, мегалитов, дольменов и т. д.) – их символизм и практический смысл.

Наконец, необходимо широкое внедрение методов антропологии в изучение погребального обряда (вопросы палеодемографии, палеопатологии, стрессов, пищевого рациона и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю. П.*, 1979. История теоретической мысли в американской этнографии. М.
- Гуляев В. И.*, 1981. Культ предков у древних майя // Ежегодник по религии и атеизму. М.
- Перишиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.*, 1968. История первобытного общества. М.
- Тэйлор Э.*, 1939. Первобытная культура. М.
- Фрэзер Дж.*, 1983. Золотая ветвь. М.
- Binford L.*, 1962. Archaeology as anthropology // *American Antiquity*. Vol. 28. № 1.
- Binford L.*, 1971. Mortuary practices: Their study and potential // Brown J. A. (ed.). *Approaches to the social dimensions of mortuary practices*. Salt Lake City.
- Binford L., Binford S.* (eds.), 1968. *New perspectives in archaeology*. New York.
- Chapman R., Randsborg K.*, 1981. Approaches to the archaeology of death // *The archaeology of death* / Ed. by R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg. Cambridge.
- Childe V. G.*, 1951. *Man makes himself*. New York.
- Dillehay T. D.* (ed.), 1995. *Tombs for living: Andean mortuary practices*. *Dumbarton Oaks*, Washington D. C.
- Frazer J. G.*, 1886. *The Golden Bough*. London.
- Gamble L. H., Walker Ph. L., Russell G. S.*, 2001. An integrative approach to mortuary analysis: social and symbolic dimensions of Chumash burial practices // *American Antiquity*. Vol. 66. № 2.
- Gramsch A.*, 1995. *Death and continuity* // *Journal of European Archaeology*. Vol. 3. № 1.
- Goldstein L.*, 1976. *Spatial structure and the social organization: regional manifestation of Mississippian society*: Ph. D. dissertation. Northwestern University.
- Hertz R.*, 1960. *Death and the right hand*. London.
- Hodder I.*, 1984. *The Symbolic Archaeology*. Cambridge.
- Kaliff A.*, 1996. Grave structures and altars: archaeological traces of Bronze Age eschatological conceptions // *European Journal of Archaeology*. Vol. 1. № 2.
- Pearson M. P.*, 2000. *The Archaeology of Death and Burial*. College Station, Texas.
- Saxe A.*, 1970. *Social dimensions of mortuary practices*: Ph. D. dissertation. University of Michigan, Ann Arbor.
- Taylor E.*, 1871. *The Primitive Culture*. London.
- Tainter J. A.*, 1978. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Schiffer M. B. (ed.). *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 1. New York.
- Van Gennep A.*, 1960. *The Rites of Passage*. Chicago.

Е. В. Лагуткина

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В АРХЕОЛОГИИ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология анализа погребальных памятников и изучения погребального обряда в археологической науке находится в стадии становления. Особенно актуальным при этом становится выбор необходимых теоретических подходов и методов исследования древних захоронений. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы погребальной археологии и способы их решения на материалах древнерусских погребальных памятников.

В современных исследованиях методика работы часто определяется характером и размером выборки, которую нужно проанализировать. Большую роль при этом играет историографическая традиция в изучении погребального обряда населения той или иной археологической культуры, эпохи, региона. Вторым важным фактором – это общий уровень и перечень методических приемов, популярных и используемых в определенный период развития археологической науки для различения форм погребений и обряда.

При этом почти независимо от того, что изучает автор – группу погребений, могильник, или сотни погребальных памятников – основными задачами, которые ставит перед собой исследователь, являются выделение типов (вариантов) погребальной обрядности и их интерпретация. Необходимыми условиями на пути решения данных задач становится определение структуры погребального памятника и обряда, а также выбор достаточных приемов исследования данного вида массовых источников.

В табл. 1 представлены определения разными авторами понятий «погребение» и «погребальный обряд», а также понимание ими структуры этих явлений. Это работы Ю. А. Смирнова (1991), В. Ф. Генинга, Е. П. Бунятян, С. Ж. Пустовалова, Н. А. Рычкова (Формализованно-статистические методы... 1990), В. С. Ольховского (1986; 1993), И. Л. Кызласова (1993), В. И. Мельника (1993), В. И. Гуляева (1993; 1995) и др. Дефиниции не всегда однозначны, поскольку авторы обращали внимание на разные элементы явлений. Однако именно исследователи погребальных памятников большое значение придавали созданию единой системы понятий и терминов, связанных с погребальной практикой. На первых этапах выявление структуры погребального обряда проходило на основании фактического отождествления этапов погребального обряда и элементов погребального памятника. Это, естественно, делало ее неполной, т. к. не все действия погребального обряда находят материальное воплощение. Тем самым исследователи подошли к необходимости изучения обряда (технологии) и морфологии погребения как самостоятельных подсистем (Леонова, Смирнов, 1977). А это есть не что иное, как использование системного подхода к исследованию погребального памятника.

Унификация терминологического аппарата в погребальной археологии продолжается. Пока значительная часть специалистов-археологов не станет принимать результаты «чужого» труда в сфере археологического науковедения, понимание между ними не будет достигнуто. Особенно отметим, что единый понятийно-терминологический аппарат – необходимый шаг при структурном анализе погребальных памятников, разработке теоретических моделей погребальных комплексов и погребальной обрядности в целом.

В 1960–1990-х гг. появились особенно значимые исследования по применению математических методов к изучению погребальных памятников. Это работы И. С. Каменецкого (1983), Г. Ф. Никитиной (1985), М. В. Андреевой, Е. И. Савченко, В. С. Ольховского, О. А. Ульяновой (1995) и др. (см. табл. 2). Главное преимущество, которое дало применение формализованно-статистического подхода, это возможность выразить в конкретных сравнимых величинах (признаках) различные данные о погребальных памятниках, установить стати-

стически связь явлений, измерить силу этой связи, сравнить и оценить величину сходства памятников, произвести группировку объектов и признаков. Информационно-поисковые системы (ИПС) явились важным шагом на пути создания программ описания и баз данных погребальных памятников.

Формализованно-статистические методы далеко не исчерпали своих возможностей. Они точны, а получаемые выводы проверяемы, вне зависимости от исходных данных. Однако использования только формализованно-статистического подхода недостаточно. На стадии обработки признаков (элементов) погребений данный подход является действенным, причины недостоверности и противоречивости выводов следует искать на стадии первичного анализа и критики источника, т. е. при выделении структуры и признаков погребения.

Таким образом, одна из очевидных методических проблем в исследовании погребальных памятников – определение и организация признакового пространства.

Анализ работ, касающихся разных аспектов изучения погребальных памятников, например древнерусской погребальной обрядности, может указать нам целый ряд вопросов частного характера, которые отражают в свою очередь и общетеоретические проблемы погребальной археологии в целом.

Похоронная обрядность населения Древней Руси исследована достаточно хорошо, имеются научные обобщения по хронологии погребальных памятников, их этническому своеобразию, соотношению в обряде различных религиозных традиций (Седов, 1982; 2005 и др.). Однако важные методические вопросы остаются неясными.

1. При изучении эволюции древнерусской обрядности четко не обозначено, что же является определяющим в форме (типе) погребального обряда (сооружение, состояние умершего, инвентарь или сочетание признаков). Единых признаков для определения формы погребальной обрядности не выделено, а это затрудняет включение новых комплексов в общую систему эволюции древнерусских погребальных памятников.

2. Многочисленные классификации погребений на одном древнерусском некрополе, в отдельном регионе Руси и др., предлагаемые авторами, неоднородны по своим основаниям. Группировку в классы (типы, группы) производят, минуя стадию четкого формулирования и отбора признаков, признаки перечисляются уже в пределах классов, при их описании.

3. Так как анализу подвергаются разные по полноте описания материалы раскопок погребений, то и получаемые выводы о формах (классах) погребений напрямую зависят от информационной насыщенности и документированности погребальных памятников.

4. ИПС и другие системы описания погребальных памятников являются в основном адресно-ориентированными системами. Набор признаков берется из традиционных археологических отчетов и публикаций материалов погребений, вследствие чего используются и массовые, и единичные признаки. Этап определения и ранжирования признаков часто не проводится. При этом главным требованием к программам описания является возможность их применения независимо от специфичности исходных данных.

5. Все операции с выделенными признаками погребений отвечают поставленным авторами целям, при этом отбор признаков и их оценка ведутся интуитивно, тогда как раскрытие информативных возможностей тех или иных признаков и их сочетаний должно являться результатом исследования, а не изначально заданным исследователем содержанием (значением) признака.

6. Выделенные статистические группы погребений интерпретируются в одном из четырех аспектов: социальном (в том числе половозрастном), этнокультурном, хронологическом или религиозно-культурном. При этом подобная интерпретация зачастую не сопровождается достаточным обоснованием, построенным на оценке и отборе археологических признаков, и анализе других типов источников.

Перечисленные выше теоретические и методические вопросы подчеркивают необходимость решения наиболее значимой и актуальной проблемы погребальной археологии – выработки и принятия единой концепции анализа и интерпретации погребальных памятников (Ольховский, 1993), возможно, в рамках особого научного направления – тафологии (Смирнов, 1985). Требуется создание единой программы описания и изучения (подходы и методы) погребальных памятников для проведения взаимной корреляции получаемых результатов, их интерпретации, реконструкции на современном научном уровне погребальной обрядности древних народов, ставших предметом археологического изучения.

Именно с таких позиций на базе Института археологии РАН проводились дискуссия «Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация» (см: Гуляев, 1993; 1995), круглый стол «Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» (1999) и конференция «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии» (2005).

Предлагаемый в статье опыт исследования погребальных памятников демонстрирует результаты применения новых подходов и методов на этапе описания и анализа источника (информационный аспект) и в меньшей степени – его интерпретации (гносеологический аспект).

Возможным перспективным направлением исследования древних захоронений может быть разделение информации о погребальных памятниках на разные уровни и подсистемы, т. е. применение информационного и системного подходов.

В таком случае формы (классы) погребений, определяемые сочетанием признаков самого высокого (первого) уровня, – а именно конструктивных элементов, которые фиксируют все археологи во время раскопок памятников и которые являются необходимой основой «объективной реконструкции погребального комплекса» (Гуляев, Ольховский, 1999. С. 14), – представляются нам более достоверными и отражающими действительную погребальную практику. Они же определяют «идеальную модель погребения – погребальный эталон и отклонения от него» (Там же. С. 15), т. е. позволяют исследовать эволюцию форм погребального обряда, развитие и изменение традиционного для всего общества (этнокультурной группы) ритуала – нормы совершения захоронения. При по-

следующем, более детальном описании элементов погребения (второй, третий и другие уровни) различные их сочетания дают информацию об особенностях каждого или группы погребений, которые отражают этнические, социальные или индивидуальные причины совершения такого рода захоронений.

Результаты применения системного и информационного подходов к изучению древнерусских погребальных памятников Тверского Поволжья были подробно изложены автором в кандидатской диссертации (Скукина (Лагуткина), 1997а) и серии публикаций.

Суть системного подхода заключается в понимании любого древнего явления (предмета, памятника) как сложной системы, состоящей из нескольких подсистем, при этом каждая из частей (подсистем) отражает целое, но может изучаться и как самостоятельное явление. Сочетание элементов подсистемы в отдельный момент или отрезок времени характеризует отдельный регион или культуру (Щапова, 1988).

Системный подход в изучении погребального памятника позволил выделить внутри него две подсистемы: погребальный комплекс и погребальный обряд. При этом под погребальным комплексом понимаются материальные остатки: форма, строение и взаимное расположение элементов погребения. Погребальный обряд – набор ритуальных действий по захоронению умершего, включающий «практическую и идеологическую сферы обрядности» (Гуляев, Ольховский, 1999. С. 14). Как справедливо отмечалось, погребальный обряд является предметом междисциплинарного исследования и не может быть полно реконструирован только в рамках традиционной археологии.

Как самостоятельная подсистема рассматривался именно погребальный комплекс, была выделена его структура, составлена программа описания и проведена классификация.

Программа описания археологического объекта и его структуры предполагает составление информационно насыщенного списка признаков и их значений. То есть набор признаков для исследования должен быть полным и достаточным. Информационный подход обеспечивает решение этой задачи. Его суть заключается в утверждении, что полнота списка и возможное разнообразие значений признаков, характерных для отдельного предмета и характеризующих все предметы совокупно, достигается ранее, чем все их возможные сочетания попадут в поле зрения исследователя (Щапова, 1989; 2000). С использованием информационного подхода признаки, характеризующие древние погребения, были объединены в группы (факторы) – системы коррелятивных связей, описывающие структурные части погребального комплекса, которые в свою очередь составляют отдельные блоки качественно однородной информации (т. е. проведена систематизация признаков).

Погребальный комплекс включает в себя движимые (останки, гроб, вещи) и недвижимые элементы (сооружения – насыпь, ограждение, постройку, площадку, яму.) Их сочетания дают три типа конструкции погребального комплекса. В качестве наблюдения было отмечено возможное одинаковое использование погребальных комплексов одинаковой конструкции, т. е. прослежена связь функции и морфологии комплексов. В данном случае погребальные комплексы

понимаются как формы обращения с умершим, тогда типы погребальных комплексов по конструкции отражают три способа их использования.

1) Погребальные комплексы, характеризующиеся только движимыми элементами, исключают погребальное сооружение. Такие комплексы не фиксируются археологически, поскольку останки человека часто не сохраняются. В этнологических исследованиях известны подобные формы обращения с умершим – например, выставление (Зеленин, 1991) и др.

2) Только недвижимые элементы, когда останки человека отсутствуют, характеризуют погребальные комплексы как символические погребально-поминальные, ритуальные памятники. Погребальные комплексы этой группы традиционно называют кенотафами (гр. *kenos* – пустой, *tafos* – мертвый: погребальный памятник без останков погребенного). Кенотафы как археологический источник – отдельная большая тема и требуют самостоятельного рассмотрения.

3) Погребальные комплексы для захоронения умершего (погребение как способ сокрытия человеческих останков) сочетают в себе движимые и недвижимые элементы. Именно с этой группой погребальных комплексов мы в основном имеем дело в археологической практике. Определяющим признаком погребального комплекса как археологического объекта являются останки погребенного – его главный элемент.

Установление конструктивных элементов, из которых состоит погребальный комплекс, – первый этап составления нормированной системы описания и матричной классификации погребальных памятников по конструктивным элементам. Каждый конструктивный элемент погребального комплекса может выступать в качестве признака, набор конструктивных элементов определяет класс объекта (Щапова, 1988. С. 37).

Матричная классификация предполагает объединение на одном уровне понятий одинакового содержания в виде открытого списка. В такую классификацию можно вводить дополнительные уровни, что характеризует гибкость системы (Там же. С. 33). Число классов (комбинаций) недвижимых элементов погребального комплекса рассчитано по формуле $2^n - 1$, а число классов движимых элементов по формуле 2^{n-1} , где n – число конструктивных элементов. На основе сочетания классов движимых и недвижимых элементов получены 248 классов погребального комплекса – математическая модель, которая характеризует археологические погребения (табл. 3).

При использовании системного и информационного подходов важно, чтобы они имели очевидное прикладное значение, с одной стороны, и возможность применения по отношению к разным типам погребальных памятников – с другой. Первые опыты использования данной методики показывают ее эффективность и определяют возможности для дальнейших исследований.

На примере региона Тверского Поволжья было произведено отождествление погребальных памятников X–XII вв. с рассчитанными классами (Скукина, 1997а). 790 погребений из 620 раскопанных курганов Верхней Волги принадлежат 32 классам. Наиболее характерны 5 классов, но классов, общих для всей территории Тверского Поволжья, нет. Выделяются 26 классов погребальных комплексов, которые характерны для отдельных районов Тверского Поволжья.

Все они попадают в 3 основные области (группы) распределения классов погребальных комплексов. Первая группа – погребения в насыпи останков с вещами и без них и/или с ритуальными остатками, в гробу или без него (классы 41–48); вторая группа – захоронения под насыпью на погребальных площадках с различными сочетаниями движимых элементов (классы 129–136); третья группа – захоронения под насыпью в ямах с различными сочетаниями движимых элементов (классы 137–144).

Эти группы погребений являются типичными и описывают как раз те формы погребальной обрядности древнерусского населения, которые археологи традиционно представляют как эволюцию погребальных памятников X–XIII вв. (курганные захоронения на материке, в насыпи и в ямах). Однако на деле эволюция древнерусских погребальных памятников оказывается более сложным явлением, чем основная, магистральная линия их развития, представленная этими группами классов.

В результате сравнительного анализа погребальных комплексов были выделены частные и особенные (по тенденции) классы отдельных районов Тверского Поволжья – это в основном захоронения на погребальных площадках с постройками в насыпях (классы 207, 203, 123) и грунтовые погребения (класс 89).

Таким образом, разнообразие форм древнерусских погребений на Верхней Волге, о котором в качестве наблюдений писали Т. Н. Никольская (1947) и Ю. М. Лесман (1977), проявляется уже на уровне конструкции погребений, что действительно может быть оценено как очень существенное отклонение от общих норм совершения погребального обряда. В большинстве случаев это отклонение определяется изменением набора недвижимых элементов погребения, т. е. оформлением погребального сооружения.

Некоторые особенности верхневолжских курганов выделяются по еще более дробным признакам. Так, например, Ю. М. Лесман описывал встречающийся обряд погребения умершего в сидячем положении, а также обряд погребения под высокими (до 5 м) курганными насыпями на материке, реже в насыпи или яме, при этом умершего оборачивали берестой (Лесман, 1977). Таких особых проявлений вариантности обряда захоронения можно выделить множество даже на одном кладбище: например, 8 типов погребального обряда в Избрижском некрополе (Скукина, 1997б). Однако будут ли они показывать общее направление эволюции погребальных памятников Древней Руси? В каком отношении к общей тенденции эволюции древнерусского погребального обряда находятся данные редкие классы?

Применение к археологии методических подходов систематики – теории упорядочивания и описания всей совокупности объектов, образующих некоторую сферу реальности (Любищев, 1985; Бреховский, Прасолов, Солинов, 1995), – позволило увидеть, что в эволюции материальных остатков жизнедеятельности людей (вещей, сооружений и др.) принимает участие не отдельная вещь, а группа сходных вещей – объектов. В нашем случае погребальные комплексы, которые составляют традицию, самые многочисленные – это 57% (450 погребений), однако они представляют всего 5 конструктивных классов – 15,6% от общего количества классов погребальных комплексов Тверского Поволжья. На-

оборот, 15 конструктивных классов являются частными и характеризуют погребальные комплексы X–XII вв. отдельных районов Тверского Поволжья, другие 12 встречаются в памятниках по одному разу. От общего числа погребальных комплексов Тверского Поволжья они составляют 7,5% (59 погребений). Эта наименьшая по численности группа погребений как раз фиксирует изменения и развитие элементов погребальной практики, а значит и изменения самого общества. Таким образом, появление редких классов в эволюции погребальных памятников – процесс закономерный. Редкие классы (особые формы погребений) не противоречат общему процессу эволюции погребальных комплексов конкретного общества, а дополняют его, отражают моменты поиска новых форм, необходимых для проявления специфики отдельных регионов, этнических и социальных групп и т. д. (Лагуткина, 2003).

Программа описания погребальных комплексов была положена в основу базы данных «Погребальные памятники Тверского Поволжья X–XII вв.» (Скукина, 1997а). Описание 790 погребений проводилось по 9 конструктивным элементам. По их наличию и отсутствию были определены классы погребальных комплексов Тверского Поволжья. Для каждого элемента описывались признаки: форма, метрика, место расположения, вид, материал, сохранность. Для всех 70 морфологических признаков второго информационного уровня просчитаны абсолютные (количество) и относительные (%) показатели по каждому памятнику и по отдельным районам Тверской обл., проведен сравнительный анализ погребений (Там же).

Изучение погребальных памятников как массового источника предполагает использование на данном этапе математического аппарата, а именно формализованно-статистического подхода. Это определило следующие действия: разрушение целостного представления о погребении и представление данного объекта через списки признаков. Полный список признаков, характеризующих конкретную совокупность изучаемых объектов, позволяет установить полный набор всех возможных, конкретных и вероятных связей. В результате создается новое знание о генеральной совокупности, более полное, но менее конкретное (Щапова, 1988. С. 59).

Степень сходства исследованных памятников Тверского Поволжья по выделенным морфологическим признакам – 21%. Кроме общих признаков погребальных комплексов Тверского Поволжья, которыми являются сегментовидная форма насыпи, одиночное индивидуальное захоронение и труположение, выделены частные (индивидуальные) и локальные (особенные) признаки погребальных комплексов в ряде районов Тверского Поволжья. Это погребальные сооружения в виде заливки (яма и насыпь) в Калининском р-не; остатки коня – в Осташковском р-не; каменная обкладка насыпи (ограждение) – в памятниках Селижаровского и Осташковского р-нов; погребения на материке – горизонте (площадка) – в Ржевском, Осташковском и Старицком р-нах; погребения на подсыпке (площадка) – в курганах Калининского и Зубцовского р-нов; трупосожжение – в Ржевском и Осташковском р-нах; остатки гробовища – в Калининском и Селижаровском р-нах; ритуальные остатки в насыпи – в Селижаровском р-не; оружие характерно для погребальных комплексов Осташковского и Кимрского р-нов; торговый инвентарь – для Калининского и Осташковского р-нов; украше-

ния рук (перстни, браслеты) и костюма (привески и цепочки) – для памятников Кимрского, Осташковского и Селижаровского р-нов, и др.

Таким образом, анализ и группировка признаков второго уровня позволили с еще большей уверенностью утверждать, что погребальные комплексы весьма разнообразны, а обряд погребения древнерусского населения Тверского Поволжья неоднороден. Признаки второго, более детального уровня описания элементов погребения (вид элемента) дают информацию об особенностях некоторых групп погребений, которые отражают этнические, социальные, религиозные или другие объективные причины совершения такого рода захоронений.

Из всех перечисленных этапов анализа погребальных памятников наиболее сложным является интерпретация полученных результатов.

Ясно, что интерпретация требует не только специальных знаний в ряде гуманитарных дисциплин (от языкознания и логики до этнологии и философии), но и специальной методики сопряжения разных источников (Гуляев, Ольховский, 1999). Опыты в данной области выявили как различия, так и общие подходы, а именно необходимость принципиальной оценки возможной интерпретации и разработки ее процедуры. Первые шаги в данном направлении уже сделаны, а достигнутые результаты можно считать перспективными.

При условии надлежащей разработки программы описания и классификации погребальных комплексов реконструкции и интерпретации древних захоронений представляются более достоверными. Тематика данной статьи позволяет лишь вкратце остановиться на отдельных примерах подобных интерпретаций.

Редкие конструктивные классы погребальных комплексов и особенные морфологические признаки погребений X–XII вв. в отдельных районах Тверского Поволжья, как выяснилось, были связаны с влиянием различных этнических компонентов на сложение похоронных традиций древнерусского населения региона (Лагуткина, 1998). Погребения с элементами балтского погребального обряда концентрируются в основном в Кимрском, Ржевском и Осташковском р-нах. Там же отмечены и устойчивые финские традиции в оформлении погребального сооружения и ориентации умерших. На остальной территории Тверского Поволжья сохраняются только отдельные финские и балтские вещи в составе погребального инвентаря древнерусских курганов. Древнерусские курганы свидетельствуют о господстве здесь славянского этноса. Особенности погребальных памятников X–XII вв. в Осташковском, Ржевском и Кимрском р-нах еще требуют дальнейшей расшифровки, которая осложняется слабой изученностью собственно финно-угорских и балтских памятников. Однако картографирование памятников предшествующей славянам дьяковской культуры, сформировавшейся как смешанный финно-балтский этнос, показало, что Осташковский, Ржевский и Кимрский р-ны располагаются в центре отдельных групп памятников раннего железного века, и в этих районах фиксируется их наибольшая концентрация. Возможно, именно в этих районах финские и балтские компоненты населения были наиболее значительными и длительное время являлись преобладающими. Подтверждение этому мы находим при рассмотрении регионов концентрации длинных курганов – памятников периода ранней славянской колонизации Тверского Верхневолжья. В Ржевском, Кимрском и Осташковском р-нах количество длинных курганов меньше, чем в других.

Таким образом, одним из возможных объяснений своеобразия погребальных памятников X–XII вв. в Осташковском, Ржевском и Кимрском р-нах может быть более позднее массовое расселение в этих районах славянских племен (не исключая раннего проникновения малочисленных групп, например в Волговерховье) и длительное сохранение там финно-угорских и балтских культурных традиций (Лагуткина, 1998).

Опыт исследования признаков третьего информационного уровня в отдельно взятой выборке позволил определить особенности погребального обряда, которые определялись конкретной демографической ситуацией. Антропологический анализ погребенных Избрижского некрополя дал возможность выделить семейные (взрослые с детьми) и супружеские курганы. Погребения в таких курганах часто одновременны и разделяются на основные и дополнительные. При этом установлено, что абсолютно преобладают индивидуальные захоронения как взрослых, так и детей. Одновременные семейные и супружеские погребения, не соответствующие норме, производились только в случаях одновременной смерти с родителями или кровными родственниками. Специальной обрядности для совместных захоронений не было, и погребенных хоронили традиционно, сопровождая инвентарем, характерным для каждого пола (Скукина, 1996).

Методики антропологического анализа и палеодемографических реконструкций обеспечили эффективность социологической интерпретации погребальных памятников.

Сравнительно-статистический и антропологический анализы мужских захоронений X–XII вв. на Верхней Волге позволили выделить погребения молодых воинов, погребения богатых и знатных общинников среднего и зрелого возраста, погребения рядовых общинников среднего и старшего возраста. В каждой из групп погребений определены черты обряда, которые отражают принадлежность погребенного индивида к конкретной общественной группе. Видимо, в X–XII вв. в среде тверских кривичей еще сохраняется строгость следования архаическим традициям (институт возрастных классов) и появляется социально-имущественное деление общества, что, в общем, характерно для развития всех племен периода сложения государства (Лагуткина, 2000).

Рассмотренные примеры иллюстрируют направления интерпретации, достаточно типичные для современной погребальной археологии. Главное, на что следует обращать внимание, – это определение (систематизация), оценка (какого уровня информации выбранный признак), отбор признаков погребения для конкретного типа интерпретации.

В заключение еще раз отметим перспективность использования в качестве методологической основы источниковедческого анализа погребальных памятников информационного и системного подходов. Они дают саму возможность рассматривать погребальные памятники как систему, развивающуюся в широком историко-культурном плане, и исследовать отдельные ее части, элементы, признаки. Они позволяют, постигая закономерности развития погребального обряда одной эпохи или региона, находить элементы этих закономерностей у других народов в других регионах и в другие эпохи. Информационный подход предлагает

такую систему выделения и описания признаков, которая позволит обрабатывать постоянно увеличивающийся материал погребальных памятников по единой методике. Проведенное на основе данных подходов исследование реально демонстрирует варианты решений сложных задач комплексного изучения погребальных памятников – одного из основных видов археологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. В., Ольховский В. С., Савченко Е. И., Ульянова О. А., 1995. Проект ИПС по погребальному обряду TUMULUS. М. (Рукопись.)
- Бреховских С. М., Прасолов А. П., Солинов В. Ф., 1995. Функциональная компьютерная систематика материалов, машин, изделий и технологий. М.
- Бунятян Е. П., Генинг В. Ф., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (погребальные памятники). Киев.
- Гуляев В. И., 1993. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // РА. № 1.
- Гуляев В. И., 1995. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию). Ч. II // РА. № 2.
- Гуляев В. И., Ольховский В. С., 1999. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.
- Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Каменецкий И. С., 1983. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М.
- Кызласов И. Л., 1993. Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. № 1.
- Лагуткина Е. В., 2000. Мужские погребения X–XII вв. Избрижского некрополя // Из архива тверских историков. Вып. 2. Тверь.
- Лагуткина Е. В., 2003. Проблема эволюции погребальных памятников Тверского Поволжья в X–XIII веках // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Вып. 5. Тверь.
- Лагуткина Е. В., 1998. Этнические процессы на Верхней Волге в X–XII вв. по данным погребальных памятников // Славянский мир: проблемы изучения. Тверь.
- Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А., 1977. Погребение как объект формального анализа // КСИА. Вып. 148.
- Лесман Ю. М., 1977. Древнерусские курганы Верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок) // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.
- Любищев А. А., 1985. Проблемы формы систематики и эволюция организмов. М.
- Мельник В. И., 1993. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. № 1.
- Никитина Г. Ф., 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.
- Никольская Т. Н., 1947. Курганы Верхней Волги XI–XIII вв. // Архив ИА. Р-2. № 732.
- Ольховский В. С., 1993. Погребальная обрядность: содержание и структура // РА. № 1.
- Ольховский В. С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.
- Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. (Археология СССР)
- Седов В. В., 2005. Славяне. Древнерусская народность: Избранные труды. М.
- Скукина Е. В., 1996. К изучению демографии древнерусского населения Тверского Поволжья // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб.
- Скукина Е. В., 1997а. Погребальные памятники Тверского Поволжья X–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Скукина (Лагуткина) Е. В., 1997б. Археолого-статистические типы погребального обряда Избрижского некрополя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.
- Смирнов Ю. А., 1985. Тафология: попытка системного анализа // Человек и его природное окружение в древности и средневековье: Мат. совещ. (25–26 января 1983 г.). М.
- Смирнов Ю. А., 1991. Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.
- Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М., 2005.
- Щапова Ю. Л., 1988. Естественно-научные методы в археологии. М.
- Щапова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.
- Щапова Ю. Л., 2000. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М.

Таблица 1. Определение и структура исследуемого объекта

	Смирнов Ю. А.	Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.	Ольховский В. С.	Кызласов И. Л.	Мельник В. И.
Дефиниции «обряда»	Действия по материально-ритуальному вычленению умерших	Традиционные рациональные и иррациональные действия, связанные с захоронением умерших	Совокупность стереотипно-символических действий, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего	Намеренные обрядово-осознанные действия по удалению умершего ради его сохранения в коллективе	Живые действия
Дефиниции «памятника»	Результат проведения ритуала по отношению к умершему со стороны живых	Совокупность остатков, в которых материализовался погребальный обряд	Многокомпонентная система элементов, являющаяся результатом совершения погребальных действий	Формы прямого использования центров перерождения, их воспроизведение или производная форма	Опредмеченные действия, традиционно-бытовой объект
Структура обряда	Предваряющие и завершающие действия 15 ритуальных действий – этапов погребального обряда	Древовидная структура: 1 уровень (фазы – конструкция кургана, тризна, погребение); 2 уровень (действия – конструкция погребения, предметы, кости животных, культ огня, ложе)	Идеологическая сфера, практическая сфера		3 типа действий: пространственно-временные, временные, пространственные

Таблица 1 (окончание)

Структура памятника	4 элемента: 1) сооружение, 2) останки, 3) инвентарь, 4) дополнительная структура	4 элемента: 1) сооружение, 2) останки, 3) инвентарь, 4) ложе и остатки ритуальных действий	7 элементов: 1) погребальное сооружение, 2) останки погребенного, 3) погребальный инвентарь, 4) надгробное сооружение и следы ритуальных действий, 5) подкурганное сооружение, 6) внекурганное сооружение, 7) метаструктура комплекса	5 элементов: 1) сооружение, 2) погребенный, 3) погребальное имущество, 4) сопуствия, 5) спателлиты
Классификация обряда	Модель форм обращения с умершим и их сочетаний. Основание классификации – дихотомия: трупоничтожение и трупосохранение, погребение – выставление		Классификация действий, связанных с погребальной практикой. Основание – отношение к ментальной и физической деятельности человека	«Древо» форм погребальной обрядности. Основание – дихотомия: форма осознания, центры перерождения – конкретные погребения

Таблица 2. Формализованно-статистическая обработка данных погребальных памятников

	Каменецкий И. С.	Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.	Никитина Г. Ф.	Андреева М. В., Савченко Е. И., Ольховский В. С., Ульянова О. А.
Признаки (количество)	91 признак	Признак – вид отдельного действия погребального обряда, количество признаков зависит от конкретных эмпирических данных	227 признаков признак географического распределения	1500 признаков
Группы (классы) признаков	28 категорий – признак – варианты признака	Совокупность признаков – отдельное действие. Категория совокупностей – комплекс действий, связанных с одним объектом	Категории (25–27) совокупности признаки	34 таблицы, 6 ярусов – уровней пространства погребения

Таблица 2 (окончание)				
Система описания и методы обработки	Код – система описания обряда погребения, признаки неоднозначные	Сравнительный анализ, группировка признаков – всеобщие, локальные, частные признаки; социальный, этнический, половозрастной анализ, выделение типов погребений. Упорядочивание признаков путем именования	Выделение типобразующих, определяющих и общекультурных признаков; многомерный статистический анализ; типы погребений и варианты погребального обряда. Иерархическая система признаков	ИПС по погребальным памятникам степной зоны Восточной Европы. Адресный формализованный код описания

Таблица 3. Классификация погребальных комплексов

	Классы движимых элементов	1	2	3	4	5	6	7	8
		О	О+Г	О+В	О+Ост	О+Г+В	О+Г+Ост	О+В+Ост	О+Г В+Ост
1	Н	1	2	3	4	5	6	7	8
2	Ог	9	10	11	12	13	14	15	16
3	П	17	18	19	20	21	22	23	24
4	Пл	25	26	27	28	29	30	31	32
5	Я	33	34	35	36	37	38	39	40
6	Н+Ог	41	42	43	44	45	46	47	48
7	Н+П	49	50	51	52	53	54	55	56
8	Н+Пл	57	58	59	60	61	62	63	64
9	Н+Я	65	66	67	68	69	70	71	72
10	Ог+П	73	74	75	76	77	78	79	80
11	Ог+Пл	81	82	83	84	85	86	87	88
12	Ог+Я	89	90	91	92	93	94	95	96
13	П+Пл	97	98	99	100	101	102	103	104
14	П+Я	105	106	107	108	109	110	111	112
15	Пл+Я	113	114	115	116	117	118	119	120
16	Н+Ог+П	121	122	123	124	125	126	127	128
17	Н+Ог+Пл	129	130	131	132	133	134	135	136
18	Н+Ог+Я	137	138	139	140	141	142	143	144
19	Н+П+Пл	145	146	147	148	149	150	151	152
20	Н+П+Я	153	154	155	156	157	158	159	160
21	Н+Пл+Я	161	162	163	164	165	166	167	168
22	Ог+П+Пл	169	170	171	172	173	174	175	176
23	Ог+П+Я	177	178	179	180	181	182	183	184
24	Ог+Пл+Я	185	186	187	188	189	190	191	192
25	П+Пл+Я	193	194	195	196	197	198	199	200
26	Н+Ог+П+Пл	201	202	203	204	205	206	207	208
27	Н+Ог+П+Я	209	210	211	212	213	214	215	216
28	Н+Ог+Пл+Я	217	218	219	220	221	222	223	224
29	Н+П+Пл+Я	225	226	227	228	229	230	231	232
30	Ог+П+Пл+Я	233	234	235	236	237	238	239	240
31	Н+Ог+П+Пл+Я	241	242	243	244	245	246	247	248

1–248 – классы погребальных комплексов

Н – насыпь, Ог – ограждение, П – постройка, Пл – площадка, Я – яма, О – останки, Г – гроб, В – вещи, Ост – ритуальные остатки.

М. Ф. Косарев

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ (ПО СИБИРСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Разработке путей и способов проникновения в мировоззренческие смыслы древних погребальных обрядов до сих пор не уделяется достаточного внимания. Археологов в последние десятилетия больше волнуют вопросы, связанные с типолого-хронологической классификацией, формализацией, локализацией, корреляцией и систематизацией погребальных признаков, т. е. не столько интерпретационная, сколько источниковедческая сторона проблемы. Поэтому смысловое содержание древних обрядовых проявлений во многом продолжает оставаться «вещью в себе», что весьма затрудняет понимание сущностных моментов древних миропредставлений, равно как и древней духовной культуры в целом.

Семантика древней погребальной обрядности, и прежде всего ее мировоззренческая основа, не могут быть по-настоящему поняты вне обращения к этнографии, или, другими словами, вне *палеоэтнографического (этноархеологического)* подхода, в котором, если осмысливать его во всей широте, выделяются три главных ракурса: социальный, экономический и мировоззренческий.

Социальный ракурс палеоэтнографического подхода тесно переплетен с *экономическим*, и они в купе обычно воспринимаются как сопрягающиеся звенья единой причинно-следственной цепи, где особенности социальной структуры в значительной мере определяются характером экономики, а последняя, в свою очередь, во многом зависит от условий окружающей природной среды. Отсюда, обращение археолога к этнографии при изучении древних экономических и социальных состояний наиболее оправдано тогда, когда сопоставляемые археологические и этнографические явления имеют *сходную экологическую обусловленность*.

Вместе с тем экологический фактор этнографического моделирования в археологии, обязательный в палеоэкономических и палеосоциальных реконструкциях, при исследовании древних и традиционных мировоззренческих комплексов выглядит не столь значимым и как бы отодвигается на второй план. На первое место выступает иной методологический инструментарий, учитывающий прежде всего архетипическую заданность основ языческого миропонимания и непреходящее стремление носителей традиционных культур следовать обычаям и заветам предков.

Умение находить и объективно оценивать археолого-этнографические параллели при рассмотрении тех или иных явлений «ископаемой действительности» – одно из основных условий выхода на исторический уровень археологического исследования. Приоритетным исследовательским полем здесь должно оставаться единое археолого-этнографическое пространство с традиционной направленностью этнокультурного развития – от древних времен до этнографической современности, что с достаточной полнотой и выраженностью мы на-

блюдаем в азиатской части России, коренные народы которой до сравнительно недавних пор продолжали оставаться на разных уровнях первобытности.

Опыт предшествующей исследовательской практики свидетельствует о том, что палеоэтнографический подход нередко выливается в формальное проецирование этнографии на археологию. Наиболее часто это наблюдается в исследованиях, касающихся мировоззренческой трактовки тех или иных элементов древней погребальной обрядности, где особенно трудно «играть по правилам», тем более что сколько-нибудь четко сформулированных «правил игры» мы не имеем, да это и вряд ли возможно. Поэтому, хотим мы этого или не хотим, нам здесь приходится руководствоваться одним самым общим и, на мой взгляд, самым верным научно-методологическим принципом: археолог, использующий палеоэтнографический подход в историко-археологическом исследовании, *обязан* знать этнографию на уровне этнографа-профессионала.

При рассмотрении мировоззренческих аспектов древней погребальной обрядности необходимо учитывать, что традиционный могильный комплекс является собой самую зримую и, пожалуй, самую содержательную модель Мироздания: подземная часть могилы (могильная яма и ее содержимое) ассоциируется в основном с Нижним миром, надземная (погребальный домик, надмогильное дерево, курган или какой-либо другой возвышающийся над поверхностью знак) демонстрирует связь с верхней (небесной) сферой. Случаи грунтового захоронения (без надмогильного сооружения), возложение покойника на дерево (и вообще на высоту) и другие отклонения от «нормы», известные у ряда сибирских народов, говорят, видимо, о наличии ритуалов, способствующих акцентированному приобщению «души» покойника (одной из «душ»?) к какой-либо определенной ступени Мироздания – в зависимости от возраста, образа жизни, социального положения, обстоятельств смерти и проч.

Следует также иметь в виду, что в традиционной погребальной обрядности закодированы по существу все главные составляющие языческого миропонимания: представления о душе, о структуре Мироздания, о жизненном круговороте, о добре и зле, о пространстве-времени и т. д.

* * *

Коль скоро далее речь пойдет преимущественно об обрядах и ритуалах, оговорю свою (авторскую) трактовку понятийного содержания названных терминов, тем более что в археологической научной среде они понимаются не вполне однозначно.

Обряд, на мой взгляд, это – повторяемое в определенных ситуациях действие, имеющее достаточно выраженный сакральный характер.

Ритуал я понимаю как комплекс обрядовых действий, направленных на достижение какой-либо *особо значимой сакральной цели*¹.

¹ В археологическом и этнографическом научно-исследовательском обиходе часто присутствует еще один термин этой понятийной группы – *обычай*. Я определяю его как обычное – при определенных обстоятельствах – действие, не несущее в большинстве своем сколько-нибудь выраженной сакральной нагрузки.

Вышесказанное не означает, что приведенные трактовки избавляют нас от субъективного толкования упомянутых понятийных категорий. Обряд в ряде случаев может восприниматься как ритуал, а обычай как обряд, – все зависит от авторской оценки значимости рассматриваемого явления и его места в системе связей применительно к той или иной событийной обстановке. Ниже, во избежание дальнейших оговорок, я буду по мере возможности пользоваться в основном «срединным», а потому наиболее нейтральным термином – «обряд».

В сибирском (и не только в сибирском) язычестве выделяются два главных направления обрядности – погребальное и жертвенное. В функциональном отношении они очень схожи. И то и другое имеют целью *направить* что-либо («душу», могильное имущество, жертвенный дар и др.) в то или иное внеземное или околосемное пространство.

То же самое касается и способов достижения запредельных сфер. Они (способы) по существу одни и те же – и в погребальной, и в жертвенной обрядности: помещение на глубину, вознесение на высоту, придание неестественного положения, ломка, ориентировка, кремация и т. д. (подробнее см.: Косарев, 2003. С. 145–165).

Пожалуй, единственное существенное различие между ними заключается в следующем: *погребальная обрядность* имеет целью (во всяком случае, начиная с неолита-энеолита) отправление душ покойника и сопровождающих его погребальных приношений одновременно в двух разных направлениях – частью в Верхний мир, частью – в Нижний; *жертвенная обрядность* в каждом отдельном случае обеспечивает доставку жертвенного дара или *только* вверх, или *только* вниз, или *только* в какое-либо другое запредельное пространство.

Особенно явной выглядит семантическая суть намеренной порчи (ломки) могильного инвентаря. Это, по справедливому мнению большинства исследователей, есть не что иное, как умышленное «умерщвление» вещи с целью освобождения ее «души», чтобы она могла последовать в потусторонний мир вместе с умершим (с его душой). «Умерщвлялась» даже предназначенная покойнику (его «душе») пища. Так, коми-пермяки, чтобы жертвенные яства дошли до умершего, во время поминок разламывали поминальный пирог со словами: «Да дойдет!» (Смирнов, 1891. С. 243). При определенных ритуально-обрядовых обстоятельствах, видимо, допускалась ломка не только вещей (и пищевых продуктов), но и погребаемого человека. В частности я имею в виду так называемые парциальные захоронения, а также обычай расчленения тела на части, известные как в погребальной, так и в жертвенной обрядности (Зайцева, 2005). Однако здесь необходимо учитывать, что в основе парциальных захоронений может лежать (помимо всего прочего) языческая идея, трактующая «часть» как начало «целого». Что касается случаев расчленения погребенных, то оно, как полагает О. В. Зайцева, «перекликается с идеей креативного жертвоприношения. Идея жертвоприношения – разъятия на части, складывания и оживления является универсальным моментом всякого ритуального процесса вообще» (Там же. С. 26).

Вышеотмеченные сакральные приемы, способы и функции помогают в своей совокупности понять основные смыслы как жертвенной, так и погребальной обрядности.

Главная идея традиционных *жертвенных* ритуально-обрядовых действий состоит в том, чтобы *ублажить* то или иное нижнее либо верхнее божество ради избавления семьи или рода от всяческих невзгод (бывало, правда, и наоборот: порою имели место злокозненные жертвенные действия с накликанием неблагоприятия на враждебный род или на какого-либо конкретного человека).

Главная идея традиционной *погребальной обрядности* заключается в возобновлении очередного жизненного цикла. Весь комплекс сибирско-языческих (и вообще языческих) погребальных действий был направлен на *обеспечение жизненного круговорота*, а именно на благополучное достижение темной и светлой сущностями («душами») покойника соответствующих посмертных сфер – во имя их будущего воссоединения в новом земном человеческом теле.

Человек жив, пока его светлая и темная жизненные сущности (*душа-птица* и *душа-тень*) живут в относительном согласии, а также вне пределов досягаемости темных злокозненных сил, склонных «съесть» или «украсть» ту или иную человеческую душу. Если шаман, колдун, знахарь или иной призванный к больному врачеватель не сумеет восстановить прежний внутренний душевный режим пациента, душа-тень и душа-птица расходятся в разные стороны, ибо первая сама по себе обязана жить в Нижнем мире, а вторая по оставлении тела должна переселиться на небо.

Этапность жизненного цикла (рождение – жизнь – смерть – возрождение) в той или иной мере прослеживается в схеме жизненного круговорота практически всех сибирских аборигенных народов, но с разной степенью отчетливости. С наибольшей полнотой и очевидностью названная схема смотрится у обских угров (хантов и манси). По их представлениям, конец земной человеческой жизни сопровождается уходом из тела двух основных жизненных субстанций – темной (душа-тень) и светлой (душа-птица). Первая отправляется на север (у некоторых сибирских народов – на запад), где находится главный вход в Нижний мир; вторая, носительница наследования жизни, улетает на юг (у некоторых сибирских языческих народов – на восток), в Верхний мир, где живет в виде птички до тех пор, пока не придет пора вернуться на Землю, чтобы «одушевить» очередного человеческого младенца.

Момент появления души-тени в Нижнем мире знаменовал начало существования ее там в качестве «нижнего» человека – в том возрасте, в каком он умер на Земле. Далее, в соответствии с обратным течением нижнего времени (от настоящего к прошлому), начинается «обратная» жизнь. «Тень» все более молодеет. Дойдя до младенческого состояния, она продолжает уменьшаться и в конце концов исчезает из нижнего пространства – в виде некоего «зародыша», обычно в образе какого-нибудь насекомого. Этот «зародыш» попадает в лоно земной женщины и прорастает там как внутриутробный младенец. Одновременно с рождением или несколько позже из Верхнего мира на Землю прилетает ждущая своей «очереди» светлая душа (душа-птица) – как правило, принадлежавшая одному из ранее умерших сородичей, и одушевляет новорожденное тело. После этого начинается очередной цикл земной жизни, и это может повторяться многие поколения подряд.

Срок между смертью человека и его последующим рождением тем короче, чем моложе покойник. Особенно быстро возрождается умерший младенец. Он, как считается, почти лишен души-тени (она находится в «зародышевом» состоянии), и ее, по существу, нет надобности возвращать в Нижний мир; во всяком случае, нет нужды использовать тот сложный набор обрядовых действий и магических приемов, которые применяются при похоронах взрослого покойника. Поэтому сибирские аборигены если и зарывали трупики новорожденных, то в неглубокой яме, а часто, чтобы предельно сократить светлой душе (душе-птице) возвратный путь на небо, помещали их на высоту, обычно на растущее дерево – клали в дупло или, уложив в зыбку, водружали на ветви.

Традиционная погребальная обрядность предусматривала также разные дополнительные меры, облегчающие и ускоряющие возвращение умерших детей обратно на Землю – в свой род, в свою семью. В этом отношении весьма интересен широко распространенный в древних и традиционных обществах обычай захоронения детей на поселениях – в жилищах и в околоселищном пространстве (см. напр.: Мишина, 2005. С. 27; Молодин и др., 2003. С. 312–316).

Можно было ускорить возрождение и покойников преклонного возраста. У алеутов, когда умирал взрослый человек, его пеленали, как ребенка, и укладывали в зыбку, которую подвешивали на несколько дней над тем местом, где он умер. Зыбка фигурирует и в ритуале «воскрешения» покойника. В мансийском песенном сказании хозяин подводного мира оживляет утонувших воинов следующим способом: кладет трупы в железные зыбки и заставляет своих дочерей качать их: через некоторое время погибшие восстают из мертвых. В кетских сказках роль зыбки выполняет «семиушковый котел», который, поместив туда умершего, качают три дня в восточную сторону, после чего покойник вновь становится живым человеком.

Магический прием «укачивания» использовался также в ритуалах, связанных с *омоложением* стариков и пожилых людей. В хантыйской мифологической сказке воспроизводится разговор остяка-охотника с «лесной женщиной», уговаривающей земного мужчину навеки остаться с нею в ее пространстве:

- Ты будешь вечно молод, никогда не состаришься.
- Почему я таким вечно буду?
- У нас есть дух. Он нас омолаживает, когда мы стареем. Кладет нас в люльку, брызжет живой водой, и мы становимся молодыми (Мифы, предания... 1990. С. 196).

Необходимо учитывать следующую особенность сибирско-языческих мировоззренческих ассоциаций: зыбка, сосуд, ладья и женский детородный орган воспринимаются сибирскими аборигенами как семантически близкие категории. Помещение покойника в колыбель, сосуд, ладью воспроизводит акт возвращения умершего в материнское лоно для нового рождения.

Отсюда становится понятным известный у многих архаичных народов обычай помещения останков покойного в дупло дерева (здесь дупло символизирует материнское лоно древа жизни) или в долбленую деревянную колоду (т. е. в ис-

кусственное дупло). Скорее всего, ту же самую семантическую роль на определенных этапах древнего миропонимания выполняла могильная яма, являя собой детородное место Земли-Матери. Не случайно в те или иные эпохи покойнику в могиле стремились придать эмбриональную позу – я имею в виду, в частности, скорченность трупов как устойчивую обрядовую черту, на что обращали внимание многие исследователи.

Вышесказанное лишней раз подтверждает, что основная идея погребальной обрядности – это идея жизненного круговорота. Зарывание умершего в землю, ориентация, помещение с покойником могильного имущества, напутственное слово погребенному, ритуал провожания души и т. д., – все это работало на бесперебойность циклов возрождения. Малейшее отступление от погребального канона было чревато сбоями на пути жизненного круговорота. Это мешало душе (прежде всего душе-тени) закрепиться в потустороннем мире, а то и вообще лишало возможности попасть туда. Тогда она неприкаянно бродила по дорогим ей земным местам, тосковала, беспокоила сородичей, озлоблялась и могла нанести вред живым. Но самое главное, нарушался жизненный круговорот, что с неизбежностью влекло за собой сокращение, а то и полное вымирание рода.

Младенцу после его появления на свет положено забывать свои прошлые жизни, но порою случалось, что воссоединялись душа-тень и душа-птица, уже совмещавшиеся в одной из предыдущих жизней. Тогда могли пробудиться так называемые реинкарнационные воспоминания. Они проявлялись, например, в том, что ребенок, еще не овладев связной речью, начинал произносить странные слова и выражения, указывающие на знание им событий минувших времен. Это считалось плохой приметой. Поэтому родители (или шаман) совершали определенные магические действия, имевшие целью стереть память о прошлом. Нивхи в подобных случаях поступали таким образом: когда ребенок «достигает уже разумной речи, отец надевает ему шапку задом наперед и начинает спрашивать его про прошлое, потом тихонько говорит ему: “Ну, теперь довольно, забудь прошлое”, и надевает ему шапку правильно. Тогда мальчик все забывает и будет долго жить. Если же отец этого не сделает, то мальчик умрет» (Штернберг, 1933. С. 332).

У восточных славян, в том числе у русских, тоже есть примета: если ребенок не по годам мудр, много знает и понимает, он долго не проживет, чему, как это ни удивительно, есть много реальных жизненных подтверждений. Наверное, в этих «потусторонних» знаниях содержится нечто сокровенное, неприемлемое для нашей земной действительности. «Это заставляет предполагать, – считает Р. Моуди, – что существует некий действующий механизм, функцией которого является блокировать знание, полученное в состоянии особого существования, для того чтобы оно не могло быть перенесено в физическое состояние бытия» (Моуди, 1990. С. 43).

Считалось, что смерть и рождение – взаимобратимые категории. Земная смерть понималась как потустороннее рождение, а потусторонняя (нижняя) «смерть» влекла за собой появление новой земной человеческой жизни. Это представление вполне сопоставимо с ламаистским пониманием соотносимости рождения и смерти: «То, что мы называем рождением, это обратная сторона

смерти, как... дверь, которую, находясь снаружи, мы называем “входом”, а находясь в комнате – “выходом”» (Тибетская книга мертвых, 1998. С. 44).

Для того чтобы жизненный круговорот шел без отклонений, необходимо строго соблюдать правила погребальной обрядности. Любое отступление от традиционных погребальных канонов (неправильная ориентировка тела, неположение в могилу любимой вещи покойного, небрежное отношение к поминальной обрядности, неточные действия при исполнении ритуала провожания души и пр.) грозило сбоями на пути к возрождению: душа могла «заблудиться», погибнуть, а то и (если говорить о душе-тени) вообще остаться в земных пределах и функционировать в виде весьма опасной для земных людей «души-мытаря». Все это, как считалось, нарушало естественный ход жизненного круговорота, что могло привести к сокращению и даже к полному вымиранию рода.

* * *

Особенно много правил и запретов было связано с посмертным обустройством души-тени. При этом всячески подчеркивалось, что у живых и мертвых разные дороги, которые не должны совпадать и пересекаться. Ханты, манси, селькупы и др. выносили покойника не через дверь, а через специально проделанное в стене отверстие – ногами в ту сторону, где находился Нижний мир. Не меньшее внимание уделялось «правильной» ориентировке тела в могиле. У большинства аборигенных народов Сибири Нижний мир и, соответственно, «страна мертвых» находились на севере, и попасть туда можно, лишь следуя северным путем. Обдорские самоеды (западносибирские ненцы) и некоторые другие сибирские народы полагали, что в Нижний мир ведет западная дорога.

Но строго северная, равно как и строго западная, ориентировка тела в археологически и этнографически известных сибирских могилах практиковалась не так уж часто, что, на первый взгляд, противоречит традиционным сибирско-языческим представлениям о северном или западном местоположении Нижнего мира. Однако это «противоречие» находится в полном согласии с языческой «логикой». Обские угры, например, хоронили покойников или лицом на север (чтобы душа-тень «видела», куда идти), или ногами по течению реки (чтобы душа-тень, встав после похорон, оказалась идущей в нужном направлении), или ногами к реке (чтобы душа-тень вышла к речному берегу и далее следовала вниз по течению) и т. д. Во всех перечисленных вариантах ориентировка представлялась как северная, несмотря на то что направление тела в могиле далеко не всегда совпадало с меридиональной линией. Аналогичным образом, т. е. как северная ориентировка, понималось известное по сибирским этнографическим материалам положение покойника вниз лицом или в иной «неестественной» позе.

Далеко не всегда соответствует современным астрономическим представлениям и сибирско-языческое понимание запада. В традиционных обрядовых действиях западным обычно считалось направление, ведущее к точке, где в данный день садится солнце. Но «закатный» запад (как и «восходный» восток) совмещается с астрономическим западом (и астрономическим востоком) лишь дважды в год – в дни весеннего и осеннего равноденствий.

Многозначное понимание сторон света свойственно в той или иной мере всем коренным сибирским народам. Так, чукчи полагали, что Верхний мир совмещается: 1) с областью рассвета; 2) с точкой зенита; 3) с полуденной (южной) частью горизонта; 4) с направлением вверх по реке и 5) вправо от говорящего (Богораз-Тан, 1923. С. 31–34). То есть, куда бы человек ни поворачивался, правое от него направление считалось «верхним», а левое – «нижним». Равным образом, куда бы река ни текла, направление вниз по реке определялось как «нижнее», вверх по реке – как «верхнее». Такой «разброс» обрядовой ориентации должен непременно учитываться при семантической трактовке так называемых археоастрономических объектов, в особенности погребальных памятников, жертвенных мест, святилищ.

Душа-тень становилась особенно опасной, когда была «обижена». Обычно «обида» вызывалась несоблюдением каких-нибудь деталей погребальной обрядности – например, когда родственники забывали положить в могилу нужную вещь. В таких случаях душа-тень не могла закрепиться в мире мертвых и то и дело появлялась среди живых.

Чтобы избежать подобных «диверсий», родственники покойного старались строго соблюсти все необходимые погребальные обряды и ритуалы. Шаман или особый человек, знаток похоронной обрядности, обращался к покойнику (к его душе-тени) с вежливой, но настойчивой просьбой идти «своим путем». У ненцев он напутствовал погребяемого такими словами: «Ты отправляйся в свою землю, иди своей дорогой и не приходи к нам». На нганасанском кладбище старший из присутствующих, прощаясь с покойником, произносил в заключение следующую фразу: «Хоть ты и близкий нам человек, но мертвый ты. У нас своя дорога, у тебя своя. Иди своей дорогой, к нам не возвращайся» (Грачева, 1983. С. 67).

Якуты называли неустроенную душу, бродящую среди земных людей, «ёр» («юёр»). Это душа-тень, или изгнанная из Нижнего мира за чрезмерную привязанность к миру живых, или вообще туда не попавшая из-за несоблюдения либо нарушения правил похоронного ритуала. Ёр блуждает по земле и пытается увести с собой душу кого-нибудь из живых, особенно детей. Поэтому безопасность малолеток охранялась с особой ответственностью.

Направляя душу-тень в царство мертвых, шаман удских эвенков совершал обряд над чучелом из гнилушек и, прощаясь, восклицал: «Теперь расстаемся, не возвращайся, быстрее отправляйся, не думай возвращаться, вернешься, дети будут стонать» (Василевич, 1969. С. 247). Гольды (нанайцы) перед выносом покойника клали его на землю, подводили младших детей, давали каждому из них по веревочке, другой конец которой «держал» (с помощью старшего в роде) покойник. Старший говорил: «Пожалуйста, его (ребенка. – М. К.) в буни (мир мертвых. – М. К.) с собой не бери, оставь его на свете», после чего кто-нибудь из присутствующих разрезал веревочки (Штернберг, 1933. С. 479).

Стремясь обезопасить живых, вогулы (манси), уходя от могилы домой, перегораживали дорогу засекой. Ваховские остяки (ханты), завершив похороны, клали поперек тропы топор, направленный острием к кладбищу. Энци, отойдя после похорон от могилы на достаточное расстояние, намечали вешками «мертвую» дорогу, а затем кричали, адресуясь к покойнику (к его душе-тени): «Не приходи

по нашей дороге, вон там твой путь!» (Прокофьева, 1953. С. 210). У чукчей при возвращении с кладбища распорядитель («защитник») проводил позади идущих снегоотбивалкой черту поперек дороги, символизирующую бездну или глубокую реку. Рядом оставлял несколько камешков, означающих крутые горы. «Кроме того, при нем находится маленькая чашка и пучок травы, употребляемые при омывании покойника; то и другое он зарывает в снег. Чашка превращается в море, а трава в непроходимую чащу» (Богораз-Тан, 1939. С. 188).

Чтобы не дать душе-тени заблудиться, было принято «проводать» ее. Энецкий «водитель» душ садился после похорон у северной стороны чума и обращался к умершему, представляя дело таким образом, будто сопровождает его в Нижний мир, не дает сбиться с пути, повернуть назад. Закончив ритуал, провожающий говорил: «Больше он не вернется, я послал его в дя-сиэ» (земли дыру) (Бытовые рассказы энцев, 1962. С. 79). В церемонии провожания души-тени ороцкий шаман время от времени сердито покрикивал на нее: «Хорошо иди, чего стала поперек дороги? Ты разве не видишь пропасти, не видишь стремнин?» (Штернберг, 1936. С. 238). Нанайский шаман, провожая души, тоже подсказывал им, как и где идти, заботился об их пропитании и других удобствах. Если встречал на своем пути заблудившиеся души, то обязательно брал их под свою опеку и доводил до страны мертвых.

У карагасов путь в Нижний мир длился три дня. Поэтому родственники клали в могилу трехдневный запас пищи: три куска лепешки, три заварки чая, некоторое количество табака (Васильев, 1910. С. 75). Чукчи, помимо посуды, хозяйственно-бытовых вещей и пр., помещали в могилу три небольших мешочка с дорожной провизией.

Было бы ошибкой считать душу-тень неким воплощением «зла». В действительности души-тени (в данном случае «нижние люди») проявляли агрессивность в отношении живых лишь в исключительных случаях и, как правило, по вине последних. А в обычное время мирно жили в своем «низу» и даже заботились о земных сородичах, скучали по ним, опекали их. Живые учитывали это и старались не оставаться в долгу. Ненцы раз в год приходили на родную могилу, звонили в колокольчик и говорили: «Я к тебе пришел». Время от времени оставляли там новую одежду (так как старая «износилась»), убивали оленя. Манси, разжигая костер в лесу, не расходovali всех запасенных дров, чтобы душа-тень, случись ей оказаться в этом месте, могла погреться у костра.

Самый близкий и самый доступный (но не главный) вход в мир «нижних» людей (и одновременно выход из него) – родовая могила, которую в этом ее качестве при определенных ритуальных обстоятельствах пользовались как земные, так и «нижние» сородичи. При миграции семьи, рода, племени было очень трудно оторваться от умерших родственников, которые тоже тяжело переживают разрыв. «Когда вогулы верхней Лозьвы, – писал около ста лет назад венгерский этнограф Б. Мункачи, – переезжают (на сезонные промыслы) на Сосьву в Яны-паул, призраки мертвых бегут за ними, как малые дети за своими матерями. Тем не менее их сопровождение не принимается людьми (поскольку последние едут на время). Чтобы отогнать назад призраки своих близких (которые, наверное, боятся, что их семьи, уезжая, покидают их навсегда), люди применяют следующий

способ. В одной местности (примерно в 10 верстах от селения Яны-паул) вырезают из дерева устрашающие изображения животных. Эти изображения очень примитивно выполнены, но поскольку они, подобно идолам, укрепляются на вбитых в землю столбах, они оказываются годными, чтобы испугать тени (ис) и отпугнуть их назад на Лозьву, в случае их следования за едущими. Аналогичные изображения делают также сосьвинцы, когда они едут на Лозьву, так что со временем эти зверьки, все прибывая в числе, скопились в большом количестве и занимают в этом месте порядочную площадь» (цит. по: Чернецов, 1959. С. 123).

«Нижние» люди, как и земные, живут родами и неохотно принимают в свою среду чужеродцев. Нарымские селькупы рассказывают: когда-то на Напасском кладбище была похоронена чужая старуха. С тех пор по ночам оттуда доносятся шум и крики – покойники пытаются изгнать чужачку (Пелих, 1963. С. 143).

Одним из самых опасных и непредсказуемых поступков души-тени как темной человеческой субстанции могло быть неожиданное переселение ее из живого человека в какое-нибудь искусственное «заместительное» тело. Неоднократно отмеченное этнографами нежелание сибирских аборигенов фотографироваться объясняется тем, что фотография воспринимается как отделившаяся от тела душа-тень или как изображение, которое душа-тень может предпочесть живому телу и вызвать тем самым смерть своего хозяина. Особую опасность внушали фотографии, где человек представлен не в полный рост, а в «урезанном» виде – по пояс, по грудь и пр.

Известны злонамеренные действия, направленные на привлечение чьей-либо души в специально изготовленное заместительное тело, которое затем уничтожалось («умерщвлялось»). У васюганских хантов, «когда женщина хочет принести вред мужу, она изготовляет, чтобы никто не видел, из гнилого дерева “идола”, одевает его, прокалывает иглой, делает из дерева или бересты маленькую лодку, опускает туда изображение и отправляет его вниз по реке к духу мертвых» (Карьялайнен, 1994. С. 66).

Однако если душа-тень у человека изымалась «незаконным» способом (раньше отведенного богами срока), ее в принципе можно было вернуть обратно. Остяцкий (хантыйский) шаман категории исыльта-ку поступал в подобных случаях следующим образом: ложился рядом с покойником, укрывал себя вместе с ним единым покрывалом и так лежал три дня – время, достаточное, чтобы добраться до соответствующих глубин Нижнего мира, справиться там все необходимые дела и вернуться опять на Землю.

Достигнув резиденции хозяина Преисподней, шаман – точнее, его мистический двойник (шаманская душа), – обращался к нему с просьбой расследовать неблаговидный поступок нижнего духа, совершившего незаконное изъятие души земного человека. Владыка страны мертвых выслушивал жалобу со всей серьезностью, тут же самолично выяснял обстоятельства дела, и если находил, что его подчиненный действительно нарушил закон, приказывал немедленно вернуть украденную душу. Шаман приводил ее домой и внедрял в тело умершего, после чего тот «оживал» (Кулемзин, 1976).

У якутов «неправильно» унесенные нижними обитателями души земных людей тоже возвращались назад – после апелляции, обращенной к главному

духу страны мертвых, именуемому Корнем Девяти Смертей. Доказав «неправильность» кражи души, шаман доставлял ее на Землю и вдвух в ухо лежащего в юрте мертвеца (Худяков, 1969. С. 288, 289). Алтайцы смерть, вызванную неправомочным вмешательством темных сил, считали преждевременной; ее можно было «отменить» приношением жертв хозяину Нижнего мира Эрлику (Анохин, 1924. С. 20).

Нижний мир в сибирском понимании – это не ад, где темная («грешная») душа умершего человека претерпевает вечные муки, а временное посмертное убежище, предназначенное для очередного «вызревания» темной зародышевой субстанции, что является одним из необходимых условий будущего возрождения человека на Земле.

Сибирско-языческий Нижний мир в мифо-ритуальной подаче предстает как некое подобие *антимира*. Образ жизни «нижних» людей (душ-теней) как бы обращен земному: ночь там – день; зима – лето; правая сторона – левая, одежду обычно носят наизнанку, застегиваются в обратную сторону и пр. Несведущий человек может не обратить внимания на такие «мелочи» и поначалу не понять, что попал в нижнее пространство, т. к. во всем остальном «нижня» жизнь внешне мало чем отличается от земной. Однако опытные, бывалые люди обязательно учитывали особенности «нижней» действительности. Так, отправляя сородича (его душу-тень) в посмертный путь, сибирские аборигены старались придать покойнику «зеркальный» облик, соответствующий «обратной» проекции страны мертвых. Селькупы, например (и не только селькупы), обряжая умершего, надевали ему рукавицу не на ту руку, обувь – не на ту ногу, а при шитье погребальной одежды делали стежки в обратную сторону.

Если «нижний» человек вдруг окажется в земных пределах и вступит в прямое физическое соприкосновение с обитателем Среднего мира, это неизбежно вызовет опасные для земного человека последствия, чаще всего болезнь или смерть. Аналогичный отрицательный эффект подобного «соприкосновения» наблюдается и при попадании в Нижний мир живого (земного) человека – но уже по отношению к «нижним» обитателям. Похожий результат имел место также в случае прямого физического контакта землян с небожителями. Алтае-саянские тюрки, например, были убеждены, что обитатели верхних вселенских уровней, попадая на Землю, автоматически становятся злыми духами, а в случае женитьбы землянина (обычно шамана) на «верхней» женщине, дети от этого брака рождались калеками и уродами.

В целом же для лиц, облеченных шаманским званием, такие межпространственные перемещения были менее опасны и более предсказуемы. Будучи избранником духов, т. е. особо предназначенной личностью, сибирский шаман был наделен пониманием структурной и смысловой субординации разных частей Вселенной, а потому, в отличие от большинства землян, в том числе жрецов, колдунов и пр., был одинаково завязан на Низ и на Верх и мог правомочно, *не во вред, а на пользу Миру*, посредничать между Землей и неземными сферами Мироздания.

Пожалуй, самым кошунственным нарушением сибирско-языческих нравственных правил считалось неуважительное отношение людей к установленным

богами нормам вселенской этики. Одним из таких «греховных» проявлений было неоправданное вторжение землян в страну мертвых, особенно вскрытие и разграбление могил, что случалось практически во все времена, а порою носило массовый и откровенно хищнический характер. «Общественное мнение» проявляло определенную снисходительность к «черным археологам» прошлых времен в двух случаях: если надо было заплатить умершему неуплаченный ему при жизни «долг» или, напротив, взять с него долг, который он при жизни так и не вернул.

Когда, согласно остяцкой былине, богатыри из городка Топар пришли с богатым калымом сватать дочь богатыря Нангхуша и услышали, что девушка умерла, они заявили: «Пусть нам дадут 10 людей с лопатами и 10 людей с топорами, чтобы ее вырыть; принесенное для нее золото и серебро, предназначенные ей шерсть и камку мы ей положим» (Патканов, 1891. С. 89).

В одном из казахских песенных сказаний султан Карибуз, сын Каная, обращается к султану Нузурбаю с таким упреком:

Недостаточно разве тебе иметь дело с живыми,
Но что тебе сделали наши покойники?
Был разве долг твоего отца
На Исходже и Канае, могилы которых ты разрыл?

(Сайдалин, Джантюрин, 1875. С. 363).

Таким образом, страх перед покойником не мешал охоте за могильными ценностями ни в старое, ни в новое время, а «долг» как повод всегда можно было найти или придумать. В этой связи интересно сообщение русских офицеров, относящееся к рубежу XVIII и XIX вв., об отношении степного казахского населения к окрестным курганным древностям: «Хотя вскрытие оных, разграбление, считается и между ними преступлением, однако ж они под различными выдумками не упускают из виду пользоваться таковым случаем» (Поездка Поспелова и Бурнашова... 1851. С. 19, 20).

При оценке социальной и хозяйственно-бытовой значимости «могильного имущества» следует учитывать, что в могилу могли класть предметы, не имеющие отношения к общественному и производственному статусу покойника. Нередко сородичи, пользуясь «оказией», помещали в могилу «посылку» для умерших родственников. Остяки «иногда с одним покойником кладут лишний запас платья с тем, чтобы он передал его по назначению тому или иному из ранее умерших» (Поляков, 1877. С. 64). С погребаемым чувашом, сообщает А. Вышеславцев, клали, помимо прочего, «различных снедей и при прощании просили передать все это прежде умершим родственникам» (Вышеславцев, 1886. С. 275). Известны случаи отправления «гостинцев» на «тот свет» путем зарывания отправляемых предметов или пищевых продуктов не в могиле, а в специальной яме, вырытой на кладбище, на капище или в другом сакральном месте (см., напр.: Косарев, 2003. С. 146, 147). Надо полагать, что некоторые из древних кенотафов (могил без покойника) в действительности могли быть «захоронением» вещей (и пищи) для отправления их покойным сородичам.

По археологическим материалам трудно судить, передавались ли подобные «посылки» светлым человеческим душам (душам-птицам) в верхние сферы

Вселенной. Возможно, по отношению к ним такие дары не полагались, а если и посылались, то скорее всего археологически не фиксируемым «верхним путем», т. е. помещались на ветви дерева или вообще на высоту – наподобие жертвенных приношений, отправляемых верхним духам. Этнографические материалы тоже не дают на этот счет сколько-нибудь четкой информации.

В целом же выбор путей и способов перемещения в иные миры был не так прост, как может показаться на первый взгляд. В якутском предании описывается такой случай. Лишила себя жизни юная красавица Нэрин. Самоубийство незамужней девушки, не оправдавшей своей детородной предназначенности, считалось у якутов большим грехом. Собрались родственники, стали судить-рядить о том, как похоронить несостоявшуюся жену и мать. Старейший настаивает, чтобы покойница была сурово наказана за свой тяжкий проступок: похоронена по низшему разряду – в глубокой яме, лицом вниз. Другие полагают, что ее греховная смерть уравнивается хорошими прижизненными делами, и потому она может быть погребена в обычной яме, лицом вверх. Третьи считают, что, хотя на девушке лежит серьезная вина, следует учесть, что во всем остальном она была вне всяческих нареканий – доброй, послушной, почитала старших, любила родственников, не делала зла никому из людей, а значит, заслуживает, чтобы ее положили в деревянную колоду и поместили на дерево, т. е. похоронили по самому высокому разряду.

* * *

Выше уже говорилось, что традиционная погребальная обрядность есть не что иное, как комплекс магических действий, способствующих правильному функционированию жизненного круговорота, где рождение и смерть взаимобуславливают друг друга. При этом душа-тень символизирует темную человеческую сущность, душа-птица – светлую. Но «светлая» сторона погребальной обрядности ориентирована преимущественно на верхнюю часть Мироздания и археологически почти не фиксируется. Поэтому функциональная предназначенность и семантическое содержание светлой души (души-птицы) реконструируется в основном по этнографически известным традиционным обрядам, связанным с *рождением* человека.

Если, провожая в «страну мертвых» душу-тень, ее просили не возвращаться назад в своем «нижнем» качестве и не вредить людям, то светлую душу (душу-птицу), обеспечивающую наследование жизни, напротив, уговаривали как можно скорее вернуться на Землю – во имя продолжения рода. Ее очень оберегали от возможных опасностей, особенно во время следования после смерти человека в верхние сферы. Чтобы душу-птицу, улетающую на небо, не «съел» в пути какой-нибудь недоброжелательный дух, нганасанский шаман сам уносил ее в Верхний мир, спрятав в складки своего шаманского костюма.

По представлениям большинства коренных народов Сибири, каждый род имеет в Верхнем мире свое особое дерево, на ветках которого живут светлые человеческие души в образе птичек. Ульчи и гольды, если ребенок умирал до года (т. е. пока душа-тень еще по-настоящему не сформировалась), проявляли

заботу главным образом о душе-птице, которая, освободившись от тела, должна была возвратиться на родовое дерево душ. «Вследствие этого поверья умершего до года ребенка не предавали земле. Тельце заворачивали в белую тряпочку, к которой пришивали крыло, оставляли длинный конец. Затем тело клали в выдолбленную колоду, сквозь отверстие в которой продевали длинный конец нитки, и вешали на дерево, неподалеку от стойбища. Мать брала конец нитки и, привязав его к руке, становилась у дерева. Затем ударом палки нитку обрывали. Тем самым рвалась связь матери с душой ребенка, превращавшейся в птичку и улетающей на родовое дерево» (Золотарев, 1939. С. 40).

Энцы умерших младенцев помещали в подвешенную над землей зыбку; к обеим ее концам мать пришивала крылья гуся или куропатки. Затем родители говорили: «У тебя есть крылья. Ты не пойдешь по земле, а улетишь далеко в воздух, и для другого ребенка твоя душа пригодится» (Бытовые рассказы энцев, 1962. С. 79).

Якуты, когда дети в семье не рождались или умирали в младенчестве, совершали особые магические действия, имевшие целью привлечение души-птицы с неба на Землю. Приглашали «шаманку» (точнее, старую опытную женщину, практикующую обряд призывания души), протягивали, по ее указанию, через юрту тонкую волосяную веревку, закрепляли вверху берестяные изображения Солнца, Луны и маленькой птички. Пациентку одевали в праздничную одежду, сажали на постель. «Шаманка» с молениями обматывала веревку вокруг ее живота, заклинная духов-недоброжелателей не причинять смерти зародышу, после чего острым ножом перерезала веревку – так, чтобы птица упала на постель. Тем самым душа-птица как бы ниспосылалась женщине небом (Приклонский, 1891. С. 65).

У селькупов Небесная Мать, опекающая дерево душ, каждое утро посылает на Землю души-птички на конце солнечных лучей. Примечательно, что солнечный луч («ильсат») в переводе с селькупского означает «душа» или «то, что оживляет» (Прокофьева, 1952. С. 103). Похожее представление известно у ваховских остяков (Шатилов, 1931. С. 101).

Заботам о продолжении рода были подчинены и другие приемы привлечения души-птицы, в том числе «незаконная» ловля новых родовых душ. Известно, например, что восточные эвенки, если дети в семье умирали, просили шамана слетать на небо и украсть там подходящую человеческую душу. Шаман поднимался в верхние сферы, находил там родовое дерево душ. Светлые души-птички «омиа» – носительницы наследования жизни, – не замечая опасности, беспечно порхали меж ветвей. Подкравшись, шаман делал вид, что играет с ними, затем, уловив момент, незаметно прятал одну из них за пазуху и быстро спускался на Землю (Василевич, 1969. С. 248).

Поскольку захоронение на высоте считалось самым верным способом достижения небесной сферы, человек, знающий или предполагающий время своей кончины, порою сам принимал меры к тому, чтобы встретить смерть на дереве. У вогулов (манси) клятвоступники прибегали к самоубийству, вешаясь на суку. Алтайцы, по свидетельству миссионера В. И. Вербицкого, тоже сводили добровольные счета с жизнью «единственным способом – удавкой на лесине» (Вербицкий, 1983. С. 80).

В этой связи интересно одно из поэтических сказаний древнескандинавской «Эдды», а именно «Речи Высокого», где повествуется о том, как Один, прежде чем стать высоким божеством, повесился на дереве (ясене) и пребывал в этом состоянии девять дней. В результате он «переродился» в высшее божественное существо, постигшее сокровенные тайны Мира, в том числе умение воскрешать мертвых (Эдда, 1917. С. 316).

Вселение в новорожденного светлой души (души-птицы) тесно связано с именем ребенка. Не случайно, наряду с прочими наименованиями, душу-птицу называли также «*душа-имя*». *Имя* в сибирско-языческом миропонимании по существу отождествляется с *жизнью*. С помощью имени можно было привлечь в тело младенца светлую душу ранее умершего сородича, носившего при жизни то же имя, и тем самым обеспечить родовую преемственность поколений.

По этнографическим данным известно, что у обских угров новорожденного клали в зыбку, а присутствующие выкрикали имена ранее ушедших из жизни родственников: женские (если младенец – девочка) или мужские (если младенец – мальчик). После каждого выкрика мать, повитуха или кто-нибудь из родственников поднимали колыбель. Наконец, называлось имя, после которого зыбка тяжелела и поднималась с трудом. Это означало, что в тело ребенка вселилась душа умершего сородича, носившего при жизни то же самое имя. Этим именем младенца и нарекали.

Чукчи обычно выбирали имя с помощью гадания на подвешенном предмете (чаще всего какой-нибудь культовой вещи). Мать перечисляла имена умерших родственников. При одном из очередных провозглашений подвешенный предмет начинал раскачиваться. Присутствующие при этом сородичи тотчас поднимали крик: «Такой-то вернулся к нам!»

Обычай выкрикания имени новорожденного был известен в пережиточном виде даже у некоторых групп восточных славян. Русско-украинское население Полтавщины, жившее по речке Орель, практиковало такой магический прием: когда ребенок рождался в «неживом» (бесчувственном) состоянии, домочадцы начинали выкрикивать разные приходящие на ум имена: Иван, Петр, Сидор и пр. На каком имени ребенок очнется, то имя ему и дают (Барсов, 1887. С. 76).

У чукчей, по наблюдениям В. Г. Богораз-Тана, большая часть первичных имен (чукотские матери в первые пять лет жизни меняли имя ребенка по пять-шесть раз) – как мужских, так и женских, – обычно имела отношение к представлению о возвращении умерших из иного мира. Только что родившегося младенца нередко называли: Пришедший с Другого Берега; Поднявшийся После Отдыха; Вернувшийся Обратно; Вставший Внезапно; Спустившийся и т. д. (Богораз-Тан, 1939. С. 179). Имена менялись не только у детей, но и у взрослых (чаще всего при угрозе здоровью или жизни), – обычно по названию животного, которое могло защитить: Волк, Медведь, Собака и др.

Особая опасность грозила людям, носящим одно и то же имя. По рассказам якутов, «случается иногда, что колдун делает наговор на одного человека, а погибает другой. Это бывает большею частью в тех случаях, если погибший был тезкой тому человеку, на которого сделан наговор» (Худяков, 1969. С. 305). Поэтому по нормам родовой этики следовало избегать дублирования имен, «при-

надлежащих» другому роду. В противном случае это квалифицировалось как покушение на душу человека, уже имеющего это имя, или во всяком случае как готовность «украсть» ее. «Каждый род или каждое поколение, – сообщал в свое время Фр. Белявский о нижнеобских уграх, – имеет свои собственные имена по назначению родных или в память покойных; присвоение же имени из чужого рода и без согласия считается величайшей обидой, и дело оканчивается не иначе как дракою» (Белявский, 1883. С. 123).

Были и другие способы использования имянаречения в злокозненных целях. Нганасаны, например, чтобы известить врага, делали из снега его фигуру, присваивали ему соответствующее имя, после чего прокалывали ее копьём, восклицая: «Пусть такой-то умрет! Такого-то убиваю!» (Грачева, 1976. С. 56).

Светлая душа (душа-птица) была связана не только с именем, но и с *дыханием*. При помощи дыхания можно было спасти жизнь умирающего человека. Чукотский шаман, если был не в состоянии вернуть больному внезапно покинувшее его дыхание, вдыхал в него «часть своего духа, превращавшегося в душу» (Богораз-Тан, 1939. С. 43).

Дыхание можно было накопить впрок, сосредоточив его в какой-нибудь емкости. Этот запас использовался при потере кем-либо собственного дыхания. В одной остяцкой былине рассказывается о битве остяков с самоедами. Убитые самоеды тут же воскресают, поскольку живые соратники бросают им надутый кожаный мешок (Patkanov, 1900. S. 36, 37). У алеутов известен ритуал «оживления» трупа путем битья его надутым пузырем (Вениаминов, 1840).

* * *

Итак, согласно традиционным представлениям сибирских язычников, земной человек содержал в себе две основные жизненные субстанции: *темную* (душу-тень) и *светлую* (душу-птицу), каждая из которых, в свою очередь, имела весьма динамичные семантические оттенки, и в разных ритуальных ситуациях могла выступать в не вполне адекватных качественных проявлениях.

Идея темной души (души-тени), идущей после смерти человека в Нижний мир, оформилась в Сибири (во всяком случае, на западносибирской территории) вряд ли ранее неолитической эпохи. Об этом говорит зафиксированный с неолитического времени обычай намеренной порчи («умерщвления») погребальных вещей как способ освобождения их души для следования в мир мертвых.

Представление о светлой душе (душе-птице), улетающей после смерти человека в Верхний мир, вероятней всего, утвердилось в то же время, что и представление о душе-тени. Это – две диалектические противоположности, немислимые одна без другой, как добро без зла, как свет без тьмы, как рождение без смерти. Вероятнее всего, вера в темную и светлую души окончательно сложилась в своем противоречивом единстве к началу энеолитического периода. С этого времени в сибирских (и не только в сибирских) погребениях достаточно широко

ко распространяется обряд трупосожжения, целью которого было расчленение светлой и темной жизненных субстанций с целью обеспечить их отдельную транспортировку в Верхний и Нижний миры.

На первый взгляд может показаться, что душа-тень и душа-птица (как понятийные категории) имеют общие генетические истоки, являясь результатом постепенного разделения понятия «живой покойник» на два производных понятия: «темная сущность» и «светлая сущность». В действительности мы имеем дело с двумя изначально разными линиями генезиса. Представление о темной человеческой сущности прошло в своем развитии три главных этапа: «живой покойник» – могильная душа – душа-тень. Идея же светлой человеческой субстанции была заложена в тотемистических верованиях. Не случайно душа-птица у сибирских народов обычно совмещается с образом тотемного предка, имеющего чаще всего птичий облик. Не менее важен и тот факт, что тотемическая обрядность, как и обрядовые действия, связанные с душой-птицей, была пронизана идеей воспроизводства человеческого рода.

В развитии представлений о душе наиболее заметны три основные тенденции. Первая характеризуется возрастанием приоритета единой (главной?) души, вторая – все большей ее «спиритуализацией», третья – усилением социальной окраски души. Но в рамках первобытности ни одна из этих тенденций не смогла до конца реализоваться.

Мы часто путаем два родственных, но отнюдь не тождественных понятия, обозначаемых терминами «душа» и «дух». «Дух», в отличие от «души», более высокая (богочтимая) анимистическая категория. В генетическом плане это в принципе та же посмертная человеческая душа, но не «простого обывателя», а персоны более высокого социального или культового статуса (чаще всего шамана, вождя, богатыря, героя и др.).

Эпизодически «присутствуя» на Земле, духи, тем не менее, воспринимаются как существа иных миров. Так, душа былинного остяцкого богатыря Сонгхуша, враждовавшего при жизни с нижними и верхними богами, после смерти попадает в Патлам («темную страну»), однако и там занимает весьма привилегированное положение, соответствующее земному княжескому достоинству. Иерархия духов наблюдается и на верхних этажах Мироздания. Когда остяцкие богатыри из городка Карыпоспат и их враги, богатыри из городка Эмдер, взаимодействуют друг друга в жестоких войнах, души первых возносятся в самые верхние небесные круги – к «Золотому Свету, своему Отцу»; души же эмдерских богатырей, хотя и поднимаются вверх, но не очень высоко, едва достигая придонной части небесной сферы (Патканов, 1982. С. 92, 97). В то же время, все духи, независимо от ранга, где бы они ни пребывали, не теряют связи со Средним миром и почти всегда готовы вселиться в свои «заместительные» тела (в богочтимых идолах), привлекаемые молитвами и жертвенными дарами земных людей.

Следует учитывать также, что великие богатыри, знаменитые вожди, выдающиеся шаманы и другие значимые лица в период перехода к раннеклассовым образованиям нередко воспринимаются как *духи* еще при своей земной жизни – во всяком случае, в былинной интерпретации. Когда остяцкие богатыри

в военных ладьях проплывали мимо поселений своих подданных, последние ставили им, как богам, на высоких мысах «берестяные сосуды с пенящимися отверстиями» (туеса с хмельным питьем. – *М. К.*) и забивали в их честь жертвенных животных. «В таком месте, – повествует остяцкое былинное сказание, – они (богатыри. – *М. К.*) проезжают, даруя им счастье в добыче рыбы, даруя им счастье в добыче пушнины... Там, где у людей не хватает ума, не хватает сердца (т. е. там, где местные жители не оказали им соответствующих почестей. – *М. К.*), они проезжают, распространяя разные болезни» (Patkanov, 1900. S. 22).

В мировом фольклоре и в библейской литературе часто присутствуют сюжеты, так или иначе затрагивающие вопрос о праве человека на персональное земное физическое бессмертие. Однако во всех этих произведениях (известных исключительно за пределами Сибири) бессмертие, если его даже удастся достичь, не приносит счастья и является не наградой, а наказанием.

Здесь важно учитывать, что проблема вечной земной жизни стала интересовать людей на сравнительно поздних этапах человеческой истории, когда родовой строй начинает все более уступать место раннеклассовым и раннегосударственным обществам. В первобытности люди ощущали себя органичной частью Природы. Свет и тьму, рождение и смерть, добро и зло они воспринимали как ритмическое дыхание Природы-Матери, которая *была, есть и будет*, циклично видоизменяясь и вечно возобновляясь. А вместе с нею живет и возобновляется род людской на Земле, во всяком случае, в рамках тех или иных великих земных и вселенских циклов. Проблема «вечной жизни» на первобытно-родовом уровне мыслилась в плане жизненного круговорота вообще и выражалась прежде всего в заботах о *возобновляемости рода*.

По сибирской языческой «логике», персонального физического бессмертия земного человека просто не может быть: обрети земляне вечную физическую неизменность – и Земля утратит роль Среднего мира, нарушится жизненный круговорот, рухнет вселенский миропорядок.

Фольклорная идея о личном физическом бессмертии, скорее всего, родилась в условиях отчуждения человека от рода, т. е. вряд ли ранее начала разложения первобытно-родовых отношений. Но и тогда претензия на бесконечную земную жизнь должна была восприниматься общественным мнением как протест против узурпации богами права на вечное существование или даже как еретическое стремление человека стать Богом.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин А. В.*, 1924. Материалы по шаманству у алтайцев // Сб. МАЭ. Т. 4.
Барсов Е. М., 1887. Обряды, наблюдаемые при рождении и крещении на р. Ореле // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 28.
Беляевский Фр., 1833. Поездка к Ледовитому морю. М.
Богораз-Тан В. Г., 1923. Эйнштейн и религия. М.; Пг.
Богораз-Тан В. Г., 1939. Чукчи. Ч. 2: Религия. Л.
 Бытовые рассказы энцев // ТИЭ. Т. 75. 1962.
Василевич Г. М., 1969. Эвенки: историко-этнографические очерки. Л.

- Васильев В. Н.*, 1910. Краткий очерк быта карагасов // ЭО. № 1–2.
- Вениаминов И.*, 1840. Записки об островах Уланашкинского отдела. СПб.
- Вербицкий В. И.*, 1893. Алтайские инородцы: Сб. этнографич. статей и исслед. алтайского миссионера протоиерея В. И. Вербицкого. М.
- Вышеславцев А.*, 1886. Похоронные и поминальные обычаи некрещеных чувашей Симбирской губ. во второй половине XVIII в. // Изв. ИРГО. Т. 21.
- Геккер Н.*, 1896. Три якутские могилы // Изв. ВСОИРГО. Т. 26. № 4–5.
- Грачева Г. Н.*, 1976. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях Сибири и Севера. Л.
- Грачева Г. Н.*, 1983. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.
- Зайцева О. В.*, 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостью: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Золотарев А. М.*, 1939. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.
- Карьялайнен К. Ф.*, 1994. Религия югорских народов. Т. 1 / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск.
- Косарев М. Ф.*, 2003. Основы языческого миропонимания. М.
- Кулемзин В. М.*, 1976. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства. Томск.
- Кулемзин В. М.*, 1984. Человек и природа в воззрениях хантов. Томск.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Мишина Т. Н.*, 2005. Социальный аспект изучения интромауральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы Телля Юнаците, Балканы) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии: Тез. докл. Всероссийск. науч. конф. М.
- Молодин В. И., Мильников О. И., Парцингер Г., Шнеевайс Й., Гришин А. Е., Ефремова Н. С., Чемякина М. А.*, 2003. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича 1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул.
- Моуди Р.*, 1990. Размышления о жизни после смерти // Жизнь после смерти. М.
- Патканов С.*, 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // ЖС. Вып. 3/4.
- Патканов С.*, 1892. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // ЖС. Вып. 3.
- Пелих Г. И.*, 1963. К вопросу о родоплеменном строе нарымских селькупов // Тр. ТГУ. Т. 165.
- Поездка Поспелова и Буриашова в Ташкент в 1800 г. // Вестник ИРГО. Ч. 1. Кн. 1.
- Поляков И. С.*, 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Академии наук // Зап. Имп. АН. Т. 30, прил. № 2.
- Приклонский В. Л.*, 1891. Три года в Якутской обл. // ЖС. Вып. 3.
- Прокофьева Е. Д.*, 1952. К вопросу о социальной организации селькупов (род, фратрия) // ТИЭ. Т. 18.
- Прокофьева Е. Д.*, 1953. Материалы по религиозным представлениям энцев // Сб. МАЭ. Т. 11.
- Сайдалин Т. А., Джантюрин С. А.*, 1875. Образцы киргизской поэзии // Зап. Оренб. Отдела ИРГО. Вып. 3.
- Смирнов И. Н.*, 1891. Пермьяки. Историко-этнографический очерк // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 4. Вып. 2.
- Тибетская книга мертвых. М., 1998.
- Худяков И. А.*, 1969. Краткое описание Верхоленского округа. Л.
- Чернецов В. Н.*, 1959. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. Т. 51.
- Шатилов М. Б.*, 1931. Ваховские остяки // Тр. ТКМ. Т. 4.
- Штернберг Л. Я.*, 1933. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск.
- Штернберг Л. Я.*, 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.
- Эдда. Скандинавский эпос. Т. 1. М., 1917.
- Patkanov S.*, 1900. Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Teil 2. St. Petersburg.

В. И. Мельник

СИМВОЛИКА ЭЛЕМЕНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Погребальный обряд (ритуал), безусловно, представляет собой сложную символическую структуру. По В. Тэрнеру, ритуальный символ – это мельчайшая единица ритуала, сохраняющая специфические особенности ритуального поведения, элементарная единица специфической структуры в ритуальном контексте (Тэрнер, 1983. С. 32). Элементы этой структуры и соответствуют обрядовому (ритуальному) символу. Однако сама символика не существует вне безусловно-го события, ее смысл опирается на реальное событие (в данном случае смерть человека) и представления по этому поводу.

В погребальном процессе характер действий и представлений не сводится в одну линию событий. С точки зрения участников процесса видятся две таких линии – действенная (реальная) и сверхъестественная (воображаемая). С позиций сущности погребальных действий (внутренней структуры) здесь усматриваются символическая и утилитарная линии. В общем виде погребальный процесс может быть представлен тремя событийными рядами: обычным (утилитарным), религиозно-мифологическим (сверхъестественным) и обрядовым (символическим). Эти события имеют разную продолжительность, но на некотором отрезке времени они протекают параллельно. Погребальный обряд в этой триаде выступает посредником между утилитарными действиями по отношению к телу умершего человека и воображаемой картиной событий религиозно-мифологического плана (Мельник, 2006. С. 115, 116). Каков же характер символической составляющей погребального процесса в его реальном воплощении?

У шошонов в течение двух или трех дней родные *плачут рядом с могилой умершего*. Женщины *делают себе мелкие порезы* на ногах и руках; они коротко *обрезают* волосы и *не причесывают их*. Мужчины *обрезают* волосы до плеч и *развязывают* свои косички. Труп индейца *удаляют* из типи, в котором тот жил перед смертью, и *помещают* под навес из оленьей кожи, расположенный поблизости. Труп *раскрашивают* в цвета и узоры, используемые для праздничных ритуалов при жизни. Обычно раскрашивание сопровождается *чтением молитвы*, в которой родные выражают надежду на то, что умерший уходит от них и не вернется назад, чтобы пугать их. Труп *одевают в лучшие одежды*, носимые при жизни, с добавлением некоторых других, даруемых родственниками или друзьями. Женщину *обертывают в ее покрывало*; на голову мужчины *надевают головной убор*. Если у него было много таких уборов, их *размещают на деревьях или шестах* вблизи могилы. Все вещи умершего, в частности лошади, распределяются среди родственников и друзей, но некоторые сохраняются для погребения. На третий или четвертый день труп переносят на место погребения. На глаза и рот, если они не были закрыты, *кладут серебряные монеты*. Труп *хоронят вместе с семейным шатром* (семья перебирается на другое место). Если умерший – мужчина, то *убивают его лучшего коня*, чтобы он мог послужить своему хозяину в стране мертвых, на этом коне он будет охотиться на бизонов

в другом мире. К могиле *приносят некоторые вещи*, чтобы они остались со своим хозяином. Знахарю *помещают в могилу знахарский мешочек* (с магическими предметами), надетый на шею или завернутый в одеяло и помещенный рядом. Женщину *укладывают вместе с ее кухонной утварью*. Наконец на труп наваливают груды камней, чтобы защитить его от диких животных. В некоторых случаях оплакивание может продолжаться до десяти дней после смерти. Женщины при этом *молят умершего* следовать по прямой дороге в царство мертвых, чтобы не заблудиться. Траур не прекращается до *танца*, устраиваемого 1–6 месяцев спустя. По этому случаю специально выбранные индейцы *раскрашивают* близких родственников умершего красной краской и убеждают их стать опять счастливыми и присоединиться к танцу. Те снимают траурную изношенную одежду и надевают новую (Гулткранц, 1996. С. 292, 293).

Якуты после смерти человека *обмывали* его. Эта работа считалась опасной и, по данным некоторых исследователей, обмывание покойника совершалось специальными людьми, занимавшимися погребением умерших. Юрта, где умер якут или якутка, срывалась до основания, и на месте, где лежал больной, *ставили истукана* из скотского помета.

Страх перед умершим был связан с верой в то, что в его теле был злой дух, и он, возможно, еще не покинул его. Особенно нежелательным было поручать обмывание покойников несовершеннолетним, т. к. у них еще не окрепли кости, и им опасно прикасаться к покойнику.

После обмывания тела покойнику *закрывали глаза*, т. к. существовало поверье, согласно которому его открытые глаза предвещали близкую смерть кого-нибудь из родственников. Одевали умершего в прошлом в соответствии с сезоном: летом в летнюю, зимой в зимнюю и, как правило, в лучшую одежду. Существовал специальный термин – *погребальная одежда*.

Гроб с телом умершего ставили на скамью в почетном углу юрты. В этой юрте всю ночь жгли огонь, и родственники по очереди дежурили у гроба. После смерти взрослого человека по обычаю *убивали какую-нибудь скотину*. Убитые кони предназначались для путешествия умершего на тот свет. Коров и телят, видимо, убивали с целью наделить покойного скотом. Мясом убитой скотины угощали тех, кто мыл тело, делал гроб, рыл могилу, а также всех входивших в юрту. Хоронили умершего вначале в тот же день. В конце XIX в. хоронили через три дня после смерти. Это, возможно, произошло под влиянием христианства, т. к. почти все якуты были введены в лоно русской православной церкви.

В прошлом у якутов не было общих кладбищ. Но близких родственников часто хоронили рядом. Нередко вдова просила похоронить ее рядом с ранее умершим мужем. Так же поступали и некоторые вдовцы. Были случаи, когда умершие завещали похоронить их рядом с могилами своих ранее умерших родителей или детей. Родственники в старину не провожали гроб с покойником. Его увозили или уносили могильщики – люди из другой семьи. Им давали *вещи, которые необходимо было положить с умершим при погребении*, без которых он не мог обойтись в пути и на новом месте жительства.

По археологическим данным, в якутских могилах XVIII в. были найдены: оружие – стрелы с железными, костяными и деревянными наконечниками, луки

с налучниками, железные пальмы; орудия труда – ножи в деревянных ножнах, топоры, ножницы, скребницы, ложкообразный предмет; украшения – медный бубенчик, фрагменты серебряных украшений, серебряные и медные серьги, кольца и гривны; посуда – медный котел.

Наиболее распространенным способом захоронения у якутов до прихода русских в XVII в. было «воздушное» погребение на «арангасах». По обычаю, на опушке леса или в глубине выбирали четыре дерева и на высоте около полутора метров срубали их верхнюю часть. После этого деревья соединяли наверху поперечинами. На них устанавливали гроб с трупом. Гробы выдалбливали из ствола одного дерева. Иногда деревья рубили на высоте около метра, и на них сооружали небольшой сруб. В него клали покойника, обернув в бересту, и засыпали землей. Над срубом делали крышу. Гробы с умершими помещали на *перекладинах между ветвей большого дерева* (Алексеев, 1980. С. 177–182).

Непременным и важным элементом похоронных обрядов на Новой Гвинее являются *причитания и песни*. Исполнение их всегда строго регламентировано и обусловлено традицией: точно известно, когда должны исполняться те или иные типы причитаний и песен, и за каждым из этих типов обычно закреплены определенные группы исполнителей (по полу, возрасту и по отношению к оплакиваемому).

При наличии регламентации и жесткой обусловленности исполнение носит подчеркнуто эмоциональный характер. Непосредственное и сильное выражение горя и сочувствия – одна из устойчивых функций причитаний. В этом смысле нет принципиальной разницы между причитаниями на Новой Гвинее и, скажем, в европейском регионе, с хорошо известной специалистам фольклорной традицией.

Наблюдатели отмечали, что характер и особенности исполнения новогвинейских причитаний варьируют в зависимости не только от типов исполнителей, но и от личности (пола, возраста, положения) умершего. Кроме того, изменения в исполнении можно было заметить по мере того, как развивался обряд, на разных его этапах.

У киваи о наступлении чьей-либо смерти деревне сообщали громкими причитаниями. При этом причитали сразу несколько мужчин и женщин вместе, каждый мог делать это по-своему, без всякого согласования. Такие причитания могли продолжаться долго, напоминая стон ветра или вой животного и прерываясь рыданиями.

У капауку родные умершего сразу начинают причитать, при этом обмазывают лица грязью, желтой глиной, рвут на себе платье, едят золу и т. д. Чтобы дать своему горю как можно больше оглашения, плачущий взбирается на вершину холма и там причитает так громко, как только ему позволяет голос. Его «йии-йии-таи» разносится по долине, долетая в самые отдаленные деревни. Родственники, услышав горестную весть, совершают необходимые обрядовые приготовления и спешат присоединиться к оплакиванию. Начальное причитание носит характер не очень организованной цепной реакции: услышав доносящийся откуда-то плач, обитатели соседних хижин подхватывают его, так что в конце концов в этот хор включается вся деревня. Собственно музыкальное опла-

кивание перемежается всхлипываниями, вскрикиваниями и т. д. Гости из других деревень приходят небольшими группами и выражают сочувствие в специальных песнях. Кто-то один в такой группе ведет песню, другие подхватывают ее или выражают свои чувства стонами и возгласами. При этом люди принимают стилизованные позы, трут глаза, шаркают по земле ногами и т. п. Пришедшие женщины могут присоединиться к плакальщицам.

Похоронный обряд в разных районах Новой Гвинеи включал некоторые общие моменты: оплакивание умершего в его доме или в специальной хижине либо в мужском доме, обряжение покойника, перенесение его к месту захоронения, устройство специальной платформы и др. На всех этих этапах обряд, как правило, включал исполнение причитаний и песен. Кроме того, в отдельные моменты *совершались обрядовые пляски*. У орокаива молодые люди танцевали с ручными барабанами. Вождь выкрикивал имя умершего и должен был получить отклик из близлежащего леса. Медленно двигался ряд танцующих, барабаны звучали тихо и нежно, слышалось торжественное низкое «О-ю!», затем в какой-то момент происходил перелом, барабаны начинали греметь, и танец убыстрялся (Путилов, 1980. С. 290–292).

У калашей Гиндукуша обряды первых трех дней после смерти обычно совершаются в клановом доме. Там покойника укладывают на ложе. Присутствующие (женщины приходят без своих шапочек) отдают ему последний долг. На похоронах могут звучать песни и быть танцы. В танцах принимают участие все слои калашского населения, мужчины и женщины, парни и девушки. В промежутках женщины той родственной группы, к которой принадлежал умерший, оплакивают понесенную утрату. К концу третьего дня покойника *с танцами несут на кладбище*, где и хоронят в закрытом гробу на поверхности земли. С ним *кладут еду и орудия для той работы, которой он обычно занимался при жизни*. В последующие дни *бросают корм воронам* в надежде на то, что пища, принесенная в жертву этим способом, достанется покойнику. Она нужна ему до тех пор, пока он не сможет перейти по мосту на тот свет.

Для знатных покойников (у калашей речь может идти только о мужчинах) *устанавливали статуи*, в большинстве случаев около кладбища или у дороги к нему. Обычно это делали через год после смерти. Различают три вида «больших» статуй. Они изображают умершего стоя, на коне или даже в виде всадника на двухголовой лошади. Рассказывают также об обрамляющей статую конструкции типа ворот, с еще двумя фигурами, изображающими слуг покойного (Йеттмар, 1986. С. 397).

На всем протяжении совершения погребального обряда у нгаджу-даяков его исполнительница – главная жрица упо балиан, – то одна, то вместе с помощниками, под постоянно меняющиеся барабанные ритмы производит определенные действия, *одновременно поясняя их словами* то на обычном языке нгаджу, то сразу на двух языках – священном и повседневном. Она подробно описывает все приготовления и жертвоприношения к обряду, действия, которые совершает, т. е. дает как бы указания самой себе, как нужно проводить обряд. Признавая тесную связь слова и действия, следует отметить особую, вполне самостоятель-

ную, роль *слова*, которое в архаичных традициях действует и существует как бы независимо от исполнителя ритуала, имеет самодовлеющую ценность, обладает большой суггестивной силой (Ревуненкова, 1992. С. 87).

У бороро с точки зрения личности любая смерть становится поводом для третьей суда между миром природы и обществом. Враждебные силы, которые составляют мир природы, нанесли вред обществу, и этот ущерб должен быть возмещен: именно в этом состоит роль поминальной охоты. Когда умерший отомщен и за него взят выкуп охотничьими трофеями, он должен быть приобщен к миру духов. В этом состоит назначение величественного погребального песнопения. У жителей селения бороро есть *время дня, которое надделено особой значимостью: это время заклинания вечера*. Когда наступают сумерки, на танцевальной площадке разжигается огромный костер, вокруг которого собираются главы кланов. Разговоры смолкают, и постепенно, ведомые двумя-тремя голосами жрецов, начинаются песнопения, речитативы и хоры, сначала в мужском доме, а потом на самой площадке, которые усиливаются по мере прибывания людей и продолжаются почти всю ночь.

Посреди площадки *куча листьев символизировала могилу*, справа и слева от нее лежали пучки стрел, перед которыми была расставлена посуда с едой. В обряде принимали участие двенадцать жрецов и солистов; у большинства из них на голове красовались широкие диадемы из ярких разноцветных перьев, у других же длинные перья спускались на бедра из-под прямоугольной, плетеной из соломы пелерины, которая покрывала плечи, завязываясь шнурком на шее. Одни были полностью обнажены и раскрашены ровным слоем или кольцами в красный или черный цвет; тела других украшали наклеенные полоски из белого пуха; третьи нарядились в длинные юбки из соломы (Леви-Стросс, 1999. С. 303–305).

Смерть эвенки объясняли уходом души (дыхания) из тела человека. Пережиток такого представления сохранился у баргузинских эвенков. Наблюдалась у них попытка вернуть человека к жизни путем согревания покойника (умершего одевали в несколько одежд) или путем вдувания воздуха (дули покойнику в рот и в нос). Если же умирал младенец, мать, держа его на руках, звала душу обратно и соблазняла ее, подставляя разные лакомства. Боязнь покойника, по-видимому, развилась после появления представления о мире мертвых, когда изменилось отношение к душе: ее стали бояться, и *покойнику начали закрывать не только глаза, но и затыкать нос, рот и анальное отверстие, некоторые завязывали рот, нос, глаза и уши платком*.

Удские эвенки сразу же после наступления смерти раздевали покойника, вытягивали его руки вдоль тела, ноги связывали, лицо покрывали (завязывали платком) и всего обмывали кровью жертвенного животного. Традиция *омовения умершего кровью* в виде обрызгивания его живота и груди сохранялась у баргузинских эвенков еще в XIX в. Позже *кровь была заменена порошком охры или сурика*, которым посыпали все тело. Традиция омовения (обрызгивания) покойника кровью восходит к очень глубокой древности, т. к. начало засыпки его охрой появляется лишь на серовском этапе неолита. У забайкальских эвенков долго продолжала сохраняться традиция обмазывания гроба из-

нутри кровью и устилания его дна можжевельником. К концу XIX в. большинство эвенков слегка обмывало горячей водой грудь и живот усопшего. После обмывания приступали к одеванию в заранее приготовленные и богато орнаментированные одежды, ничего не завязывая и не застегивая. Одетого покойника укладывали на новую шкуру или на кумалан. Прежде жена клала на грудь покойного свою прядь волос (муж укладывал свою ей под мышку). Около мужчины клали пальму или отказ, лук, стрелы, охотничий нож, лыжи, котелок, огневой припас, трубку с кисетом и другие предметы; около женщины – орудия обработки шкур, женский посох, трубку с кисетом и мелкие личные вещи. Обычно, одев покойника, все садились вокруг и приступали к трапезе, время от времени *подбрасывая кусочки еды в воздух*, остатки бросали в огонь. На следующий день сородичи заготавливали долбленную колоду из высохшего дерева или гроб из трех досок (нижней и боковых), которые закрепляли шпёнками на поперечных палках. Уложив покойника со всеми вещами в гроб, покрывали его нюком от чума и выносили *головой вперед через специально открытое отверстие*, расположенное около того места, где находилась его голова перед смертью (некоторые выносили тело умершего через дверку головой вперед). Другие в это время заготавливали помост на двух или четырех столбах и обмазывали все кровью убитого оленя. Мужчину несли мужчины, женщину – женщины, ребенка – отец. Гроб ставили на помост. Под ним *разводили огонь, в который лили жир для окуривания*. Внизу, рядом с помостом, ставили сосуд с жиром, а на деревьях вокруг *развешивали одежду и другие вещи покойного, слегка поломав или порвав их*. Затем убивали верхового оленя (собаку – сымские, ангарские и среднеамурские эвенки; лошадь – забайкальские) и оставляли его под настилом, а шкуры убитых «для крови» животных вешали на дерево около захоронения. Мясо убитых оленей съедали в вареном виде около помоста. После трапезы покойника укрывали шкурой или кумаланом, некоторые прибавляли еще сверху доску. Окончив обряд, пятясь, отходили на небольшое расстояние и возвращались домой. Енисейские эвенки *заваливали иногда свои следы снегом (зимой) или деревьями (летом)*. Ангарские эвенки, кроме того, отрубали все сучья у деревьев, стоящих вокруг помоста. Туруханские эвенки под помостом разводили костер и ждали, пока покойник обуглится. Чужеродцам было запрещено смотреть на труп, лежащий на лабазе, поэтому они, зная это, увидев издали лабаз, старались его обойти (Василевич, 1969. С. 240, 241).

Обрядовая практика не существует вне комплекса символики древнего общества, поэтому она включает универсальную и внеобрядовую символику. Как показывают приведенные примеры, в этом множестве вырисовываются *процессуальные и предметные* группы символов.

Процессуальные символы – это действия-символы. Они проявляются в *кинестических, вербальных и фонических* формах. Предметные символы – это *природные объекты, изображения, вещи и сооружения*, исполняющие символическую роль. И действия, и предметная среда бытуют во времени и пространстве, могут восприниматься как некие фигуры и иметь числовое измерение, а предметы – еще и цвет.

По поверьям тувинцев-тоджинцев, сюнези умершего *семь дней* «*гостит*» у своих родственников и только после этого срока отправляется к предкам, поэтому на охоту выходили только спустя неделю со дня смерти человека. Считалось, что умерший *ровно через год приходит на то место, где он скончался*. Его родственники приезжали туда же, если даже смерть произошла далеко в тайге. Прибыв, разводили около могилы огонь, кипятили чай и пили. Если около костра начинал кружиться пепел, в этом видели знак, что при- был умерший. Тогда брызгали чаем в огонь и молча уезжали (Алексеев, 1980. С. 215).

А вот описание погребения у коряков: «Кострище в виде прямоугольника было около полутора метров высотой. Чтобы костер загорелся сразу, в разные его места среди поленьев были заложены стружки. Умершего возложили на поленницу двое мужчин и женщина. Ориентировав труп *лицом на восток* и развя- зав завязки на капюшоне, они закрыли тело лесинами и хворостом и спрыгнули с кострища, каркая по-вороньи. Костер зажгли *с восточной стороны*. Присут- ствующие угощались и перед сожжением, и во время горения погребального костра» (Гурвич, 1987. С. 83).

Все семанги верят в загробную жизнь. Царство мертвых находится на запа- де, на острове в море. Туда приходят все умершие за исключением халы (жреца- знахаря). В царстве мертвых ведут существование в виде теней и живут подобно тому, как на земле. В семангских погребениях труп кладут *лицом, обращенным к западу*, где, по их верованиям, находится царство мертвых (Религии наименее культурных племен, 1931. С. 112, 118).

У бамбара *три* соответствовало мужскому началу, а *четыре* – женскому. У бете, напротив, число *три* выражало женское начало, тогда как мужское – число *четыре*. Поэтому, работая в поле, женщины отдыхали каждые *три* дня. Наречение именем мальчика происходило на *четвертый* день после рождения. И на *четвертый* день после смерти хоронился мужчина. Женщину погребали на *третий* день после ее кончины.

В ашантийской культуре на почве числовой символики выросло немало раз- личных идей. В народном орнаменте, к примеру, *квадрат* или *ромб* стали выра- жением мужской стороны человеческой личности, а *треугольник* – графическим знаком женственности. *Четырехугольник* символизировал территориальную власть и могущество правителя-мужчины. На шелковой ашантийской ткани «кенте» квадрат повторялся чаще других геометрических фигур. В сочетании с другими знаками он выражал такие чувства, как доброжелательность, теплота, особенно ценимые у мужчин.

Изображение треугольника постоянно встречалось на пекторалях – нагруд- ных украшениях вождя и королевы-матери. Треугольные фигуры помещались на их головные уборы и сандалии. Влюбленный юноша дарил невесте по слу- чаю ее совершеннолетия *трехгранную палочку*. Так он говорил будущей жене, что они должны стремиться к вечной любви, ради которой каждый из них обя- зан быть готовым умереть.

Значение двух чисел не было постоянным. У одних народов, как, скажем, у бете и ашанти, женское начало в обществе, природе, мироздании вообще вы-

ражалось числом три. У других этнических групп, например догонов, бамбара и хауса, это же число становилось мужским знаком. Соответственно изменялось символическое значение в орнаменте треугольника и четырехугольника (Иорданский, 1991. С. 163).

Исследования В. Тэрнера, посвященные цветовой символике, привели его к выводу о том, что три цвета – белый, красный и черный – являются не только основополагающими цветами у изучаемого им племени ндему, но и древнейшими символами в человеческой культуре (Тэрнер, 1983. С. 71–103). Приводимые этнографом примеры могут быть расширены. В погребальном обряде шошонов труп раскрашивается в цвета и узоры, используемые для праздничных ритуалов при жизни, – обычно красные и белые полосы (Гулткранц, 1996. С. 292).

У островитян Малых Антиль умерший мужчина окрашивался красным с черными полосами (Александренков, 1976. С. 208). Малагасийцы после завершения всех приготовлений к похоронам покойника оборачивали в красный погребальный саван (Обычаи и фольклор Мадагаскара, 1977. С. 85). Начиная с эпохи позднего палеолита и вплоть до эпохи бронзы погребенные во многих случаях посыпались красной краской охрой. Меловые, т. е. белые, подсыпки в погребениях эпохи бронзы также не редкость.

Представленные факты свидетельствуют о существовании в погребальной структуре *временной, пространственно-ориентационной, геометрической, нумерической и хроматической* символики.

При реконструкции погребального обряда по данным археологии следует иметь в виду возможную значимость выделяемых элементов символической стороны погребального процесса. Эти элементы, как было показано, весьма многообразны в конкретном воплощении и, безусловно, отражают сложный характер традиционного миропонимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Александренков Э. Г., 1976. Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М.
- Алексеев Н. А., 1980. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск.
- Василевич Г. М., 1969. Эвенки. Л.
- Гулткранц А., 1996. Религии коренных народов Северной Америки // Религиозные традиции мира. М. Т. 1.
- Гурвич И. С., 1987. Новые данные по традиционной обрядности коряков // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск.
- Иорданский В. Г., 1991. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии.
- Йеттмар К., 1986. Религии Гиндукуша. М.
- Леви-Стросс К., 1999. Печальные тропики. М.; Львов.
- Мельник В. И., 2006. Анимистические представления и погребальный обряд // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М.
- Обычаи и фольклор Мадагаскара. М., 1977.
- Путилов Б. Н., 1980. Миф-обряд-песня Новой Гвинеи. М.
- Ревуненкова Е. В., 1992. Миф-обряд-религия: Некоторые аспекты проблемы по материалам народов Индонезии. М.
- Религии наименее культурных племен: Сб. этнографических мат-лов. М.; Л., 1931.
- Тэрнер В., 1983. Символ и ритуал. М.

Е. С. Бакшеев, Ю. А. Смирнов

ДВУСТАДИЙНАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ОКИНАВЫ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В археологической литературе¹ неоднократно рассматривались примеры первичных (первых) и вторичных (повторных) захоронений в различных культурах. Стандартный процесс посмертного обращения с телом умершего в любой культуре представляет собой трехчленную композицию, в которой все действия распадаются на три относительно самостоятельные и в то же время взаимосвязанные фазы: 1) «предваряющие» обрядовые действия (сохранение или уничтожение тела); 2) «завершающие» обрядовые действия (погребение или выставление); 3) «последующие» обрядовые действия (помятие или непомятие). При этом в разное время и в конкретных ситуациях прохождение этих фаз может осуществляться как последовательно, так и одновременно (Смирнов, 1997. С. 24–26, 92, 156, 171, 241, 242). Действительно, например, на Окинаве помятие начинается уже в фазе «предваряющих» действий – стадии предварительного «захоронения» – и, таким образом, все действия фактически сводятся к двум стадиям.

В работах по истории и культуре Японии также говорится о «временном захоронении» и «повторных захоронениях», однако комплексного представления и понятия о системе, состоящей из этих двух последовательных стадий, до последнего времени не было выработано, и обобщающего термина не имелось. Е. С. Бакшеевым в отечественный научный оборот было введено понятие «двустадийная погребальная обрядность», под которой понимается целостный комплекс погребально-поминальной обрядности, включающий в себя первичное и вторичное захоронения и сопутствующую им обрядность. *Двустадийная погребальная обрядность* – это погребально-поминальная обрядность, которая представляет собой не единовременное (первое и окончательное) захоронение, а два последовательных захоронения, разделенных некоторым, иногда весьма продолжительным, промежутком времени, – т. е. предварительное (временное) и постоянное (окончательное) захоронения (Бакшеев, 2005б. С. 3).

С древнейших времен двустадийная погребальная обрядность, связанная с временным выставлением (иногда на весьма длительный срок) или временным погребением тел умерших и последующим окончательным захоронением их скелетированных останков, была широко распространена по всей Ойкумене. Эти обычаи, под воздействием разных причин, возникали у разных народов в разные эпохи (начиная с палеолита; см.: Смирнов, 1991) и так же исчезали впоследствии, в особенности в связи с распространением мировых религий. Исследователями погребальной обрядности признано, что проблеме перезахоронения

¹ В японской науке в значении «двустадийное захоронение» используются термины *нидзю:со:* и *фукусо:*; в англоязычной литературе – «double burial».

человеческих костных останков, вторичного обращения с ними или сознательной манипуляции до сих пор не уделялось широкого внимания (Schroeder, 2001. P. 77). Между тем, несмотря на кажущееся очевидное преобладание «обычной», т. е. одностадийной, погребальной обрядности, статистические исследования выявили у 75% обществ наличие вторичных, или окончательных, погребальных обрядов² (Rosenblatt et al., 1976).

Двустадийная погребальная обрядность является одним из основных типов погребально-поминальной обрядности населения Японии и Окинавы (о-вов Нансэй) на протяжении всей их истории (Бакшеев, 2005б)³. Модель такой обрядности воспроизводилась в различных формах в каждую историческую эпоху: например, *сэнкоцусо*: («захоронение омытых костей») и *сайсо:бо* («могилы с вторичными захоронениями») в доисторические эпохи дзёмон и яёй, *могарри* (выставление тела в специальной постройке с последующим погребением) в эпохи яёй, кофун и асука и реставрация этого обряда в погребальных церемониях императорского дома в новое время, *рё:босэй* («система двух могил») и практика перезахоронений вплоть до нашего времени. Буддизм, пришедший с континента, был включен в эту общую парадигму; примером служит обряд *но:коцу* – выставление кремированных останков в буддийских храмах (с XI в. н. э.) (Бакшеев, 2005а; 2005б).

Пространственные границы настоящей статьи определены культурно-историческими ареалами народов, родственных по происхождению, языку и культуре: собственно японцев и окинавцев. Культуры Японии и Окинавы можно назвать вариантами развития одной этнокультурной общности. Погребально-поминальная обрядность – как и вся традиционная культура Окинавы – «лежит на перекрестке» культур Японии, Китая, Юго-Восточной Азии и Океании и во многом сходна с древнеяпонской. Культура Окинавы еще в большей степени, чем Японии, – «культура изолята», сохранившая до последнего времени «законсервированные» культурные формы (особенно погребальной обрядности) Тихоокеанского региона различных эпох.

В общепринятом понимании «Окинава», а в строгом смысле «о-ва *Нансэй*» (букв. Юго-Западные о-ва), – это цепь островов⁴ юго-западной оконечности Японии – между самым южным большим японским о. Кюсю и о. Тайвань. Окинава вошла в состав японского государства только во второй половине XIX в., а до этого в течение нескольких веков имела свою государственность – Королевство Рюкю. Население Окинавы имеет общие корни в антропологическом, культурном и языковом отношениях с остальной Японией, но из-за ее природных, исторических и культурных отличий занимает особое место среди других регионов Японии, здесь сформировалась самобытная культура; окинавцы, т. е. население о-вов *Нансэй*, – это этническая группа или субэтнос общеяпонского этноса.

² При этом вторичные погребальные обряды более характерны для оседлых обществ, чем для кочевых (Schroeder, 2001. P. 88).

³ Это справедливо и для всей Восточной и Юго-Восточной Азии, где широко распространены различные двустадийные погребальные обряды, а погребально-поминальная обрядность имеет много общего с Японией и Окинавой.

⁴ Архипелаги Сацунан, Окинава и Сакисима – 160 островов.

В настоящее время на о. Окинава и других островах *Нансэй* можно наблюдать сохранение традиционных похоронных ритуалов, соотносимых с обрядностью, существовавшей в «Большой Японии» на протяжении нескольких тысячелетий (с эпохи дзёмон). Более того, исследователи имеют возможность объяснить последовательность действий участников погребально-поминальных церемоний на каждом из его этапов с социально-идеологических позиций, что, как нам кажется, представляет особый интерес для специалистов.

* * *

Для того чтобы было понятно, в каких археологически фиксируемых формах двустадийная погребальная обрядность осуществлялась в древности, необходимо сделать краткий исторический экскурс в археологию Японии под тафологическим углом зрения. Это делается и еще по двум важным причинам. Во-первых, для русскоязычного читателя археология Японии является не самой открытой областью. Достаточно сказать, что из монографических исследований на русском языке существует только довольно давняя книга М. В. Воробьева (1958), написанная в основном по материалам еще довоенных раскопок японских археологов. Археологии Японии посвящены и немногочисленные другие работы (Иофан, 1974; Васильевский, 1981; Васильевский и др., 1982; Арутюнов, 1982; Деревянко, 1986). В остальных же трудах, носящих обобщающий исторический характер (Воробьев, 1980; Мещеряков, 1998), археологические темы занимают не главное место. Во-вторых, собственно двустадийной погребальной обрядности посвящены только статьи и диссертация одного из соавторов, специально занимающегося этой проблематикой и проводившего исследования на островах Окинавы (Бакшеев, 2000; 2001; 2005а; 2005б).

Как и повсюду, уже с эпохи среднего палеолита человек начинает проявлять заботу о своих умерших (Смирнов, 1991), но в древности, а у некоторых народов и до настоящего времени, она, как уже сказано, в основном археологически не фиксируется. Речь идет об оставлении тел умерших на поверхности земли, как на открытых, так и в «закрытых» (пещерах, гротах, навесах, скальных расщелинах) местах, с присыпанием землей и/или прикрыванием тел стеблями и ветвями растений (как разновидность – размещение тел умерших на деревьях). В Японии подобные обычаи просуществовали до позднего средневековья и известны по письменным источникам (мифолетописные своды, поэтические антологии, дневники; см.: Бакшеев, 2000. С. 47, 48).

Для эпох мезолита и неолита от Скандинавии до Японии известен обычай оставления (захоронения) умерших в раковинных кучах. Первые погребения в Японии связаны с культурой дзёмон⁵. В палеолите и мезолите Японии (протодзёмоне, называемом так в связи с появлением керамики 12–11 тыс. л. н.) захоронения пока неизвестны.

⁵ Культура дзёмон, считающаяся в Японии неолитической, существовала на всем архипелаге и охватывала в отдельных районах период от X до I тыс. до н. э.

Для эпохи раннего и среднего дзёмон известны погребения взрослых в земле, как правило, в скорченном положении, засыпанных охрой, а также в раковинных кучах. В отличие от взрослых, погребения детей совершались в специальных урнах (Elisseeff, 1973. P. 109,110; Деревянко, 1986. С. 345).

Известны два вида кувшинных детских захоронений, совершенных в маленьких погребальных урнах (тип – «глубокая миска»). Они хоронились либо в ближайшей раковинной куче, либо непосредственно в жилище, у входа, под порогом или в других его местах, где было особенно активное хождение жильцов⁶ (Эсака, 1983. С. 30). Некоторые исследователи полагают, что та же практика была принята «в Северном Китае начиная с культуры Яншао до династии Хань» (Elisseeff, 1973. С. 140).

Такой тип захоронений интерпретируется как проявление родильной магии, отражавшей веру в воскрешение/возрождение ребенка, когда желали, чтобы мертворожденный или умерший младенец вернулся живым в материнскую утробу (Эсака, 1983. С. 30). В самой землянке устраивали алтарь, у которого проводили обряды. По мнению японских исследователей, такое жилище уподоблялось чреву, а вход в него – детородным органам «Матери – богини земли»: душа ребенка выходила из Богини, попадала в чрево женщины и оплодотворяла его, когда та наступала на зарытую под порогом урну с останками младенца. Внутри таких оссуариев и рядом с ними археологи находят *сэкибо* (каменные палицы с фаллическими навершиями) – магические фетиши, стимулирующие зачатие и размножение.

В период дзёмон появляются *догу* – глиняные фигурки, имевшие различное ритуальное предназначение, в позднем и финальном дзёмон они были особенно тесно связаны с погребальным обрядом. Их находят как в могильниках, так и в специальных миниатюрных кенотафах (Васильевский, 1982. С. 160; Имамюра, 1996. С. 101), где они фактически выполняли роль «погребальных манекенов» – заместителей усопших (Смирнов, 1997. С. 176).

Среди *догу*, впервые появившихся в начале периода дзёмон, с его середины обнаруживаются изображения беременных женщин. В финальном дзёмон внутри таких полых фигурок вкладывали изображения младенцев (Ёсида, 1991. С. 18, 19). В конце дзёмон – в преддверии яёй (энеолит: середина I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) – *догу* обрели еще одно специфическое назначение. Часть из них фактически трансформировалась в фигурные оссуарии – сосуды, имеющие форму человеческого тела. В Северо-Восточной Японии их находят погребенными с детскими останками внутри. Причем небольшие размеры (высота до 25 см) таких *догу*-оссуариев и их форма указывают на то, что это вторичные захоронения, когда в полые фигурки помещали только птоматомированные (скелетированные) останки (Васильевский, 1981. С. 133; Эсака, 1983. С. 321; Деревянко, 1986. С. 346; Imamura, 1996. С. 120).

Захоронение детских останков в «утробе» женских фигурок подразумевает ту же логику смерти и магического возрождения, что и при захоронениях в

⁶ Детские захоронения (иногда без урн) отмечались под входом в землянки даже в периоды кофун и асука (конец III – начало VIII в.). Курганный период (яп. *кофун*) по определению характеризуется сооружением погребальных курганов и типологически соответствует железному веку. Его датировка может варьироваться.

урнах под полом жилищ, и связывается с верой в Мать – богиню земли. Такой тип захоронений означает, что в то время представления о смерти и плодородии были взаимосвязаны (Ёсида, 1991. С. 20, 21; Imamura, 1996. С. 97). Каменные фаллические символы (в вертикальном положении) обнаружены и на погребально-поминальных комплексах среднего дзёмон (префектура Яманаси), состоявших из могил (под каменными насыпями) и каменных «алтарей» (Сахара, 1987. С. 225).

В среднем дзёмон уже известны захоронения скелетированных (эскарнированных) останков взрослых людей, помещенных в глубокие остродонные глиняные сосуды (высота 60 см, диаметр горловины 50 см), с отверстием в дне, сделанном намеренно уже после обжига и погребенных в раковинных кучах.

В позднем и финальном дзёмон появляются кувшинные захоронения в узко- и широкогорлых сосудах под каменной наброской, содержавшие разрозненные выветренные кости взрослых, что также указывает на их вторичное захоронение (Васильевский, 1982. С. 184; Воробьев, 1958. С. 53).

В позднем дзёмон в Восточной и Северо-Восточной Японии отмечаются случаи перезахоронений предыдущих погребений. В одних местах, в раковинных кучах, созданы «неолитические остеотеки» (кости сложены в беспорядке). В других, возможно, в соответствии с представлениями о возрождении или посмертном существовании, из костей скелета сложены подобия четырехугольных фигур, в которых длинные кости составляли стороны четырехугольника, мелкие и плоские были сложены внутрь, а в углах находились фрагменты черепов⁷ (Воробьев, 1958. С. 34–36).

Когда способ захоронения предполагает не разовые, а повторные действия в отношении останков, то такой тип захоронений называется, в частности для периода дзёмон, *сэнкоцусо*: (букв. «захоронение омытых костей»). Вторичное захоронение до последнего времени было распространено в тихоокеанской зоне от Южной Кореи до островов Окинава и Амами, Тайваня, Южного Китая и Юго-Восточной Азии. Обычай перезахоронения останков, сохранившийся до наших дней на тихоокеанском побережье Кюсю и Хонсю, восходит к древним традициям вторичного захоронения. При вторичном захоронении, на первой стадии посмертного обращения, тело на несколько лет выставляют под открытое небо (в горах, лесу, на помосте, под навесом), или оставляют в пещере, или же погребают в земле. Очищенные естественным путем кости тщательно моют водой, например, в реке, а затем уже погребают в глиняных сосудах, помещая их в землю, в скальные углубления или в различные склепы.

Омывание костей понимается и как омовение духа покойного, чтобы тот, очистившись от скверны смерти, смог уйти в иной мир (Сахара, 1987. С. 202). На Окинаве омывание костей считается одним из способов деификации духа усопшего (см. ниже).

⁷ Например, в китайской неолитической культуре Яншао во вторичных захоронениях (коллективные погребения взрослых) кости скелетов, переносимые в новое место, обычно складывали перед их черепами, уложенными в ряд. Первичные захоронения заметно отличаются; это индивидуальные погребения: усопший лежит на спине в вытянутом положении (Кучера, 1977. С. 60, 63. Рис. 29).

В среднем и позднем дзёмон строились поселения, имевшие концентрическую структуру (Imamura, 1996. С. 94). В центре находился круглый в плане могильник, состоящий из могил под каменными кладками; он был окружен кольцом из нежилых деревянных строений на сваях; следующее кольцо – жилища типа землянок; внешнее, четвертое, кольцо – ямы-хранилища. Таким образом, нежилые свайные постройки как бы находились на границе двух миров – живых и мертвых; считается, что такие постройки использовались для хранения тел умерших в течение снежной и относительно холодной зимы, т. е. захоронения в земле проводились весной (Сахара, 1987. С. 208, 209). Эти предположения подтверждаются этнографическими данными об аналогичной практике у народов Дальнего Востока и Сибири, которые держали в течение зимы тела покойников в срубных лабазах на столбах.

В позднем дзёмон существовали и другие варианты двустадийной погребальной обрядности: например, в Северном Тохоку был раскопан памятник Исэдо, представляющий собой каменное кольцо, внутри и снаружи которого вырыто более сотни могильных ям, в которых не были обнаружены человеческие останки. Однако ямы выглядели так, будто не были засыпаны вынутым из них грунтом, – их по несколько раз расширяли, а дно перекапывали, т. е. использовали многократно. Кроме того, могильные ямы по периметру были окружены следами от столбовых ям, по всей вероятности, для навесов. Можно сделать вывод, что в эти открытые могильные ямы под навесами на определенное время помещали тела покойников перед их погребением в постоянных могилах⁸.

В своей классической форме (придворный обряд VI–VII вв.) обряд *могари* как первая стадия двустадийного погребального обряда предстает главным образом не как захоронение, а как ритуальное выставление тела в специальной постройке (Бакшеев, 2000; 2005а; 2005б). Выставление, иначе экспонация, – процесс и местонахождение тела умершего в незахороненном (неизолированном или частично изолированном) состоянии (Смирнов, 1997. С. 25, 156). Таким образом, уже в позднем дзёмон появляется прообраз *могари* (в виде ритуального выставления) в различных его модификациях.

В конце финального дзёмон – начале еёй на некоторых глиняных сосудах для хранения посевного риса появляются человеческие личины, интерпретируемые как изображения «души риса» или слившегося с ней духа предка; на оссуариях такие личины могли служить погребальными масками. В позднем – финальном дзёмон в Тохоку и на Хоккайдо тоже появились глиняные маски, а также маски на кожаной или иной основе с глиняными деталями (нос, рот, уши), которые на-

⁸ Некий аналог этому можно видеть, например, в погребальном обряде ирменской культуры (Западная Сибирь, конец XI – конец IX в. до н. э.), при котором вокруг незасыпанных могил возводились стенки (оградки) из дерна (т. н. дерновой домик), где останки в течение определенного времени находились открытыми; затем совершалось вторичное захоронение (Зах, 1997. С. 82, 83). В бойсманской неолитической культуре (Южное Приморье, побережье Японского моря) вторичные захоронения совершались бессистемно в старых первичных погребениях (круглые ямы); в могильнике Синкайло (КНР, оз. Ханка, 300 км к северу от бухты Бойсмана) для вторичных погребений выкапывались отдельные ямы, кости в них находились в определенном порядке (Попов и др., 1997. С. 21).

девали на покойников (или возлагали на могилы) (Сахара, 1987. С. 203). Такой обычай можно рассматривать как действия по восстановлению тела усопшего⁹ («воссоздание плоти», «маскарация»; см.: Смирнов, 1997. Табл. 4).

Находят также *догу* (некоторые до 1 м высотой) с изображением масок на лице (Эсака, 1967. С. 140); они использовались в различных обрядах, возможно, в качестве «погребальных манекенов». У некоторых из этих *догу*, на плакетках с личинами, а также у глиняных масок (диаметр ок. 15 см) и *догу* в так называемых «снежных очках» («с глазами в виде кофейных зерен») ¹⁰, глаза изображены закрытыми (зжмуренными). Такие личины, очевидно, являются изображениями существ, принадлежащих к миру смерти, – покойников, духов смерти. (В скобках отметим, что для Запада «лицевые урны» и «антропоморфные саркофаги» – явление гораздо более позднее.)

Традиция вторичных захоронений и связанных с ними обрядов продолжается в период яёй. Отмечается, что в районе Канто в период яёй «частые находки нескольких костяков в одной и той же могиле или глиняном сосуде указывают на то, что захоронение проводилось в две стадии, до и после исчезновения мягких тканей» (Elisseeff, 1973. С. 139).

По мнению японских ученых, лицевые урны применялись в обрядах вторичного захоронения, чтобы воссоздать облик покойного и почтить его память, т. е. с функцией *катами*. В письменных источниках VIII в. *катами* («видимый образ», «зримый облик усопшего») – предмет, человек или место, воспринимавшиеся как вместилище духа усопшего.

На Северном Кюсю в раннем яёй вторичные захоронения проводились в каменных гробах-ящиках ¹¹, которые являлись ритуальным центром могильника и были окружены кувшинными и ямными погребениями (Эсака, 1983. С. 258).

В конце дзёмон – начале яёй и в Восточной, и в Западной Японии создавались погребальные сооружения мегалитического типа, связанные с вторичными погребениями. О непосредственной связи мегалитической традиции захоронения в каменных гробницах в курганах периода кофун (курганский период – железный век: середина III – середина VII в. н. э.) с практикой вторичного захоронения хорошо известно из письменных источников VIII в.

Итак, археологические данные свидетельствуют о том, что по крайней мере со среднего дзёмон по яёй и далее, в кофун, в погребальном обряде Японии существовала стадия предваряющих действий в отношении усопшего в различных формах (экспонация, ингумация, фумигация/кремация, экскарнация и др.),

⁹ Например, в таштыгской культуре (Минусинская котловина, I–IV вв.), в которой трупы до похорон помещали в некое хранилище, на мумии или погребальные куклы при погребении накладывали маски (Вадецкая, 1992. С. 236–240; Медникова, 2001. С. 236–243).

¹⁰ Такие же глаза – у знаменитой золотой погребальной «маски Агамемнона» и у не менее знаменитого «моделированного» черепа из Иерихона В, в глазницы которого были горизонтально вставлены раковины каури (Медникова, 2001. С. 230, 231. Рис. 9.5). Закрытые глаза – слепота, слепота – атрибут смерти. (Русское жаргонное название покойника – «жмурик»!)

¹¹ «Ящики делались не для одного определенного лица, в них оказываются останки ряда лиц, умерших в разное время» (Воробьев, 1980. С. 104).

которая соответствовала стадии *могари* в придворном погребальном обряде VI–VII в., известной по письменным памятникам VIII в. – «Нихон сёки», «Кодзика», «Манъёсю».

С распространением буддизма в Японии, с начала VIII в., обряд *могари* продолжает практиковаться при царском дворе (при этом, после ритуального выставления тела следовала кремация по буддийскому обычаю); его объем и значение неуклонно снижались в кругу знати, превращая его в архаический пережиток. При этом оставались сами основы традиции двустадийной погребальной обрядности, которой продолжали следовать в различных формах до новейшего времени в «Большой Японии» и которая сохраняется до сих пор в удаленных от «цивилизации» уголках Японии, например, на о-вах Окинавы.

Погребально-поминальная обрядность Окинавы. Рассматриваемая форма ритуалов (случаи «чрезвычайной» смерти не рассматриваются) в основном сложилась в XIX в. и во многом сохранялась еще во второй половине XX в. Особо важно то, что погребально-поминальная обрядность Окинавы сходна с древнеяпонской. Используются данные полевых исследований одного из авторов.

В целом традиционная погребальная система Окинавы (примером может служить о. Хатэрума из самой южной группы о-вов Яэяма) схематично состоит из трех фаз:

- 1) гроб помещается в центр погребальной камеры гробницы;
- 2) через 3–5 лет – гроб открывают, кости моют и кладут в урну;
- 3) через 33 года – кости укладывают у задней стенки гробницы.

В соответствии с этим гробница обычно состоит из трех частей: в центре место оставляют свободным; урны с костями ставят по бокам, самые старые – назад, в глубину; на возвышении сзади или в отдельной секции «под прямыми углами к погребальной камере» есть место, где складывают кости из урн.

Типы погребальных сооружений Окинавы. Типы традиционных погребальных сооружений Окинавы весьма разнообразны; по форме их можно разделить на два больших класса: «ниши» и «сооружения» на дневной поверхности. Главный материал у всех – камень.

1. Тип «ниши»:

- а) тип «пещеры»: естественные пещеры; пещеры с заваленным камнями входом; захоронения под скальными навесами;
- б) тип «тоннели» (букв. «зарытые в “землю”»): вырубленные в отвесной скале ниши; тип «панцирь черепахи» (каменные склепы китайского происхождения, уходящие в склон холма); со щипцовой (двускатной) крышей; с односкатной крышей; «тоннели», вырытые в слое песчаника.

2. Тип «сооружения» на дневной поверхности:

- а) тип «домики»: «домик» из камней со щипцовой (двускатной) крышей и «полевой домик» (стены сложены из камней, крыша из тростника);
- б) тип «ящики»: мегалитические гробницы о-вов Мияко XIV–XV вв. (окин. *мя:ка*); прямоугольные в плане гробницы из каменных блоков;

«ящик» – маленькая могила из каменных кирпичей для временного захоронения в случае «необычной» смерти и детских захоронений; «ящик» с каменным надгробием японского типа (Накама Гисё, 2002. С. 64).

Древнейший способ захоронения на Окинаве – оставление тела в открытых пещерах и расщелинах в скалах вдоль морского побережья (останки находили до 1965 г.). Захоронения под скальными навесами восходят к традиции «воздушных захоронений». Изначально на месте «воздушного захоронения» в гористой местности позади деревни или на склонах утесов, которое являлось первичным захоронением и называлось «горой смерти» (яп. *госё:яма* – букв. «будущая жизнь», «тот мир»), останки очищались естественным образом. После этого их укладывали под скальные навесы и в пещеры. Возможно, что сами скальные навесы и пещеры использовались для «воздушного захоронения», а также совмещали первичные и вторичные захоронения. Некоторые исследователи полагают, что влияние традиции «воздушного захоронения», сказавшееся на морском побережье о. Кюсю в доисторические времена и в древности, пришло в Японию по пути «южной культуры» (из Южного Китая и Юго-Восточной Азии) через о-ва Окинавы и Амами (Татэхира Сусуму, 1992. С. 115).

В зависимости от региона на Окинаве места захоронений могут находиться как близко, так и далеко от деревни. Первичные захоронения располагались сравнительно близко от деревни, вторичные – дальше: на расстоянии 1–2 км. В древности могилы могли находиться на территории усадьбы. До конца XIX в. детей до 7 лет хоронили возле дома.

Гробницы китайского типа (например, типа «панцирь черепахи») были изначально заимствованы из южно-китайской провинции Фуцзянь примерно в XIV в. На о. Хатэрума (о-ва Яэяма) самым старым могилам по 400–500 лет. Они называются «могилами для выбрасывания тела» (яп. *сутэбака*) и прежде использовались для первичного захоронения. Теперь в них захоронения не производятся, и они почитаются в качестве «церемониальных могил», т. е. могил, использующихся только для проведения поминальных обрядов. Внутри¹² укладывали тело, сверху накрывали только соломой и камнями. На о. Исигаки (о-ва Яэяма) такие же могилы назывались «полевыми домиками» и использовались до 70-х гг. XX в.; они, как и традиционные жилые дома крестьян, имели крыши из тростника. «Могилы для выбрасывания тела» – прототип закрытых могил, появившихся позже. Часто задняя часть такой могилы была вкопана в склон низкого холма.

Видимая часть иногда накрывалась коралловыми плитами в виде зонта, что создавало эффект могил типа «панцирь черепахи», распространенных на главном о. Окинава и других больших островах. Вход закрывался толстой плитой коралла. Иногда погребальная камера, накрытая такой плитой, была полностью скрыта под землей (могила ямного типа – букв. «опущенная могила»). В гробнице средних размеров около 10 урн. Вход в гробницу обращен на север (в жилом

¹² У них четырехугольная каменно-коралловая стена высотой 1 м, со стороной 3–4 м.

доме – на юг). С XVIII в. на Окинаве при устройстве мест захоронений стали применять китайскую систему *фэньшуй*.

На о. Тарама (самый южный из группы островов Мияко – ближе к группе Яэяма) гробницы построены из больших камней и могут иметь форму пещеры, глубоко уходящей в склон горы; очевидно, что они произошли от пещер. Такие сооружения состоят из самой гробницы, внутреннего дворика с алтарем, идентичным домашнему алтарю, и внешнего двора. Внутренний дворик отгорожен от внешнего высоким забором; дверь в гробницу всегда заперта.

Королевский мавзолей Тама-удун. Королевский мавзолей Тама-удун («Великий дворец¹³ Души») 500 лет назад (в 1501 г.) был перестроен королем Сё Син для перезахоронения останков своего отца – короля Сё Эн (умер в 1476 г.). Мавзолей состоит из трех камер – трех каменных гробниц со щипцовой (двускатной) крышей, стоящих впритык друг к другу (торцами). Средняя камера (*сирухираси*) использовалась для помещения гробов с телами усопших правителей и всех членов королевской семьи до экскарнации (очищения в обряде «омывания костей» *сэнкоцу*), т. е. для первичного «захоронения» (выставления). Левая и правая – для вторичного захоронения после «омывания костей»; левая (для наблюдателя справа; восточная) – для хранения костных останков королей и королев, правая (западная) – для костей других членов семьи.

Внутреннее пространство погребального сооружения и посмертный статус покойника. Традиционные искусственные погребальные сооружения (склепы) Окинавы, как указывалось, имеют различный внешний вид, но внутренняя структура в принципе одинакова. Передняя часть склепа усыпана гравием и называется «местом для сбора жидкости» (окин. *сирухираси*, яп. *сиру-о хосу* – «осушать жидкость»); сразу за порогом параллельно ему идет отводной ровик.

В центре склепа находится каменная платформа (букв. «среднее место»), на которую ставят деревянный гроб (материал – криптомерия). За ней и по бокам – двухступенчатый «алтарь», который состоит из «средней ступени» и «верхней ступени» и на котором стоят оссуарии с очищенными костными останками (как правило, это керамические кувшины или ящики; высотой 50–70 см; с крышкой). За «верхней ступенью» «алтаря» – у задней стенки погребального сооружения – углубление, которое называется «тот мир» (яп. *госё*, букв. «будущая жизнь», «тот мир»). Относительно небольшой (ок. 1 × 1 м) вход в склеп заложено камнями и замазан глиной.

Изменение положения останков в таком пространстве в идеале должно соответствовать изменению посмертного статуса покойника. До 49 дня (иногда до 1 года) после смерти усопшего называют «нынешний человек»: он еще не отделен от своей семьи и «ходит» от могилы к дому. В семье также еще сильно чувство, что усопший «еще живет с нами»: три раза в день ему подносят угощение (о кормлении умерших у других народов см. также: Смирнов, 1997. С. 89, 90).

¹³ «Удун» («великий дворец») – название административных и жилых зданий королевского дворца и поместий высшей знати на Окинаве.

После 49 дня по смерти усопшего называют «предок» (букв. «родитель-человек»): он порвал связи с «этим миром» и стал человеком «того мира» (яп. *госё*). Через несколько лет очищенные костные останки помещают в оссуарий и ставят на «среднюю ступень» «алтаря», а с годами переставляют на «верхнюю ступень». Через 33 года после смерти кости перекаладывают из оссуариев в канавку («тот мир») и смешивают с другими останками. Теперь усопший теряет индивидуальность и становится анонимным коллективным предком.

Иногда «место для сбора жидкости» (окин. *сирухираси*) и место для хранения очищенных костей расположены в разных камерах одного погребального сооружения, а иногда – разделены и находятся не в одном, а в разных погребальных сооружениях, но поблизости – на одном погребальном комплексе. Последнее характерно для могил типа «полевой домик» и «пещер»; у могил типа «панцирь черепахи» и с двухскатной крышей они расположены вместе, в одном погребальном сооружении (Синтани, 1991. С. 273). До конца XIX в. у части крестьянства места первичного («воздушного захоронения») и вторичного захоронения (хранения очищенных костей после экскарнации) были разделены, а среди знати с древности обе стадии захоронения осуществлялись в одном погребальном сооружении (Хэсики, 1995. С. 53). Исследователь Накама Гисё полагает, что изначально существовали два отдельных места захоронения: временное захоронение для естественного очищения костей от плоти («место для сбора жидкости») и постоянная могила, которая называлась просто «могила» или «предки»; впоследствии две стадии захоронения были соединены в одном погребальном сооружении (по: Там же. С. 58).

Первичное захоронение. Итак, посмертное обращение с телом усопшего на Окинаве включает в себя первичное и вторичное захоронения. Первичное захоронение проводится сразу же после смерти: гроб с телом помещают в погребальное сооружение. Вторичное захоронение проводится через несколько лет после смерти: в то же погребальное сооружение ставят оссуарии с очищенными костными останками.

При первичном захоронении перед самым входом в склеп ставят фарфоровые чашки с клецками, рисовой водкой и чаем, курильницу. У погребального сооружения также оставляют одну временную поминальную табличку, а также обувь, посох, шляпу и накидку, что является символом странствия (пути) в иной мир (на самом покойнике белое «божественное одеяние»).

После первичного захоронения, означающего факт биологической смерти, статус «души» определяется как «промежуточное состояние» (букв. «страдания»). Считается, что до 49 дня после смерти, когда идет отделение костей от плоти, покойный «сильно мучается»; родные почти каждый день приходят на могилу; в этот период положение усопшего нестабильно: он еще не достиг иного мира и пока находится в переходном (промежуточном, лиминальном) состоянии¹⁴.

Обряды 49 дня. После 49 дня после смерти усопшего называют «родитель-человек»: он порвал связи с «этим миром» и стал человеком «того мира».

¹⁴ Такое состояние находит соответствие в 40-дневных мытарствах души в христианской традиции.

Согласно народной соматологии Окинавы (равно как и Кореи, и всей Юго-Восточной Азии), человек состоит из «души» и тела, которое, в свою очередь, складывается из плоти и костей. Плоть и кровь считаются унаследованными от матери, а кости являются символом «семени», воспринятым от отца. Считается, что отделение костей от плоти происходит на 49 день. В этот день у погребального сооружения проводится один из серии обрядов «отделения мертвых от живых». Шаманка «беседует» с усопшим и убеждает его душу навсегда уйти в иной мир.

На 49 день поминальную табличку, обувь и другие предметы, оставленные у погребального сооружения, сжигают. Угощения теперь подносят не ежедневно, а только по особым дням. Это значит, что усопший «прошел» длинный путь и достиг мира мертвых¹⁵. На о-вах Мияко говорят, что по завершении обрядов 49 дня усопший «становится божеством» (на главном острове Окинава считается, что это происходит только через 33 года после смерти).

Вторичное захоронение и другие обряды. Через нечетное количество лет (3–5–7–9 и т. д.) или когда в погребальное сооружение вносят следующего усопшего, женщины-родственницы усопшего проводят экскарнацию (обряд «омывания костей» *сэнкоцу*): останки извлекают из склепа, очищают от плоти большими деревянными палочками, руками моют водой (иногда в море) или рисовой водкой, досуха обтирают тканью или бумагой, помещают в оссуарий и накрывают крышкой. Порядок укладки костей призван «восстановить» тело усопшего: в самом низу укладывают кости пальцев ног, а в поперек всех костей – череп. На крышке оссуария (изнутри) пишут имя покойного и дату смерти; сосуд ставят на среднюю ступень «алтаря», а с годами переставляют на верхнюю.

После этого обряда тело редуцируется до костей, служащих символом патринейности. На некоторых островах Окинавы уже обряд «омывания костей» переводит покойника в статус «божества» (яп. *ками*).

На Окинаве смерть означает не только разделение души и тела, но и костей и плоти. Освобождение от плоти очень важно для усопшего; до того он еще не стал «настоящим покойником» и все еще пребывает в промежуточном (лиминальном) состоянии. Если в обряде «отделения мертвых от живых» на 49 день в иной мир отправляется душа усопшего, то только после полного освобождения костей от плоти душа и его «тело» (костные останки) совместно вновь воссоздают усопшего индивида.

Итак, на Окинаве в контексте погребально-поминальной обрядности плоть символизирует «жизнь», «женское» и «скверну»; кости – «смерть», «мужское» и «священное». Костные останки усопшего на Окинаве, как и в Японии, символизируют концепты личности и социальной идентичности.

Обряд «омывания костей» (сэнкоцу). И на Окинаве, и в Японии после первичного обращения с телом в целом выделяются два типа отношений с костными останками:

¹⁵ У славян-православных на сороковой день устраивается «отпуск души», или «проводины», когда душа окончательно покидает землю.

1) тело и кости оставляют без всякой заботы, как будто это действительно просто «безжизненные останки». В таком случае считается важным поклоняться только духу усопшего;

2) из-за тесной связи между телом/костями и духом духу поклоняются через посредство костных останков (но это не поклонение самим костям). Самой развитой формой такого подхода является обряд «омывания костей» (*сэнкоцу*) на Окинаве.

Южная граница обряда «омывания костей» в японско-окинавском ареале – о-ва Яэяма и о. Тайвань, северная – о-ва Амами (на о. Танэ и о. Яку – уже нет; есть только на о. Акусэки). Аналоги такого обряда широко распространены в континентальной и островной Юго-Восточной Азии, у ханьцев (китайцев) о. Тайвань, в Южном Китае, юго-западной части Корейского п-ова; он особенно сходен с аналогичным обрядом Китая и ханьцев о. Тайвань. Для проведения обряда *сэнкоцу* лучше всего время «Праздника усопших» о-Бон (несколько дней с седьмого числа седьмого месяца по лунному календарю), когда считается, что усопшие приходят с того света в мир людей. Обряд «омывания костей» – как похороны и другие «скорбные» обряды – обязательно начинают во время отлива («отлив осушает»), в то время как все «радостные» события (рождение, свадебные обряды) проводят во время прилива (Синтани, 1991. С. 265); жители придают этому такой магический смысл, что «скорбь» должна «убывать», а «радость» – «прибывать».

Примеры обряда «омывания костей». В старину (до внедрения гробниц китайского типа) существовал обычай двустадийного захоронения, который сохранялся до середины XX в. (например, на о. Кудака возле главного о. Окинава); согласно ему, тело в гробу оставляли на берегу моря, затем кости мыли и в маленькой урне прятали в пещере или нише на морском берегу (Lebra, 1966. С. 99).

Многочисленные этнографические данные XX в. по островам Окинавы говорят об обряде «омывания костей», когда тело оставляли на несколько лет в пещере, затем костные останки очищали¹⁶ и «священные кости», в которых пребывал дух усопшего, складывали в кувшин и хоронили (Сахара, 1987. С. 202).

Еще в конце XX в. на самых южных островах Окинавы (о. Тарама) после временного захоронения (от 1 года до 5 лет) в каменных гробницах, где тело лежит на платформе, останки извлекали, мыли и помещали в сосуд, который опять ставили в гробницу (на главном о. Окинава кости могли сваливать в кучу в глубине гробницы).

В середине XX в. на о-вах Окинавы обряд «омывания костей» обычно проводили через 1–3 года после смерти. В обряде участвовали только ближайшие родственники; все плакали, женщины рыдали. В дворике гробницы все они, начиная с вдовы, очищали кости большими палочками. При неполном разложении использовали серп. После очистки костей их несколько раз мыли в местной рисовой водке (*авамори*). Очищенные кости в определенном порядке укладывали

¹⁶ Горные народы о. Лусон (Филиппины) после полного разложения тела в результате ритуального выставления тщательно очищают кости, складывают их в мешок и бережно хранят, полагая, что они обладают магической силой.

в урну, которую устанавливали в левой камере гробницы для постоянного захоронения. В конце обряда произносили молитву с извинениями перед покойником за то, что потревожили его прах (Lebga, 1966. С. 200).

Как показывают этнографические данные, в Южной Корее практикуется обряд, аналогичный окинавскому: временно захороненные останки также извлекают из могилы через несколько лет и тщательно моют. После этого, во время вторичного (окончательного) погребения омытых костей, шаманки (*мудан*) совершают «шаманский обряд омывания души покойного» (*сикким кут*). Шаманки, распевая песнопения, моют заместителя покойника в виде свернутой одежды или бумажной фигурки специальной водой и соломенным веником. Цель этого обряда в очищении души покойного, чтобы она смогла легко и спокойно уйти в иной мир¹⁷ (Сакураи, 1989. С. 142–144). Эти обряды отчетливо демонстрируют символическую связь между останками и душой усопшего.

В таком смысле нужно понимать и обряд «омывания костей» на Окинаве. По некоторым верованиям, до совершения этого обряда покойник делает могилу своим временным домом; он курсирует между «этим» и «тем» мирами. После обряда он впервые перебирается «на жительство» в «тот мир», что символизируется перемещением костей. Присоединение оссуария с очищенными костями к другим оссуариям с костями предков или перенесение его в другую могилу – «могилу предков» – означает, что покойник перемещается из могилы в «этом мире» в «тот мир». Считается, что в момент очищения костей от плоти душа окончательно переносится в «тот мир». На местных диалектах название обряда *сэнкоцу* имеет смысл «облегчать», «очищать», «украшать»; местные жители говорили, что, пройдя этот обряд, «душа усопшего очищается» (Совет... 1989. С. 16). Хотя на практике при экскарнации останки часто приходится вручную очищать от остатков плоти, в идеале этот обряд означает омывание полностью чистых костей. Местные жители считают, что если на костях после первичного захоронения остается хоть немного плоти, усопший все еще сохраняет привязанность к этому миру и поэтому опасен. На некоторых островах в случае неполного разложения гроб с телом тут же ставят назад в склеп. До тех пор, пока плоть не разложилась, усопший пребывает в опасном состоянии скверны; только после обряда экскарнации все родственники чувствуют себя в безопасности; этот день считается «праздничным» (Сакаи, 1987. С. 70, 71).

В Южной Корее «обряд омывания души покойного» бывает двух видов: 1) «мокрый», или «ближний», – сразу после смерти, во время малого недельного траура; 2) «сухой» (в значении «высушенный после освобождения от плоти») – при захоронении уже очищенных костных останков. По мнению японских специалистов по шаманизму, эти два вида обряда соответствуют двум типам обряда призыва и беседы с душой усопшего – *аракути-ёсэ* и *фурукути-ёсэ*¹⁸ – шаманок

¹⁷ Одежда в качестве заместителя покойника (живого человека) и веник как магический предмет очищения/возрождения также имеют аналоги в японских обрядах и легендах.

¹⁸ *Аракути-ёсэ* – беседа с потенциально опасной душой новоумершего (сразу после смерти или до 49 или 100 дня) с целью ее умиротворения; *фурукути-ёсэ* – призыв души усопшего по прошествии времени, когда он уже стал «настоящим покойником».

Японии (Сакураи, 1989. С. 151), где такая традиция экскарнации («омывание костей») уже пресеклась, но два этапа шаманского обряда сохранили структуру двустадийной погребальной обрядности. В современной Японии в некоторых районах на 33 или 50 годовщину смерти, когда проводится последняя поминальная служба по покойному, его поминальную табличку, которая, в сущности, является «заместителем усопшего», редуцированным погребальным манекеном, бросают в реку. Участники обряда объясняют, что «дух покойного омывает свое тело и становится божеством».

Обряды 33 года. Через 33 года после смерти кости индивида перекалывают из оссуария в канавку («тот мир») и смешивают с останками других усопших; «душа поднимается на Небеса». Теперь он утрачивает свои имя и индивидуальность, становится анонимным родовым предком (33 года соответствует одному поколению) и называется «божеством» или «божеством-предком». Если же эти обряды не проведены, то усопший навсегда сохранит свою индивидуальность и будет «жить» в могиле как «человек того мира».

Таким образом, внутри погребального сооружения останки проходят четыре стадии: 1) покойник в переходном состоянии; 2) покойник, «окончательно ставший мертвым»; 3) покойник, утративший кровь и плоть и ставший костями; 4) покойник, кости которого смешались с костями других и который утратил свою индивидуальность.

Обряды с поминальными табличками. На Окинаву поминальные таблички попали из Китая в XV в.; в XVII в. они распространились в среде знати, а в XVIII–XIX вв. – в народе. Обряд проходит следующие стадии:

1) сразу после смерти изготавливают две временные таблички, на которых пишут имя усопшего. Одну из них устанавливают в домашнем алтаре предков, вторую – у погребального сооружения (стадия «бродячий мертвец»);

2) на 49 день в домашнем алтаре устанавливают единственную постоянную табличку (стадия индивидуального предка);

3) после 33 года с таблички стирают имя покойного или ее сжигают – индивид исчезает из памяти потомков (стадия анонимного предка).

Таким образом, на Окинаве изменение положения поминальной таблички на домашнем алтаре, как и изменение положения останков в склепе, соответствует изменению посмертного статуса покойника. Во всех качествах (останки, табличка, статус) усопший проходит три фазы: новоумерший (букв. «нынешний человек», яп. *има-но хито*), индивидуальный «предок» (букв. «родитель-человек», яп. *оахито*) и анонимное «божество-предок» (*оягами*).

Принципиальное различие между стадиями 2 и 3 в том, что обряды для индивидуального предка – это семейный и родовой «культ мертвых», а обряды для анонимного предка – это общинные аграрные ритуалы всей деревни или острова.

Типы посмертной деификации. Большое разнообразие погребально-поминальной обрядности на о-вах Окинавы отражает формы, которые складывались в разные эпохи. Усопший становится «божеством»: 1) сразу после первичного захоронения; никакие обряды больше не проводятся (самая архаичная форма); 2) когда в облике усопшего происходят коренные изменения (отделение костей

от плоти; 49 день); 3) когда плоть полностью исчезает (экскарнация); 4) на 33 год после смерти (влияние буддизма); 5) через семь поколений.

Заключение. «Культ костей» и культ предков. Как показано, судьба тела становится моделью судьбы души: на Окинаве статус души покойника и его собственный посмертный статус являются отражением состояния его останков. При первичном захоронении, когда тело находится в могиле, – это «дух мертвеца» и «покойник-человек». При вторичном захоронении (т. е. после перезахоронения), когда очищенные костные останки помещают в оссуарий, – это уже «дух индивидуального предка» и «предок-человек». А когда кости выкладывают из оссуариев и смешивают с другими останками – это «дух коллективного предка» и «нечеловек-первопредок или божество». Таким образом, тело и останки, которыми манипулируют в процессе двустадийной погребальной обрядности (т. е. при перезахоронениях), выступают символами культурной системы Окинавы.

Многие японские исследователи погребально-поминальной обрядности, этнографы и историки культуры, указывают на «культ костей» как на важнейший фактор в формировании не только представлений японцев о смерти и посмертном существовании, но и всей культуры Японии (Бакшеев, 2005а; 2005б). При практике предварительного захоронения *могари*, которая существовала в Японии с древности, сложились верования о том, что в «погребальных домах» мертвец «сбрасывал» оскверненную плоть, т. е. что они – место, где родственники, сокрывшиеся там на время траура, ждут экскарнации = очищения от скверны смерти. Процесс экскарнации был также стабилизацией души покойника, а очищенные кости становились ее вместилищем.

Таким образом, и в Японии, и на Окинаве «культ костей» был еще одним выражением культа предков. Обратной стороной таких верований были представления о том, что если в нечистом трупе содержится оскверненная душа покойника, то в костях, освобожденных от плоти, пребывает очищенный дух предка.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С. А., 1982. Период яёй // Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток.
- Бакшеев Е. С., 2000. Традиционный японский обряд *могари*: структурно-типологические аспекты // Вестник МГУ. Сер. «Востоковедение». № 3.
- Бакшеев Е. С., 2001. Древнейшие истоки погребального обряда *могари* по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. М.
- Бакшеев Е. С., 2005а. Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М.
- Бакшеев Е. С., 2005б. Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Вадецкая Э. Б., 1992. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Васильевский Р. С., 1981. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск.
- Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу, 1982. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск.
- Воробьев М. В., 1958. Древняя Япония. М.

- Воробьев М. В.*, 1980. Япония в III–VII вв. М.
- Дервянко А. П.*, 1986. Древние культуры Японии // Археология зарубежной Азии. М.
- Ёсида Ацухико*, 1991. Дзёмон догу-но синвагаку (Мифология фигурок догу периода Дзёмон). Токио. (На яп. яз.)
- Зах В. А.*, 1997. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск.
- Иофан Н. А.*, 1974. Культура Древней Японии. М.
- Кучера С.*, 1977. Китайская археология. М.
- Медникова М. Б.*, 2001. Трепанация у древних народов Евразии. М.
- Мещеряков А. Н.*, 1987. Древняя Япония: Буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. М.
- Мещеряков А. Н.*, 1998. Древняя Япония // История Японии. Т. 1. М.
- Накама Гисё*, 2002. Окинава-но дзинсэй гирэй то хака (Обряды жизненного цикла и захоронения Окинавы). Наха (Окинава). (На яп. яз.)
- Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г.*, 1997. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. М.; Новосибирск.
- Смирнов Ю. А.*, 1991. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.
- Смирнов Ю. А.*, 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.
- Сакураи Токутаро*, 1989. Сяманидзуму: Нихон то канкоку-но хико (Шаманизм: сравнение Японии и Кореи) // Сяманидзуму то канкоку бунка (Шаманизм и корейская культура). Токио. (На яп. яз.)
- Сакаи Усаку*, 1987. Рю:кю: рэтто-ни окэру сирэй сайси-но кодзо: (Структура погребально-поминальной обрядности архипелага Рюкю). Токио. (На яп. яз.)
- Сахара Макото*, 1987. Нихондзин-но тандзё (Рождение японского народа) // Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 1. Токио. (На яп. яз.)
- Синтани Таканори*, 1991. Рёбосэй то такайкан («Система двух могил» и представления об ином мире). Токио. (На яп. яз.)
- Совет по региональной истории преф. Окинава, ред. (Окинава-кэн тиики-си кё:гикай хэн). Симподзуму нанто-но хака – Окинава-но со:сэй босэй (Материалы симпозиума «Могилы Южных островов: похороны и захоронения на Окинаве»). Наха (Окинава), 1989. (На яп. яз.)
- Татэхира Сусуму*, 1992. Со:со: гирэй-ни миру тайрику бунка-но ко:рю: (Культурный обмен с континентом на примере погребальной обрядности) // Амино Ёсихико (ред.) Хигаси кай то ниси кай бунка (Культура Восточно-Китайского и Западно-Китайского морей). Серия Амино Ёсихико (ред.) «Уми то тайрику бунка» (Культура моря и континента). Т. 4. Токио. (На яп. яз.)
- Хэсики Ёсихару*, 1995. Окинава-но сосэн сайси (Обряды почитания предков на Окинаве). Токио. (На яп. яз.)
- Эсака Тэруя и др.* (ред.), 1983. Нихон кокогаку кодзитэн (Краткий археологический словарь). Токио. (На яп. яз.)
- Elisseeff V.*, 1973. Japan. Geneva; Paris; Munich. (Archaeologia mundi ser.)
- Imamura K.*, 1996. Prehistoric Japan. London.
- Lebra W. P.*, 1966. Okinawan Religion. Honolulu.
- Rosenblatt P. C., Walsh R. P., Jackson D. A.*, 1976. Grief and Mourning in Cross-Cultural Perspective. New Haven.
- Schroeder S.*, 2001. Secondary Disposal of the Dead: Cross-Cultural Codes // World Cultures. 12 (1).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. Бужилова

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ¹

При формализации погребального обряда можно выделить редко встречаемую группу так называемых коллективных захоронений, когда предают земле несколько индивидов в одной могиле. Явная неординарность подобного рода погребений вынуждает исследователей искать возможные объяснения этому феномену. Наиболее распространенные версии сводятся к нескольким вариантам. Возможно, массовые погребения – это последствия трагических событий, включая эпидемии и вынужденное голодание. В некоторых случаях не исключается вариант сложного обряда, связанного с определенными погребальными культами.

Нередко, в силу различных причин, информация о стратиграфическом положении антропологических останков не позволяет реконструировать ту или иную сторону погребального действия, что значимо влияет на полноту интерпретации специалистов. Кроме того, оценка преднамеренности подобного рода захоронений и одноактность или многоактность использования могилы для погребения должна производиться при методологически выверенном ходе раскопок.

Опыт как российских, так и зарубежных коллег позволяет оценить важность информации, которую можно получить при оценке тех или иных вариантов массовых погребений.

Реконструкция особенностей семьи-клана с учетом сведений о единовременном погребении в палеолите

Публикация материалов коллективного захоронения в Пшедмости Дж. Матейкой в 1934 г. на сегодня является единственным источником новых исследований археологов и антропологов из-за трагической потери коллекции. Так, изучение этого захоронения с использованием цветовой градации информации, предпринятое Б. Клима (Klíma, 1991. С. 188), позволило по-новому оценить месторасположение и количество погребенных с учетом половозрастной принадлежности. По результатам этого исследования выясняется, что всего в погребении было захоронено 18 индивидов.

¹ Автор выражает благодарность «Фонду содействия отечественной науке».

На западе у границы захоронения располагается скелет мужчины, который по возрасту является самым старшим из погребенных (№ XIV), на востоке в оппозиции к нему – скелет женщины (№ IV), близкой по возрасту этому мужчине. Оба погребения закрыты лопатками мамонтов. В центре ямы со стороны западного мужского погребения располагается скелет женщины молодого возраста (№ X) и рядом с ним – мужчины того же возраста (№ III). По сторонам от них соответственно рядом с мужчиной располагается женское погребение молодого индивида (№ I), рядом с женщиной – мужское погребение молодого индивида (№ IX). Далее на север от этих погребений располагаются более молодые индивиды: со стороны мужчины (№ IX) – мужской скелет (№ XVIII), со стороны женщины (№ I) – скелет подростка женского пола (№ V). В образованных между взрослыми скелетами «зонах» располагаются погребения детей: три детских погребения в «мужском углу» (№ XI, XII, XIII) и три детских погребения в «женском углу» (№ II, VII, VIII), в центре ямы, в «смешанной зоне», – четыре детских погребения (№ VI, XV, XVI, XVII). Сопоставление возраста погребенных детей и их месторасположения дает приблизительные результаты. В данной реконструкции я придерживаюсь мнения Э. Тринкауса, который предпринял специальное исследование для переоценки возраста детей по литературным источникам (Zilhao, Trinkaus, 2000. P. 530). В пространстве, образованном захоронениями мужчин, располагаются погребения младенцев, в зоне, окруженной женскими погребениями, располагаются погребения детей, представляющих три возрастных класса (т. н. категории раннего детства, первого и второго детства)², в центре захоронения располагаются детские погребения, возраст которых определен весьма условно в границах категорий первого-второго детства. Следует указать, что, по реконструкции Э. Тринкауса, это, возможно, однолетки (Ibid. P. 523).

Э. Влчек (Vlček, 1995) предполагает, что некоторые индивиды по ряду дискретно-варьирующих признаков могут рассматриваться как близкие родственники (№ III, IX, V и IV; № XIV, XII, II и VII). Топографически индивиды располагаются вблизи друг от друга, образуя компактные группы в двух «полюсах» могилы, перемежаясь по характеру дискретно-варьирующих признаков.

По мнению большинства специалистов, массовое погребение в Пшедмости – результат трагических событий. Часть исследователей рассматривает это погребение как захоронение близких родственников, представляющих разные поколения одной семьи-клана («большая семья») (Klima, 1991. P. 190–192; Zilhao, Trinkaus, 2000. P. 530–533). Топографический анализ находок с учетом дискретно-варьирующих признаков и половой принадлежности косвенным образом подтверждает это предположение.

В таком случае специалистам предоставлена редкая возможность исследования половозрастного состава биологической популяции. Так, Э. Тринкаусу удалось построить модель репродуктивного потенциала женщин, погребенных в Пшедмости. По этой модели, подросток 15–16 лет женского пола не успел дать потомство, однако две молодые женщины должны были родить каждая по

² Подробнее о возрастной рубрикации см.: Хрисанфова, Перевозчиков, 1991. С. 106.

2–3 ребенка, а самая старшая женщина – не менее 5. Общее число вероятного потомства совпадает с числом погребенных детей, включая девочку-подростка (Zilhao, Trinkaus, 2002. P. 531).

Подобные реконструкции кажутся убедительными, когда приводится археологический контекст находок, что и было сделано в этой работе. Топографическое распределение детских погребений, равно как и взрослых, приобретает не только смысловую завершенность, но и позволяет строить гипотезы о родственных линиях погребенных. По реконструкции Э. Тринкауса, взрослые женщины (№ IV, I, X) и взрослые мужчины (№ XIV, III, IX), судя по их расположению в погребении, могут образовывать семейные пары. Два молодых индивида – мужчина (№ XVIII) и женщина (№ V) – могут быть близкими родственниками (взрослыми детьми самой старшей пары), и т. д. Для нашего исследования важно отметить, что массовое погребение вследствие трагических событий на примере Пшедмости демонстрирует определенные черты погребального обряда, где учитывается не только возраст, но и «семейное положение» индивида, воссоздаваемое намеренной топографией погребений. Подобная информация позволяет рассматривать часть коллективных погребений как вероятное следствие трагических обстоятельств и намеренного совместного погребения индивидов с учетом их родства и социального (семейного) положения.

Реконструкция образа жизни и культовых предпочтений

Массовое погребение на Тойгузинском городище датируется автором раскопок, Д. Г. Бугровым, этапом пьяноборской культуры (ок. I в. н. э.)³. Сохранность костной ткани плохая из-за кислых лесных почв, но, тем не менее, даже по контексту захоронений археологи обратили внимание, что из 42 погребенных у 18 фиксируются предумышленные повреждения. В 12 костяках найдены 17 костяных втульчатых наконечников стрел; отмечены отдельно лежащие черепа, у трех костяков отделены черепа, а у одного из них череп лежит в районе груди (Бугров, 1999).

Антропологическая экспертиза не смогла подтвердить отдельные эпизоды декапитации из-за плохой сохранности ткани, но с учетом плана погребения и некоторых дополнительных археологических сведений можно допустить, что перед нами следы трагической гибели населения, возможно, из-за штурма городища (Там же). Я провела палеопатологический анализ для оценки хозяйственно-культурной принадлежности группы. Несмотря на фрагментарность изученных скелетов, удалось обнаружить несколько любопытных закономерностей. Так, в серии отмечается низкая частота зубных патологий, практически полное отсутствие кариеса, с одновременным развитием эмалевой гипоплазии на коронках преимущественно передних зубов. У нескольких молодых индивидов регистрируется раннее стирание жевательной поверхности зубов. В отдельных случаях были зафиксированы специфические отломы коронок коренных зубов,

³ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Д. Г. Бугрова за предоставленную возможность исследования материалов его раскопок.

которые обычно случаются при использовании зубов для разгрызания твердой пищи (орехи, твердые лепешки и проч.). Анализ маркеров двигательной активности свидетельствует о присутствии тяжелых физических нагрузок с детского возраста. Население имело навык длительных пеших переходов. Специализация физической деятельности по топографии развития костного рельефа не прослеживается, что позволяет говорить об отсутствии хозяйственной и социальной специализации в этой группе. На сохранившихся костях скелета не удалось обнаружить следов заживших переломов и травм, что позволяет говорить об отсутствии военизированной социальной активности.

Опираясь на представленный комплекс зубных патологий, можно предположить, что диета была смешанного типа, с добавками компонентов как растительного, так и животного происхождения. Вероятно, пища отличалась грубоволокнистым составом. Кроме того, наверное, в рационе использовались орехи. Множественные линии эмалевой гипоплазии, отмеченные у трех мужчин, и фиксация этого признака на клыках или резцах у отдельных индивидов позволяют выделить периоды сезонного недоедания или голодания в группе. Представленные наблюдения, как на зубах, так и на костях скелета, свидетельствуют о типичной картине распределения маркеров стресса в группах охотников-собираателей. Таким образом, восстановленная картина образа жизни погребенных в коллективном захоронении, так же как и археологический контекст находок, позволяют говорить об агрессивном захвате этой группы. Перед нами последствия трагической гибели поселения пьяноборской культуры.

Отдельные эпизоды драматических последствий массовой гибели людей позволяют оценить не только социальное положение погребенных, особенно жизни этих людей, но и преднамеренное манипулирование с телами умерших. Так, М. Б. Медникова и Г. В. Лебединская (1999) приводят подробный анализ разного рода травм в остеологической серии Пепкино (массовое погребение в кургане эпохи бронзы). Помимо травм, связанных с очевидным военным столкновением, обсуждаются ритуальные декапитации⁴, трепанации и дифлешинги⁵.

Реконструкция сюжетов некоторых военных событий

В начале 1960-х гг. Д. Г. Рохлин с группой ленинградских антропологов (В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн и Л. Г. Вуич) подробно изучил антропологическую серию (около 350 костных останков) из городища Саркел – Белая Вежа, датируемого X–XII вв. н. э.

По летописным данным, судьба этого поселения трагична. В первые годы своего существования в качестве крепости Саркел относился к территории Хазарского каганата. Позднее, в 965 г., князь Святослав взял крепость, которая в числе других завоеваний Руси стала русской территорией. Более 150 лет Саркел – Белая Вежа оставался русским городом, а в конце XI – начале XII в. он был

⁴ Декапитация – отчленение тела от головы.

⁵ Дифлешинг – преднамеренное отделение мягких тканей от костей скелета.

разгромлен половцами (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, 1963).

Трагическая история города прослеживается и при анализе травматических повреждений на костных останках, найденных на его территории. Д. Г. Рохлин (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, 1963) отмечает многочисленные рубленые раны на костях некоторых погребенных. У молодого мужчины, по-видимому, профессионального воина, была перерублена бедренная кость, а на голове рассечены скуловая кость и обе челюсти. По реконструкции Д. Г. Рохлина, раны были нанесены одновременно, и рубили уже лежащего человека. В таком же положении были нанесены раны подростку 13–14 лет в области лицевого скелета. У другого подростка – отрублена голова. У молодой женщины был отсечен нижний край правой половины нижней челюсти. Помимо рубленых ран, были зафиксированы черепные травмы от ударов тупым предметом. Нередко наблюдались множественные незажившие переломы костей скелета. Основной массив травматических повреждений реконструируется как рубленые раны от меча и сабли. По представлению Д. Г. Рохлина, они могли быть причинены всадниками, поскольку удары в основном наносились сверху.

Материал из другого средневекового поселения, близ с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. (раскопки М. К. Каргера, 1957–1958 гг.), позволяет реконструировать не менее трагичную, чем в Саркеле – Белой Веже, гибель жителей в эпоху средневековья. По мнению М. К. Каргера (цит. по: Рохлин, 1965), это поселение можно отнести к летописному Изяславлю, который был полностью уничтожен во время нашествия Батыя на Русь. Д. Г. Рохлин указывает, что костные останки были обнаружены не в погребениях, а в результате отдельных разрозненных находок под развалинами сожженных жилищ, устроенных внутри оборонительного вала. Кроме того, были обнаружены большие груды костей, названные М. К. Каргером костями. По мнению Д. Г. Рохлина, костица представляют собой останки людей, которых сбрасывали друг на друга (Рохлин, 1965).

Д. Г. Рохлиным были изучены фрагментарные останки более чем 200 индивидов, треть которых были детскими. Как и в Саркеле – Белой Веже, большинство ранений было нанесено рубящим оружием – мечом или саблей, отмечались и ранения колющим оружием, оставляющим на костях дырчатые дефекты с радиальным растрескиванием. Кроме того, были обнаружены черепные травмы, нанесенные оружием типа палицы или булавы (Там же. С. 209). Среди убитых было много женщин и детей.

Следует отметить, что большинство ранений, по реконструкции Д. Г. Рохлина, было нанесено сзади и сбоку. Автор исследования предполагает, что рубили поверженных, брошенных на землю, по-видимому, связанных (Там же. С. 210). Возможно, в отличие от стремительного нападения половцев на Саркел – Белую Вежу, где жители пострадали от внезапного вторжения воинов-всадников, разгром Изяславля татарами-монголами был более продолжительным из-за подготовленного отчаянного сопротивления населения.

Близкий нам сюжет отечественной истории, в частности войны 1812 г., может быть расширен за счет подробного анализа антропологических находок из коллективного погребения под Вильно. Было вскрыто около 640 м², где обнаружено

примерно 3000 скелетных останков солдат наполеоновской армии, спасавшихся бегством от голода и холода русской зимы. Эти единственные в своем роде раскопки показали, что наряду с солдатами в обозе французской армии было много женщин и детей, причем возраст последних совпадал с продолжительностью русской кампании Наполеона. Палеопатологический анализ позволил определить не только пол и возраст погребенных в общей могиле, но и ряд заболеваний, в том числе инфекционных, таких как туберкулез и сифилис. Анализ ДНК позволил выделить причину смерти большей части погибших – тиф (Raoult et al., 2006).

Реконструкция географии и хронологии древних эпидемий

По письменным источникам одну из эпидемий на севере Русской равнины начала XI в. можно отнести к чумным морам. У нас нет достаточных сведений о природе заболевания. География распространения болезни указывает на западный вектор. Возможно, что инфекция пришла из стран Западной Европы. Подробное сообщение об эпидемии 1092 г. описывается в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 9). Болезнь началась в Друцке, потом появилась в Полоцке и быстро распространилась «по всей области той». Судя по описанию, эпидемия представляла собой нечто необычное для современников. Внезапность заболевания, широкое распространение среди населения, быстро наступающий роковой исход заразившихся побудили объяснить это явление сверхъестественными силами: по городу в тумане ночи бесы на конях, стонущие как люди, уязвляли каждого вышедшего из дома «бьсовъ язвою» (Там же. С. 118). За период с 14 ноября по 1 февраля было продано 7000 гробов, что указывает на огромное число умерших. По различным летописям в это время наблюдалась ужасная засуха, приведшая к бесчисленным лесным пожарам и возгоранию торфяных болот.

Перед нами признаки эпидемии, поскольку болезнь за короткий срок охватывает большое число людей. Скоротечность патологии и высокий уровень смертности указывают на острый характер заболевания. Ввиду того, что в одном месте летописец называет болезнь язвою, в другом – раною, можно предположить, что она сопровождается внешними признаками, однако локализация их не определена, что затрудняет диагностику. Тем не менее указание на то, что «аще кто выльзязе ис хоромины... абье уязвень будяше невидимо... и с того умираху» (Там же), можно расценить как свидетельство высокой патогенности, т. е. болезнь была, возможно, инфекционной природы.

В 1187 г. «въ томъ же лтъ бысть больсть сильна въ людехъ, не бяше бо ни единаго двора безъ болящаго, а въ иномъ дворъ никого же не бяше здравого, нъ-кому бяше и воды подати, ано все лежить болно» (ПСРЛ. Т. 15. С. 278). Болезнь охватывает многих в Новгороде, но летописец не пишет о смертельных исходах в результате этой эпидемии. Ф. А. Дербек (1905. С. 8) указывает, что заболевание, появившееся сначала в Новгороде, распространилось преимущественно в северо-западных областях. Он предполагает, что оно привнесено из Западной Европы, где в это время свирепствуют различные по характеру эпидемии.

По летописям, XIII век изобилует событиями массовой смертности из-за голода. География моров варьирует от северных до южных регионов. Кроме го-

лодных лет летописи отмечают повальные болезни по другим причинам. Так, в 1230 г. в Смоленске разразилась страшная эпидемия: «бысть морь вь Смоленьсць; сотвориша 4 скудельници, вь дву положиша 16 000, а вь третьей 7000, а вь четвертой 9000; се же зло бысть по два лѣта» (ПСРЛ. Т. 10. С. 101). Замечания летописца позволяют предположить инфекционный характер болезни, которая продержалась два года. Даже если число погребенных в скудельницах (массовых гробницах) было меньшим, чем указывает летописец, сам характер массового погребения умерших свидетельствует об остром характере эпидемии (Богоявленский, 1960. С. 111). Поскольку в это время на западе Европы отмечаются различного рода эпидемии, в том числе и чумные, предположение об инфекционной природе мора в Смоленске кажется допустимым (Дербек, 1905. С. 10).

Несколько лет спустя, в 1237 г., уже севернее этой территории, в Пскове и Изборске, мор (возможно, того же происхождения) скашивает большую часть населения. Смертность была высокой, и, для того чтобы успевать хоронить умерших вовремя, при церквях вырывают могилы, где одновременно хоронят по 7–8 умерших (Дербек, 1905. С. 11).

В 1265 и 1278 гг. летописи отмечают моры «зол бяше на людях» (ПСРЛ. Т. 4. С. 181). К сожалению, сведения о них скудны, что не дает определить характер эпидемии. Более подробную характеристику летописец дает мору 1283 г., который охватил города, осажденные монголо-татарами. Возможно, распространение болезни проходило благодаря миграции беженцев из одного селения в другое (Дербек, 1905. С. 11). Эпидемия охватила и западные территории: «и вь Ляхохъ бысть морь великъ: измре ихъ безчисленное множество» (Лет. по Ипатск. сп., изд. 1871:589; цит. по: Дербек, 1905. С. 11). В 1284 г. эпидемия распространяется практически на всю восточную Европу и часть Западной: «не токмо во одной Руси бысть гньвь Божій мором, но и вь Ляхохъ; тое же зимы и вь Татарехъ измре все, кони и скоть и овць, все изомре, не остана ничегоже» (Там же).

Летописцы указывают, что причиной эпидемий (или, что вероятно, одной продолжительной эпидемии) были монголо-татары: «много же зла тогда сотвориша татаре Русской земль, аще не мечем и огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо сердце челоувъческое мочаху во ядь аспидномъ и полагаху вь водахъ, и отъ сего воды вся вь ядь обратишася, и аще кто отъ нихъ пѣяше, абѣ умираше; и отъ сего великій морь бысть по всей Русской земль» (ПСРЛ. Т. 2. С. 347).

К сожалению, у нас нет сведений, полученных вследствие археологических раскопок, что позволило бы прокомментировать исторические источники. Тем не менее анализ географии и хронологии моров древнерусского населения позволил сделать несколько важных наблюдений. Эпидемии конца XIII в. (1283–1286 гг.) и конца XIV в. имеют более обширный ареал, и причина их появления связывается с Золотой Ордой, где функционировали природные очаги болезни. В свое время Е. Борисенковым и В. Пасецким (1988) было показано сочетание вспышек эпидемий (вероятно, большей частью чумных) с природными катаклизмами – засухами и чрезвычайно дождливыми годами. Именно в такие периоды отмечаются вспышки чумы на территориях с природными очагами. Переносчики болезни – крысы и другие млекопитающие, как больные, так и

здоровые, – мигрируют в места проживания людей, что способствует появлению чумы среди людей. Дальнейшее распространение болезни в человеческих популяциях зависит от интенсивности контактов и плотности населения.

По-видимому, вспышки средневековой чумы начинались в природных очагах болезни, а распространялись по русской земле в силу особых обстоятельств: из-за военных событий, когда огромные массы людей перемещаются на значительные расстояния, или путем переноса возбудителя благодаря привозу товаров и приезду торговых людей из пораженных болезнью мест.

Возможно, затяжные периоды чумы на территории русских княжеств связаны с формированием очагов уже внутри человеческих сообществ. Это звучит парадоксально, но, тем не менее, исследуя сегодня хронологию болезни, мы убедились, что она функционировала циклично, переходя из одного города в другой, через определенный промежуток времени возвращаясь к исходной географической точке. Очевидно, болезнь могла сохраняться на протяжении нескольких десятилетий благодаря «консервации» возбудителя в человеческих популяциях. По материалам источников очевидно, что на фоне бубонной чумы получила распространение на севере Русской равнины легочная форма заболевания, передающаяся воздушно-капельным путем, которая, благодаря механизму передачи от человека к человеку без участия животных, по-видимому, смогла просуществовать достаточно долго вне природных очагов болезни.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисенков Е., Пасецкий В.*, 1983. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. М.
- Бугров Д. Г.*, 1999. Укрепления Тойгузинского городища // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Мат. Междунар. полевого симпозиума / Под ред. М. Г. Иванова. Ижевск.
- Дербек Ф.*, 1905. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени: Дис. ... докт. мед. наук. СПб.
- Медникова М. Б., Лебединская Г. В.*, 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребения // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.
- Полное собрание русских летописей. М., 1965.
- Рохлин Д. Г.*, 1965. Болезни древних людей. М.
- Труды Волго-Донской археологической экспедиции // МИА. № 109. 1963.
- Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В.*, 1991. Антропология: Учеб. пособие. М.
- Klima B.*, 1991. Das palälithische Massengrab von Predmosti. Versuch einer Rekonstruktion // *Quartar*. Vol. 41–42.
- Rauolt D., Dutour O., Houhamdi L., Jankauskas R., Fournier P.-E., Ardagna Y., Drancourt M., Signoli M., Dang La V., Macia Y., Aboudharam G.*, 2006. Evidence for Louse-transmitted Diseases in Soldiers of Napoleon's Grand Army in Vilnius // *The Journal of Infectious Diseases*. Vol. 193.
- Vlcek E.*, 1995. Genetische und paläoethnographische Aspekte bei der Beurteilung der Mammutjägerpopulation von Dolni Vestonice in Südmähren // *Man and environment in the Palaeolithic*. Liege.
- Zilhao J., Trinkaus E.*, 2002. Social implications // *Zilhao J., Trinkaus E. (eds). Portrait of the Artist as a Child. The Gravettian Human Skeleton from the Abrigo do Lagar Velho and Its Archaeological Context*. Lisboa.

М. В. Добровольская

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ КРЕМАЦИИ

Введение

Традицию кремации – сжигания останков человека, как это предусмотрено различными вариантами погребального обряда, – можно отнести к одному из универсальных человеческих феноменов, возникновение которого фиксируется на различных территориях, в разнообразных культурных контекстах во все эпохи существования самой погребальной обрядности. Вероятно, что архетипическое отношение человеческой психики к огню как к очистительной, преобразующей стихии, магические свойства, приписываемые зачастую огню, объясняют возникновение и стабильное существование этой универсалии. Ведь использование огня – одно из базисных человеческих открытий, и есть все основания полагать, что представление об этой стихии вошли уже во все древнейшие формы идеальных представлений, в том числе и в представления о загробном мире и способах перехода в него. Поэтому изучение роли огня чрезвычайно важно для углубления наших представлений о духовной жизни древнего населения.

Для того чтобы реконструировать элементы погребальной обрядности, связанные с использованием огня, необходимо иметь адекватный исследовательский инструмент, позволяющий доказательно воссоздавать определенный характер воздействия огня и высокой температуры на различные структурные части погребения, всего погребального памятника. Под исследовательским инструментом я понимаю сочетание двух важнейших составляющих:

1) свод фактических знаний об употреблении огня в погребальной практике прошлого;

2) методику реконструкции событий, приведших к возникновению тех или иных объектов, подвергшихся воздействию огня или высокой температуры.

Также, безусловно, важен сбор исторических и этнографических сведений, позволяющих судить о семантике реконструированных действий. Однако в основе исследования все же лежат фактические и экспериментальные данные.

Сформулированная задача чрезвычайно масштабна, в данной публикации мне хотелось бы коснуться лишь одной ее части, а именно изучения костных остатков кремации¹.

Кремированные костные материалы – один из наиболее сложных источников в археологических исследованиях. В археологической практике традиционно практикуются описания, состоящие из характеристики локализации скоплений кремации: положены ли останки в урну или в яму, или были помещены на поверхность, или подняты над поверхностью (помещены в специальные наземные

¹ Часто в литературе кремированные фрагменты называются кальцинированными, хотя никакого привнесения кальция в костную ткань при сжигании не происходит.

конструкции) и прочие подробности. Гораздо реже описываются сами кремированные останки (цвет, количество, масса, размерность фрагментов и пр.).

Систематическое выполнение описаний и исследований этих костных материалов могло бы существенно расширить решаемые задачи, позволив:

1) различать кремированные останки человека и животных;

2) проводить половозрастные определения;

3) воссоздавать условия проведения сжигания, а также характеризовать состояние самих останков.

Прежде чем перейти к примерам исследований, проведенных с подробным анализом материалов кремации, хотелось бы акцентировать внимание на формулировке некоторых методологических основ исследования этого источника. Как правило, начало использования элементов кремации относят к эпохе бронзы. Между тем, как было отмечено выше, представления об огне занимают настолько важное место в сознании человека, что есть все основания искать истоки использования огня при погребении в гораздо более отдаленных эпохах первобытной истории.

Свидетельства использования огня в погребальной практике палеолита

Традиционно принято считать, что начало использования огня предками современного вида человека восходит в ашелью.

Наиболее ранние погребальные памятники, в которых мы можем предполагать следы преднамеренного использования огня, относятся к среднему палеолиту. Подробные описания мустьерских погребений, собранные и систематизированные Ю. А. Смирновым, позволяют в этом убедиться.

В описании захоронения Мустье 1 (молодой мужчина) отмечается, что на правой бедренной кости присутствуют следы обожженности, «возможно, от костра, соприкасавшегося с останками умершего» (Смирнов, 1991. С. 119). В группе более ранних погребений Ферраси один индивид (Ферраси 2, женщина 25–30 лет) помещен непосредственно над кострищем, хотя следов огня на костяке не зафиксировано (Там же. С. 125). В гроте Регуду останки погребенного были перекрыты насыпью из камней, золы и песка, на вершине которой располагалось кострище. Описания группы ближневосточных захоронений Шанидар также содержат упоминания об использовании огня. Погребение Шанидар 2 (мужчина 20–30 лет) было перекрыто насыпью (в данном случае каменной) на вершине которой находились следы кострища (Там же. С. 158). Возможно, что и третье погребение (мужчины 30–50 лет) было связано с кострищем. Череп пятого индивида группы Шанидар помещен в непосредственной близости от кострища. Под погребением младенца (Шанидар 9) и над ним располагались кострища, связь которых с этим захоронением проблематична (Там же. С. 162). В некоторых мустьерских погребениях горы Кармел также обнаруживается связь между местом разведения огня и местом погребения. Так, захоронение взрослого мужчины (Схул 3) расположено в непосредственной близости от кострища. Над погребением младенца из грота Кебара обнаружены следы кострища (Там же. С. 188). Приведенные факты дают основание предполагать, что разведение

костра или использование существующего кострища могло быть элементом погребальной обрядности. Итак, можно заключить, что для ряда мустьерских погребений выявлена связь между местом погребения и кострищем. Как таковой кремации не фиксируется.

Ряд свидетельств использования огня при погребении относится и к эпохе верхнего палеолита. Так, череп индивида из погребения на Тельмановской стоянке (Костенки VIII), по описанию исследователей, обожжен. Шестой индивид из пещеры Барма-Гранде «...был неполным и обуглившимся... Ввиду того, что все кости находились в нормальном положении, можно было заключить, что этот также украшенный раковинами труп был сожжен на этом самом месте; об этом свидетельствовал и слой угля и пепла, находившийся под ним и достигавший толщины 6 сант.; на него этот труп был положен, когда уголь был еще раскаленным» (Обермайер, 1913. С. 214).

На стоянке Солютре первыми исследователями памятника (А. Арселин, Дюкро) были обнаружены многочисленные очаги, выложенные плоскими камнями. Погребения на стоянке располагаются непосредственно на очагах. «Группы помещались на последние, очевидно, без особой ориентировки; иногда их клали, по-видимому, на горящий очаг, и скелет в этом случае обнаруживал следы обжога» (Там же. С. 219). Более того, Обермайер, обобщая данные о ранних формах погребальной обрядности, пишет: «Зависимость между жилищем и могилою здесь очевидна: домашний очаг превращен непосредственно в место упокоения мертвых, которые там остаются, “чтобы продолжать жизнь далее”» (Там же. С. 487), а также: «Быть может, в некоторых случаях при этом зажигались соответствующие ритуальные огни, и труп помещался на них, пока огонь еще не совсем погас. Однако мы всегда замечаем, что кости лишь несколько обуглились или слабо обгорели, а не вполне превратились в золу и пепел, почему мы думаем, что преднамеренного сжигания не производилось» (Там же. С. 492).

Особый интерес вызывают описания палеолитических погребений с территории Австралии. Район древнего озера Мунго богат палеолитическими памятниками. Палеоклиматические и палеогеографические исследования этой местности показали, что уже 20 тыс. лет тому назад здесь воцарилась пустыня, которая существует и сегодня. Знаменитые находки Мунго Леди и Мунго Мэн открыли новую страницу в исследовании палеолита Австралии. Женское погребение (возраст adult I) было обнаружено в 1969 г. профессором мельбурнского университета Джимом Баулером. Костные останки несли на себе следы кремации. Возраст погребения долго был предметом дискуссии. Первоначально он предполагался около 26 000 лет. Последующие многочисленные радиоуглеродные датирования позволили удревнить эту дату до 40 000 лет. Собственно, дата до сих пор остается дискуссионной, т. к. этот возраст, как известно, находится уже вне достоверных возможностей радиоуглеродного метода. В 1974 г. в 300 м от женского погребения было открыто еще одно погребение в стратиграфически аналогичных культурных слоях. Погребение мужчины было совершено без кремации, с обильным использованием охры. Возраст погребения, определенный в 1987 г. в лаборатории Австралийского национального университета методом электронно-магнитного резонанса, составил $30\ 000 \pm 7000$. В 1999 г. там же были

проведены определения возраста частиц грунта, находившегося в непосредственной близости от скелета, методами уран/торий и люминесцентным. Дата удревнилась до $60\ 000 \pm 6000$. Большинство исследователей склоняется к тому, что по сумме признаков возраст погребения составляет около 40 000 (www.abc.net.au/science/slab/mungoman/default.htm).

Для нас важно то, что в грунтовом погребении палеолитического возраста обнаружены частично обугленные останки скелета человека. Так как температура воздействия была невелика, анатомическая сохранность позволяла убедиться в том, что скелет принадлежит особи вида *Homo sapiens*. К настоящему времени других находок столь раннего времени на территории Австралии не обнаружено. Как правило, Леди Мунго фигурирует как наиболее раннее в истории человечества погребение с кремацией. Ее уникальность, однако, не позволяет пока обсуждать особенности традиции.

Итак, имеющиеся в литературе сведения об особенностях обрядности эпох мустье и верхнего палеолита в Европе указывают на традицию погребения тел на очагах. Причем в эпоху мустье эту черту мы, скорее, можем предполагать, чем констатировать. В эпоху верхнего палеолита существование этой традиции уже очевидно. Важными представляются три обстоятельства:

- 1) формируется связь понятий «погребение» и «очаг»;
- 2) возможно, выражена известная преемственность в формировании этой традиции от мустьерского к позднепалеолитическому времени;
- 3) использование огня при погребениях – черта редкая, а не широко распространенная.

Погребения с кремациями в среде первобытных охотников-собирателей первой половины голоцена

Гораздо меньшее количество свидетельств употребления огня в погребальной практике связано с культурами мезолита и присваивающего неолита.

В эпоху мезолита происходят кардинальные изменения в идеальных представлениях о загробном мире. Появляются крупные некрополи, отделенные от поселений. Широко известный некрополь Скатехолм (Скания, или Южная Швеция) был оставлен охотниками-рыболовами-собирающими побережья Балтийского моря позднего мезолита (Larsson, 1981. С. 20). Преобладающий обряд этого могильника – труположение. Однако в отдельных случаях встречаются и трупосожжения. Так, погребение 11 (пожилой мужчина) представлено кремированными костями, помещенными в несколько маленьких ямок, расположенных поблизости друг от друга. Радиоуглеродная дата, полученная на материале кремированных костей, – 6290 ± 95 л. н. Могильная яма 20 также содержит кремированные кости человека (Ibid.). В обоих случаях сожжение было проведено на стороне, при достаточно высокой температуре, т. к. останки представлены достаточно мелкими фрагментами, ссыпанными в небольшие ямки.

К позднему каменному веку (конец IV – начало III тыс. до. н. э.) относится погребение с кремированными костями на стоянке первобытных охотников-

рыболовов-собирателей Настиристи в юго-западной Финляндии (Vikkula, 1987. С. 37). Исследователь пишет, что четкие следы огня присутствуют в восточной части двух могил. Аналогичные следы использования огня в погребальном обряде отмечены в мезолитических погребениях Кильери и Ванта (территория Финляндии). Термин кремация к данным погребениям не подходит, т. к. сжигания тел (или скелетов) не проводилось, а разводился огонь в пределах могильной ямы.

Использование огня в погребальной обрядности групп населения с ранними формами сельского хозяйства

Вероятно, устойчивые традиции кремации тел умерших восходят к эпохе неолита. Один из наиболее ранних сюжетов массового появления традиции кремации связан с памятниками неолитической культуры линейно-ленточной керамики V тыс. до н. э. Бытование этого обычая отмечено для территории юго-западных земель Германии (Trautmann, 2004. S. 102; 2005. S. 7). Важно, что обряд кремации устойчиво бытует наряду с труположением. Доля трупосожжений в некоторых могильниках невелика (менее 10%), в некоторых приближается к 50%. Представлены все половозрастные группы (дети, мужчины и женщины различных возрастов). Скопления кремированных костей захораниваются как кучкой, так и рассыпаются по дну могильной ямы.

Крайне редки (но существуют!) погребения по обряду трупосожжения в раннеолитических культурах Старчево, Винча.

В сложной погребальной обрядности ближневосточных первобытных земледельцев и скотоводов также использовался огонь. При раскопках слоев халафской культуры на памятнике Ярымтепе II в Ираке были обнаружены несколько погребений с трупосожжениями (Мерперт, Мунчаев, 1982. С. 31). Общее число погребений с кремациями – 7, и все они располагаются в пределах одного участка (квадрат 23). Исследователи отмечают, что два трупосожжения были совершены на месте, а остальные – на стороне. При сжигании тела в огонь бросали разбитые каменные и керамические сосуды. Возможно, что погребения с трупосожжениями – результат проведения обрядов с жертвоприношениями (Антонова, 1990. С. 82).

Важно подчеркнуть, что кремация нетипична для раннеземледельческих культур с их богатой погребальной обрядностью, направленной на сохранение останков умершего в пределах поселения. По мнению историков, мифологов, тесная связь жизни раннеземледельческой общины с миром предков выразилась в создании сложного пантеона духов, от которых в основном и зависит ее благополучие. Е. В. Антонова предлагает в качестве аналогов духов, игравших важнейшую роль в жизни общин первобытных земледельцев, рассматривать данные этнологических исследований народов Средней Азии. Интересно, что такие персонажи, как *пари*, *аджина*, живут в очагах, а *дэвы* появляются из огня. Таким образом, есть основания предполагать, что очаг – как место приготовления ритуальной пищи, принесения жертв – мог становиться в отдельных случаях

и местом погребения и местом кремации. Итак, следует отметить, что практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, призванная обеспечить благосклонность богов, сопоставима с некоторыми вариантами погребальных действий.

Дальнейшее развитие традиций кремации

В эпохи энеолита – ранней бронзы уже во многих евразийских культурах наряду с ингумациями присутствуют погребения с кремированными останками человека. Упомянем некоторые. В среднем периоде трипольской культуры появляются погребения с кремированными костями, которые помещаются в керамические сосуды или завертываются в ткань (Авилова, 1978. С. 60). Носители традиций софиевской культуры хоронили своих соплеменников в грунтовых ямах, прах, собранный на погребальном костре, помещался в глиняный сосуд-урну или ссыпался в центральной части могилы (Рындина, Дегтярева, 2002. С. 102). Погребения с кремациями известны для культуры Зимно-Злота (Польша), культуры Вольты.

Для группы Болераз – археологической культуры эпохи раннего металла, существовавшей в III тыс. до н. э. в Центральной Европе, – характерен устойчивый обряд трупосожжения. Остатки кремации покрывали миской или другим сосудом и поверх возводили небольшой курган или каменную кладку, а по краям помещали сосуды и фигурки животных. На основе группы Болераз в Карпатском бассейне развилась баденская культура, распространившаяся на обширные области Восточной Европы. Баденская культура датируется второй половиной III тыс. до н. э. Погребальный обряд биритуален предполагает как трупоположение, так и кремацию.

Культура колоколовидных кубков эпохи энеолита – бронзы (III – начало II тыс. до н. э.) широко распространена на территории Южной и Центральной Европы, а также Великобритании. Известны многочисленные типы погребений: в гротах, каменных ящиках, простых ямах, иногда в курганах. В редких случаях практиковался обряд трупосожжения. Также известны кремации в могильниках культуры шаровидных амфор (помещение праха покойного на дно каменного ящика или в сосуд).

Стремительное распространение традиции сжигания останков усопших на костре происходит во второй половине II тыс. до н. э. по всей Евразии. Так, некрополь Ростовка близ г. Омска оставлен носителями сейминско-турбинских традиций. В грунтовых могилах были обнаружены как скелеты, так и кремированные кости, сожженные на стороне и помещенные на пол могильной ямы. Обряд трупосожжения встречается в погребениях андроновской культуры. Сжигание происходило на стороне. У представителей другой крупнейшей культурной общности позднего бронзового века – срубной – встречается обряд трупосожжения, хотя не так устойчиво, как в группах андроновского (федоровского) населения. В настоящее время известны тысячи погребений срубной культуры, но только десятки – с соблюдением обряда кремации. Вероятно, сжигание тела покойного происходило в исключительных случаях. Для обеих культурных общностей ха-

рактерно сжигание тела на стороне, вероятно, на погребальном костре, и перенесение праха на дно ямы, рассчитанной на длину тела взрослого человека.

С середины II тыс. до н. э. обряды трупосожжения приобретают массовое распространение. Особенности его проведения известны нам и по текстам: «Илиада» содержит, вероятно, одно из наиболее ранних дошедших до нас описаний обряда кремации – сцены погребения Патрокла и Гектора (Гомер. Илиада. 115–257; 785–800).

Распространение обычая сжигания тел умерших в раннем железном веке в Евразии настолько масштабно, что нет смысла перечислять все территории и культуры, объединенные этой традицией. Лишь христианство, которое активно противодействует этому погребальному обряду (Карл Великий издает закон, запрещающий сжигание тел на кострах), способствует распространению погребений с трупоположениями.

Этот краткий обзор убедительно свидетельствует о том, что погребения с кремациями в глубокой древности совершались в редких (а возможно, исключительных) случаях. Тем важнее приблизиться к пониманию причин проведения этого вида погребального обряда. Возможно это прежде всего путем усовершенствования методики изучения материалов кремации.

Подходы к изучению материалов кремации

Методы судебной медицины, адаптированные к задачам биоархеологических исследований, позволяют значительно разнообразить исследования кремированных материалов. Обозначим основные направления получения сведений о материалах кремации.

1. *Получение сведений о видовой принадлежности объектов, находящихся в погребениях.* Зачастую, а priori предполагая присутствие кремированных костей человека в погребении, мы не проводим видовой идентификации. Однако возможны различные варианты: останки человека – останки животного – останки человека и животного. Последний вариант особо сложен и интересен. Так, например, более чем в 25% погребений с кремациями раннего железного века с территории современной Норвегии были обнаружены кремированные кости животных (Holck, 1996). Для этой же территории выявлена особенность: помещать в погребальный костер умершего мужчины коготь медведя (Ibid.). Определение видовой принадлежности, как правило, производится при тщательном осмотре кремированных фрагментов. В том случае, если размеры кремированных фрагментов очень мелкие и не позволяют определить их анатомическую приуроченность, можно использовать возможности микроскопии. Диаметр гаверсовых каналов остеонов компактной части костной ткани человека больше, чем у домашних животных. Измерив на шлифе диаметры гаверсовых каналов, мы можем с уверенностью судить о присутствии человека или животных (или тех и других вместе).

2. *Получение половозрастных дефиниций.* Определение возраста индивидов по кремированным фрагментам проводится с использованием тех же методик, что и при работе с материалами ингумации. Это отражено в ряде

методических руководств по работе с палеоантропологическими материалами (Ubelaker, 1978; Историческая экология человека, 1998). Исследователи используют сведения о состоянии черепных швов, прирастании эпифизов длинных трубчатых костей, износе коронки зуба, поротизации костной ткани, состоянии суставных и симфизарных поверхностей. Комплексное использование этих сведений позволяет с достаточной точностью определять возраст индивида в привычных для антрополога дефинициях (*infantilis, juvenis, adultus, maturus, senilis*). Определение пола проводится также с использованием морфологических подходов и на сегодняшний день остается самой трудной методической задачей. При значительной фрагментации материала или при малых количествах фрагментов определение пола крайне затруднено. При сохранении фрагментов скелета с ярко выраженными проявлениями полового диморфизма (лобная кость, затылочная кость, фаланги пальцев) дефиниция пола не представляется сложной.

3. *Получение сведений о проведении сжигания.* Размеры кремированных фрагментов, их цвет и форма определяются температурой и продолжительностью горения, степенью доступа кислорода, количеством воды и других соединений, которые быстро испаряются или возгораются при относительно низких температурах. Все эти сведения известны из судебной медицины, но могут быть использованы не только для воссоздания современной ситуации сжигания останков человека, но и отделенной от нас значительным временем. В работах Т. Стюарда, Дж. Керли, Пер Хока содержатся таблицы определения температуры и продолжительности сжигания по цвету кремированных останков. В них описываются изменения цвета и структуры костной ткани при обжиге при той или иной температуре. В работе Ф. Волкера и К. Миллера (Walker, Miller, 2005. P. 222) представлена таблица цветности, позволяющая в RGB составляющих точно сопоставлять цвет контрольных образцов и своего (археологического) образца. Она дополнена таблицей цветов прокаленной поверхности грунта. Четко выделяются пять температурных режимов: до 300 °С, 300–400 °С, 450–750 °С, 750–1000 °С и выше. Таким образом, мы можем определить, проходило ли сжигание при низкой температуре (обугливание), что возможно при помещении объекта на горящие угли или на краю костра, проводилось ли сжигание на костре или в специальной печи, где температура могла подниматься выше 1000 °С.

Другой важный для реконструкции вопрос заключается в том, было ли тело помещено в огонь вскоре после кончины, или сжигание происходило через некоторое время (например, после долгого сезонного замораживания или после того, как мягкие ткани уже разрушились). При сжигании костной ткани, которая сохранила практически прижизненный уровень содержания воды и жировых веществ, происходит резкое уменьшение плотности ткани при высокой температуре, что приводит к образованию характерных плавных линий термических деформаций и параболических растрескиваний. При сжигании обезвоженной и лишенной жиров костной ткани наблюдаются температурные растрескивания с прямыми линиями, без деформаций и изменения формы.

Из гомеровского текста, из других письменных источников известно, что при сжигании практиковалось обкладывание тела кусками жира, поливание его душистыми маслами. Присутствие жиров повышает температуру горения, обеспечивая белый «чистый» цвет остающегося праха. Такая традиция также способствует образованию значительных термических деформаций. Насколько влияет присутствие мягких тканей на форму кремированных фрагментов, можно продемонстрировать на примере. Очень часто практически недеформированными сохраняются концевые (дистальные) фаланги пальцев руки. Очевидно, что это происходит по причине того, что слой мягких тканей на этой части тела незначителен, и кисти рук чаще всего не закрыты одеждой.

Как известно, при сжигании на стороне зачастую происходит захоронение не всех останков, а лишь их части. Могут иметь место как компактное размещение праха (в сосуде, ямке и пр.), так и рассыпание по поверхности. Для того чтобы реконструировать этот этап погребальной обрядности, необходимо проводить взвешивание скоплений кремированных костей. Используя справочные сведения о полной массе кремированных скелетов взрослых мужчин и женщин, можно оценивать объем кремированных материалов, которые оставлены в захоронении. Зачастую это бывает незначительная часть (например, 10–5% от массы всей кремации); это указывает на то, что основная часть праха была помещена в другое место или развеяна по воздуху, рассыпана по земле, опущена в воду. В любом случае, данные о массе скоплений кремированных костей являются важной характеристикой проведения обряда.

4. *Получение данных о химическом составе костной ткани.* В арсенале современных методов работы с палеоантропологическими материалами не последнее место занимают различные методы изучения состава ткани (молекулярно-генетические, изотопные, исследования элементного состава). Изучение концентраций микроэлементов в костной ткани позволяет судить о специфике окружающей геохимической среды, характере питания. Как правило, для этих целей используют скелетные материалы из погребений с обрядом труположения. Между тем основным поводом для скепсиса в отношении этого метода были и остаются опасения посмертного загрязнения химическими соединениями грунта. Хорошо известно, что фрагменты кремированных костей – благодаря значительной плотности, оплавлениям по их поверхности – крайне нечувствительны к «химическому окружению». В условиях кислых почв, когда происходит достаточно быстрое «растворение» минеральных структур кости, кремированные фрагменты сохраняются без изменений. Нами начаты исследования химического состава кремированной кости ткани. Изучены образцы кремированных останков из курганных и грунтовых погребений из шести различных памятников раннего железного века и средневековья. Получены данные о концентрации таких элементов – индикаторов питания, как цинк и стронций. Эти данные позволяют судить об удовлетворительной сохранности их прижизненных концентраций. Это обстоятельство открывает значительные возможности для изучения образа жизни и особенностей пита-

ния древнего населения, оставившего после себя погребальные памятники по обряду кремации.

Реконструированные варианты проведения кремации. Итак, в краткой форме были отмечены характеристики, фиксация которых необходима для того, чтобы данные материалов кремации использовались с большей пользой. В заключительной части работы в качестве иллюстрации возможностей этих методических подходов хотелось бы привести несколько примеров реконструкций погребальной обрядности.

1. Курганный могильник Колбино 1 (Воронежская обл., Острогожский р-н) конца V–IV в. до н. э. (раскопки В. И. Гуляева, Е. И. Савченко). В ходе раскопок были обнаружены фрагментарные останки двух людей. Так как курган сильно поврежден ранним ограблением, трудно судить о том, какая часть погребенных останков оказалась доступной для исследования. Интересно другое: как следует из рис. 1, 2, кремированные фрагменты крупные, без следов термических деформаций, трещины и расколы прямые, без изгибов. Цвет толщи компактной костной ткани светло-серый, в ряде мест заметны потемнения. Это позволяет нам предположить, что кремация была проведена при температуре 700–750 °С, с ограниченным доступом кислорода. Возможно, это было прокаливание, а не сжигание. Форма трещин указывает на то, что ко времени проведения кремации останки уже были лишены значительной части влаги и жировых веществ. Результаты атомно-абсорбционного анализа указывают на то, что основу ежедневного рациона питания этих индивидов составляли белки животного происхождения.

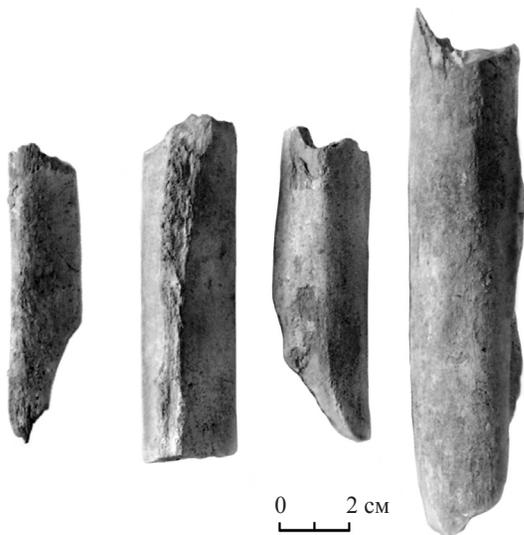

Рис. 1. Фрагменты кремированных костей. Могильник Колбино 1, курган 1

Рис. 2. Сколы правильной геометрической формы. Диафиз бедренной кости. Могильник Колбино 1, курган 1

2. Погребальный памятник Щурово (Московская обл., окрестности г. Коломны) VIII–IX вв., культурная принадлежность проблематична (раскопки А. С. Сы-

роватко). Кремированные фрагменты костной ткани мелкие (преимущественно 1,5–2 см), серовато-белого цвета, со значительными термическими деформациями (рис. 3, 4). Такие характеристики дают основание предполагать, что трупосожжение проходило при температуре 750–1000 °С на открытом воздухе. Результаты атомно-абсорбционного анализа указывают на то, что в скоплениях находятся кости человека и травоядного животного. Рацион питания индивида состоял в основном из пищи растительного происхождения.

Рис. 3. Фрагмент с сильной термической деформацией. Щурово

Рис. 4. Фрагмент с характерными деформациями суставных поверхностей. Щурово

3. Средневековый (XII–XIII вв.) курганный могильник Шизе IV в Абинском р-не Краснодарского края (раскопки А. Н. Гея, У. Кочарова). Размеры кремированных фрагментов мелкие (3–4 см), термические деформации умеренные, цвет светло-серый, встречаются следы обугленности (рис. 5, 6). Любопытно, что в одном из скоплений (курган 185) был обнаружен фрагмент обработанной кости (рис. 7). На рисунке хорошо видны следы обработки. Описанные параметры указывают на то, что костная ткань была частично обезвожена, не использовались материалы, повышающие температуру горения, а сама температура составляла 600–700 °С. Результаты атомно-абсорбционного анализа указывают на смешанный (животно-растительный) состав пищевого рациона индивидов из курганов 185 и 188. Индивид из кургана 185 характеризуется повышенной концентрацией меди, что может быть связано с его профессиональной деятельностью.

Краткие описанные сюжеты указывают на то, что использование новых методов работы с материалами кремаций из археологических памятников поможет расширить возможности получения информации из этого, казалось бы, скупого источника.

Рис. 5. Дистальная фаланга и фрагменты зубов. Шизе IV, курган 185

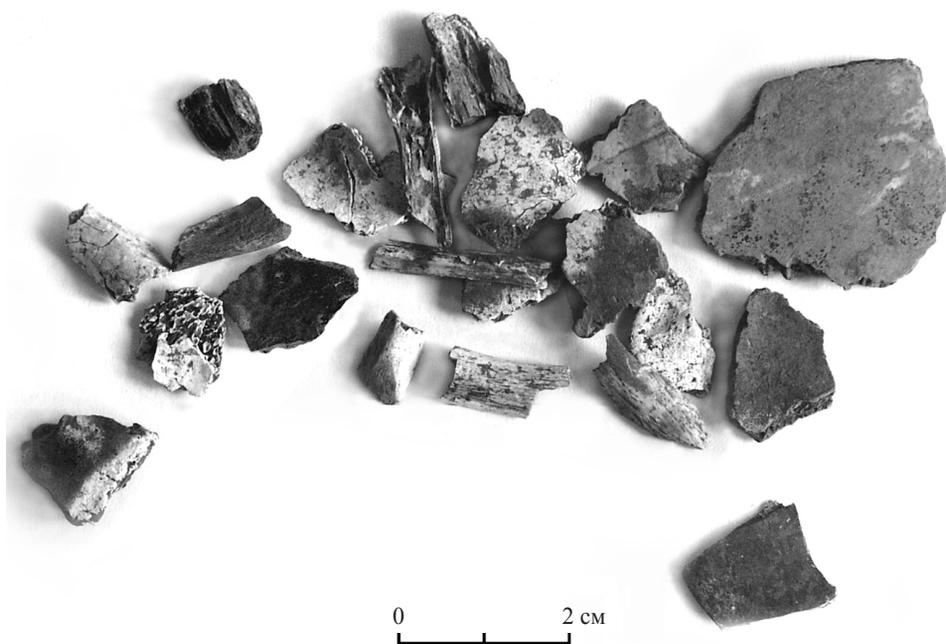

Рис. 6. Фрагменты с обугленными краями. Шизе IV, курган 188

Рис. 7. Фрагмент обработанной кости из скопления кремированных костей. Шизе IV, курган 185

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И.*, 1978. К изучению поздне трипольского погребального обряда // СА. № 3.
- Антонова Е. В.*, 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев востока. М.
- Историческая экология человека: Методика биологических исследований / Под ред. А. П. Бужиловой, М. В. Козловской, М. Б. Медниковой. М., 1998.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.*, 1982. Погребальный обряд племен халафской культуры // Археология Старого и Нового Света. М.
- Обермайер Х.*, 1913. Доисторический человек. СПб.
- Рындина Н. В., Дегтярева А. Д.*, 2002. Энеолит и бронзовый век. М.
- Смирнов Ю. А.*, 1991. Мустьерские погребения Евразии. М.
- Смирнов Ю. А.*, 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.
- Larsson L.*, 1981. En 7000-aring sydkustopplats: Nytt om gammat från Skateholm // Limhamniana.
- Holck P.*, 1996. Cremated bones. Oslo.
- Trautmann I.*, 2004. Cremations of the Linearbandkeramik culture in relation to burial practices of Early Neolithic communities in South-Western Germany // 15th European Meeting of the Paleopathology Association (Durham, U. K. 10th–14th August 2004): Programme and Abstracts.
- Trautmann I., Wahl J.*, 2005. Leichenbrände aus linearbandkeramischen Gräberfeldern Südwestdeutschlands – Zum Bestattungsbrauch in Schwetzingen und Fellbach-Oeffingen // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Bd. 28.
- Ubelaker D.*, 1978. Human Skeletal Remains. Smithsonian Institution, Chicago.
- Vikkula A.*, 1987. The Stone Age graves of Nastirisri site in Laitila, SW Finland // Suomen Museo. Vammala.
- Walker P. L., Miller K. P.*, 2005. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40.
- www.abc.net.au/science/slab/mungoman/default.htm

М. Б. Медникова

ОБРАЩЕНИЕ С ГОЛОВОЙ УМЕРШЕГО: ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ДРЕВНОСТИ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Примеры сложного обращения с останками умершего (в том числе с головой) появляются в археологической летописи начиная с палеолита. Некоторые антропологи давно обратили внимание на характер разрушений, встречаемых в костном материале начиная с древних гоминид. Искусственные повреждения останков, отражающие сложные религиозные церемонии или особенности погребального обряда, могут быть по времени старше верхнего палеолита. Так, сообщалось, что датированная около 350 тыс. л. н. затылочная кость из Вертешселлеш несет на своей поверхности многочисленные следы надрезов и разломов (Ullrich, 1979). Американский антрополог Тим Уайт идентифицировал на поверхности лобной и теменной кости черепа из Бодо (Эфиопия, 300 тыс. л. н.) семнадцать «очагов» посмертных надрезов (White, 1986). Следы надрезов отражают распространенную практику посмертного удаления мягких тканей, возможно, связанную с каннибализмом.

Антропологические исследования позволили выделить комплекс диагностических признаков, служащих идентификации сложного обращения с телами умерших на скелетном материале.

По классификации Х. Ульриха (Ullrich, 1989. S. 55, 56), к посмертным искусственным разрушениям относятся следы надрезов, скобления, ямки, неглубокие вдавления и сходные структуры, дефекты сочленовных поверхностей и в местах прикрепления мышц, разрушение основания черепа, фрагментация черепа и посткраниальных элементов, продольное расщепление диафизов и полировка костных фрагментов. По другой, сходной классификации, посмертные преднамеренные разрушения проявляются в извлечении мозга, повреждениях лицевого скелета, обугливание костей, расчленении, отсутствии некоторых элементов скелета, расщеплении диафизов длинных костей, обнажающем полость костно-мозгового канала; в надрезах, костных разломах, абразивных повреждениях, причиненных орудиями, в отсутствии многих позвонков, полировке фрагментов (Pearson, 1999. P. 53).

Упомянутые разрушения неоднократно бывали отмечены не только среди палеолитических находок, но и в разнокультурных скелетных сериях современного человека. Специальные исследования освещали такие культурные явления, как искусственное разрушение большого затылочного отверстия черепа (Kiszely, 1970; Mikic, 1977; Медникова, 2001), наблюдавшееся у части европейского населения еще в раннем средневековье и, по-видимому, свойственное некоторым степным народам, и скальпирование, широко распространенное в прошлом на евразийском континенте (Медникова, 2000; 2001).

Особое отношение к черепу неоднократно фиксировалось археологически и антропологическими источниками. Так, захоронение краниума отдельно от

тела – традиция, возникающая на Ближнем Востоке не позднее чем у натуфийцев (памятники Эрг эль Ахмар, Эйнан, ‘Айн Маллаха). Изолирование черепов было характерно для культурной традиции докерамического неолита Иерихона на стадии А (8500–7500 гг. до н. э., Иерихон, тель Мюрейбит). Стадия культурного развития, соответствующая периоду докерамического неолита Иерихона на стадии В (PPNB – 7600–6000 гг. до н. э.), характеризуется разнообразными проявлениями культа черепа уже на всей левантской территории. В конце этого периода распространяется такой специфический обряд, как моделирование черепов умерших. Результаты антропологического изучения моделированных черепов из раскопок Иерихона противоречивы. Е. Струхал определил все обследованные им черепа как мужские. Дж. Курт и О. Рорер-Эртль, напротив, идентифицировали большинство обмазанных черепов как женские, и только три – как мужские. По результатам моих наблюдений, моделированный череп, экспонированный в Британском Музее, несомненно принадлежит индивидууму женского пола. Глиняная обмазка полностью покрывала лицевой скелет. В левой височной области локализовано обширное отверстие, не исключено, что искусственного происхождения (Strouhal, 1973; Kurth, Rohrer-Ertl, 1981; Медникова, 2001). Работы антропологов позволяют говорить о том, что обряд моделировки распространялся на различные в гендерном отношении группы населения. Обращает на себя внимание различная семантика частей тела. Тело (посткраниальный скелет) связано с нижним миром; голова (череп) становится элементом архитектуры жилищ и культовых сооружений, принимая на себя позитивную функцию, воплощенную в культе предков.

Хотя, по данным Мишеля Боноговски, обряд моделировки распространялся и на детей, поэтому, по его мнению, этот обычай не был связан с культом предков (цит. по: Медникова, 2004).

Если рассматривать феномен моделировки черепа в хронологическом порядке, то следующие примеры далеко отстоят по времени и в пространстве от ближневосточной территории. Для финальной фазы существования прибалтийского могильника Звейниекы II характерны погребения с янтарем в глазницах и глиняными масками на лицах (Denisova, 1996). Новые оксфордские датировки помещают подобные захоронения в интервал 3450–3150 гг. до н. э.

При раскопках поселения Ботай (правый берег р. Иман-Бурлук, Кокчетавская обл.), датированного концом IV–III тыс. до н. э., был обнаружен женский череп со следами глиняной маски. По определению Г. В. Рыкушиной, обладательница краниума при жизни была дважды трепанирована в теменной области (Рыкушина, Зайберт, 1984). Особенности оперативного вмешательства (несквозной характер процедуры и локализация постоперационных дефектов) позволили высказать предположение, что случай из Ботая является одним из древнейших примеров символического трепанирования, осуществленного в ритуальных целях (Медникова, 2001).

В начале II тыс. до н. э. обмазка лицевой части скелета и моделировка, воссоздающая реальный или условный облик покойного, являются характерной особенностью ингульской катакомбной культуры. Культурная традиция охватывала обширную территорию Северного Причерноморья и Приазовья (обзор см.:

Медникова, 2001). Моделировочная масса накладывалась на предварительно очищенный от мякоти тканей череп; в обряде часто наблюдались признаки декапитации; на черепах можно встретить специальные отверстия для извлечения мозга. В. В. Отрощенко и С. Ж. Пустовалов (1991) высказали предположение, что обладатели черепов, подвергнутых моделированию, принадлежали к особому слою катакомбного общества – вождям и жрецам, а также членам их семей и родов. Впрочем, они не обнаружили признаков обряда в одном из наиболее значимых захоронений могильника Заможное – у так называемого мужчины-жреца из катакомбы 5/2. Примечательна частая встречаемость одновременно с тщательно моделированными черепами ритуальных амфорок и чаш. Согласно реконструкции украинских исследователей, эти формы посуды делались из кальцита, представлявшего собой смесь истолченных раковин с добавлением древесного угля и песка, замешанную на вязком клейком веществе. В кальцитовом составе выявлено присутствие человеческих, в том числе краниальных, костей, что вновь возвращает нас к теме сложного обращения с останками умерших.

После первых раскопок в Минусинской котловине прочно утвердилось представление о сложном обращении с телами как о необходимом элементе погребального обряда позднетагарского населения. Антропологическое исследование К. Горощенко (1899) выявило присутствие посмертных трепанаций черепа, производившихся с целью извлечения мозга. К. Горощенко отверг другие причины трепанирования, подобные убийству военнопленных, поскольку столкнулся с явлением посмертной моделировки. «Трепанованные черепа служили иногда объектом обряда масок и при этом не чистого обряда, а его вариации, описание которой привело бы нас к тому выводу, что черепа, подвергавшиеся отделке глиняной маской, должны были предварительно потерять от процесса гниения мускулы и другие покровы» (Горощенко, 1899. С. 13).

Археологические исследования XX в., многократно увеличив объем исследуемого материала, позволили говорить о разнообразии форм посмертного манипулирования телами в конце раннего железного века Южной Сибири. Некоторыми исследователями была высказана мысль, что обширные дефекты черепа служили для целей последующего бальзамирования и мумификации (см., напр.: Вадецкая, 1986; 1995; 1999). Антропологические работы, способные пролить свет на детали посмертных обрядов, к сожалению, почти отсутствовали. Единственным исключением является публикация И. И. Гохманом (1989) наблюдений о некоторых особенностях посмертного вскрытия черепной коробки. И. И. Гохман отметил, что в переходное тагаро-таштыкское время трепанированных черепов немного, и они представляют собой крупные дефекты в самых тонких местах височных костей. У таштыкцев частота встречаемости трепанированных черепов достигает 80–90% в каждом могильнике, а крупные дефекты черепа располагаются в затылочной области.

Форма и локализация трепанационных отверстий были рассмотрены на примере краниологических серий из могильников Тагарский Остров, Самохвал, Кызыл-Куль и Новые Мочаги (Медникова, 1997; 2001; Mednikova, 2000). Было установлено, что все операции производились на свежих черепах остры-

ми инструментами с тонким лезвием. Воспалительные реакции или образование костной замыкающей пластинки, сопутствующей заживлению, отмечены не были. Края отверстий заостренные, диаметр внешней компакты шире диаметра внутренней. Структура губчатой ткани не изменена, и симптомов формирования костной мозоли не отмечено. Похоже, что операторы действовали не слишком тщательно и не боялись повредить мозговую оболочку и собственно мозг. Вышеизложенное, а также большие размеры дефектов, свидетельствуют о смертельном характере процедуры, если бы она производилась прижизненно, и подтверждают вынесенное ранее суждение о посмертном характере трепанирования. При осмотре черепов особое внимание уделялось регистрации патологических изменений, маркеров физиологического стресса, и в том числе травм и специфических разрушений (надрезов, насечек и т. п.). Процент прижизненных травм черепа у южносибирского населения достаточно высок. Вместе с тем, последствий посмертного воздействия, связанного, к примеру, с освобождением от мягких тканей при помощи инструментов, мне обнаружить не удалось. К категории преднамеренных посмертных разрушений можно отнести некоторые примеры расширения большого затылочного отверстия и разрушения стенок глазниц (Медникова, 1997; 2001).

Итоги обследования коллекций Минусинского музея им. Мартыанова позволили нам утверждать, что К. Горощенко опубликовал лишь наиболее типичные варианты посмертного вскрытия, тогда как отверстия, встреченные в могильниках Самохвал, Кызыл-Куль и Тагарский Остров, отличаются разнообразием по форме и по способу произведения операции. В конце концов, нами были выделены 5 основных вариантов дефектов (Mednikova, 2000). К первому варианту были отнесены черепа, сохранившие лицевой скелет и основание, часто моделированные в лицевом отделе красной глиной, после того как мягкие ткани были удалены. Дефекты имели обширную двустороннюю локализацию на височных и теменных костях. Вторую группу составили черепа, полностью утратившие лицевой скелет и основание, с несомненными признаками искусственного двустороннего разрушения в височной области. К третьей группе отнесены черепа с обширными односторонними отверстиями в височной области. Четвертая группа – черепа, у которых одновременно с двусторонними разрушениями в височной области встречены небольшие овальные или округлые перфорации в нижней части затылочной кости. Пятая группа – черепа с обширным отверстием в центрально-верхней части затылочной кости и/или с небольшими округло-овальными отверстиями в верхней части теменных костей. Достаточно очевидно, что формально описанные типы 1–4 представляют собой разную степень фрагментации скелетного материала и вариации осуществления единой культурной традиции. Характерно, что все эти черепа относятся к позднеатагарскому периоду. Тип 5 отражает иную технику трепанирования и связан с более поздним таштыкским населением. Совершенно новым явлением, ранее не упоминавшимся антропологами, исследовавшими трепанации в Минусинской котловине, стало обнаружение небольших овальных отверстий в теменных и затылочной костях.

На предмет присутствия трепанаций было также обследовано 20 черепов из могильника Новые Мочаги, т. е. примерно каждый пятый от первоначального

числа раскопанных в кургане краниумов (Медникова, 2001). Все они несут следы искусственного нарушения целостности мозговой капсулы. Преимущественное расположение трепанационных отверстий – в височной области слева. Отверстия, как правило, односторонние, в отличие от могильника Кызыл-Куль, но в целом обряд очень похож. Так, почти все черепа из Новых Мочагов сохранили следы глиняной обмазки. Область глазниц, носовые пазухи и ротовая полость заполнены глиной. Глина плотно примыкает к поверхности лицевого скелета. Она была отмечена и под скуловыми дугами (например, женский (?) череп под № 21). Подобное было бы невозможно, если бы лицевой скелет не утратил перед наложением еще мягкой глины кожные покровы и мышечную ткань. Поверх слоя глины накладывались тонкие гипсовые маски. Они были раскрашены, причем, судя по нашим половозрастным определениям, цвет раскраски отличался у женщин и мужчин.

Всегда ли погребальные маски отражали портретные черты усопшего? К сожалению, в распоряжение антропологов не так часто попадают черепа с хорошей сохранностью лицевого скелета, подвергшиеся посмертным моделировкам или прикрытые в момент захоронения «настоящей» маской. Существующие к настоящему моменту реконструкции внешнего облика позволяют думать, что портретное сходство достигалось далеко не всегда (Медникова, Лебединская, 2004).

Итак, антропологическая экспертиза ряда памятников позднетагарской эпохи свидетельствует о моделировании предварительно очищенных от мягких тканей черепов и о том, что очищение производилось не острыми инструментами, а каким-то иным способом. Поэтому возникает вопрос: насколько корректно отражают термины «бальзамирование» и «мумификация», прочно утвердившиеся в археологической литературе применительно к минусинским находкам, сложные процессы обращения с телами тесинских тагарцев? Как правило, бальзамирование подразумевает процесс, нацеленный на консервацию и как можно более долгое сохранение мягких тканей. Манипуляции поздних тагарцев с головами умерших соплеменников приводили к диаметрально противоположным последствиям. При этом, в каких-то вариантах (например, в могильнике Новые Мочаги) посткраниальные отделы сохраняли анатомическое сочленение, т. е. в момент захоронения присутствовали мягкие ткани. Тот факт, что именно голова покойного подвергалась особому обращению, свидетельствует о роли этой части тела в идеологических представлениях древнего населения Южной Сибири. Подобные воззрения имеют глубокие исторические корни. Например, М. А. Дэвлет (1997; 1998), интерпретируя изображения окуневских личин-масок с антенной на голове, видит объяснение в представлениях мистической связи человека с космосом. Говоря о личинах сердцевидной формы с акцентированной областью макушки, она привлекает сакральное понятие «отверстие Брахмы». «Если вы хотите убить меня, то воткните иглу в теменное отверстие Брахмы» (цит. по: Дэвлет, 1997. С. 242).

Моделировка лицевого скелета, наполнение глазниц, ротовой полости могут быть истолкованы не только как обезвреживание умершего (Кызласов, 1960) или метод консервации (Вадецкая, 1999), а как своеобразная инициация, вводя-

щая покойного в иной мир. Средством превращения также неслучайно избрана трепанация, процедура, использовавшаяся и для метаморфозы живых, и для окончательного преобразования умерших (Медникова, 2001). А. Д. Авдеев (1957) пришел к выводу, что главная функция маски – преобразить сущность человека, создать определенный образ (животного, предка, духа, бога). Привлечение данных этнографии позволяет предположить, что моделировка имеет аналогии в обрядах «занавешивания» лица, распространенного в инициационных и свадебных обрядах, где выполняет функцию обозначения переходного состояния, временной смерти. Манипуляции в области глазниц также имеют логическое объяснение, будучи рассмотрены в контексте культурной антропологии. Так, В. Я. Пропп (2000) выделял категорию фольклорных персонажей, хранителей царства мертвых. Это баба-яга русских сказок, красноглазая ведьма – немецких, циклоп Полифем – в греческой мифологии. Общая особенность героев – они слепы или ослепляемы по ходу действия. «Когда она [яга] уснула, девка залила ей глаза смолой, заткнула хлопком...» (Пропп, 2000. С. 54). Яга из царства мертвых не видит представителя царства живых, и наоборот, культурный герой, попадая живым в царство мертвых, должен временно ослепнуть.

Технико-технологическое исследование образцов глиняных обмазок может способствовать выяснению связей и преемственности культурных и религиозных традиций у представителей древних сообществ. Пока имеющиеся в нашем распоряжении сведения о составе моделировочных масс мозаичны. Ю. Б. Цетлин (Институт археологии РАН) по моей просьбе произвел анализ образцов обмазок из двух погребений ингульской катакомбной культуры с Украины¹ и из кургана 8 могильника Кызыл-Куль в Минусинской котловине (поздний тагар). Эти данные были сопоставлены с результатами производившегося им ранее анализа образца из ямного могильника Кармен-Толга (к. 43, п. 3) и образца из Чограйского могильника в Калмыкии (к. 11, п. 4–7) (раскопки Н. И. Шишлиной в 1986 г.).

В Кармен-Толге для изготовления обмазки применялась формовочная масса, изготовленная из трех глин: первичного каолина, ожелезненной глины с очень мелкими включениями бурого железняка, слабоожелезненной тугоплавкой глины светло-серого цвета в естественном состоянии. Масса отличалась высокой пластичностью. Внешняя поверхность маски окрашена сплошным слоем охры, на внутренней поверхности слой охры сохранился на отдельных участках. Маска не подвергалась воздействию огня, имеет следы обызвесткованности.

В Чограйском могильнике была использована ожелезненная, сильно запеченная глина с искусственной примесью золы. На внутренней поверхности маски сохранились следы костного материала. Внешняя поверхность была окрашена охрой, на внутренней признаков окрашивания в явной форме не обнаружено.

Обмазки в погребениях ингульской катакомбной культуры на Украине изготавливались из трех последовательно нанесенных слоев глинистой массы. Пер-

¹ Я пользуюсь случаем принести глубокую благодарность С. И. Круц, предоставившей для исследования этот материал.

вый слой, прилежавший к костной поверхности, толщиной 8–12 мм, состоял из высокоожеженной глины средней пластичности, в большом количестве содержащей естественный оолитовый охристый бурый железняк (1 часть железняка на 4–5 частей глины). Влажная глина была смешана с дресвой, представленной какой-то каменистой породой конгломератного состава и подвергшейся предварительному измельчению. Максимальный размер зерен дресвы составляет 1,5–2 мм. Концентрация дресвы в формовочной массе составляет примерно 1 часть на 3–4 части глины. На поверхности этого слоя, прилежавшего к лицевому скелету, обнаружены несколько отпечатков волоса восьмеркообразной формы. Второй слой, толщиной 4–7 мм, состоял из слабоожеженной глины высокой пластичности. Эта глина, будучи в сухом дробленном состоянии, была смешана с той же самой дресвой и в той же пропорции. Поскольку глина находилась в сухом состоянии, конечная концентрация дресвы составила 1 часть на 2–3 части глины. В составе формовочной массы также обнаружены редкие отпечатки микроскопических водорослей, скорее всего попавших сюда с водой при замачивании глины. Третий слой, толщиной 0,2–0,5 мм, по составу аналогичный первому слою, представлял собой тонкую обмазку красного цвета.

Образец из могильника Кызыл-Куль был получен нами из обмазки черепа № 6667/164. Погребальная маска была выполнена из гипса, смешанного с дресвой, представленной пылевидной каменной крошкой, размер зерен которой составляет от 0,5 до 1 мм. Концентрация дресвы составляет примерно одну часть на 3–4 части гипса. Одна поверхность маски сколота, а другая покрыта слоем обмазки толщиной до 0,5 мм, состоящей из чистого гипса без добавлений.

Микроскопический анализ образца, взятого от кызыл-кульского черепа № 6667/163, показал, что обмазка была изготовлена из чистой высокоожеженной природной глины средней пластичности, использованной, вероятно, во влажном состоянии. Следов дополнительной обработки или искусственных добавок не отмечено.

Таким образом, характерной особенностью обряда моделирования в эпоху бронзы можно считать наличие специальных добавок в глиняную формовочную массу и сочетание нескольких разновидностей глин. Рассмотренный образец конца раннего железного века, в котором отсутствуют дополнения, свидетельствует о необходимости технологического изучения моделированных поздне-тагарских черепов из других могильников Минусинской котловины для вынесения окончательного заключения. Представляется необходимым включить в рассмотрение неолитические находки обмазанных черепов из Прибалтики (Звейниекы II) и Урало-Иртышского междуречья (Ботай).

Систематизация информации о распространении трепанаций также помогает решать вопросы преемственности или взаимодействия синхронных культур, часто отражая миграцию древнего населения. Включение в научный оборот все новых материалов с территории северо-западной Монголии, Тувы, Алтая (в том числе казахстанской его части), из Западной Сибири позволяет говорить об устойчивом феномене трепанирования черепов, характерном для огромного пласта кочевых скотоводческих культур середины и конца раннего железного

века. При этом спорадические находки на территории Центральной Азии и Восточного Туркестана удревяняют практику трепанирования местным населением до эпох энеолита и бронзы (посмертные манипуляции у окуневцев – могильник Разлив X; прижизненные у карасукцев – Хара-Хая, и, возможно, у населения Синьцзяня – Чаухугоу 4) (Медникова, 2001).

Итак, специфическое обращение с головой умершего является характерной особенностью погребальных традиций многих народов древности. Почему объектом для посмертных манипуляций так часто становится именно голова покойного? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить, что для представителей традиционных культур, к которым, без сомнения, можно отнести и народы давно ушедшей древности, человеческое тело являло собой основу мироздания, ту матрицу, которая порождала организацию мирового порядка. В соответствии с глубоко укорененными архетипическими представлениями, тело представляло собой текст, в том числе сакральный (Медникова, 2007).

На определенном этапе общественного развития универсальным стало представление об антропоморфном строении вселенной. Весь мир представлял как огромное человеческое тело. Мы видим, как очень разные культуры, не все из которых связаны общностью происхождения (примеры видны не только в индийской или скандинавской, но и в китайской мифологии), используют один образный язык. В этом универсальном для всего человечества тексте все, что относится к верхней части тела и к голове, связано с небом, солнцем, луной, звездами. «Свод черепа» (вполне анатомическое понятие) ассоциируется с небесным сводом. В этом культурологическом контексте археологические примеры сложного обращения с головой покойного могут быть интерпретированы как воссоздание древнейшего космогонического мифа.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А. Д.*, 1957. Маска // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М.; Л.
- Вадецкая Э. Б.*, 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.
- Горощенко К.*, 1899. Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. М.
- Гохман И. И.*, 1989. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология – медицине. М.
- Дэвлет М. А.*, 1997. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник / Под ред. Д. Г. Савинова, М. Л. Подольского. СПб.
- Дэвлет М. А.*, 1998. Петроглифы на дне Саянского моря. М.
- Кызласов Л. Р.*, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Медникова М. Б.*, 1997. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // РА. № 4.
- Медникова М. Б.*, 2000а. Скальпирование на евразийском континенте // РА. № 3.
- Медникова М. Б.*, 2000б. Обращение с останками умерших в верхнем палеолите // Homo sngirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т. И. Алексеева, Н. О. Бадер. М.
- Медникова М. Б.*, 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.
- Медникова М. Б.*, 2004. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.

- Медникова М. Б., Лебединская Г. В., 2004. К вопросу об антропологическом изучении помертных масок // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Ред. М. Б. Медникова. Вып. 3. М.
- Медникова М. Б., 2007. Неизгладимые знаки. Татуировка как исторический источник.
- Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж., 1991. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины / Под ред. В. Ф. Генинга. Киев.
- Пронн В. Я., 2000. Исторические корни волшебной сказки. М.
- Рыкушина Г. В., Зайберт В. Ф., 1984. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. С. Я. Зданович. Изд. Башкирского ун-та.
- Denisova R., 1996. Zvejnieku akmens laikmeta kapukauks. Iekseja struktura un hronologija // Latvijas Vestures Instituta Zurnals. 4 (21).
- Kiszely I., 1970. On the peculiar custom of the artificial mutilation of the foramen occipitale magnum // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. XXII, 22.
- Kurth G., Rohrer-Ertl O., 1981. On the Anthropology of the Mesolithic to Chalcolithic Human Remains from the Tell es-Sultan in Jericho, Jordan // Excavations at Jericho / K. M. Kenyon, T. A. Holland (eds.). Vol. 3.
- Mednikova M., 2000. Post-Mortem trepanations in Central Asia: types and trends // Kurgan, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age / J. Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova, L. T. Yablonsky (eds.). (BAR Intern. Ser. 890.)
- Mikic Z., 1977. Ein fruhmittelalterischer Schadel aus Bosnien (Jugoslawien) mit kunstlicher Verbreitung des Foramen occipitale magnum // Festschrift 75 Jahre Anthropol. Staatssamml. Munchen.
- Pearson M. P., 1999. The archaeology of death and burial. Sutton Publishing Limited.
- Strouhal E., 1973. Five plastered skulls from the Pre-Pottery Neolithic B Jericho: Anthropological Study // Paleorient. Vol. 1 (2).
- Ullrich H., 1979. Artificielle Veranderungen am Occipitale von Vertesszolos // Antropologiai. Közlemeyek. Vol. 23.
- Ullrich H., 1989. Kannibalismus im Palaolithikum // Religion und Kult. Berlin.
- White T. D., 1986. Cut marks on Bodo cranium: a case of prehistoric defleshing // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 69.

А. В. Энговатова, Д. О. Осипов, Н. Н. Гончарова, А. П. Бужилова

МАССОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ЯРОСЛАВЛЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

История ярославской археологии тесно связана с Успенским собором. Первые археологические разведки на территории Стрелки были начаты в связи с реконструкцией и благоустройством данного участка городской территории после разборки Успенского собора в 1938 г.

В 1938 г. под руководством М. К. Каргера и П. Н. Третьякова были проведены археологические исследования, в ходе которых на территории Стрелки было зало-

жено четырнадцать шурфов. В результате были исследованы территории к северу от собора, южная и западная оконечности Стрелки и край Медведицкого оврага у церкви «Никола Рубленый город». Наиболее информативной оказалась траншея, примыкавшая к абсидам собора, в которой был обнаружен участок с культурным слоем XI–XIV вв. (Воронин, 1949). Отчет о раскопках М. К. Каргера и П. Н. Третьякова утрачен, однако в фондах Ярославского музея-заповедника хранится коллекция археологического материала и архитектурных деталей из раскопок 1938 г. Заметим, что каких-либо выразительных находок XI–XII вв. в ней нет.

Н. Н. Воронин исследовал территорию Успенского собора в 1940 г., когда на этом месте уже был разбит городской парк. Исследователя интересовали местоположение и планировка древнейшего Успенского собора, построенного в 1215 г. князем Константином Ростовским, и его отношение к новым зданиям собора 1504 и 1646 гг., а также характер и датировка культурного слоя на территории древнейшей части Ярославля. Для выяснения данных вопросов в непосредственной близости от Успенского собора был заложен раскоп площадью 100 м², а во внутреннем пространстве четверика храма – шурф (№ XV).

Основные выводы ученого¹ сводятся к следующему: здание последнего собора (1646 г., по Н. Н. Воронину) построено на месте, ранее не затронутом строительством. Предшествующие ему храмы (1215 г.; начала XVI в.) располагались поблизости: в слоях основного раскопа встречены архитектурные детали собора XIII в.

Возникновение догородского поселения на территории Стрелки исследователь относит к IX–X вв. Последующие напластования XI–XVII вв. Н. Н. Воронин делит на несколько горизонтов, отличающихся характером слоя и составом находок. Характеризуя ранние городские слои XI–XII вв., автор отмечает бедный состав инвентаря.

Среди дальнейших археологических изысканий на территории «Рубленого города» наибольший интерес представляют работы В. В. Праздникова. В результате работ 1993 и 1994 гг. были исследованы два сравнительно больших участка: один – у церкви «Никола Рубленый город» (144 м²), другой – у Митрополичьих палат (88 м²). Полученные материалы позволили исследователю сделать интересные выводы о времени возникновения городского посада, формирование которого он относит к XII в. Появление древнего поселения на Стрелке автор связывает с XI в., указывая при этом на значительные нарушения древнейших отложений, местами полностью уничтоженных при последующем строительстве (Праздников, 1998).

Ярославская экспедиция ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой начала полевые работы в августе 2004 г. Тогда был заложен раскоп площадью 400 м². В 2005 г. исследуемая площадь увеличилась до 1200 м².

Изначально были поставлены две задачи: одна из них связана с полным раскрытием фундаментов Успенского собора (в рамках проекта по восстановлению храма), его датировкой и определением места данного собора по отношению к его предшественникам. Другая касалась изучения культурного слоя древнейшей

¹ Отчет об этих раскопках хранится в фондах Ярославского Музея-заповедника.

части Ярославля, определения времени и характера первоначального освоения участка и его дальнейшего использования.

Многогранная форма раскопа была продиктована стремлением максимально раскрыть фундаменты собора, исключив участки, нарушенные перекопами. В наиболее информативных местах (северо-восточная часть раскопа) были сделаны дополнительные прирезки. С целью обнаружения фундаментов более раннего храма в северо-восточной части строительной площадки был заложен дополнительный шурф площадью 4 м².

Фоновая мощность культурных отложений, исследованных на данном участке, составила 2,7–2,8 м. Позднейшие наслоения, образовавшиеся в связи с возведением поздних пристроек к собору, последующей разборкой храма и сооружением городского сквера 1937–1939 гг., составляющие 1,2–1,5 м, выбирались при помощи механизмов.

Разборка нижележащих напластований проводилась с использованием послойно-квадратной методики с переборкой грунта вручную и отбором находок на месте.

Всего на исследуемой площади было выявлено 25 жилых и хозяйственных построек различной степени сохранности, зафиксировано более сотни хозяйственных и строительных ям, что свидетельствует об активном освоении этой территории на протяжении всего исследуемого периода. В результате раскопок удалось проследить смену планировки и застройки данного участка, выявить следы мощных пожаров, в том числе упомянутых в письменных источниках под 1501 и 1658 гг.

Из числа изученных комплексов и сооружений выделяется одно сооружение, на характеристике которого остановимся более подробно. Это заглубленная постройка размерами 4 × 2,6 м, вытянутая в направлении СЗ–ЮВ. Сооружение было заглублено в материк на 60–70 см. Его контуры фиксировались с уровня предматерика. Постройка сохранилась практически полностью, за исключением СЗ и ЮЗ углов, пробитых фундаментными рвами абсиды Успенского собора и пристроенной к нему теплой церкви Василия и Константина (1830 г.). Частично пострадала также восточная стена сооружения.

Стенки котлована были укреплены частоколом, от которого в придонной части котлована сохранились ямки, заполненные древесным тленом. Диаметр кольев – 8–10 см; они поставлены вплотную и располагаются по линии стен строения, по периметру котлована (рис. 1). По-видимому, частокол был вкопан, поскольку дно ямок располагается примерно на одном уровне. Перекрытие строения могло опираться на столбовые опоры, следы которых прослежены по столбовым ямам большего диаметра (20–30 см), расположенным с интервалом около 80 см у стен постройки и в ее центральной части. Вход в постройку находился со стороны ее ЮВ угла. Он прослежен по характерному привходовому пандусу.

Очевидно, постройка погибла от пожара. На это указывает большое количество обожженных плах и сгоревшего зерна, зафиксированных в придонной части постройки и в ее заполнении.

Со временем бытования сооружения связаны следующие находки, обнаруженные в ее придонном заполнении: два жернова (целый и половина), железный

топор и остатки зерна. Состав инвентаря свидетельствует о хозяйственном назначении постройки, которая была, скорее всего, самостоятельным сооружением.

**Рис. 1. Следы укрепления стен частоколом;
в придонной части котлована сохранились ямки от него, заполненные древесным тленом**

В заполнении были обнаружены человеческие костяки, беспорядочно уложенные в шесть ярусов (см. вкл., рис. 1). Погребение завалено обгоревшими бревнами, плахами и отдельными крупными камнями. При разборе костяков были найдены проволочные височные кольца, каменный четырехконечный крест-тельник, стеклянные бусы, обломки стеклянных браслетов, которые позволяют датировать эти слои началом XIII в.

По-видимому, после пожара, уничтожившего саму постройку, ее котлован был использован для массового захоронения людей. Факт массового захоронения нескольких десятков разновозрастных индивидов в разрушенном пожаром строении красноречиво свидетельствует о трагичности событий, происшедших в средневековом Ярославле в начале XIII в.

Антропологический анализ

Специальный анализ антропологических источников был направлен на выяснение причин драматического события.

На некоторых участках массового захоронения вследствие позднесредневековых строительных работ (ров для фундамента церкви) и/или нарушения слоев залегания погребенных костные останки располагались не в анатомическом порядке. Черепа, нижние челюсти, и отдельные кости посткраниальных скелетов были сильно фрагментированы или отличались чрезвычайной некомплектностью, что обусловило невозможность группировки черепов, единичных костей

скелетов в костяки, достоверно принадлежащие отдельным субъектам. Общая численность останков этих индивидуумов определялась суммированием количества целых черепов, черепных коробок/черепных крышек с количеством лобных костей/фрагментов лобных костей, с обязательно сохранившимися областями точки *glabella*. Для контроля подсчитывалось количество затылочных костей/фрагментов затылочных костей, с обязательно сохранившимися задними краями большого затылочного отверстия с точкой *opistion* и нижних челюстей с фрагментами в области *gnation*. При суммировании учитывалось максимальное количество наблюдений по фрагментам костей лобного, затылочного отделов черепов и нижних челюстей. Отдельно рассчитывались парные трубчатые кости (или однотипные кости по одной стороне тела), крылья тазовых костей (по одной стороне тела) и крестцы. Сведение результатов в общую таблицу дало информацию о минимально и максимально возможном исходном количестве захороненных индивидов на переотложенных участках массового погребения.

Можно утверждать, что среди недифференцированной части захоронения достоверно определимы 29 взрослых индивидов и 17 детей. Среди этого количества достоверно определен пол и возраст у 21 взрослого, а у 14 детей – возраст.

В целом же предварительные итоги исследования демографической структуры населения позволяют заключить, что перед нами разновозрастная группа, состоявшая из 97 человек. Число детей не превышает трети от числа обнаруженных.

Исследованная серия уникальна по своему происхождению, т. к. представляет, по сути, одномоментный хронологический срез, что приближает ее к традиционной биологической группе. Таким образом, помимо традиционных палеодемографических методов анализ демографической структуры проводился и редко используемым приемом с учетом возможности оценить биологическую выборку, а не палеоантропологическую серию (Бужилова, 1995).

При разборе половозрастного разнообразия в серии были использованы два гипотетических варианта возрастной структуры населения: 1) в виде правильной пирамиды и 2) в форме колокола. Первый вариант по демографической рубрикации определяет молодую (растущую) популяцию, второй указывает на постаревшую (стационарную) группу. При прочих равных условиях первый тип возрастной структуры обуславливает быстрый рост населения, второй – медленный (Демографический словарь, 1985. С. 65). В каждом из этих вариантов отчетливо видно, что исследованная часть выборки, т. е. погибшие, представляют определенные возрастные когорты, что позволило оценить, какого пола и возраста люди не погибли (отсутствовали) при этих драматических обстоятельствах. Серия выделяется нарушениями половозрастной структуры: отмечается малое число мужчин (почти в два раза меньше, чем женщин), причем за счет отсутствия мужчин наиболее активного возраста – от 15–18 до 30–35 лет. Возможно, они отсутствовали (или не погибли) в момент трагедии (рис. 2).

Анализ этнических признаков изученного населения затруднен ввиду чрезвычайной фрагментации лицевых костей черепа. Тем не менее некоторые предварительные наблюдения были сделаны. К сожалению, несмотря на преобладание женщин в изучаемой группе, женские черепа сохранились хуже, поэтому

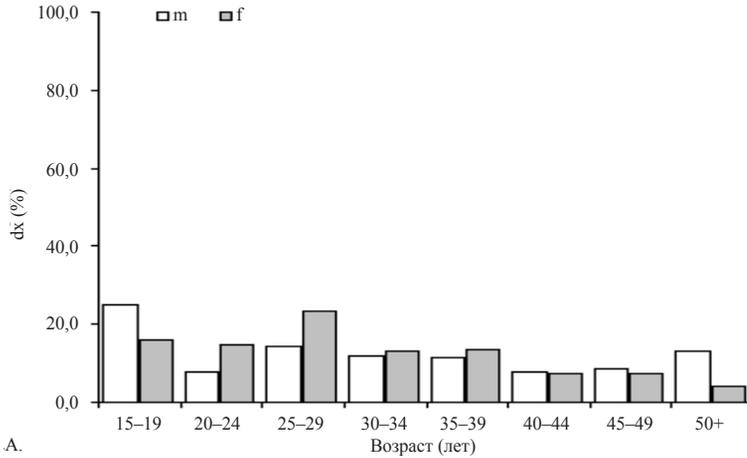

Рис. 2. Частота встречаемости индивидов в серии по полу и возрасту, %.
 Белым цветом обозначена мужская часть выборки, серым – женская

основной анализ проведен на мужских черепах. Мужчины данной группы характеризуются долихокранией (длинноголовостью), средне массивным черепом со средневыступающим носом. Рельеф черепа сглажен, кости скелета, при больших абсолютных размерах, тоже не имеют признаков выраженного рельефа. В целом все характеристики соответствуют представлениям о так называемом вятичском населении данного региона, которое, будучи славянским, имеет в слабой форме черты местного финно-угорского населения (Алексеева, 1973; Гончарова, 2000). Финно-угры, существовавшие в данном регионе до славянской колонизации, отличаются некоторой грацильностью конституционального типа, что находит отражение как на посткраниальном скелете, так и на черепе. В то же время, выраженная долихокrania отличает изученное население от финно-угорских групп этого региона. Кроме того, даже на небольшой выборке видно, что в группе присутствовали индивиды с очень массивным надбровьем, выраженным рельефом затылочной части черепа, что говорит о хорошем развитии мышц шеи и имевшихся нагрузках на позвоночник. Отметим также череп женщины с сильно выступающим носом, что не характерно для северных территорий Русской равнины. Возможно, это мигранты из южных и западных территорий. Не следует забывать и о вероятных крайних вариантах нормального вариационного ряда морфотипов, присутствующих в любой популяции.

Представленная серия была проанализирована по частоте встречаемости некоторых генетически наследуемых признаков и аномалий. В группе отмечено заметное превышение частоты встречаемости межмышцелкового отверстия и надмышцелкового отростка на плечевой кости, увеличение числа случаев анкилоза тела и рукоятки грудины. Заметно преобладает число верхних челюстей с развитием небного валика.

Следует обратить внимание на завышение числа аномалии крестца (*Spina bifida*). Этот признак передается по наследству и связан с нарушением формирования дуг на теле крестца. Чем сильнее этот дефект, тем больше дискомфорта

испытывает человек. Боли в области крестца, тяжелые последствия при ушибах и т. д.

О высокой концентрации биологических родственников можно судить и при оценке различных вариантов и аномалий швов на черепе. В группе преобладает сохранение метопического шва на лобной кости, разнообразные варианты вормиевых и вставочных костей в затылочном шве.

Таким образом, предварительный анализ аномалий и генетически обусловленных признаков свидетельствует, что в коллективном погребении были захоронены семейные группы.

Обнаруженные антропологические материалы отличаются в целом хорошей сохранностью костных тканей. При этом большинство черепов сломано в результате механических повреждений (не современных) и зачастую представлено в виде мелких, бессистемных костей/фрагментов костей различных отделов черепа. Разнообразие разломов нижних челюстей можно систематизировать: чаще повреждаются ветви челюстей. Эти разломы не имеют характерных следов от удара колюще-режущим оружием. Возможно, эти повреждения связаны с посмертным повторным переотложением останков погибших.

На некоторых костях таза, так же как и крестца, выявлены повреждения, которые могли быть произведены уже на останках полуистлевшего трупа при его переносе на другое место. Эти отломы могли появиться при ударе о твердые предметы. Ссохшиеся мягкие ткани не могут при этом защитить кость от разломов.

Подобные по причине повреждения отмечены и на некоторых костях конечностей. На длинных костях многих индивидов можно было проследить следы вдавленных повреждений от удара по твердым предметам.

Следует обратить внимание, что в большей части изученных черепов отсутствуют лицевые кости, при одновременном наличии некоторых хрупких и тонких костей основания черепа. Данное обстоятельство, как и представленные выше, является одним из аргументов в пользу предположения о перезахоронении или захоронении полуистлевших трупов людей в скором порядке.

При оценке травматических повреждений мы обратили внимание на большое количество травм черепа и некоторых костей скелета без следов некротического процесса и тем более следов заживления. Анализ этих повреждений позволил классифицировать их как травмы, нанесенные индивидам незадолго до смерти. Некоторые из них, в основном черепные, можно расценивать как несовместимые с жизнью. Обнаруженные повреждения можно условно разделить на три группы: 1) рубленые раны, 2) колотые ранения и более резко выраженные 3) дырчатые переломы, т. е. от удара колющим оружием с острым краем, с прободением всех слоев костной ткани и образованием округлых по форме повреждений.

Среди рубленых ран можно обнаружить повреждения на черепе в затылочной области ближе к шее. Это указывает на то, что рубили поверженного наземь человека. Обнаружены травмы черепа взрослых в височной области и теменной. Есть случай рубленой раны в области левого плеча, с нарушением целостности отростка лопатки. Обнаружено несколько случаев рубленых ранений лица с повреждениями нижних челюстей.

При оценке колотых ранений были обнаружены травмы в области грудных позвонков. Эти повреждения могли быть нанесены острым концом сабли. Также отмечены колотые ранения в области крыльев таза, которые, по-видимому, были нанесены по касательной острым колющим оружием типа копья. Анализ представленных травм свидетельствует, что удары наносились чаще всего по поверженным наземь людям. Возможно, большую часть уже раненых людей «добивали» ударом копья.

Превалирующее число случаев незаживших травм представлено в виде дырчатых переломов, нередко с радиальным растрескиванием. Они обнаружены на плоских костях черепа в области как лобной, так и теменных костей. Есть случай повреждения тела нижней челюсти, т. е. удар наносился по лицу. Возможно, это последствия удара тупым предметом типа кистеня или палицы.

Обнаружено много сходных по размеру дырчатых переломов: на лопатке ребенка и крыльях таза. Размеры и форма дефектов указывают на возможную причину повреждений кости от попадания стрел (рис. 3). Заметим, что при анализе более чем 30 случаев фиксируются последствия ранений от разных типов наконечников (округлой, подтреугольной формы и типа срезня). Обращают на себя внимание случаи повреждения тазовых костей детей и взрослых (главным образом женщин). Такого рода повреждения мы интерпретируем как последствия ранений в живот стрелой.

Рис. 3. Овальное повреждение кости от ранения стрелой на лопатке ребенка

Для сравнения нами были привлечены материалы средневекового поселения близ с. Городище (Шепетовский р-н Хмельницкой обл.). Они позволяют реконструировать не менее трагичную картину гибели населения. По мнению М. К. Каргера (цит. по: Рохлин, 1965), это поселение следует идентифицировать с летописным Изяславем, полностью уничтоженным во время нашествия Батыя на Русь. Д. Г. Рохлин указывает, что костные останки были обнаружены в виде отдельных разрозненных находок под руинами сожженных жилищ, устроенных внутри оборонительного вала. Были также обнаружены большие груды костей (костища). По мнению Д. Г. Рохлина, костища представляют собой остатки людей, которых сбрасывали друг на друга (Рохлин, 1965).

Д. Г. Рохлиным были изучены останки свыше 200 индивидуумов, треть из них определяются как детские. Большинство ранений было нанесено рубящим оружием – мечом или саблей, употреблялось и колющее оружие. Его следы имеют вид дырчатых дефектов с радиальным растрескиванием. Были обнаружены и черепные травмы, нанесенные оружием типа палицы или булавы. (Там же. С. 209). Среди убитых высока доля женщин и детей.

Большинство ранений, по реконструкции Д. Г. Рохлина, нанесено сзади и сбоку. Автор полагает, что рубили поверженных, по-видимому, связанных (Там же. С. 210). Приведенные наблюдения позволяют установить, что разгром Изяславля и Ярославля был стремительным и жестоким. В результате пострадало мирное население – женщины и дети.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Т. И.*, 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Бужилова А. П.*, 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.
- Воронин Н. Н.*, 1949. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11.
- Гончарова Н. Н.*, 2000. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология / Отв. ред. Т. И. Алексеева. Ч. 2. М.
- Демографический энциклопедический словарь / Под ред. Д. И. Валентей. М., 1985.
- Праздников В. В.*, 1998. Археологическое изучение г. Ярославля в 1992–1994 гг. // Археология Ярославского края. Вып. 1. Рыбинск.
- Рохлин Д. Г.*, 1965. Болезни древних людей. М.

НЕОЛИТ И БРОНЗА

К. Е. Бочваров

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В СОСУДАХ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБРЯДА

Введение¹

Ввиду небольшого количества погребений в керамических сосудах и немногочисленности погребальных комплексов, известных в Юго-Восточной Европе на этапе поздней праистории, ввиду их спорадического характера и часто неясности контекста местонахождения, исследователи неолита не уделяли им достаточного внимания. Беспристрастное изучение этих специфических погребальных практик показывает, однако, что ингумация в керамическом сосуде, как и вообще самые ранние погребения в керамических сосудах, связана с наиболее ранними фазами регионального культурного развития. Типичное проявление раннеземледельческой символики – ингумация в керамическом сосуде – появляется на одной из ранних фаз неолитизации в регионе Юго-Восточной Европы, хотя определенно не в самом ее начале. В начальный период появления ингумаций в керамических сосудах наблюдаются два отчетливо обособленных хронологических этапа, которые могут быть определены как отдельные территориально-хронологические волны. Первая – ранненеолитическое «ядро» в долинах рек Струмы и Вардара и в Западных Родопах. Вторая, несколько более поздняя, – поздненеолитические и/или энеолитические (в зависимости от региональной терминологии) проявления, разбросанные на территории исследуемого района. Ингумация в керамическом сосуде явно связана с некоторыми более поздними явлениями – кремациями в керамических урнах, открытыми во Фракии и Фессалии. Кроме того, если включить эти практики в более широкой территориальный контекст Анатолии и Леванта, становится ясным, что существуют более или менее синхронные аналогии. Именно в таком широком культурно-территориальном контексте должна рассматриваться практика ингумации в керамических сосудах, чтобы проследить ее происхождение и развитие, а также проанализировать ее символическое содержание и место в праисторических погребальных обрядах.

¹ Благодарю моего отца, Эрнста Бочварова, который перевел это исследование на русский язык.

Интерпретация

Погребальная яма логически принимается за единственный архетип погребального сооружения. Она, очевидно, самая простая, но в то же время достаточно определенная форма осуществления идеи отстранения человеческих останков посредством погребения, которая развивается после первоначальной засыпки мертвых травой, ветвями деревьев или шкурами, а позднее землей и/или камнями, уложенными на поверхности. По мнению многих исследователей неолитических погребений Юго-Восточной Европы, погребальной яме, а следовательно, и самому погребению, не уделялось специального внимания. Этот тезис аргументируется примерами использования под погребения мусорных ям (Јовановић, 1967. С. 13; Гарашанин, 1973. С. 27; Brukner, 1974). Высказывается даже предположение, что интрамуральные погребения не принадлежат членам местной общины, а имеют отношение к побежденным врагам, тогда как мертвые соответствующей неолитической группы хоронились в экстрамуральных некрополях. На мой взгляд, основной причиной циркулирования этого тезиса в той или иной форме является факт, что большинство неолитических погребений – безынвентарные и что заполнением погребальной ямы, как правило, являются культурные отложения поселения, содержащие различные артефакты из культурного слоя. Отсюда, видимо, следует логическое заключение, что мертвые были не похоронены, а «выброшены». На сегодняшний день такая аргументация не может быть принята, особенно ввиду того факта, что по крайней мере для региона Юго-Восточной Европы она основывается на некорректной интерпретации погребальных ям как мусорных. Их заполнение всегда такое же, как и у мусорных ям, и различие между ними археологически неуловимо. Тем не менее наличие большого числа фрагментов керамических сосудов и костей животных не превращает эти ямы в мусорные, как становится ясным, в частности, на примере двух «ритуальных» ям Парца I (Resch, 1991; см. также анализ так называемого структурного депонирования в: Chapman, 2000).

Однако зарегистрировано переиспользование уже существующих ям, например оставшихся от добычи глины, таких как в Аймана, Железных Воротах (Сталио, 1992. С. 65), и зернохранилищ, как в Неа Никомедии (Западная Македония) (Rodden, 1962. P. 286).

Отмечу, что несомненные случаи «выбрасывания» или «изоляции» покойников все же существуют, как это было выявлено в Ваксево (долина Струмы), где археологический контекст недвусмысленно показывает, что труп был брошен в яму (Чолаков, 1991. С. 231. Обр. 1; Чохаджиев, 2001. С. 170. Обр. 10). Также показательно в этом отношении единственное расположенное вне построек погребение 285 из Чатал-Хююка. Его антропологический анализ выявил патологические изменения, предполагающие, что умерший молодой мужчина страдал серьезным заболеванием, ставшим причиной внешней деформации, зафиксированной на скелете (Molleson et al., 1998).

Следует отметить, что трактовка погребений как «мусорных отбросов» не относится к погребениям под полами жилищ, которые имеют особую ценность в качестве аргумента против этого тезиса. Их местоположение исключает воз-

возможность отнести их к «выброшенным» индивидам, при этом они не ограничиваются только младенческой/детской возрастной группой, чтобы их можно было объяснить как жертвоприношения. Не совсем ясно, почему эти так называемые «жертвоприношения» связаны именно с детьми. Здесь необходимо напомнить, что погребения анатолийского неолита и раннего энеолита, как правило, соответствуют погребениям Юго-Восточной Европы как в культурном, так и в формальном отношении.

Погребальная яма в том же семантическом контексте предполагает скорченную позу тела. Если принять символическое значение позы как эмбриональной, логичным является трактовка ямы как утробы Богини-матери. Более поздние мегалитические гробницы в Северной Европе имеют аналогичный смысл: их дромос мыслился как божественная вагина, а помещение трупа в гробницу воспроизводит акт оплодотворения (Gräslund, 1994. P. 22). Естественно, погребальные структуры с семантически аналогичным планом существуют еще со времени культуры Старчево в Златаре (Срем) и Винча – Бело Брдо (Leković, 1985. P. 159; Васић, 1936. С. 9), и представляют логическое развитие обычной погребальной ямы. Очевидно, что в целом погребальные обряды воспроизводят мифологический акт сотворения и что погребальные структуры играют в них существенную роль.

Дополнительным аргументом в этом случае является группа погребений из Юго-Восточной Европы, в которых человеческие останки похоронены в керамических сосудах. Эта практика широко распространена в Леванте, в более ранних и синхронных поселениях. Керамический сосуд мыслился как утроба, и позднее именно этот символический аспект был подчеркнут в погребальном контексте; так, в Алишар Хююке на двух погребальных урнах моделированы конические налепы в виде женской груди (Schmidt, 1932. P. 72). В символическом аспекте вместилище/утроба-сосуд, независимо от материала, из которого он выполнен, играет важную роль во множестве ритуалов в различные праисторические и исторические эпохи. Одной из специфических особенностей погребений в сосудах эпохи неолита, которая отличает его от подобных практик более поздних периодов, является переиспользование сосудов, первоначально имевших другую функцию и не предназначенных специально для погребения. Первоначальное назначение (и реальное, и символическое) сосудов на неолитических поселениях остается неясным. Кроме того, существует традиция погребения в зернохранилищах, которая может быть прослежена на юг до Леванта.

Снова вернусь к погребениям из Аймани и Неа Никомедии и конкретно к первоначальной функции погребальных ям: в первом случае речь идет о яме, оставшейся от добычи глины, а во втором – о зернохранилище. Естественно, нельзя преуменьшать и аспекты переиспользования ям, но ясно, что существует семантическое сходство между керамическим сосудом, с одной стороны, и зернохранилищем, где хранится зерно, – с другой. Погребение в сосуде, другими словами, во вместилище/утробе, очевидно, воспроизводит мифологический акт сотворения, что в очередной раз подтверждает символическую связь между погребением/смертью/рождением и зерном/плодородием/возрождением (Бъчва-

ров, 2003. С. 129). На бытовом уровне сосуды, использовавшиеся первоначально для сохранения/приготовления пищи, вновь использовались для погребения как вместилища смерти. На символическом уровне первоначально они использовались как вместилище преобразованной, преобразуемой или приготовленной к преобразованию в будущем материи – пищи, позднее переиспользованные для погребений как «рожающие сосуды», что в религиозно-мифологических представлениях древних земледельцев является различными аспектами одной и той же концепции.

Типы погребений и их распространение

Погребения в керамических сосудах разнообразны и могут быть разделены на три типа, которые имеют специфические особенности: первичные погребения (ингумации), вторичные погребения и погребения с кремацией. Перед тем как приступить к подробному анализу ингумаций в керамических сосудах, я предлагаю рассмотреть другие два типа. Здесь наиболее важно их происхождение и территориальное распространение.

До сих пор открыто только одно вторичное раннеолитическое погребение в сосуде. Оно происходит из слоя III телля Азмак во Фракии и относится к культуре Караново I. Керамический сосуд содержит несколько черепов (автор не указывает точное количество) и отдельные кости (Георгиев, 1966. С. 9). В широком хронологическом контексте эта находка не уникальна – известно погребение черепа девочки (0–3 месяца) в сосуде на высокой подставке (рис. 1, 2) в праисторическом некрополе Мораги-Тюзкёдом в Южном Подунавье (Zalai-Gaál, 2002. S. 123. Taf. 46f.). Другое погребение, где череп находился на дне разбитого горшка, известно в позднеолитическом пещерном поселении Алепотрипы, в Лаконии (Parathanassopoulos, 1996. P. 175). Вторичное погребение в сосуде может быть связано с вторичным погребением в обыкновенной яме, например, из слоев II и IV телля Караново (Václavov, 2000).

Другой тип погребений в сосудах, известный на девяти поселениях Юго-Восточной Европы, связан с кремацией. Большой (?) керамический горшок, содержащий обгорелые детские кости, был открыт вблизи печи в жилище из раннеолитического слоя телля Азмак (рис. 2, 4). Горшок, вероятно всего, был закопан под полом жилища, но это не показано достаточно ясно на плане жилища, опубликованном в 1972 г. (Georgiev, 1972. S. 17. Abb. 4). Это погребение не является уникальным для Юго-Восточной Европы, несмотря на то что оно единственное открытое во Фракии. Погребения-кремации в сосудах найдены в позднем слое в Винча – Бело Брдо (культура Старчево), на поселении Горжа (культура Кёреш) в долине Тисы и в позднеолитическом слое Вршаца, Банат (Васић, 1936. С. 182; Garašanin, 1956. S. 209; Gazdapusztai, 1957; Milleker, 1938. S. 166). Погребения из Винчи, Горжи и Вршаца формально соответствуют комплексу из Азмака, т. к. во всех этих погребениях кальцинированные кости помещены в керамические сосуды.

Более многочисленные примеры погребений с кремацией в керамических сосудах происходят из Суфли Магулы, Платия Магула Зарку и Димини в Вос-

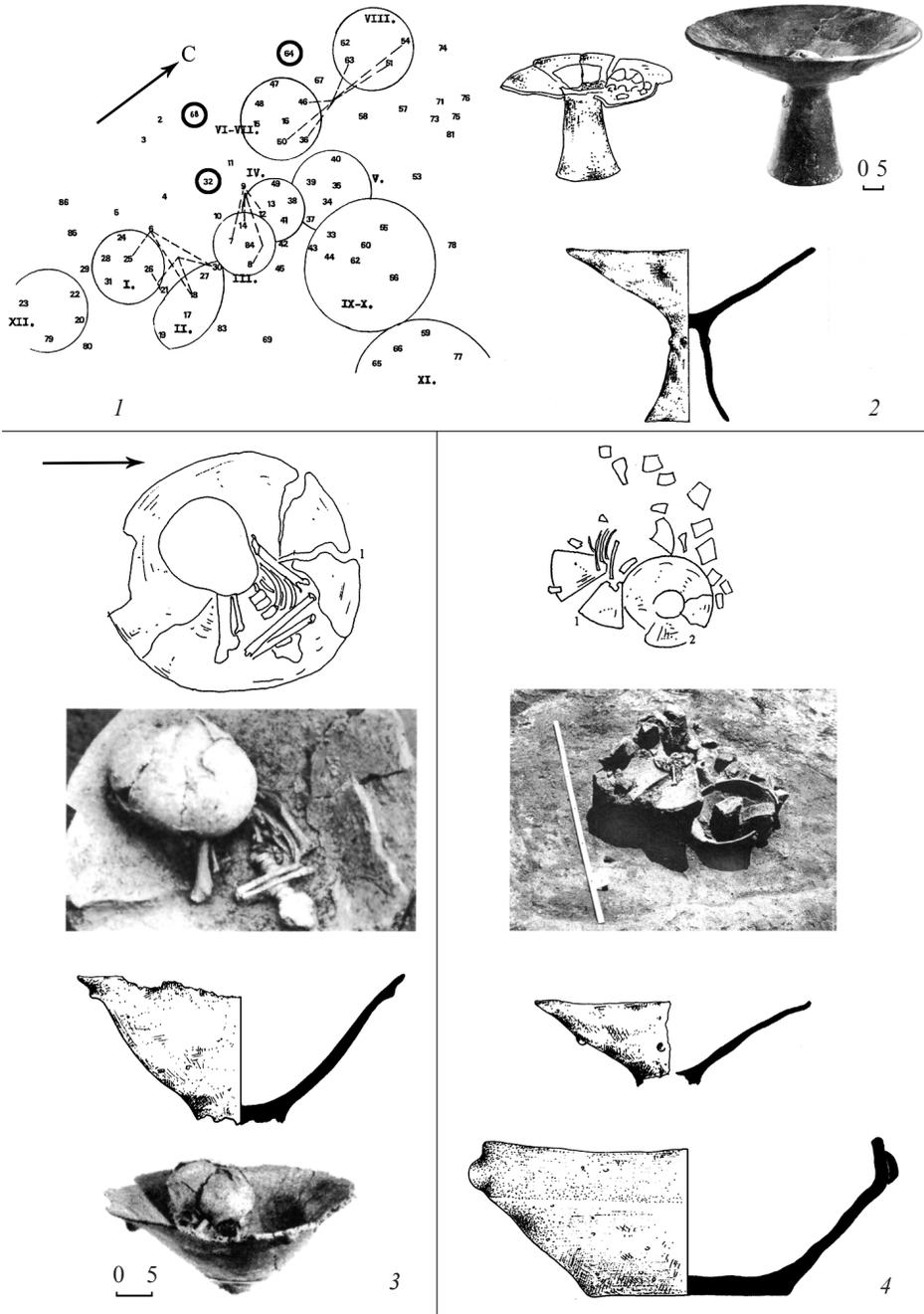

Рис. 1. Мораги-Тюзкёдом, ингумации в керамических сосудах (по: Zalai-Gaál, 2002)

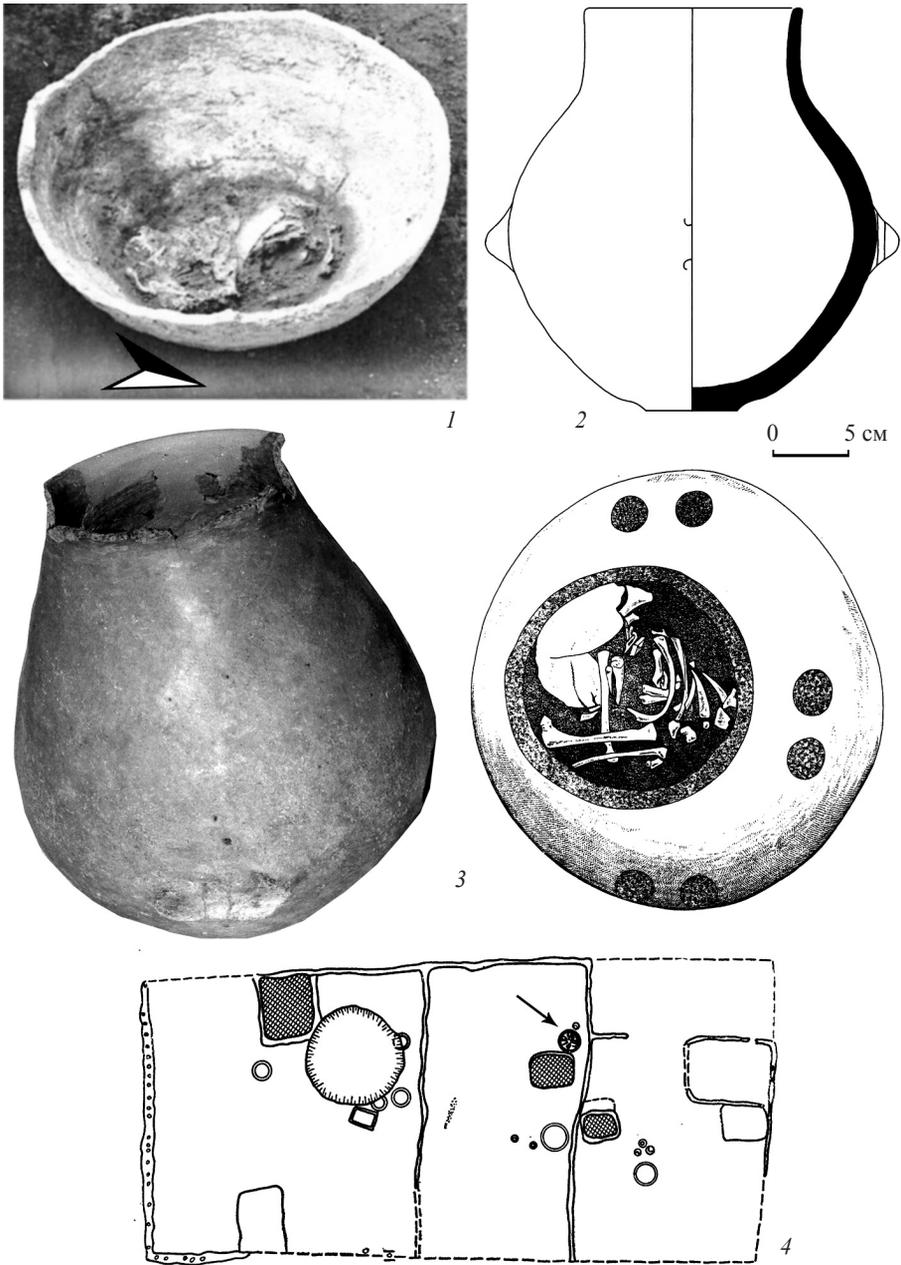

Рис. 2. Юго-Восточная Европа.

Ингумации в керамических сосудах (1–3) и погребение с кремацией (4)

1 – Ковачево (по: Lichardus-Itten et al., 2002); 2 – РаKITОВО (по: Радунчева и др., 2002);

3 – Анза (по: Gimbutas, 1976); 4 – Тель Азмак (по: Georgiev, 1972)

точной Фесалии (Gallis, 1975; 1996a; 1996b), а также из Суплаку де Барчыу и Тышада в Трансильвании (Ignat, 1985). В Суфли, кроме обгорелых скелетных останков, похороненных в круглых ямах с погребальным инвентарем (культура Протосескло), южнее телля открыты семь погребений в сосудах, содержащих обугленные кости, принадлежащие фазе Цангли-Лариса (культура Димини). Некрополь в Плати располагался в пятистах метрах от поселения: он содержал свыше 70 погребений с кремацией в сосудах, перекрытых другими сосудами (в одном случае зооморфным). Здесь же встречаются погребальные ямы, обложенные камнями, в некоторых случаях дно ям покрыто вымосткой из гальки, сосуды положены в качестве погребального инвентаря. В Димини открыты восемь биконических ваз, содержащих обгоревшие кости младенцев (Χουρμωζιάδης, 1982. С. 81), а в Суплаку де Барчыу исследовано погребение-кремация молодой женщины, где в качестве инвентаря имелись два сосуда.

Кремация как ритуальная практика известна еще с позднего палеолита, но кости часто были слабо обожжены (Binant, 1991. Р. 145). Такие погребения встречаются спорадически в эпилеолитических поселениях: в левантской пещере Кебара, Бельдиби в Юго-Восточной Анатолии, Франхти в Восточном Пелопоннесе и Власаце в районе Железных ворот на Дунае (Bar-Josef, 1987. Р. 229; Bostanci, 1959. Р. 147; Angel, 1969. Р. 380; Cullen, 1995; Srejiović, Letica, 1978. Р. 149). Не исключено, что иногда отдельные обгоревшие человеческие кости не были распознаны как погребения и фиксировались вместе с костями животных. На это могут указывать результаты исследований пещеры Франхти, где после просеивания земли и анализа костей животных были отмечены скелетные останки приблизительно 30 индивидов (Cullen, 1995. Р. 274).

Неолитические погребения с кремацией являются объектом разнообразных интерпретаций: от восприятия этих объектов как средства очищения до способа освобождения духа. И. Вунн считает, что погребения из Суфли и Платии указывают на веру в существование души, которая освобождается от своей земной оболочки через кремацию, что облегчает ее трансформацию в другую экзистенциальную форму (Wunn, 2001. S. 134). Не могу согласиться с идеей, что эти практики являются результатом развития представлений о потустороннем мире, потому что появляются они достаточно рано. Скорее всего, погребение-кремация мыслилось в том же религиозно-мифологическом контексте, что и погребение-ингумация, но было тесно связано с огнем. Это заключение подтверждается тем, что во многих случаях кремированные человеческие останки хоронили в сосудах, о символическом значении которых сказано выше. Близкое расположение погребения из телля Азмак к печи следует интерпретировать в таком свете.

Дополнительным указанием на символическую интерпретацию погребений с кремацией в сосудах является тот факт, что комплексы из телля Азмак и Горжи более ранние, чем остальные. Кроме того, погребение из Азмака, а вероятно, и из Горжи, принадлежит ребенку, что, может быть, сближает его с первичными индивидуальными ингумациями больше, чем с «типичными» поздненеолити-

ческими погребениями с кремацией. Подчеркну также, что оно открыто под полом жилища.

Ингумации в керамических сосудах: исходные данные

В Юго-Восточной Европе открыты четыре случая ранненеолитических ингумаций в керамическом сосуде: два в Ковачево (долина Струмы), одно в Раки-тово (Западные Родопы) и одно в Анзе в долине Вардара (рис. 3, 1). Скелетные останки принадлежат новорожденным или мертворожденным детям, похороненным в скорченной позе.

Ковачево. Многослойное поселение в долине Струмы исследуется с 1980-х гг. болгаро-французской экспедицией. Оно охватывает площадь около 7 га (Lichardus-Itten et al., 2002). Культурный слой достигает толщины около 2 м. Отчасти разрушенные верхние слои Ковачево III и II содержат поздне-неолитические и раннебронзовые материалы. Нижние четыре слоя Ковачево Ia–Id относятся к раннему неолиту и представляют юго-западный вариант культуры Караново I. Спорадически представлены и более поздние периоды: железный век и римская эпоха, средневековье и пр. В слоях Ковачево II и III различные периоды разграничиваются на основании типологических наблюдений, т. к. нет стратиграфических свидетельств для их разделения. Четыре ранненеолитических периода зафиксированы на основании стратиграфических свидетельств и, вероятно, представляют несколько фаз существования культуры.

В слое Ковачево I открыто 5 погребений; еще 2 происходят из слоя, определенного авторами раскопок как средний неолит. Погребения принадлежат новорожденным или мертворожденным младенцам и детям до 6,5 лет. Они похоронены в скорченной и сильно скорченной позе на боку или в полусидячей позе и ориентированы головой на восток, запад или север. В трех случаях считается, что дети были завернуты в толстую материю, вероятно, кожаный мешок или рогожу. В различных объектах поселения, например ямах, были обнаружены отдельные фрагменты человеческих костей.

В ранненеолитическом слое Ковачево Id исследованы 2 ингумации в сосудах. Первое погребение принадлежит мертворожденному ребенку, скорее всего мальчику, похороненному в сосуде (высота около 30 см), покрытом крышкой. Скелет располагался в сильно скорченной позе на правом боку, головой на север (рис. 2, 1).

Второе детское погребение пока не опубликовано. Оно, видимо, принадлежит совсем маленькому ребенку, также похороненному в сосуде.

Раки-тово. Многослойное поселение в Западных Родопах, полностью исследованное в 1974–1975 гг. А. Радунчевой и В. Мацановой, охватывает площадь около 3300 м². Разрушенные верхние слои принадлежат поздне-неолитическому периоду Караново III–IV и, вероятно, ранне-неолитической культуре Караново I. Хорошую сохранность имеют два самых нижних слоя, достигающих толщины соответственно 0,54 и 0,80 м. Оба принадлежат культуре Караново I (Радунчева и др., 2002).

В слое II под полом жилища 16, около западной стены, открыто погребение новорожденного в сосуде (рис. 2, 2). В сосуде зафиксирован погребальный инвентарь, что исключительно редко для раннеолитического погребения ребенка: куски красной охры и кремневая пластина.

Анза. Многослойное поселение в долине Вардара, исследованное М. Гарашанином и М. Гимбутас в 1969–1970 гг. (Gimbutas, 1976; Garašanin, 1998). Зафиксированы три раннеолитических слоя (III–I), характеризующихся расписной керамикой. Слой Анза IV в целом синхронен Винче А.

В трех раннеолитических слоях и слое Винчи А открыты останки 34 индивидов (в большинстве случаев отдельные кости), принадлежащие 17 новорожденным и детям более старшего возраста, 5 юношам и 12 взрослым. Под полом жилища в траншее М. Гарашанином было исследовано 5 ингумаций в скорченной позе. В яме слоя Анза Ic открыты кости младенцев; в том же слое было раскопано погребение двух молодых женщин, похороненных в скорченной позе одна над другой.

В слое Анза Ic открыта ингумация в керамическом сосуде, принадлежащая новорожденному. Четыре ручки сосуда отломаны, дно его пробито, вероятнее всего умышленно (рис. 2, 3).

Региональный контекст

Здесь я рассматриваю поселения более позднего хронологического периода, представляющие региональный контекст исходной зоны распространения ингумации в керамическом сосуде (рис. 3, 1).

Эзеро. Фракийский телль располагается вблизи города Нова Загора (Георгиев и др., 1979), его культурный слой достигает 10 м толщины. Поселение исследовано Г. И. Георгиевым и Н. Я. Мерпертом в 1960-е и начале 1970-х гг. Основание телля имеет площадь 3 500 м². Исследователи выявили здесь слои позднего неолита, энеолита и раннего бронзового века. Слои IV и III принадлежат позднеолитическим периодам Караново II–III, Караново III и Караново III–IV.

В неглубокой яме под полом жилища в юго-западной траншее (слой IV, горизонт V – период Караново III) открыта ингумация новорожденного. Погребение перекрыто глубокой темнополированной миской с каннелюрами. В этом погребении также зафиксирован погребальный инвентарь: фрагмент раковины и ретушированная кремневая пластина.

Полгар 7. Многослойное поселение на Великой Венгерской равнине. Исследовано П. Рацки в 1994 г. в рамках спасательного проекта. Остатки поселения относятся к культуре линейно-ленточной керамики Алфёльда.

В глубокой траншее вблизи удлиненной постройки открыта ингумация в сосуде. Останки принадлежат ребенку, похороненному в большом горшке (Raczky, 2006. P. 385, 386).

Мораги-Тюзкёдом. Праисторический некрополь в Южном Подунавье. Исследован И. Залай-Гаалом в 1980-е гг.; относится к позднеолитической культуре Лендьел (Zalai-Gaál, 2002).

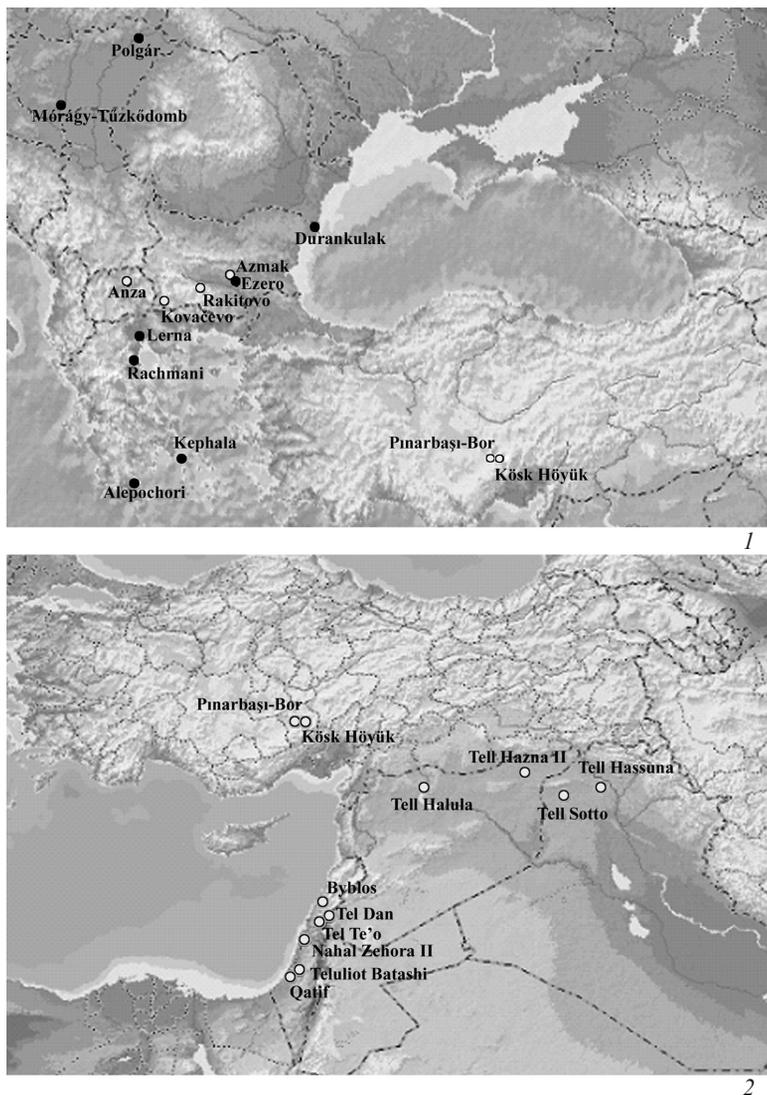

Рис. 3. Карты поселений с ингумациями в керамических сосудах

1 – Юго-Восточная Европа и Центральная Анатолия; 2 – Левант

○ – ранние ингумации в керамических сосудах; ● – поздние ингумации в керамических сосудах

В так называемой группе погребений B_1 открыты две ингумации в сосудах на высоких подставках. Останки принадлежали мальчикам (?)² (0–0,5 месяца), скелеты которых располагались скорченно на правом боку, головой на запад или юго-запад и лицом на юг или северо-восток (рис. 1).

² К сожалению, биохимический метод, использованный для определения пола детей, по меньшей мере порождает сомнения (Lengyel, 1985).

Дуранкулак. В праисторическом некрополе открыто свыше 1200 погребений (рис. 4, 1). Памятник исследован Г. Тодоровой в 1980–1990-е гг. и относится к культурам Хаманджия I–II, III и IV, Варна I и II–III (Todorova, 2002).

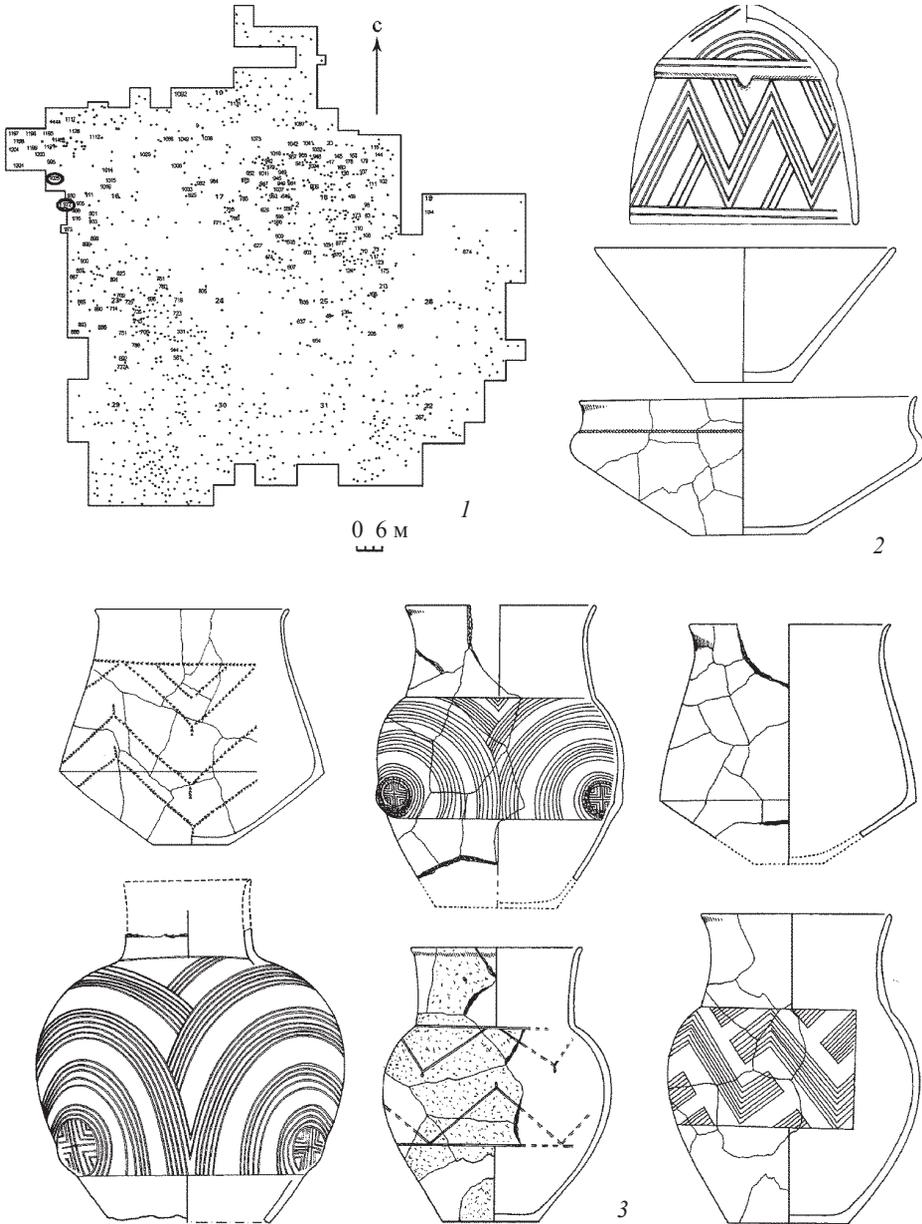

Рис. 4. Дуранкулак, ингумации в керамических сосудах (по: Todorova, 2002)

В некрополе исследованы две детские ингумации в сосудах, относящиеся к фазе Хаманджия III (4950/4900–4650/4600 cal. BC), которая определяется как раннеэнеолитическая, синхронная культурам Марица I–III, Дикилиташ II, Ситагри III, классической Димини, Боян-Видра и пр.

Первое погребение принадлежит ребенку, положенному в два горизонтально лежащих и составленных устьями горшка. Сверху над погребением уложены еще шесть керамических сосудов доньями кверху. Уровень залегания погребения перекрыт фрагментами сосудов (рис. 4, 3).

Второй младенец похоронен в конической вазе, поставленной на вторую большую вазу и покрытой керамической крышкой (рис. 4, 2). В погребальной яме находился также череп коровы.

Лерна. Это низкий тель у подножия горы Понтинос около оз. Лерна, на западном берегу Арголиды. Исследован Дж. Л. Каски в 1950-е гг. Зарегистрированы слои раннего, позднего и финального неолита, а также ранней и средней бронзы (Caskey, 1957). В раннеэнеолитическом слое Лерна I открыто 5 погребений, все – первичные ингумации в ямах, содержащих целые скелеты в скорченной на боку позе. В одном из погребений возле черепа пятилетнего ребенка открыт чернополированный керамический сосуд.

В средне-/позднеэнеолитическом слое Лерна II зафиксировано погребение новорожденного, похороненного в орнаментированной вазе между несколькими последовательными полами неолитических жилищ (рис. 5, 1).

Алепохори. Пещера Кувелейки расположена южнее села Алепохори в Лаконии. В двух залах пещеры исследованы археологические слои, располагавшиеся на большой глубине, для них имеются радиоуглеродные даты: 4947–3362 BC для внутренней камеры и 4922–4360 BC для внешней, что позволяет относить поселение к позднему неолиту (Papathanassopoulos, 1996).

Здесь исследована единственная ингумация в сосуде, которая принадлежит ребенку. Скелет располагался непосредственно в биконическом горшке с двумя вертикальными ручками (рис. 5, 2), который, в свою очередь, был поставлен в горшок с широким устьем, узким дном и четырьмя горизонтальными ручками, расположенными на максимальном расширении тулова (рис. 5, 3). Его дно было пробито после обжига, вероятно, в связи с употреблением в погребальном контексте.

Рахмани. Это известный тель в Фессалии, исследованный Вейсом и Томпсоном в 1910 г. Культурные напластования достигают 8, 10 м и содержат 4 слоя, датируемых финальным неолитом (Wace, Thompson, 1912).

В слоях II (финальный неолит) и IV (ранний бронзовый век) открыты 2 погребения младенцев в сосудах (рис. 5, 4, 5). Публикация не содержит никакой другой информации, но погребение из неолитического слоя, скорее всего, тоже относится к эпохе ранней бронзы (см.: Hansen, 1933. P. 67, 68).

Кефала. Поселение Кефала и его некрополь находятся на мысу северо-западного побережья о. Кеос. Эти памятники являются достоверным свидетельством первого заселения острова во время второй колонизации Эгейских островов в период финального неолита (3600–3500 cal. BC). Они исследованы в 1960-е гг. археологической экспедицией Университета Цинциннати и в 1970-е гг. – Дж. Коулменом (Coleman, 1977).

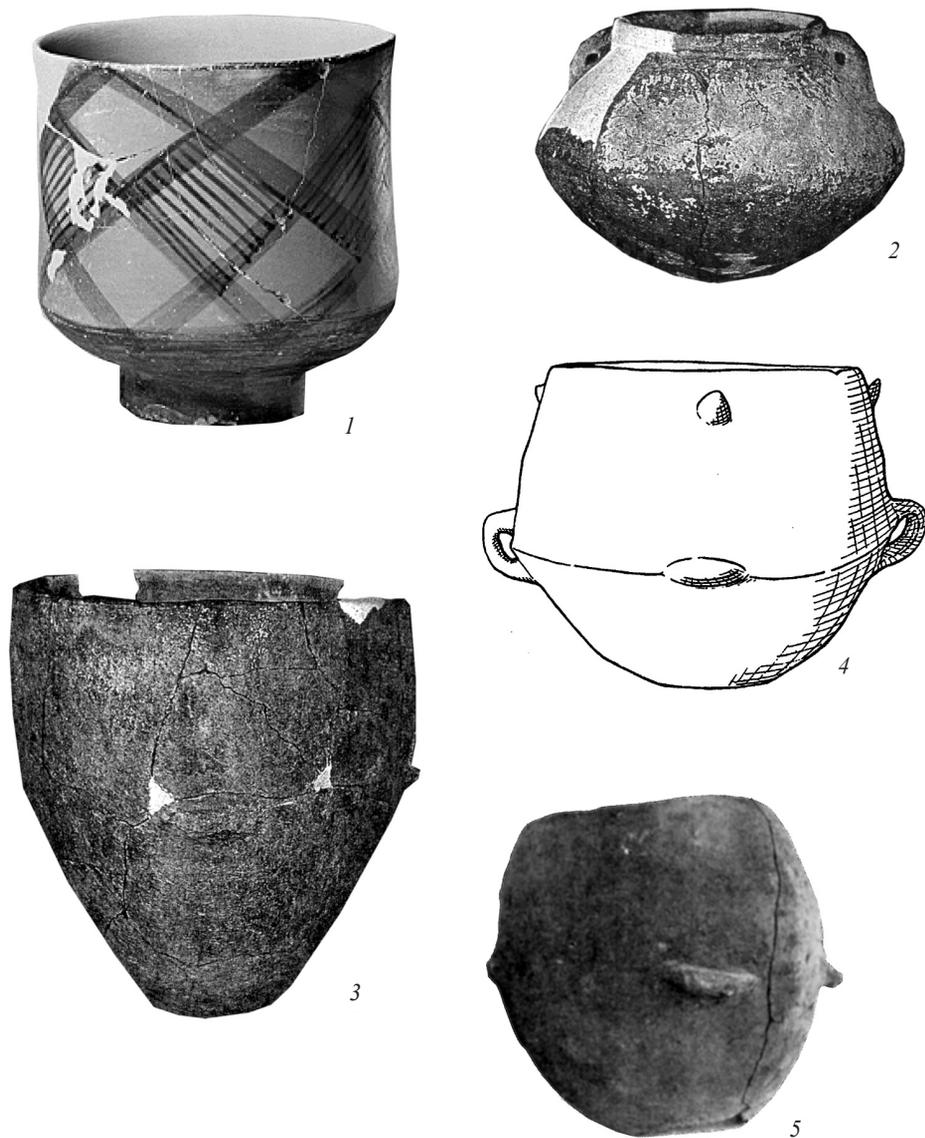

Рис. 5. Анатолия. Ингумации в керамических сосудах

1 – Лерна II (по: Caskey, 1957); 2, 3 – Алепохори (по: Papathanassopoulos, 1996);
4 – Кефала, некрополь (по: Fowler, 2004); 5 – Рахмани (по: Wace, Thompson, 1912)

В некрополе открыты 4 ингумации в сосудах, принадлежащие младенцам. Все четыре сильно разрушены более поздними погребениями. Одно из погребений парное, два младенца были положены вместе в большой сосуд. Еще в одном детском погребении в качестве погребального инвентаря были положены две антропоморфные женские статуэтки.

Анатолийские аналоги

Ранняя практика ингумации в сосудах не имеет культурно-хронологических аналогов в соседних районах. Самыми близкими параллелями являются комплексы Кёшк Хёюк и Пинарбаши-Бор из Центральной Анатолии, где погребения найдены под полами жилищ (как погребение из поселения Ракитово) и датируются временем анатолийского позднего неолита и раннего энеолита (рис. 3, 1).

Кёшк Хёюк. Телль расположен в Центральной Анатолии, в г. Бахчели, имеет высоту около 15 м, диаметр основания около 80 м. Его исследования были начаты в 1980-е гг. У. Силистрели и продолжены в 1990-е гг. А. Йозтан. В культурном слое памятника отмечены поздненеолитические и раннеэнеолитические напластования, а также отдельные комплексы римской эпохи (Silistreli, 1984; 1988; 1989; Öztan, 2003).

Во время раскопок У. Силистрели под полом жилища открыты 3 ингумации в керамических сосудах; имеется информация о погребениях в сосудах из раскопок А. Йозтан.

Пинарбаши-Бор. Централно-анатолийский телль, расположенный на западе-северо-западе от г. Бор. Его высота 8 м, диаметр основания около 100 м. Памятник исследован в 1982 г. У. Силистрели, который зафиксировал здесь слои неолита, энеолита и раннего бронзового века (Silistreli, 1984).

Под полом неолитического жилища, под восточной стеной прямоугольного помещения, был открыт сосуд, покрытый каменной плитой и содержащий останки младенца.

Левантийская перспектива

Сильное влияние левантийских традиций на представления о жизни и смерти в Кёшк Хёюк проявляются в местном варианте культа черепа, который фиксируется в этом анатолийском поселении (см.: Bonogofsky, 2004). Отмечу, что этот обряд не является характерным для данного района. Самые ранние черепа подобного типа с рельефно реконструированными деталями внешности открыты в Иерихоне. Черепа из Кёшк Хёюка, однако, происходят из поздненеолитического слоя III, синхронного Чатал-Хююку, в то время как черепа из Иерихона являются более ранними (рис. 3, 2).

Южный Левант

Библ. Находится примерно в 30 км северо-восточнее Бейрута, на побережье Средиземного моря. Поселение исследовано М. Дюнаном с 1925 по 1975 г. Остатки поселения, относящегося к раннему неолиту, имеют площадь около 1,2 га; вероятно, площадь его была больше, но часть памятника ныне оказалась под водой (Moore, 1973).

На этом памятнике открыты 34 погребения. Умершие захоронены между жилищами на территории поселения; они уложены в скорченной позе на левом

боку в неглубоких ямах. Младенцы, как правило, были похоронены в сосудах (Gopher, Ortelle, 1995. P. 26). Выделяются две группы погребений взрослых: первая – индивидуальные погребения с небольшим количеством погребального инвентаря; вторая – на каменной вымостке, без погребальных даров. Инвентарь представлен кремневыми артефактами, полированными каменными топорами, сосудами и различными украшениями.

Телль-Дан. Многослойное поселение расположено у подножия горы Хермон (Голанские высоты), в северо-восточной части долины Хула. Культурный слой относится к эпохе керамического неолита и дает самое раннее свидетельство обитания человека на этой территории. Неолитическое поселение исследовано в 1984–1985 гг. А. Бираном и имеет 5 стратиграфических фаз (B1–B5).

В слоях эпохи керамического неолита открыты 2 ингумации в сосудах (рис. 6, 3), одна из которых, на несколько сантиметров углубленная под пол жилища, содержит скелетные останки новорожденного³. Сосуд-урна лежал горизонтально, параллельно стене. При погребении сосуд частично был поврежден, для того чтобы уместить тело, после чего погребенный был перекрыт большим фрагментом другого горшка. Второе погребение было разрушено (Gopher, Greenberg, 1996. P. 68).

Телль-Те'о. Многослойное пра- и историческое поселение в долине Хула, Иезреель, относится к докерамическому неолиту (слои XIII–XI), керамическому неолиту (слои X–VIII), энеолиту (слои VII–VI), ранней бронзе I (слои V–IV) и ранней бронзе II (слой III). Напластования заканчиваются двумя слоями эпохи средневековья и позднеоттоманской эпохи. Исследовано в 1986 г. Э. Айзенбергом (Eisenberg, Gopher, Greenberg, 2001).

Человеческие останки из Телль-Те'о принадлежат не менее чем 17 индивидам: 10 младенцам, 2 детям и 5 взрослым; имеются также отдельные кости 18 индивидов.

В слоях керамического неолита (X–VIII) открыто 5 ингумаций в керамических сосудах, содержащих останки новорожденных или детей (рис. 6, 1). Две ингумации в сосудах зафиксированы в слое IX, обе под полами жилищ, соответственно в южной и восточной части домов. Первый младенец (0–1 месяц) похоронен в скорченной позе на левом боку, скелет лежал в нижней части зернохранилища и был перекрыт фрагментами керамических сосудов. Отмечу, что это один из немногих случаев, когда погребение было совершено в вертикально поставленном сосуде-зернохранилище, чаще сосуды располагались горизонтально. Именно так был положен сосуд второго погребения из слоя IX; оно принадлежало новорожденному, чей скелет лежал скорченно на правом боку. Сосуд имел яйцевидную форму, его внешняя поверхность покрыта красным ангобом. Сосуд был использован для погребения после того, как венчик и четыре ручки были обломаны.

³ Скелетные останки *in situ* исследованы Д. Зоричем. Возраст погребенного 6 месяцев, определения сделаны на основании длины радиуса и ульны. По данным современного анализа Г. Кахила Бар-Гал и П. Смит, возраст его еще меньше (Kahila Bar-Gal, Smith, 2001).

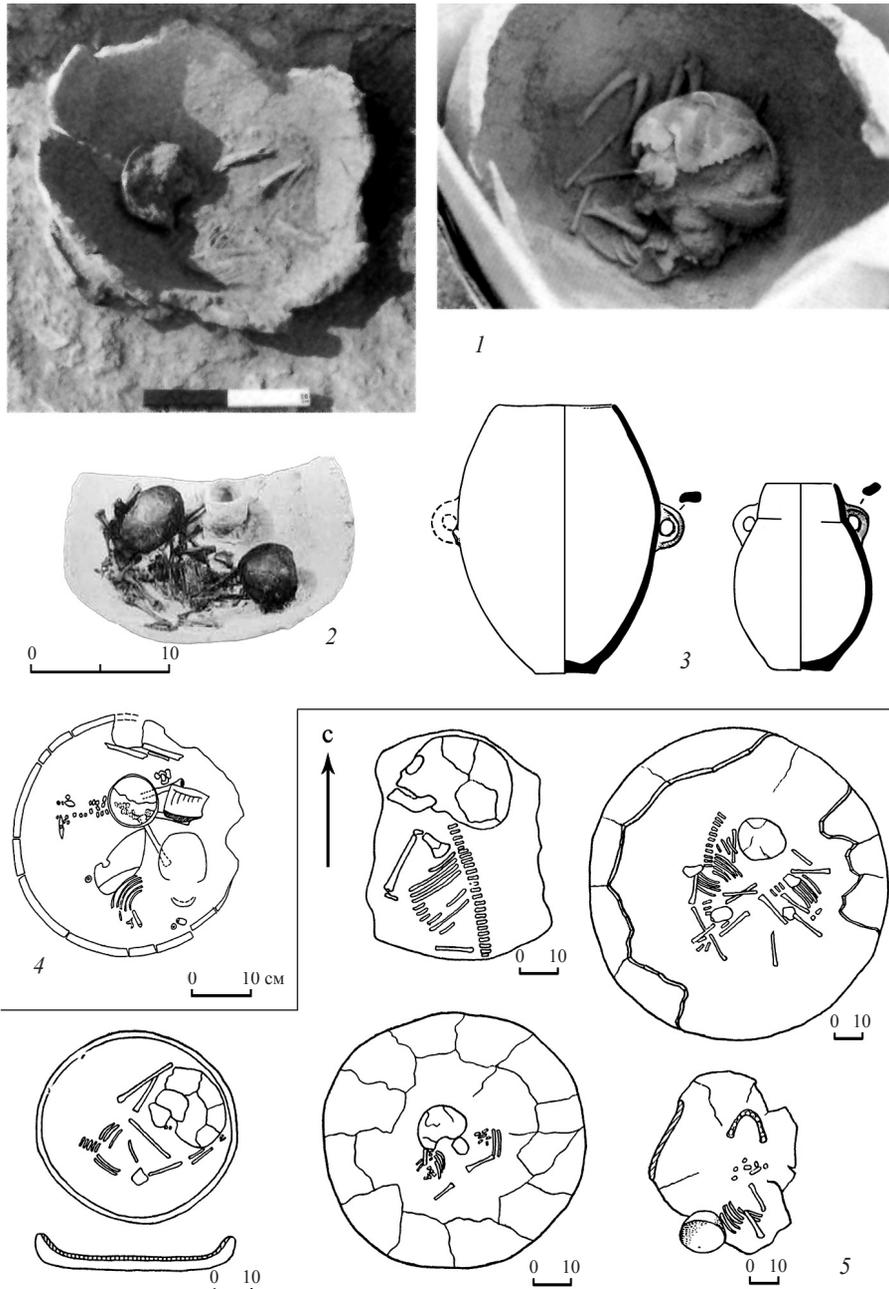

Рис. 6. Левант. Ингумации в керамических сосудах

1 – Телль-Те'о (по: Eisenberg, Gopher, Greenberg, 2001); 2 – Телль-Хассуна (по: Lloyd, Safar, 1945); 3 – Телль-Дан (по: Gopher, Greenberg, 1996. P. 68); 4 – Телль Хазна II (по: Мунчаев и др., 1993); 5 – Телль Согто (по: Бадер, 1989)

Еще 3 погребения младенцев происходят из слоя VIII. Новорожденные похоронены под полами жилищ. Один из скелетов разрушен. Другое погребение было совершено в сосуде, где вместе с костями младенца были выявлены шесть костей животных (овца/коза, корова/бык, свинья). Однако остается неясным, были ли они положены в сосуд намеренно. Традиция ингумации в сосудах на поселениях продолжается и в эпоху ранней бронзы I (слой V), откуда происходят 3 таких погребения, одно из них содержало целые скелеты двух младенцев, приблизительно 9 месяцев.

Нахал Зехора II. Это поселение с напластованиями эпохи Вади Рабы, синхронной Иерихону IX (Лодиан) и Ярмуку, находится в холмах Менаше, в южной периферии долины Иезрееля. Исследовано в 1987–1996 гг. А. Гофером.

В северо-восточном конце траншеи открыты 2 погребения, содержащие скелетные останки эмбрионов. Один из комплексов, представляющий собой ингумацию в сосуде, расположен вблизи стены жилища, принадлежащего периоду Вади Рабы (Gopher, Orrelle, 1995. P. 27).

Телулиот Баташи. Поселение находится в долине Сорека. Оно исследовано Й. Капланом в 1950-е гг. В слое, относящемся к периоду Вади Рабы (Телулиот Баташи III), открыты 2 погребения, об одном из которых известно, что это ингумация младенца в сосуде (Ibid).

Катиф. Это поселение начала периода Вади Рабы находится на побережье южнее полосы Газа, приблизительно в 300 м севернее Телль-Катифа. Исследовано К. Эпштейн в 1973 г. Южнее очертаний постройки круглой формы и, вероятно, в связи с ней открыта ингумация в сосуде, содержащем останки месячного младенца. Он был захоронен на боку со скорченными коленями в разрушенном сосуде-зернохранилище и перекрыт фрагментами этого же сосуда. Ни в сосуде, ни около него погребальный инвентарь не обнаружен (Epstein, 1984. P. 210).

Северный Левант

Телль Хассуна. Находится примерно в 40 км южнее Мосула в Северной Месопотамии. Его высота около 7 м, площадь основания около 200 × 150 м. Культурные наслоения достигают толщины 7 м и состоят из 7 слоев, относящихся к периодам дохассунскому, Хассуне, Халафу и Убейду. Поселение исследовано в 1943–1944 гг. С. Ллойдом и Ф. Сафаром (Lloyd, Safar, 1945).

Начиная со слоя 16 и выше открыты 12 ингумаций младенцев в сосудах, обыкновенно расположенные под полами жилищ. В качестве урн использовались грубые сосуды без орнамента, а также сосуды с прочерченным или комбинированным (прочерченным и расписным) орнаментом. Одно из самых необычных погребений (слой II) принадлежит двум младенцам, положенным в сосуд с прочерченным орнаментом (рис. 6, 2).

Телль Сотто. Это северомесопотамское поселение исследовано в начале 1970-х гг. Н. О. Бадером. Высота телля около 2,5 м, культурные наслоения достигают толщины 3,8 м и состоят из 8 слоев, причем самый нижний принадлежит культуре пре-Хассуна (Бадер, 1989).

В этом памятнике открыто 9 погребений младенцев и детей до 14-летнего возраста. Шесть из них – ингумации в сосудах под полами жилищ или вблизи жилищ. Погребения принадлежат младенцам или маленьким детям до 2–3 лет, похороненным в сильно скорченной позе на боку или на спине (рис. 6, 5). В двух случаях имеются свидетельства умышленного расчленения. Два погребения содержат погребальный инвентарь: глиняные чаши и бусы из различных материалов.

Телль Хазна II. Находится примерно в 25 км северо-восточнее г. Аль Хасаке, в долине р. Хабур, в северо-восточной Сирии. Исследован в 1991–1992 гг. экспедицией Института археологии РАН. Культурный слой достигает толщины 8,8 м и принадлежит периодам дохассунскому, Хассуне и Халафу (Мунчаев и др., 1993).

Здесь исследована только одна ингумация в сосуде (рис. 6, 4). Однако она заслуживает особого внимания, т. к. сосуд относится к керамической категории, наиболее типичной для самых ранних фаз керамического неолита в изучаемом регионе. Годовалый ребенок был похоронен в сильно скорченной позе на правом боку, головой на восток. Череп лежит лицевой частью вниз и, по данным исследователей, перед погребением был отделен от тела. Руки и ноги согнуты под углом 30°. Это погребение содержит следующий инвентарь: глиняную чашечку, половину лощеного каменного сосуда и более 200 бус из камня, меди и ракушек, которые, вероятно, составляли одно ожерелье. В качестве урны был использован грубый толстостенный горшок (диаметр венчика более 50 см), перекрытый дисковидной крышкой из необожженной глины, фрагменты которой были обнаружены внутри.

Телль Халула. Находится на правом берегу р. Евфрат, у подножия горы Джебел Халула. Телль имеет овальное основание размерами 360 × 300 м. Мощность культурного слоя около 8 м. Памятник исследован в 1989–1998 гг. М. Молистом. Выявлены 4 основные фазы: докерамический неолит В (поздние фазы 8500–8000 BP), поздний неолит (8000–7500 BP), пре-Халаф и Халаф (7500–6700 BP), а также спорадические следы культурных отложений более поздней эпохи (Убейд).

Открыты погребения нескольких типов: первичные ингумации, а также коллективные и вторичные погребения. В слое периода пре-Халаф зарегистрирована ингумация в сосуде, содержащем целый скелет. Погребенный лежал в скорченной позе (Anfruns, Molist, 1998).

Обсуждение

Выше были перечислены все известные на сегодняшний день погребения детей в сосудах, относящиеся к эпохе неолита. Однако ряд вопросов, связанных с появлением и развитием традиции погребений в сосудах, остается без ответа. Прежде всего неясно, почему территории распространения погребений в сосудах – Северный Левант и Юго-Восточная Европа – разделены практически пустой полосой, в которой известны только два центрально-анатолийских памятника – телли Кёшк Хёюк и Пинарбаши-Бор – с погребениями детей в сосу-

дах. Не исключено, что это связано с неравномерностью исследования данных районов, что порождает «белые пятна» в наших построениях о неолитическом развитии. Возможно, есть другая причина, связанная с направлениями и путями ранних фаз неолитизации.

Неясна также роль практики ранних ингумаций в сосудах в аспекте социальных процессов, охватывающих огромную территорию и отчетливо выраженных во времени и пространстве.

Третья группа проблем связана с возрастной дифференциацией погребений на поселениях: почему только отдельные младенцы/дети были похоронены в сосудах? Не исключено, что это может определяться половой принадлежностью погребенных, что возможно, поскольку почти все скелеты из ранних ингумаций в сосудах, чей пол был определен, принадлежат мальчикам. Следует подчеркнуть, однако, что количество определений пола с помощью анализа ДНК пока невелико для значимых заключений.

Так или иначе, как специфическое проявление неолитических погребальных обрядов ингумации в глиняных сосудах связаны с ранними фазами неолитического развития Юго-Восточной Европы, т. е. с началом неолитизации. Эта ритуальная практика оказывает определенное влияние на другие способы обращения с умершими детьми, связанные с пространством жилищ и поселений. Она, очевидно, связана с некоторыми более поздними практиками, такими как погребения-кремации в урне, зафиксированные во Фракии и Фессалии. Тот факт, что район долин р. Струмы, р. Вардара и Западных Родоп обособляется как центр вторичного распространения этих специфических погребальных обрядов, соответствует целостному характеру неолитического развития на Балканах. Следовательно, и младенческие/детские погребения на неолитических поселениях, совершенные в пространстве жилищ, выделяются как культурно-хронологическая особенность, которая предполагает их особую роль в религиозно-мифологических представлениях древнего населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер Н. О.*, 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.
- Бъчваров К.*, 2003. Неолитни погребални обреди: интрамурални гробове от българските земи в контекста на Югоизточна Европа и Анатолия. София.
- Васић М.*, 1936. Преисториска Винча, II. Београд.
- Гарашанин М.*, 1973. Праисторија на тлу СР Србије. Београд.
- Георгиев Г. И.*, 1966. Многослойное поселение Азмашка могила близ Старой Загоры (Болгария) // КСИА. № 106.
- Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Д. Г.*, 1979. Езеро: Раннобронзовото селище. София.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н.*, 1993. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-восточной Сирии // РА. № 4.
- Ольховский В. С.*, 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.
- Радунчева А., Мацанова В., Гацов И., Ковачев Г., Георгиев Г., Чакалова Е., Божилова Е.*, 2002. Неолитно селище до град Ракитово. София. (Разкопки и проучвания. 29.)

- Сталио Б.*, 1992. Групно захрањивање – на Ајмани – Мала Врбица // Зборник Народног музеја. № 14/1.
- Фрејденберг О. М.*, 1997. Поэтика сюжета и жанра. М.
- Чолаков С.*, 1991. Антропологично проучване на костни останки от раннеолитното селище при село Ваксево, Кюстендилско // Известия на Историческия музей Кюстендил. № 3.
- Чохаджиев С.*, 2001. Ваксево: Праисторически селища. Велико Търново.
- Anfruns J., Molist M.*, 1998. Prácticas funerarias en el Neolítico de Siria: Análisis de los documentos de Tell Halula (valle del Éufrates) // Cunchillos J.-L., Galán J. M., Zamora J.-A., Villanueva de Azcona S. (eds.). Actas del Congreso «El Mediterráneo en la Antigüedad: Oriente y Occidente». Sapanu, 1998. [Publicaciones en Internet II: <http://www.labherm.filol.csic.es>].
- Angel J. L.*, 1969. Appendix II: Human Skeletal Material from Franchthi Cave // *Jacobsen T.* Excavations at Porto Cheli and Vicinity, Preliminary Report, II: The Franchthi Cave, 1967–1968 // *Hesperia*. № 38.
- Báčvarov K.*, 2000. The Karanovo Neolithic Mortuary Practices in their Balkan and Anatolian Context // Hiller S., Nikolov V. (hrsg.). Karanovo, 3. Beiträge zum Neolithikum in Südosteuropa. Wien.
- Bar-Josef O.*, 1987. Late Pleistocene Adaptations in the Levant // Soffer O. (ed.). The Pleistocene Old World. Regional Perspectives. New York.
- Biesantz H.*, 1959. Die Ausgrabungen bei der Soufli-Magula 1958 // *Archäologischer Anzeiger*.
- Binant P.*, 1991. La préhistoire de la mort: les premières sépultures en Europe. Paris.
- Bonogofsky M.*, 2004. A bioarchaeological study of plastered skulls from Anatolia: new discoveries and interpretations // *International Journal of Osteoarchaeology*. № 15/2.
- Bostanci E. Y.*, 1959. A New Paleolithic Site at Beldibi near Antalya // *Anatolia*. № 4.
- Brukner B.*, 1974. Rani neolit // *Brukner B., Jovanović B., Tasiћ N.* (eds.). Praistorija Vojvodine. Novi Sad.
- Caskey J. L.*, 1957. Excavations at Lerna: 1956 // *Hesperia*. № 26.
- Chapman J. C.*, 2000. Pit-digging and Structured Deposition in the Neolithic and Copper Age // *Proceedings of the Prehistoric Society*. № 66.
- Coleman J. E.*, 1977. Keos, 1. Kephala, a Late Neolithic settlement and cemetery. Princeton.
- Cullen T.*, 1995. Mesolithic Mortuary Ritual at Franchthi Cave, Greece // *Antiquity*. № 69.
- Eisenberg E., Gopher A., Greenberg R.*, 2001. Tel Te'ō: A Neolithic, Chalcolithic and Early Bronze Age Site in the Hula Valley // *Israel Antiquities Authority Reports*. 13. Jerusalem.
- Epstein C.*, 1984. A Pottery Neolithic Site near Tel Qatif // *Israel Exploration Journal*. № 34/4.
- Fowler K. D.*, 2004. Neolithic Mortuary Practices in Greece. Oxford. (BAR Ser. 1314.)
- Garašanin M.*, 1956. Sahrnjivanje u Balkansko-anadolskom kompleksu mladeg neolita // *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine* (N. S.). № 11.
- Garašanin M.*, 1998. Kultursrömungen im Neolithikum des südlichen Balkanraumes // *Prähistorische Zeitschrift*. № 73/1.
- Gazdapusztai G.*, 1957. A Körös-kultúra lakótelepe Hódmezővásárhely-Gorzsán // *Archaeologiai Értesítő*. № 85.
- Georgiev G. I.*, 1972. Das Neolithikum und Chalkolithikum in der Thrakischen Tiefebene (Südbulgarien) // *Thracia*. № 1 (Probleme des heutigen Forschungsstandes.)
- Gimbutas M.* (ed.), 1976. Neolithic Macedonia as Reflected by Excavations at Anza, Southern Yugoslavia. Los Angeles. (Monumenta Archaeologica. 1)
- Gopher A., Greenberg R.*, 1996. The Pottery Neolithic Levels // *Biran A., Ilan D., Greenberg R.* (eds.). Dan I: A Chronicle of the Excavations, the Pottery Neolithic, the Early Bronze Age and the Middle Bronze Age Tombs. Jerusalem.
- Gopher A., Orrelle E.*, 1995. New Data on Burials from the Pottery Neolithic (6th and 5th Millennia B.C.) in Israel // *Campbell S., Green S.* (eds.). The Archaeology of Death in the Ancient Near East. Oxford. (Oxbow Monograph. 51.)

- Gröslund B.*, 1994. Prehistoric Soul Beliefs in Northern Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. № 60.
- Hansen H. D.*, 1933. *Early Civilization in Thessaly*. Baltimore.
- Ignat D.*, 1985. Un mormânt de incineratie descoperit în asezarea neolitică de la Suplacu de Barcău (judetul Bihor) // *Crisia*. № 15.
- Јовановић Б.*, 1967. Значење неких културних елемената старчевачке групе // *Старинар*. № 18.
- Kahila Bar-Gal G., Smith P.*, 2001. The Human Remains // Eisenberg E., Gopher A., Greenberg R. (eds.). *Tel Te' o: A Neolithic, Chalcolithic and Early Bronze Age Site in the Hula Valley*. Jerusalem. (Israel Antiquities Authority Report. S. 13.)
- Leković V.*, 1985. The Starčevo Mortuary Practices – New Perspectives // *Godišnjak Centra za Balkanološka ispitivanja*. № 23.
- Lengyel I.*, 1985. Socialarchäologische Deutung der Ergebnisse von Laboruntersuchungen unter besonderer Berücksichtigung der spätneolithischen Gräbergruppe von Mórágy-Tűzkődomb // *A Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve*. № 13.
- Lichardus-Itten M., Demoule J.-P., Perničeva L., Grebska-Kulova M., Kulov I.*, 2002. The Site of Kovachevo and the Beginnings of the Neolithic Period in Southwestern Bulgaria: The French-Bulgarian Excavations 1986–2000 // Lichardus-Itten M., Lichardus J., Nikolov V. (hrsg.). *Beiträge zu jungsteinzeitlichen Forschungen in Bulgarien*. Bonn. (Saarbrücker Beiträgen zum Altertums-kunde. 74.)
- Lloyd S., Safar F.*, 1945. Tell Hassuna // *Journal of Near Eastern Studies*. № 4/1.
- Mellaart J.*, 1975. *The Neolithic of the Near East*. London.
- Milleker F.*, 1938. Die Vorgeschichte des Banats (Neolithikum) // *Starinar*. № 13.
- Molleson T., Andrews P., Boz B., Derevenski J., Pearson J.*, 1998. Human Remains up to 1998 // Çatalhöyük 1998 Archive Report [http://catal.arch.cam.ac.uk/catal/Archive_rep98/molleson98.html].
- Moore A. M. T.*, 1973. The Late Neolithic in Palestine // *Levant*. № 7.
- Öztan A.*, 2003. A Neolithic and Chalcolithic Settlement in Anatolia: Köşk Höyük // *Colloquium Anatolicum*. № 2.
- Papathanassopoulos G.*, 1996. Burial Customs at Diros // Papathanassopoulos G. (ed.). *Neolithic Culture in Greece*. Athens.
- Raczky P.*, 2006. House-structures under change on the Great Hungarian Plain in earlier phases of the Neolithic // Tasihi N., Grozdanov C. (eds.). *Homage to Milutin Garašanin*. Belgrade.
- Resch F.*, 1991. Typologische Studien kultischer Gesichtsdeckel aus der jungsteinzeitlicher Siedlung von Parța I // *Banatica*. № 11.
- Rodden R.*, 1962. Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedeia, Greek Macedonia (1961 season) // *Proceedings of the Prehistoric Society*. № 28.
- Schmidt E. F.*, 1932. *The Alishar Hüyük, I. Seasons of 1928 and 1929*. Chicago. (Oriental Institute Publication. S. 19.)
- Silistrelı U.*, 1984. Pınarbaşı ve Köşk Höyükleri // *Kazı Sonuçları Toplantısı*. № 5.
- Silistrelı U.*, 1988. 1987 Köşk Höyük // *Kazı Sonuçları Toplantısı*. № 10/1.
- Silistrelı U.*, 1989. Les fouilles de Köşk Höyük // Emre K., Mellink M., Hrouda B., Özgüç N. (eds.). *Anatolia and the Ancient Near East: Studies in Honour of Tahsin Özgüç*. Ankara.
- Srejić D., Letica Z.*, 1978. Vlasac, a Mesolithic Settlement in the Iron Gates I: Archaeology. Belgrade. (Serbian Academy of Sciences and Arts. Monograph 512.)
- Todorova H.* (ed.), 2002. *Die prähistorischen Gräberfelder (Durankulak II)*. Sofia.
- Wace A. J. B., Thompson M. S.*, 1912. *Prehistoric Thessaly*. Cambridge.
- Wunn I.*, 2001. *Götter, Mütter, Ahnenkult: Religionsentwicklung in der Jungsteinzeit*. Oldenburg.
- Zalai-Gaál I.*, 2002. Die Neolithische Gräbergruppe-B₁ von Mórágy-Tűzkődomb, I: Die archäologische Funde und Befunde. Szekszárd; Saarbrücken.
- Γαλλής Κ.*, 1982. Καύσεις νεκρών από τη Νεολιθική εποχή στη Θεσσαλία. Αθήναι.
- Χουρμουζιάδης Γ. Χ.*, 1982. Αρχαία Μαγνησία: Από τις παλαιολιθικές σπηλιές στο ανάκτορο της Δημητριάδας. Αθήναι.

Т. Н. Мишина

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНТРАМУРАЛЬНЫХ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ, БАЛКАНЫ)

Традиция хоронить детей на поселениях широко распространена в Месопотамии, Анатолии, в южной Европе). На Балканах она известна с неолита, подобные погребения выявлены также в слоях эпохи энеолита и раннего бронзового века.

В Болгарии сегодня известно 86 неолитических интрамуральных погребений на 15 поселениях. Для балканского неолита могильники пока вообще неизвестны. Интрамуральные погребения принадлежат не только детям, но и прочим возрастным группам, причем дети не составляют большинства. Однако сведения об этих погребениях крайне скудны. Чаще всего имеются лишь упоминания о наличии костей человека (Бъчваров, 2003.)

В энеолите появляются могильники – экстрамуральные погребения, складывается устойчивый обряд погребения вне поселения. На территории Болгарии известно 6 могильников этой эпохи: Варна, Виница, Девня, Голямо Делчево, Дуранкулак, Лиляк. И все-таки это несоотносимо малое число по сравнению с количеством синхронных поселений. Перечисленные могильники располагались вблизи многослойных поселений. В этих могильниках встречены погребения младенцев (Тодорова, 1986. С. 187. Фиг. 37). Наряду с могильниками продолжают существовать и интрамуральные погребения, хотя число их незначительно. Такое сосуществование позволило некоторым исследователям (Иванов, 1978. С. 159) выдвинуть гипотезу о развитии и усложнении погребального обряда – от только интрамуральных погребений в неолите к сочетанию интрамуральных и экстрамуральных в эпоху энеолита. Наряду с этой существует и другая точка зрения: интрамуральные погребения трактуются как исключение из массовой погребальной практики (Hausler, 1992. S. 134, 135; Бояджиев, 2001. С. 21, 22).

Для эпохи ранней бронзы известны как могильники, вернее, пока один могильник, раскопанный у подножия телля Берекетская Могила, так и погребения на поселениях (Георгиев, 1979. С. 490–495; Иванов, 1971. С. 250). Этот могильник был раскопан в 1970-е гг., а опубликован недавно (Kalcev, 2002). Исследованы 74 погребения эпохи ранней бронзы и 4 погребения эпохи энеолита. Описания очень скудные, половозрастные характеристики отсутствуют. На опубликованных фотографиях (их 23) представлены взрослые индивиды, есть парные и коллективные погребения (взрослый и ребенок, скорее подросток) (Ibid. S. 20, 21).

Интрамуральные погребения для эпохи ранней бронзы известны более широко. Погребения младенцев в сосудах зафиксированы на поселениях в Караново – 3 (Николов и др., 1999–2000. С. 24, 25), Эзеро – число из публикации не

ясно (Георгиев, 1979. С. 492), Дядово (Катинчаров и др., 1985. С. 68), Драма (Гетов, Илиев. и др., 1992. С. 21, 22), Нова Загора (Кънчева-Русева, 2000. С. 31–34), Юнаците (Мацанова, 1996).

Открыты также интрамуральные погребения взрослых индивидов и подростков: на телле Эзеро исследовано 5 погребений взрослых (Георгиев и др., 1979. С. 491–496), по одному – на поселении Нова Загора (Кънчева-Русева, 2000. С. 31–34), телле Юнаците, поселении Драма (Гетов и др., 1992. С. 21, 22), телле Гылыбово (Панайотов, 1991. С. 31). Для телля Дядово есть упоминание о нахождении трех (?) детских погребений в сосудах (Катинчаров и др., 1987. С. 63–65). Общие сведения о погребениях эпохи ранней бронзы представлены в статье М. Менковой (2005. С. 136).

В некоторых памятниках встречены как детские погребения в сосудах, так и труположения, погребальная конструкция которых часто не прослеживалась.

Упомянутые телли располагаются в Центральной Фракии, восточнее телля Юнаците, и попадают в ареал распространения культуры Эзеро. В зоне распространения культуры Юнаците, куда входит и западная часть Фракийской долины с эпонимным поселением у с. Юнаците, этот памятник является пока единственным, где исследованы такое количество интрамуральных погребений. Первая обобщенная публикация этих погребений сделана А. Иванчиком (Ivantschik, 1994. S. 17–22). В пласте эпохи ранней бронзы было зафиксировано 30 погребений: два принадлежали взрослым индивидам и 28 – младенцам, 26 были проанализированы. На сегодняшний день серия этих погребений из телля Юнаците составляет более 55% от общего числа интрамуральных детских погребений, известных в Болгарии.

Стратиграфия

Проблема, с которой пришлось столкнуться при работе с погребениями эпохи ранней бронзы с данного объекта, – это их стратиграфическая принадлежность. Погребения необходимо было соотнести с теми горизонтами, в которых они были совершены, а не обнаружены. Погребения в высоких сосудах (иногда их высота составляла более полуметра) ставились в ямы, прорезавшие нижние горизонты. Эти ямы под сосуды-урны в культурных отложениях прослеживались с трудом. Для уточнения стратиграфической позиции погребений в сосудах учитывались все детали микостратиграфии: повреждены или не повреждены участки пола над погребением, соотношение глубин горизонтов (где это возможно), высота сосудов, реконструируемая глубина ям, учитывалось расположение деталей интерьера (печи, площадки) в постройках, их конструктивные особенности. Большинство погребений (17 из 26) были впущены с верхних горизонтов по отношению к горизонту обнаружения. Эти погребения имеют другой планиграфический контекст, связываются с постройками своего горизонта и другими деталями интерьеров. На планы горизонтов все погребения были нанесены в тех горизонтах, в которых они сооружались.

Для погребений, горизонт впуска которых совпадает с горизонтом обнаружения, существует несколько объяснений. Как правило, такие погребения фик-

сировались в постройках, где прослежены два или три уровня полов. Погребение 16 обнаружено в постройке 28 «с», оно было впущено с верхнего пола того же дома – № 28 «а». Погребение 10 обнаружено в постройке 20, которая имеет два уровня (№ 20 – верхний, и 20 «а» – нижний). Время сооружения погребения 10 относится к верхнему уровню постройки 20. Сюда же относятся погребения, фиксировавшиеся под ненарушенным полом той же постройки. Погребение 13 из постройки 24/26 обнаружено непосредственно под ненарушенным участком пола. Аналогичная ситуация и с погребением 14. К подобной стратиграфической ситуации относятся погребения, участки сооружения которых обозначены на поверхности какими-то особыми деталями. Погребение 17 в постройке 35 было отгорожено от общего пространства постройки. Погребение 18 (постройка 35) от жилого пространства было отгорожено стеной небольшого «амбара-зернохранилища» 6/14. Для погребения 41 (постройка 48/53), возможно, имелась ограда из камней.

По горизонтам погребения распределились следующим образом: в горизонтах с XVII/XVI-1 по X выявлены от трех до пяти погребений, с IX горизонта погребения не встречались (рис. 1).

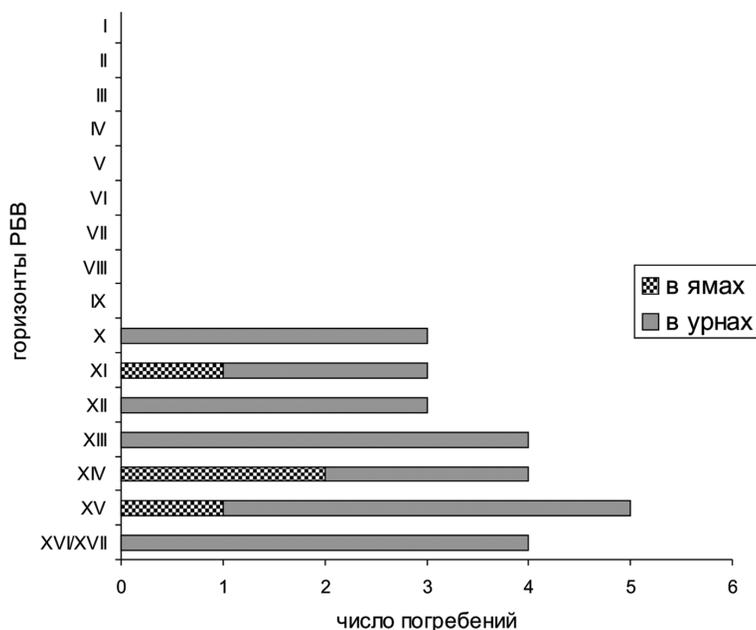

Рис. 1. Распределение детских погребений по горизонтам

Распределение детских погребений с учетом стратиграфии практически равномерно и устойчиво. Это может указывать на некую стабильность жизни данных поселков, возможно, на отсутствие повальных болезней и эпидемий.

Горизонты IX–VIII для телля Юнаците являются, возможно, переходным этапом от РБВ II к РБВ III. С IX–VII горизонтов меняется керамический комплекс – исчезает ряд характерных для РБВ I–II форм (аскосы, кувшины, которые

часто служили сосудами для детских погребений, миски с внутренним ребром) и орнаментов (каннелюры, накольчатый, прочерченный, инкрустированный белой пастой) (по результатам статистики массового керамического материала РБВ телля Юнаците). Появляются новые формы – чаши с петлевидной ручкой, чуть позже шпигбодены (Николова, 1999. С. 16–17; Nikolova, 1996. Р. 93–96). На эти горизонты как на переходные указывают палеоботанические (Балабина, Мацанова, Мерперт, Мишина, Спиридонова, 1999. С. 17–24), почвоведческие (Александровский, Балабина, Мишина, 2003. С. 187–189) и палинологические исследования (Ророва, Pavlova, 1994. С. 71–101).

Планиграфия

Проанализировано расположение детских погребений в каждом поселке эпохи РБВ I и РБВ II. Это стало возможным благодаря большой площади раскопа (до 1300 м²), что позволило четко реконструировать планиграфию каждого горизонта-поселения. С XVI/XVII-1 по IX горизонты в планировке восьми последовательно существовавших поселков прослежено дуговое (полукоцентрическое) расположение построек. Отчасти планировка была задана формой телля (Мерперт, Молчанов, 1988. С. 29–32), отчасти – особой внутренней планировкой поселков (Mazanova, 2004. S. 142; Телль Юнаците, 2007. С. 148–163). Принимая во внимание эту планировку, ясно, что широтно-долготные ориентировки в данном случае не имели значения, и местонахождение погребений связано именно с расположением построек, с устройством их внутреннего пространства.

После привязки погребений к горизонтам впуска стало возможным выяснить их точный планиграфический контекст. Оказалось, что 23 погребения четко привязаны к постройкам, два погребения (6, 9) располагались вне построек, но рядом с ними, возможно, во дворах построек 11 и 14 соответственно. Погребение 4 находилось в районе постройки 9 горизонта X, где четкие границы домов не выделены. Таким образом, все погребения так или иначе связаны с постройками или пространством непосредственно перед ними, которое условно было названо двором.

В домах сооружалось от одного до трех погребений: в одной постройке было 3 погребения, в шести – по два, в восьми – по одному. Большинство построек указанных выше горизонтов не имеют погребений (табл. 1).

Таблица 1. Распределение детских погребений по постройкам

Горизонт	№ погребения	№ постройки	№ постройки без погребений
X	1, 2	10a	10б, 9a, 9б
	4	?	
XI	3	12a	11, 16, 16a, 16б
	5	12	
	6	двор?	
XII	7, 8	14	15, 13, 17, 17a
	9	двор?	

Таблица 1 (окончание)			
XIII	19	21a	23, 18, 22
	10	20	
	11, 12	19	
XIV	16	28a?	24a, 25, 21, 27
	13, 14, 15	24/26	
XV	25, 21	30/31	29, 37, 34, 36, 45
	22	32	
	17, 18	35	
XVI/XVII-3	27, 28	41/44	42, 29a, 39, 38
XVI/XVII-2	41	48/53	
	45	52	
Всего	26	15	27

Участков, где концентрация погребений была бы особенной, или имела место какая-либо закономерность в расположении погребений, не выявлено, погребения более или менее равномерно и относительно бессистемно распределялись как по площади поселков, так и внутри домов (см. ниже).

Существует зависимость между половозрастными группами (в нашем случае – возрастными) погребенных и расположением погребений (Binford, 1968; Антонова, 1990. С. 86–89, 104–110). Погребальные комплексы различных эпох, исследованные на территории Болгарии, показывают, что погребения младенцев и детей обычно совершали внутри построек, стариков (и мужчин, и женщин) – в периферийной части поселка, вне построек, в межжилищном пространстве встречены редкие захоронения подростков (Бъчваров, 2003. С. 111). Анализ наших погребальных комплексов подтверждает первое предположение довольно убедительно. Младенцев хоронили в домах, их и после смерти продолжали держать при доме (Антонова, 1990. С. 104, 105).

Дискуссия, связанная с интерпретацией интрамуральных погребений, продолжается в специальной литературе и в настоящее время (Бояджиев, 2001. С. 16–23). Предлагается рассматривать погребения младенцев в домах как «исключение из массовой погребальной практики» (Бояджиев, 2001. С. 22). Ряд исследователей связывает эти погребения с культом предков (Георгиев и др., 1979. С. 491–496). Предлагалось также связывать их с «культом мертвых» (Бибииков, 1953. С. 197). Однако культ мертвых скорее показывает связь живых с умершими взрослыми, а не младенцами. Предполагалось, что это «строительные жертвы». Но такое объяснение часто противоречит археологическому контексту: на теле погребения нередко совершались в домах, которые уже функционировали. При этом известны постройки, в которых погребения вообще не обнаружены, – 27 домов в горизонтах РБВ XVI/XVII-1 – X теля Юнаците (табл. 1).

Обряд погребения детей внутри построек до сих пор не имеет убедительных объяснений. Известно, что южные славяне и после принятия христианства продолжали хоронить умерших младенцев в доме, во дворе или на огороде. Детей и после их смерти продолжали держать при доме или внутри дома (Лозакова, 1989. С. 27, 28).

Эта возрастная группа – младенцы с момента рождения и до полутора лет (по нашим материалам) – имела, вероятно, особый статус, или точнее, не имела вообще никакого статуса.

Было выделено несколько участков внутри построек, для того чтобы определить, в какой части дома обыкновенно предпочитали сооружать детские погребения: у продольной стены, у торцовой стены, в углу, в центральном пространстве (рис. 2).

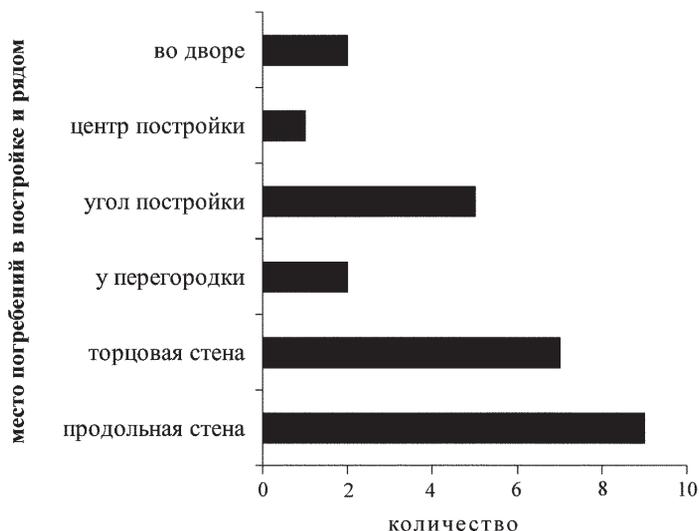

Рис. 2. Распределение погребений во внутреннем пространстве постройки

Чаще хоронили у стен: у продольной стены – 9 случаев, у торцовой – 7. В углу дома обнаружено 5 погребений, в центральной части – 1. Погребение 18 было сооружено в отгороженной части постройки – между стеной амбара-зернохранилища № 6/14 и торцовой стеной дома. При этом уловить какие-то стратиграфические закономерности не удалось – у продольных стен хоронили с XVI/XVII-1 по X горизонт. Определенного места в доме для погребения младенцев не было, однако предпочтение отдавалось периферийным участкам: у стены, в углу – в отделенном от жилого пространства месте.

Интересны случаи погребений «в паре», которые выявлены впервые. К таким погребениям мы относим те, которые сооружались, скорее всего, с учетом уже имеющегося в этом доме погребения (вряд ли эти погребения сооружались одновременно). На телле Юнаците удалось проследить 5 таких «пар», не все они бесспорные. Это погребения 7–8 (постройка 17), 11–12 (постройка 19); 13–15 (?) (постройка 24/26); 17–18 (постройка 35), 27–28 (постройка 41/44).

«Пары», как правило, сооружались либо по одной стене – погребения 17–18 (?), 7–8; 27–28 (рис. 2), либо у противоположных стен дома, напротив друг друга, – погребения 11 и 12 (сюда возможно отнести и «пару» 17–18). Очевидно, что о расположении погребений, совершенных ранее, обитатели дома хорошо помнили или погребение было отмечено на поверхности. Так, погребение 17 было выделено целой конструкцией из камней и оградки (Телль

Юнаците, 2007. С. 180, 187). Случаев перекрытия погребений, принадлежащих одному горизонту, не встречено. Однако не единожды фиксировались случаи нарушения погребений колами от построек поздних (верхних) горизонтов. Так, колами верхнего горизонта разрушены погребения 10, 9, 2. Вероятно, «память» о погребениях сохранялась в течение жизни не более чем одного поселка.

Как правило, погребения сооружались под полами домов, и, возможно, к моменту исследования сооружения вокруг них или над ними не сохранились. Фиксировались ямы под сосуды-урны, перекрытые обмазанным глиной полом или утрамбованным полом, обмазка которого не сохранилась.

Зафиксированы лишь три погребения, выделенные на поверхности: яму погребения 4 перекрывали два плоских камня, возможно, фрагменты зернотерок; над погребением 5 выявлена площадка из мелкой гальки, размером 40 × 45 см; оградка из семи кольев и двух плоских камней окружала погребение 17 (Телль Юнаците, 2007. С. 169–204). Способы, которыми погребения выделялись, не повторяются и скорее всего носят случайный характер, что еще раз указывает на неустойчивость данного признака погребального обряда этой возрастной группы.

Некоторые погребения связаны с хозяйственными сооружениями – печами и площадками. Четыре погребения были расчищены рядом с печью или под печью. Погребение 45 (см. вкл., рис. II) выявлено под разрушенной площадкой из крупной гальки, основанием несохранившегося сооружения (печи?); погребение 15 – под печью 3, погребение 13 – около печи 3, погребение 9 – под глиняной площадкой. Ситуация, часто встречаемая в этнографической литературе. Болгарский этнограф Г. Лозакова отмечает: «...младенец, еще социально не родившийся и связанный лишь со своей матерью, оставался связан с ней и после своей смерти». У очагов младенцев хоронили в Болгарии до XIX в. (Лозакова, 1989. С. 27, 28).

Погребальные сооружения

Погребения по способу захоронения распределились в две неравные группы: погребения в ямах и погребения в сосудах, помещаемых в яму (табл. 2; рис. 2). Стратиграфические закономерности не выявлены, погребения в ямах встречались с XV по XI горизонт и составляли незначительный процент.

Таблица 2. Распределение погребений в ямах и в сосудах по горизонтам

Горизонт впуска	Число погребений в ямах	Число погребений в сосудах	Всего
X		3	3
XI	1	2	3
XII		3	3
XIII		4	4
XIV	2	2	4
XV	1	4	5
XVI/XVII-1-3		4	4
Всего	4 (15%)	22 (85%)	26 (100%)

В двух случаях ямы прослежены четко, это погребения 16 и 25. Ямы округло-овальной формы, глубиной до 15 см. Стенки покатые, дно неровное, слегка вогнуто. Их диаметры колеблются от 30 до 50 см. В погребениях 5 и 15 ямы не прослежены, погребения фиксировались уже на уровне дна.

На дне ям лежали детские скелеты в скорченном положении на левом (погребения 5, 15) и правом (погребения 16, 25) боках. Ориентировка погребенных с учетом расположения в постройке была различной: один младенец (№ 15), находившийся у стены, был ориентирован перпендикулярно постройке – головой к стене. Все остальные были уложены по длинной оси дома. В этой группе один ребенок был захоронен в центре постройки (№ 25) и двое – у стен: один повернут к ней лицом (№ 16), а другой – спиной (№ 5). Скорее всего, ориентировка подчинялась внутреннему расположению погребения в постройке.

Инвентарь в этих погребениях отсутствует. Отдельные погребения имеют некоторые особенности: в погребении 16 нижнюю часть скелета перекрывала крупная миска; в погребении 25 дно, стенки ямы и скелет были перекрыты тростниковой (?) циновкой.

Одно погребение (5) в яме принадлежало ребенку от 1 до 1,5 лет и три – младенцам до 6 месяцев (№ 15, 16, 25). Таким образом, в ямах хоронили как детей до года, так и старше. Четкой связи погребальных ям с возрастом погребенных не выявлено.

Из представленного выше описания явствует, что признаки погребального обряда детей, захороненных в ямах, весьма разнообразны.

В сосудах, которые в свою очередь были вкопаны в ямы, совершенно 22 погребения. Ямы под эти погребения фиксировались крайне редко. В некоторых случаях удавалось реконструировать их форму на основании косвенных признаков, при этом учитывалась микростратиграфия погребения, высота сосуда, его положение в яме. Часть сосудов стояла вертикально, что было зафиксировано в полевой документации и давало основания утверждать, что данные ямы имели вертикальные стенки. Четыре урны лежали почти на боку (погребения 14, 18, 41, 45). В этом случае ямы были вырыты под углом.

Зафиксированная форма ям под сосуды, вероятно, диктовалась формой сосуда, его расположением в постройке и др. Три ямы имели округлую форму (погребения 3, 4, 18), три – овальную (17, 22, 45) и одна – подквадратную (41). Дно у всех прослеженных ям слабовогнутое. Для пятнадцати погребений в сосудах форму ямы реконструировать не удалось.

В качестве урн для погребений использовались различные типы сосудов: кувшины, миски, горшки с ручками и без, сосуды, поврежденные в древности. В погребении 18 был использован сосуд (Лещаков, 2000. С. 65–86) с отбитым горлом. Возможно, оно было отбито непосредственно перед погребением, чтобы уместить в сосуд умершего младенца. Использовались даже придонные части сосудов (погребения 1, 21).

Таблица 3. Распределение типов сосудов-урн по горизонтам

Горизонты	№ погребения в кувшине	№ погребения в горшке	№ погребения в миске	№ погребения в амфоре	№ погребения, форма сосуда не ясна
X	2				4, 1
XI	3	6			
XII	9, 8	7			
XIII	11, 12		10		19
XIV		13			14
XV	17, 27	22		18	21
XVI/XVII-1-3	41,45	28			
Всего	10	5	1	1	5

Распределение типов сосудов по стратиграфическим горизонтам не выявило закономерностей (табл. 3, рис. 3). Наиболее предпочтительная форма для урны – кувшины, которые встречаются с XVI/XVII-2 по X горизонты.

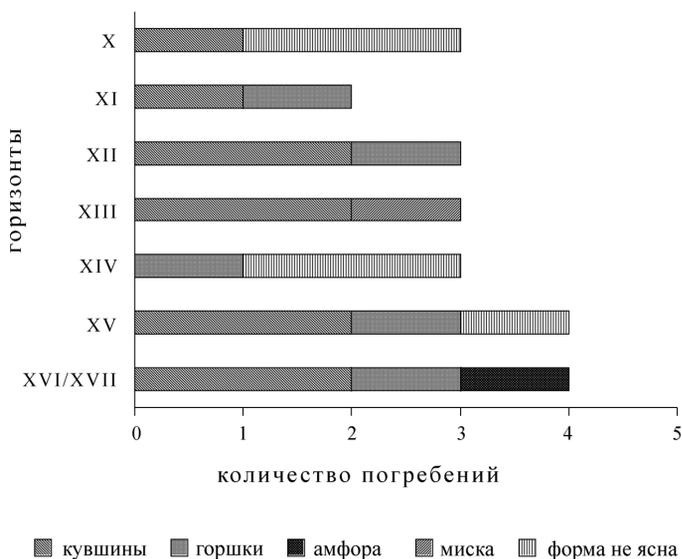

Рис. 3. Распределение типов сосудов-урн по горизонтам

Кувшины широко представлены в массовом керамическом материале с XVII/ XVI по IX горизонты. Другие типы сосудов-урн также встречались в массовом керамическом материале. Специальной формы сосуда для погребения младенцев, по данным телля Юнаците, не существовало, в качестве урн использовались сосуды, которые массово представлены на поселениях и широко применялись для бытовых нужд жителями поселков (рис. 4).

Главным требованием, которое предъявлялось к такому сосуду, были его размеры, связанные с возможностью уместить в нем тело умершего младенца: все сосуды для погребений были крупных размеров, а большинство из них представлено кувшинами – не только крупными, но и высокими. Установлено со-

ответствие размеров длинных костей и диаметров сосудов. В сосуды диаметром до 20 см помещали детей от 0 до 6 месяцев, диаметром 20–22,6 см – от полугода до 9 месяцев, диаметром 24–33 см и более – старше 9 месяцев (Бужилова, 2005. С. 114).

Рис. 4. Соотношение типов сосудов-урн

Встречены сосуды-урны, закрытые крышкой, в качестве которой использованы другие сосуды. Зафиксированы три случая, когда сосуды закрывались мисками: в погребениях 11 и 45, а также 10, где миска-урна была перекрыта другой миской. В двух случаях в заполнении сосудов зафиксированы фрагменты мисок (погребения 11, 14), которые первоначально, вероятно, также служили крышками для урн.

Отметим два погребения (18 и 41), возможно, содержавшие также перекрытия органического характера (ткань? дерево?), т. к. к моменту расчистки урны не были заполнены землей, внутри находился только скелет младенца.

Погребения в сосудах широко известны не только по археологическим материалам (Антонова, 1990. С. 48–52, 54, 55, 67, 69, 70, 72, 75, 81, 88, 89, 102, 104, 251), но и в этнографии. В упоминавшейся работе о детских погребениях в Болгарии автор пишет: «...у южных славян встречаются особые виды гробов для младенцев – сосуды. Символизировали они материнскую утробу» (Лозакова, 1989. С. 27). Использование сосудов, очевидно, было связано с представлением о том, что «ребенок, умерший до обряда включения в мир живущих, еще не окончательно родился. Обряд похорон возвращал его в изначальную среду» (Ван Геннеп, 2002. С. 53).

Положение младенцев в сосудах редко удавалось фиксировать. В тех случаях, когда это было возможно, поза скелета восстанавливалась как скорченно-сидячая (погребения 41, 28, 27). Обыкновенно кости черепа перекрывают кучку обрушившихся костей скелета, которые были привалены к стенке сосуда. Такое положение фиксируется в кувшинах и высоких горшках (см. вкл., рис. III).

Единственное погребение (10) совершено в крупной закрытой миске, прикрытой другой миской. Оно принадлежало 6-месячному младенцу. Поза скелета – сильно скорченная на боку (не ясно, на каком). Такая сильная скорченность объясняется желанием уместить скелет на дне миски. Поза погребенного зависела от типа сосуда-урны: в высоких кувшинах и горшках хоронили в скорченно-сидячей позе, в низкой, широкой миске и в ямах – скорченно на боку.

В погребениях 2 и 3 кости были сильно обгоревшими, хотя это может быть и вторичный признак – кости могли обгореть при пожаре в доме.

Впервые в результате тщательного антропологического исследования материала зафиксированы парные погребения – в сосудах погребений 4 и 14 обнаружены остатки двух индивидов (Телль Юнаците, 2007. С. 208, 209).

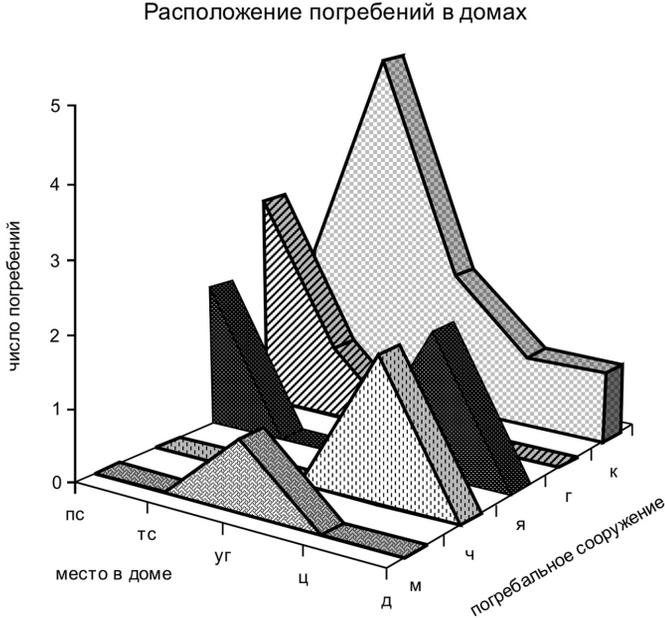
Инвентарь

Достоверных случаев присутствия сопутствующего инвентаря среди погребений в сосудах нет. Как и в детских погребениях, совершенных в ямах, единичные артефакты, обнаруженные в урнах, могли оказаться там случайно (например, два обломка ножевидных пластин в заполнении урны погребения 45). Столь же сомнительна принадлежность к погребению 8 нескольких бусин, найденных неподалеку от его фрагментированной урны. Отметим, что, согласно наблюдениям Т. Кънчевой-Русевой, погребения младенцев на селище Нова Загора также были безынвентарными (Кънчева-Русева, 2000. С. 31).

Таким образом, на телле Юнаците младенцев погребали и в постройках, и во дворах домов, расположение погребений в домах было более или менее свободным, большая часть захоронений совершалась в сосудах, но встречены и погребения в ямах, типы сосудов для погребений различны. В попытке найти какие-либо закономерности в серии детских погребений была сделана гистограмма, в которой учитывались место погребения в доме и тип погребального сооружения (рис. 5).

В синхронном могильнике Берекетская Могила погребальный обряд взрослых индивидов отличается устойчивостью ориентировок и поз погребенных (скорченно на боку), обязательным наличием инвентаря (Kalcev, 2002. S. 17–21), в то время как для данной серии погребений не существовало строгих правил и четко установленных деталей обряда при захоронении. Отметим, что младенцев хоронили и в ямах, и в урнах, типы сосудов-урн весьма разнообразны, место погребения в постройке и связь с хозяйственными сооружениями четко не определены. Складывается впечатление, что погребение младенцев, не достигших первой ступени инициации, являлось частным делом их матери (родных, семьи).

В то же время, детские интрамуральные погребения, исследованные на телле Юнаците, являются свидетельством в определенной мере регламентированной обрядовой практики. Все погребения младенцев совершены в пределах поселков, чаще всего – в постройках, но иногда и рядом с ними – «во дворах». В пределах постройки погребения располагались чаще под стенами – «не на ходу».

Место в доме

пс – продольная стенка
 тс – торцовая стенка
 уг – в углу
 ц – в центре дома
 д – во дворе

Тип погребального сооружения

м – миска
 ч – часть придонная сосуда
 я – яма
 г – горшок
 к – кувшин

Рис. 5. Соотношение погребений с учетом места в доме и типа погребального сооружения

Таким образом, эта возрастная группа погребенных имела особый статус, а точнее вообще не имела статуса, что соответствует утверждению Э. Лича: «...ранг, статус и пол индивида точно определяют пространство, которое он или она могут занимать. Знание того, где ты находишься, есть вопрос осознания своего социального, равно как и территориального положения» (Лич, 2001). Для младенцев еще не произошло «обряда отделения/включения», и они до определенного возраста переживают «период социального безвременья». Вероятно, этим и определяются различия в деталях обряда.

Таким образом, обособленность от общей погребальной практики младенческих захоронений – это своего рода обрядовый феномен, который без особой натяжки можно распространить на все архаические земледельческие общества (Антонова, 1990. С. 37–92).

ЛИТЕРАТУРА

Александров Ст., 1994. По вопросу за погребальните обреди на култура коцофени (южен вариант) // Марица-Изток: Прочувания. Т. 2. София.

- Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н.*, 2003. Новые исследования почв и седиментов теля Плоская могила во Фракии // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом Музее: Тез. конф. Ч. I. М.
- Антонова Е. В.*, 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.
- Балабина В. И., Мацанова В., Мерперт Н. Я., Мишина Т. Н., Спиридонова Е. А.*, 1999. Стратиграфия и палинология теля «Плоская могила» во Фракии // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 3. М.
- Бояджиев Я.*, 2001. Погребалната практика *intra muros* през неолита и халколита в българските земи: обичай или изключение // Археология. Кн. 3–4. София.
- Бъчваров К.*, 2003. Неолитни погребални обреди. София.
- Бужилова А. П.*, 2005. *Nomo Sapiens*: История болезни. М.
- Ван Геннеп А.*, 2002. Обряды перехода. М.
- Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Д. Г.*, 1979. Езеро: Раннобронзовото селище. София.
- Гетов Л., Илиев Ил. и др.*, 1992. Разкопки на селищната могила край с. Драма, Ямболско // АОР през 1991.
- Дергачев В. А., Манзура И. В.*, 1991. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев.
- Збенович В. Г.*, 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
- Иванов Т. Г.*, 1971. О некоторых сторонах погребального обряда и представлениях о загробном мире во время неолита и халколита в Болгарии // PS. София.
- Катинчаров Р., Георгиева Р., Борисов Б.*, 1985. Разкопки на селищната могила до с. Дядово, Сливенски окръг // АОР през 1984. Сливен.
- Кънчев М.*, 1995. Надгробна могила II (Голямата могила) до села Голяма Детелина, община Раднево. Ч. I // Марица-Изток: Археологически проучвания. Т. 3. Раднево.
- Кънчева-Русева Т.*, 2000. Гробове от бронзовата епоха в праисторическо селище в Нова Загора // Археология. Кн. 3–4.
- Лагодовска О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.*, 1962. Михайловское поселение. Киев.
- Лецаков Кр.*, 2000. Изследвания върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. София. Т. 84–85.
- Лецаков К., Попова Ц.*, 1995. Надгробна могила II (Голяма могила) до с. Голяма Детелина, община Раднево. Ч. II // Марица-Изток: Археологически проучвания. Раднево. Т. 3.
- Лич Э.*, 2001. Культура и коммуникация. М.
- Лозакова Г.*, 1989. Особенности на обредите при погребение на деца у южните славяни в края XIX и в началото на XX в. // Българская этнография. 14. № 1.
- Менкова М.*, 2005. Погребални обреди на носителите на местните раннобронзови култури в български земи // Пътят: Сб. науч. ст. София.
- Мерперт Н. Я.*, 1999. К вопросу о культурном взаимодействии в Балкано-Анатолийском регионе в III тыс. до н. э. // Кавказ и Древний Восток. Махачкала.
- Мерперт Н. Я., Молчанов А. А.*, 1988. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете археологии и античной традиции // Античная балканистика. М.
- Николов Б.*, 1976. Могилни погребения от раннобронзовата епоха при Гърнава и Кнежа, Врачански окръг // Археология. Кн. 3.
- Николов В.*, 1998. Проучвания върху неолитната керамика в Тракия. Керамичните комплекси Караново II–III, III и III–IV в контекста на Северозападна Анатолия и Югоисточна Европа. Библиотека праистория.
- Николова Л.*, 1999. Раннобронзовата култура Юнаците // Археология. Кн. 3–4.
- Панайотов И.*, 1989. Ямная култура в Български земи // Раскопки и проучвания. Кн. XXI. София.
- Смирнов Ю. А.*, 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.
- Тель Юнаците. Эпоха бронзы. Т. II. Ч. I. М.*, 2007.

- Ivantchik A.*, 1994. Die Grabriten auf dem tell Junacite (Westbulgarien) und das Problem der Indogermanisierung des Balkans // *Theti*. S. 1. Mannheim.
- Banner J.*, 1956. Die Pecele kultur // *Archaeologica Hungarica*. Budapest.
- Hausler A.*, 1992. Die Bestattungsriten des neolithikums in Bulgarien und ihre Beziehungen zu Mitteleuropa // *SP*. 11–12.
- Kalcev P.*, 2002. Das Frühbronzezeitliche Graberfeld von Stara Zagora «Bereketska Mogila» (Bulgarien) // *Sastuma*. 8. Bonn.
- Mazanovа V.*, 2004. Die Architektur der frühbronzezeitlichen Siedlungen in Tell Junacite // *Von Domica bis Drama: Gedenkschrift für Jan Lichardus*. Sofia.
- Merpert N.* Bulgarian-Russian Archaeological Investigations in the Balkans // *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*. E. Y. Brill. Leiden. 2, 3.
- Nemejcova-Pavukova V.*, 1999. Bemerkungen zur westbulgarien und nordostgriechenland (im licht der «importe» aus karpatenbecken) // *Slovenska archeologia*. XL. VII-1.
- Nikolova L.*, 1995. Early Bronze Age settlement near the village of Dabene in Thrace // *Thracia*. 11. Sofia.
- Popova Tz., Pavlova P.*, 1994. Paleoethnobotanical study of the Yunatsite Bronze Age settlement, Pazardzik district // *Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски»*. Биологически факултет. Кн. 2: Ботаника. Т. 84. София.

С. Н. Корневский

ФЕНОМЕН БОЛЬШИХ МАЙКОПСКИХ КУРГАНОВ: СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ И КУЛЬТОВЫЙ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА¹

Благодаря образному выражению А. М. Тальгрена (Tallgren, 1911) в научный оборот введено понятие «большого кургана». Оно прочно вошло в лексику археологии бронзового века Предкавказья. А. А. Иессен даже включил такой термин в название своей знаменитой статьи (Иессен, 1950). Однако что такое большой курган и чем он отличается от малого, авторитетные ученые начала – середины XX в. не дали разъяснения. И сейчас это сделать непросто, но все же возможно, если рассматривать феномен большого кургана не вообще, а конкретно в применении к определенной эпохе. Но формальных условностей и оговорок тут не избежать. Прежде всего, надо иметь в виду, что для разных эпох и культур понятие «большого кургана» может быть неодинаковым. Кроме того, следует различать, как возник большой курган. Ведь пути образования этих земляных гигантов сводятся к трем вариантам. Одни возникали над единственным захоронением, другие – над несколькими однокультурными погребениями, третьи – над несколькими разнокультурными захоронениями в результате чередующихся насыпей. Для нашей темы исследования важны, прежде всего, два первых варианта.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-01-00046а.

Если понятие «большого кургана» требует непростых аналитических вычислений, то понятие «малого» кургана с некоторых пор стало достаточно ясным. Малый курган – это памятник с высотой насыпи до 1 м при диаметре до 20 м. Именно такими параметрами обладают древнейшие курганы эпохи восточно-европейского неолита, как установили специалисты ранее (Алексеева, 1976. С. 176–186).

В Северном Причерноморье малые курганы возникают во время существования памятников новоданиловского типа, которые в целом определяются датой Триполья VI–VIBII. Таковы погребения в курганах у с. Рёвова (3/19) – 4355–4231 BC cal., Красное 9 и Саратены 1 – 3991–3965 и 3978–3838 BC cal. (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. С. 101). Причем дата кургана Саратены 1 уже совпадает с датами майкопско-новосвободненской общности (МНО) в Предкавказье. Дата погребения 13/7 кургана у с. Перегрузное в Волгоградской обл. укладывается в рамки XLIV–XLIII вв. до н. э. (GrA-1920 4340–4236 BC cal.) (Шишлина, 2003. С. 65). Она практически соответствует дате погребения кургана Рёвова 3/19. Для курганов в Предкавказье радиоуглеродных дат столь древнего возраста нет (дат C^{14} для них вообще очень мало), но по наборам типов вещей они не уступают курганам новоданиловской группы из Северного Причерноморья и в Поволжье.

Если насыпи курганов высотой 1–3 м можно встретить над погребениями разных культур бронзового века, то курганы, возникшие над одним погребением и достигающие высоты 3 м и более, в Предкавказье фиксируются у племен майкопско-новосвободненской общности. Для погребений других культур Предкавказья такие большие сооружения над основной могилой не типичны (Кореневский, 2004). Их ранние даты связаны с временем XL–XXXVII вв. до н. э. (Кореневский, Ростунов, 2004. С. 64–70). Поэтому минимальный порог масштаба строительства «большого» майкопского кургана в какой-то мере можно связывать с размерами от 3 м и более в высоту. Естественно, отмеченный критерий не лишен условности.

На Южном Кавказе наиболее ранние курганы (Уч-Тепе, Мишарчай), опубликованные в печати, содержат керамику и инвентарь, позволяющие рассматривать их как надмогильные сооружения, находящие аналогии по вещам в майкопско-новосвободненской общности, или как курганы, относимые к древностям культуры Лейла-тепе. Новые данные о позднеэнеолитических курганах в Азербайджане подтверждают это положение (курган у с. Союмбулаг, Акстафинский р-н Азербайджана). Правда, их радиоуглеродные даты неизвестны. По вещам изданные комплексы соответствуют инвентарю МНО (керамика, кинжал). Автор публикации, Н. Мусейбли, в тексте тезисов приводит дату C^{14} из низов слоя поселения Бююк-Кесик I лейла-тепинской культуры. Она имеет значение с интервалом 3970–3780 гг. до н. э. (XL–XXXVIII вв. до н. э.). Скорее всего, такая дата лишь в какой-то мере отражает хронологию лейла-тепинской культуры в целом, поскольку она происходит не из основания слоя, а с глубины на 20 см выше него (Мусейбли, 2005. С. 135–137). Эта дата не древнее нижней даты майкопско-новосвободненской общности. В целом, в ранней истории южнокавказских курганов IV тыс. до н. э. еще много неясного. Информации о них пока мало.

Таким образом, можно считать, что большой курган с высотой 3 и более метров на Северном Кавказе и в Европе стал детищем именно носителей культуры майкопско-новосвободненской общности, как отражение развития его социальной стратификации, религии, экономики, престижа погребений элиты общества².

Сама майкопско-новосвободненская общность в настоящее время датируется IV тыс. до н. э. – примерно XL/XXXIX–XXX/XXIX вв. (Корневский, 2004. С. 64–70). Она возникла в результате миграции племен, знавших секреты изготовления круговой керамики урукских типов, которые переселились с юга, из-за пределов Кавказского хребта. Майкопско-новосвободненская общность была не одинакова по традициям форм посуды, а также некоторым деталям погребальной обрядности и материального производства. Самый ранний ее вариант – галюгаевско-серегинский – был распространен как на терских и кубанских равнинах, так и в предгорьях. Три других поздних варианта уже более четко отличались друг от друга круговой посудой. В Центральном Предкавказье получил распространение долинский вариант, в Прикубанье – псекупский, в верховьях р. Белой и Фарса – новосвободненский. Псекупский вариант скорее всего являлся просто развитием галюгаевско-серегинского. Для долинского варианта отмечается наиболее тесная связь с куро-аракской культурой. Сложение новосвободненского варианта, давшего знаменитые каменные гробницы в урочище Клады, еще во многом неясно (Там же. С. 49–63, 90–99). К северу от основного, кубано-терского, ареала майкопской культуры в результате дальнейшей миграции ее носителей по долинам рек сформировалась кумо-маньчская периферия рассматриваемой культуры (Корневский, 2005) (рис. 1).

Тема изучения больших майкопских курганов многоплановая. Она была акцентирована на современных материалах в 2002 г. (Korenevskiy, 2002). Но ее вряд ли надо освещать без соответствующих методических экскурсов. Прежде всего, приведем список исследуемых памятников. К их числу относится сам Майкопский курган (высота 10 м) (Мунчаев, 1975). Из числа разграбленных больших майкопских курганов в эту серию входят курган 3 у с. Брут (рис. 2; 3), два кургана (1 и 2) у с. Заманкул (рис. 4) в Северной Осетии (Корневский, Ростунов, 2004; Корневский, 2004; Ростунов, 2004. С. 29–51) (раскопки В. Л. Ростунова). Далее надо отметить курган высотой около 10 м в г. Нальчике (рис. 5, 1) (Чеченов, 1973), курганы 1 и 2 в урочище Клады у ст. Новосвободной (высота около 10 м), раскопанные Н. И. Веселовским (Мунчаев, 1975). Хорошо известны большие майкопские курганы у с. Кишпек, например Большой Кишпекский курган 1 Кишпекской 2 группы с высотой 4,4 м (рис. 6) (Чеченов, 1984. С. 165) и курган 2 той же группы (рис. 7), с высотой первой насыпи 3,1 м над основным погребением 7, и второй насыпью, высотой 5,1 м, возникшей над другой майкопской могилой 3, впущенной в насыпь 1 над погребением 7 (Чеченов, 1984. С. 177–180).

² Формально можно представить деление курганов в зависимости от их высоты таким образом. Малые курганы, насыпаемые над одним погребением, имеют высоту до 1 м, курганы среднего размера имеют в высоту от 1 до 3 м, большие курганы – 3 м и более.

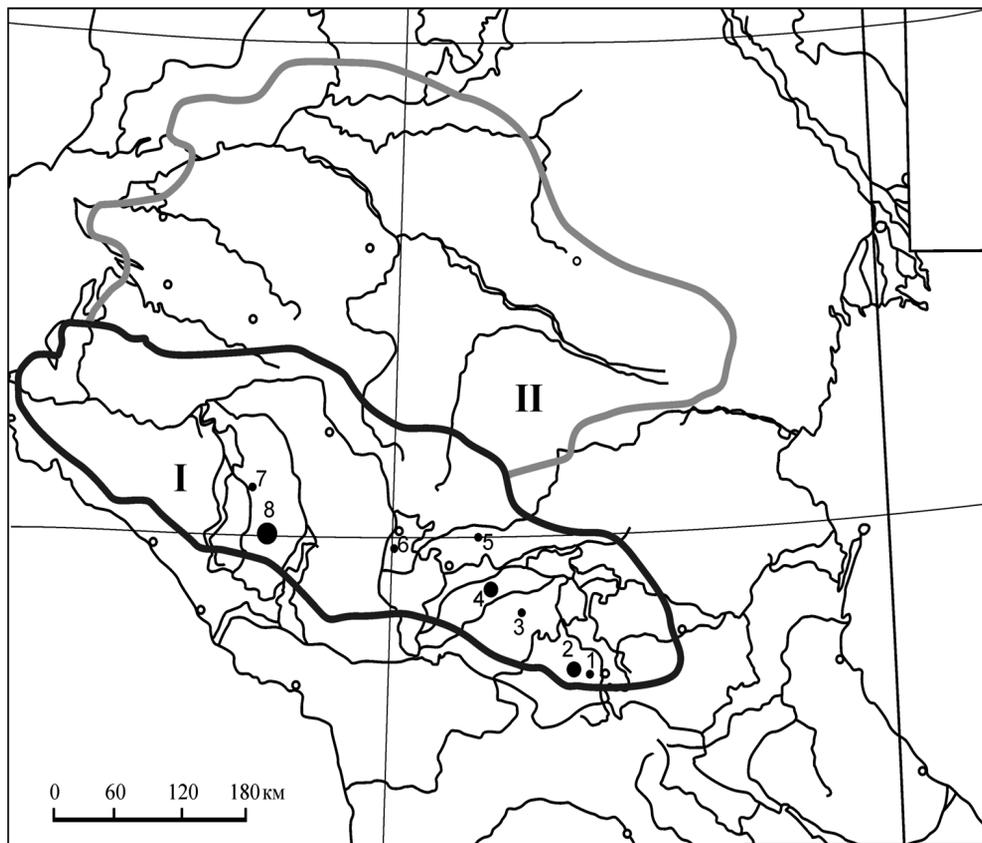

Рис. 1. Карта учтенных раскопанных больших курганов майкопско-новосвободненской общности

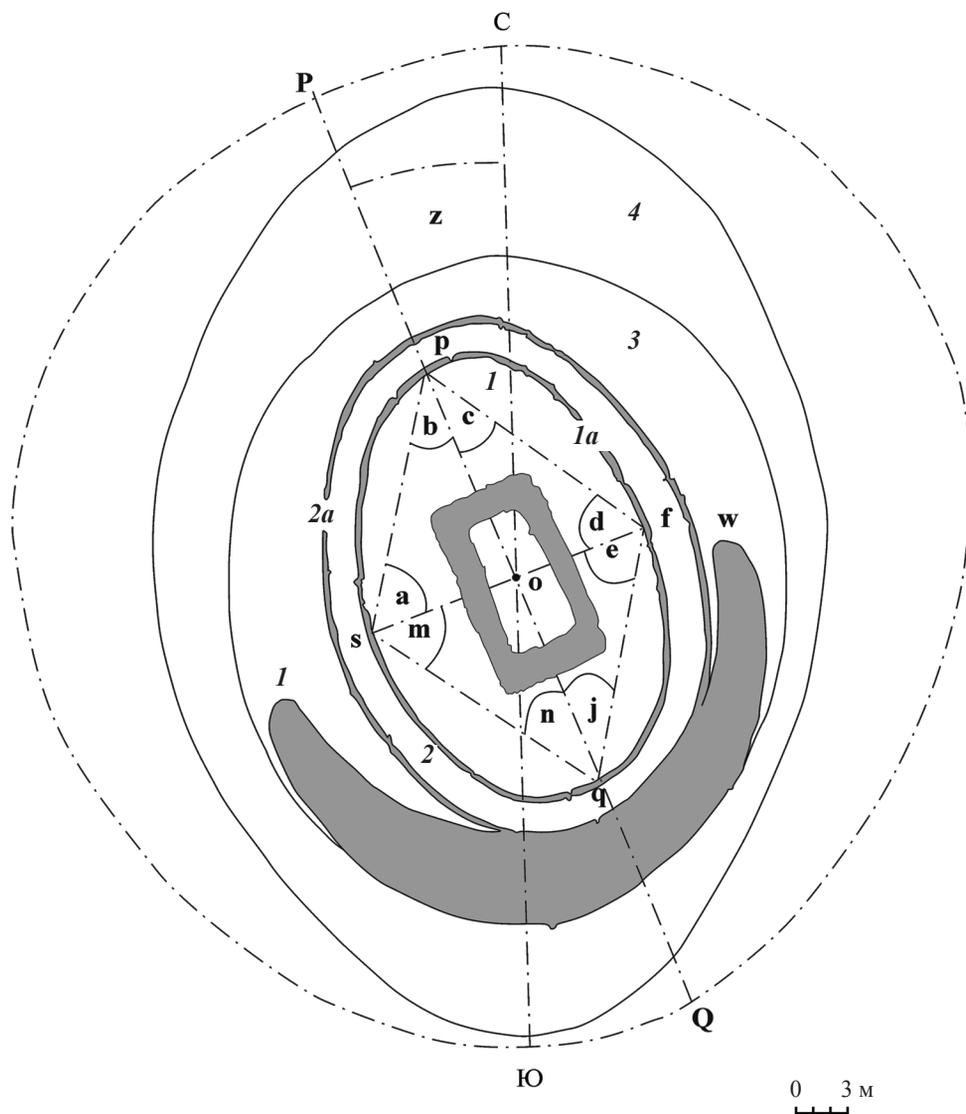
I – основной ареал общности; II – ее кумо-маньчская периферия;

1 – курган 3 у с. Брут; 2 – курганы 1, 2 у с. Заманкул; 3 – Нальчикский курган; 4 – курганы 1, 2 у с. Кишпек; 5 – курган у с. Иноземцево, 1976; 6 – курган у аула Кубина; 7 – Большой Майкопский курган; 8 – курганы урочища Клады (№ 1, 2 из раскопок Н. И. Веселовского, № 11, 28, 31 – из раскопок А. Д. Резепкина)

Интересен курган 1976 г. в п. Иноземцево (высота 6 м) (Корневский, Петренко, 1982). Сложными сооружениями стали курганы урочища Клады: G (высота 3 м), 4 (3 м), 28 (5,5 м) (рис. 8), 30 (высота 4,2 м), 31 (4,1 м) (рис. 9), 39 (7,15 м). Гигантский курган 11 в урочище Клады имел высоту 12 м при диаметре 148 м. Его последняя насыпь перекрыла несколько курганов, в том числе крупный курган G (рис. 5, 2, 3) (раскопки А. Д. Резепкина) (Rezepkin, 2000).

К сожалению, остается неясным вопрос о структуре большого кургана у с. Кубина в Карачаево-Черкесии высотой 9 м (рис. 10). Его насыпь явно была неоднородна. Над собственно майкопской могилой был сооружен каменный курган высотой до 2 м, а вокруг нее – кромлех диаметром 12 м. Рисунок разреза кромлеха выглядит странно, имея вид прямоугольника. Насколько он реален,

не берусь судить. Какова была земляная насыпь над основной могилой 6, тоже сказать трудно. В ней фиксировались впускные захоронения среднего периода бронзового века (Биджиев, 1980. С. 33–43).

**Рис. 2. Геометрия насыпей и конструкций кургана 3 у с. Брут
(по: Корневский, Ростунов, 2004)**

Углы ромба насыпи 1: $a - 57^\circ$; $b - 33^\circ$; $c - 31^\circ$; $d - 59^\circ$; $e - 59^\circ$; $j - 31^\circ$; $n - 36^\circ$; $m - 54^\circ$; PQ – ось погребения 3; z – угол оси PQ – 22° , 23° ; o – геометрический центр пространства погребения 3, а также геометрический центр всех конструкций насыпей кургана

1 – насыпь 1, черный грунт; 1a – прослойка желтой глины 1a; 2 – насыпь 2, черный грунт; 2a – прослойка желтой глины 2a; 3 – насыпь 3, черный грунт; 4 – насыпь 4, мешанный грунт

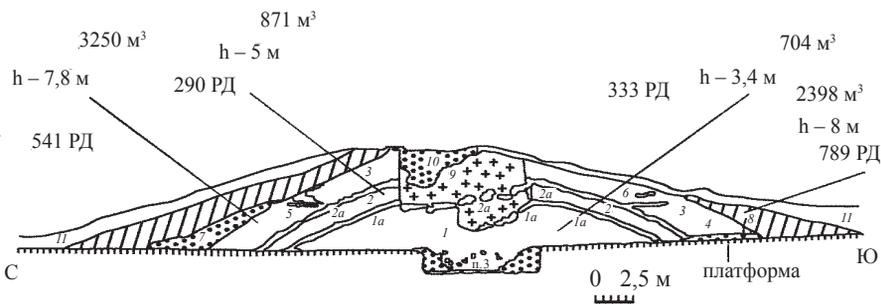

Рис. 3. Профиль западного фасада центральной бровки кургана 3 у с. Брут (по: Корневский, Росгунов, 2004)

Слои насыпи: 1 – насыпь 1, черный грунт; 1а – прослойка 1а, желтая утрамбованная глина; 2 – насыпь 2, черный грунт; 2а – желтая утрамбованная глина; 3 – насыпь 3, черный грунт; 4 – насыпь 4, мешаный грунт; 5, 6 – слоистые прослойки; 7 – прослойка мешаного грунта; 8 – насыпь 4, мешаный грунт; 9 – зона обрушения; 10 – яма; 11 – слой растекания насыпи и ее распашки

Для изучения истории сооружения больших майкопских курганов первостепенное значение имеют методические приемы их исследования. Они начинаются с оценки полевой методики и уровня отображения стратиграфии профилей. Не секрет, что такие памятники копаются не часто и с разным качеством фиксации структуры. Нередко при ее описании прослойки и слои графически не фиксировались или фиксировались сплошной штриховкой, как монолит. Подобные чертежи курганов сложно анализировать для выяснения их структуры и этапов строительства.

В 1976 г. В. Г. Петренко (Корневский, Петренко, 1982) первая раскопала большой 6-метровый майкопский курган у п. Иноземцево, оставив чертеж с конкретными компонентами структуры насыпи. В дальнейшем подобный подход стал эталоном для многих работающих в Предкавказье экспедиций, хотя и не для всех.

Следующий важный вопрос. Для кого сооружались большие майкопские курганы? В настоящей работе я не стану акцентировать методику оценки различной значимости форм могильных сооружений и погребального инвентаря, поскольку такая работа для майкопско-новосвободненской общности в целом уже была проделана ранее (Корневский, 2004. С. 83–90). Напомню только, что формы погребальных конструкций в больших курганах представлены крупными ямами, гробницами. По набору инвентаря, наличию золотых изделий захоронения в больших майкопских курганах входят в разряд наиболее престижных. Они относятся к 1 и 2 ранговым группам, которые мы связываем с доминантными прослойками общества, для которых на похоронах сородича была важна символика устроителей трапез, военных бигменов и плотников (Там же. С. 119, 120). Скорей всего, крупные трудозатраты человеческих коллективов, воплощенные в насыпях больших майкопских курганов, совершались именно для представителей этой элиты майкопских племен, хотя для того, чтобы совершить погребение с символикой военного бигмена, майкопцам было необязательно насыпать большой курган.

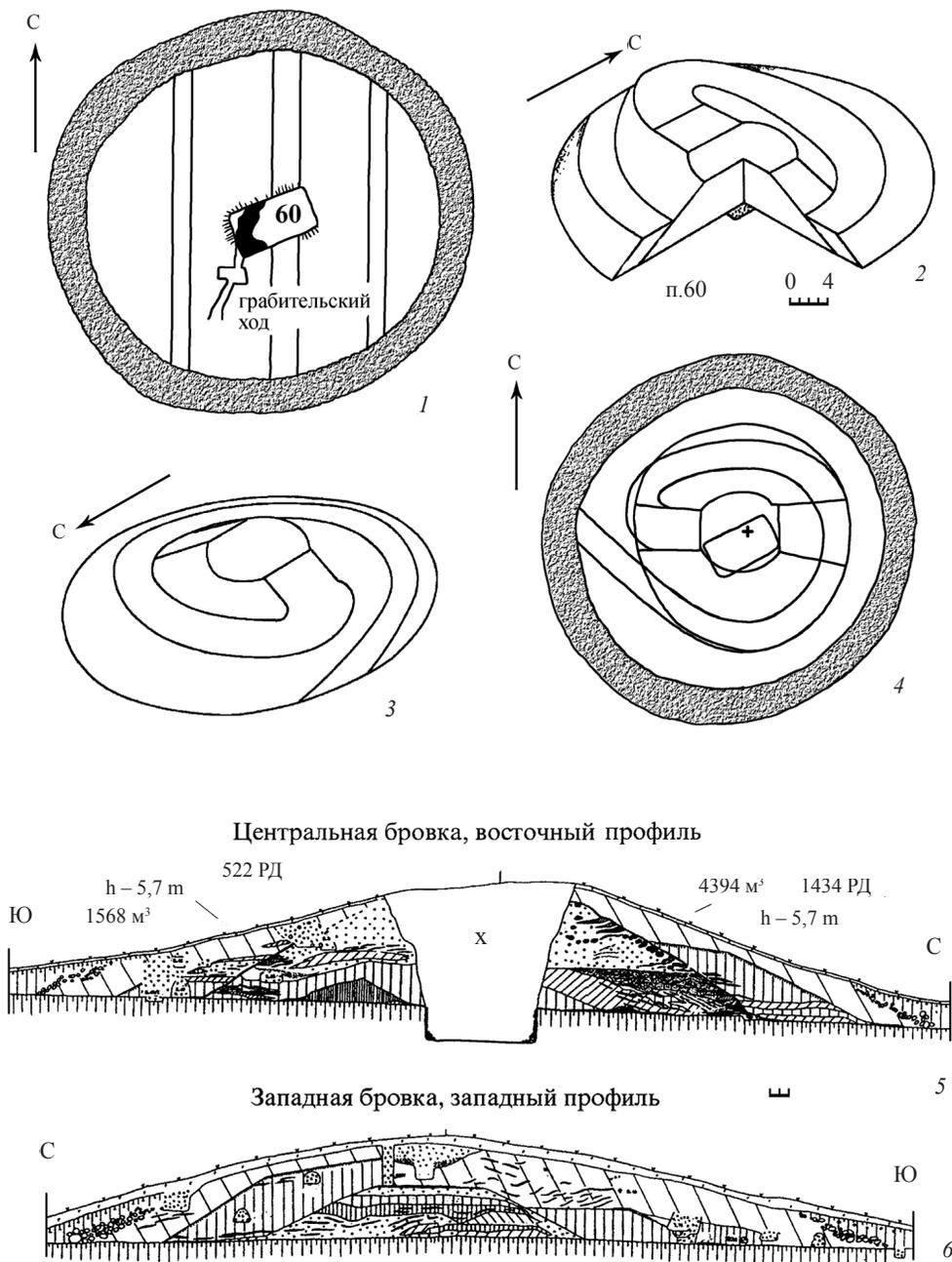

Рис. 4. Курган 2 у с. Заманкул (по: Корневский, Ростунов, 2004)
 1 – план; 2–4 – реконструкции насыпи; 5 – центральная бровка, восточный фас;
 6 – западная бровка, западный фас

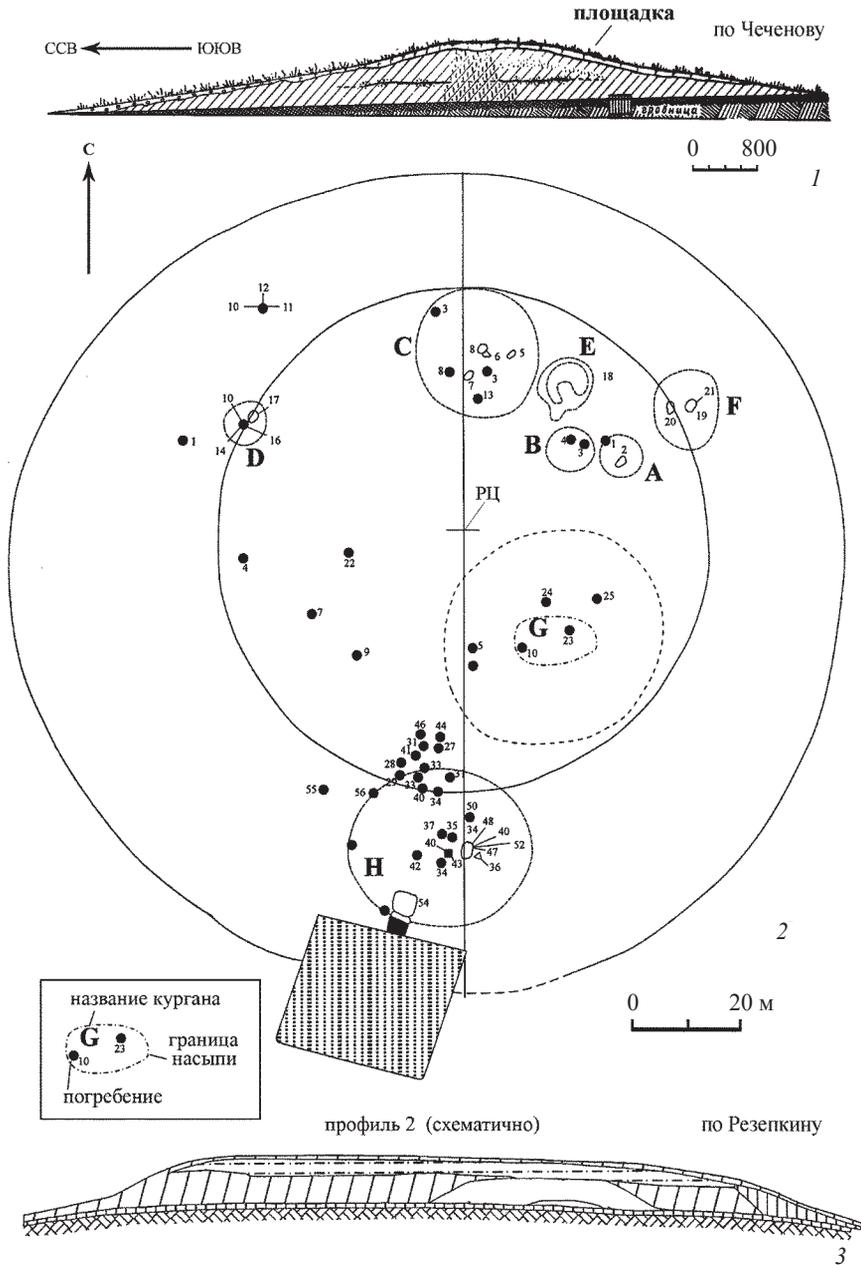

Рис. 5. Профиль кургана в г. Нальчике (по: Чеченов, 1973) и кургана 11 «Серебряный» в урочище Клады (по: Rezerkin, 2000)

1 – профиль кургана в г. Нальчике; 2 – план кургана 11; 3 – профиль второй восточной бровки, с иллюстрацией перекрытия кургана G верхней насыпью кургана из желтого суглинка

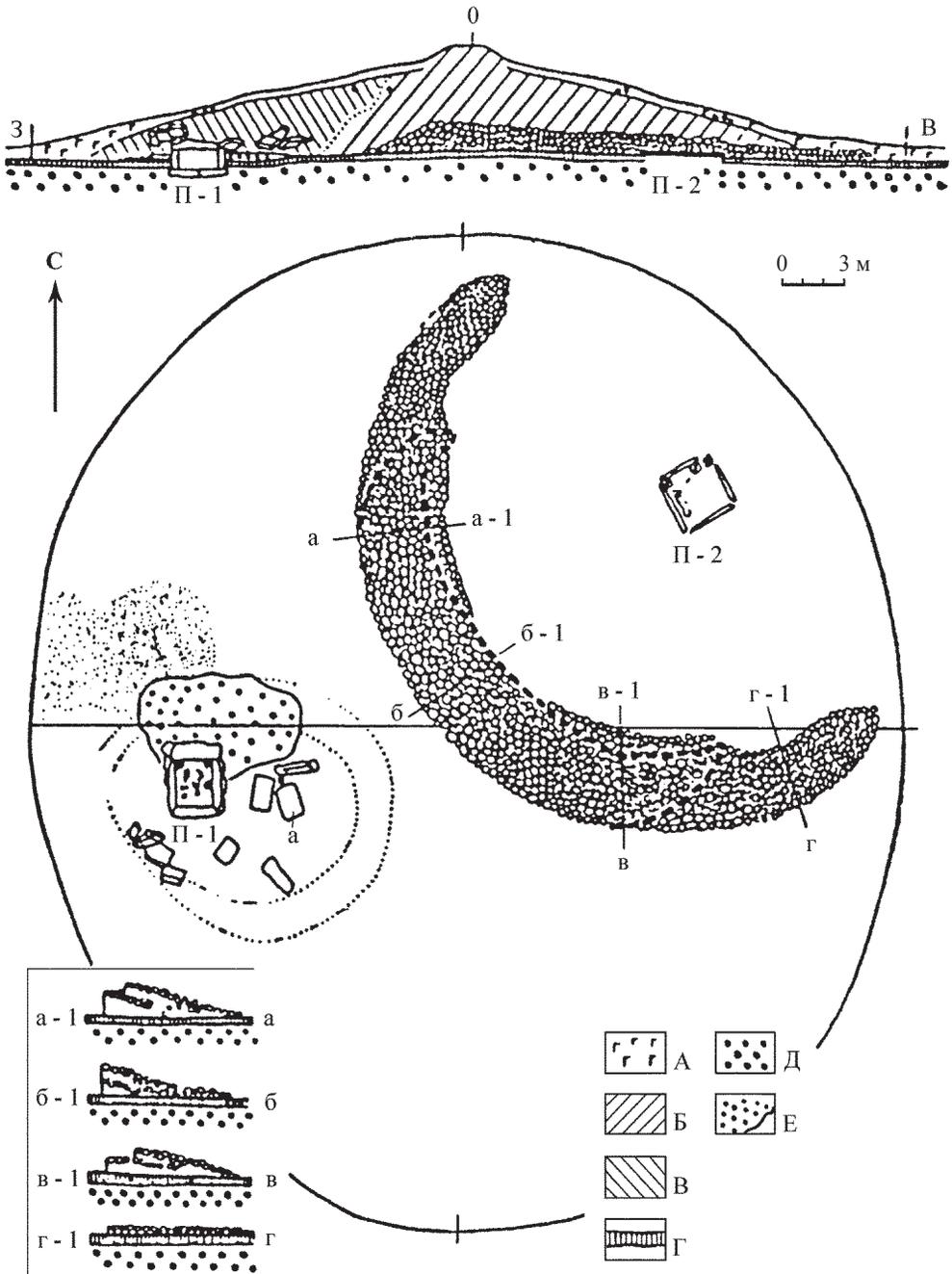

Рис. 6. Курган 1 группы 1 у с. Кишпек (по: Чеченов, 1984)

А – гумус; Б – суглинок; В – впускная яма; Г – погребенная почва; Д – выкид;
Е – место отделки туфовых плит

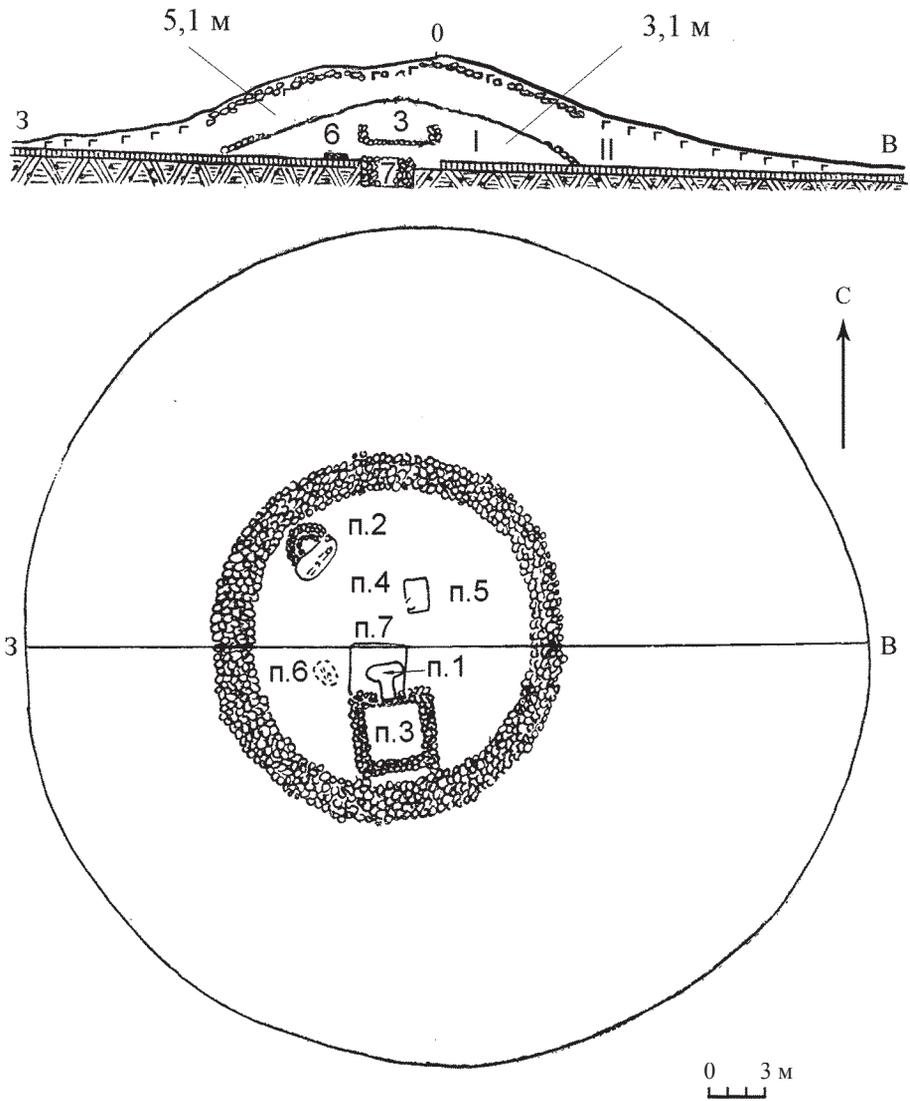

Рис. 7. Курган 2 группы 1 у с. Кишпек (по: Чеченов, 1984)

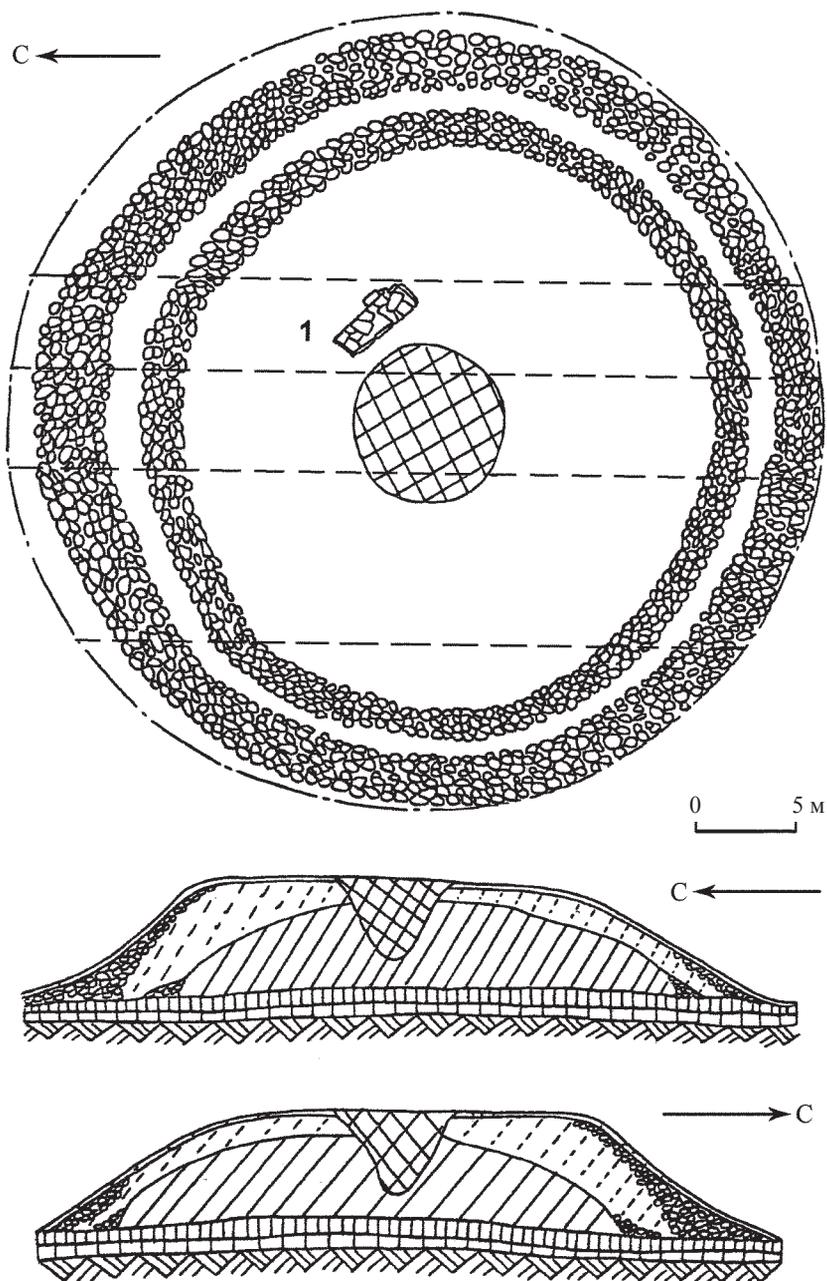

Рис. 8. Курган 28 урочища Клады (по: Rezerkin, 2000)

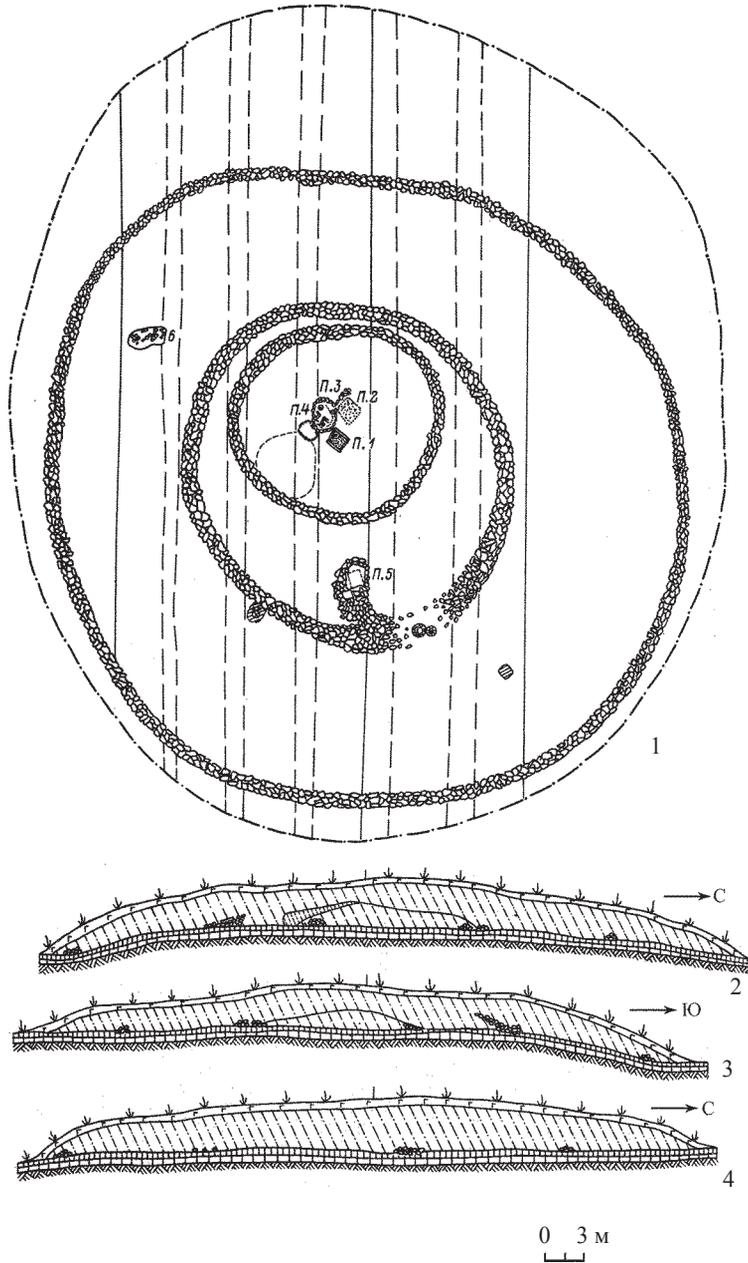

Рис. 9. Курган 31 урочища Клады (по: Rezerkin, 2000)

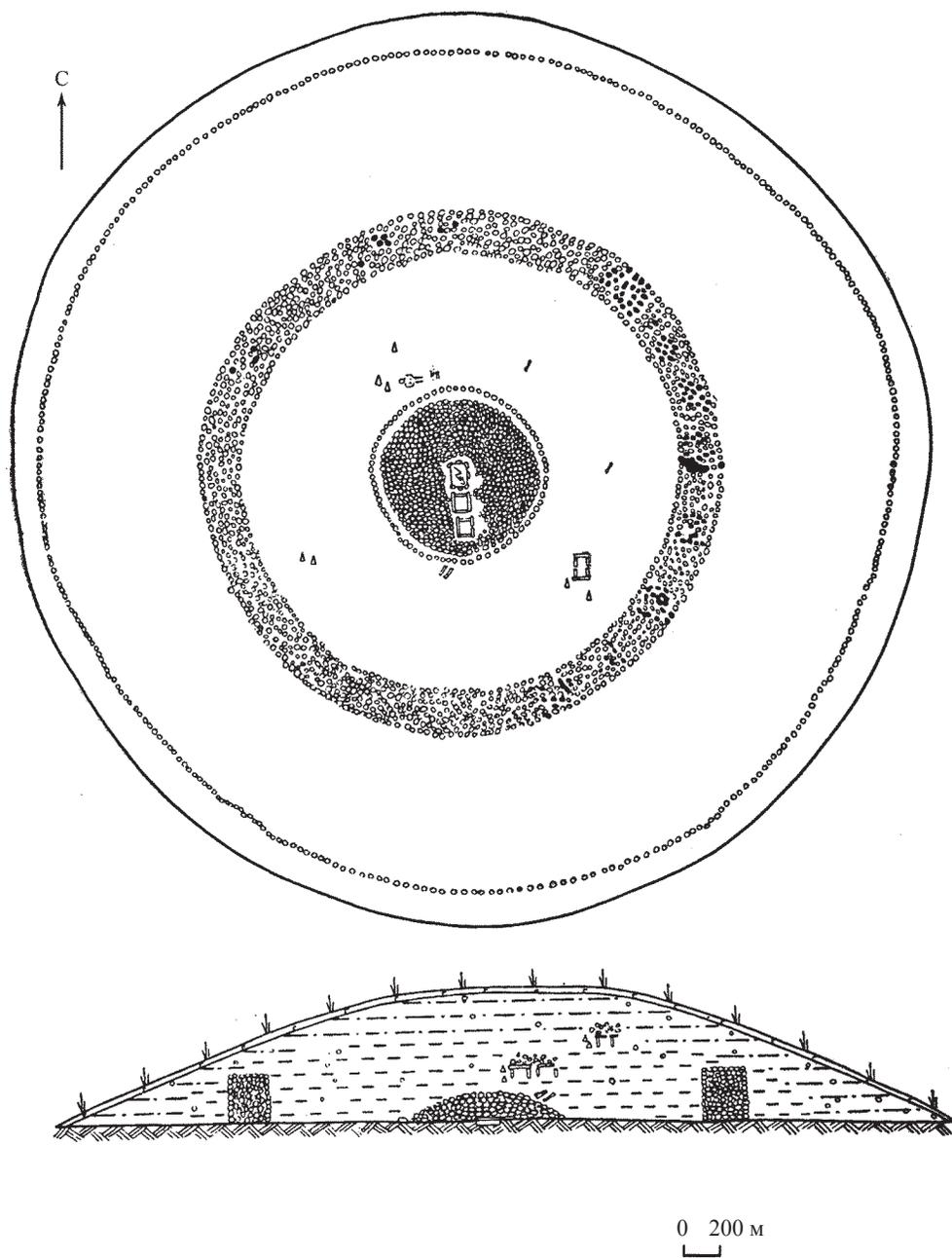

Рис. 10. Курган у аула Кубина (по: Биджиев, 1980)

Далее надо отметить методический аспект, связанный со способом учета трудозатрат на возведение масштабных земляных памятников. Впервые вопрос о том, какие человеческие усилия потребовались бы для конструкции фундаментальных земляных сооружений, подняли Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков (1988. С. 27–40). В 1988 г. они предложили применить для подсчета этих усилий нормы землекопов из Древнего Вавилона со ссылкой на работу А. А. Ваймана (Довженко, Рычков, 1988. С. 40. В их статье она неточна, т. к. имеет вид: Вайман Н. И., 1964. С. 38, а надо: Вайман А. А., 1961. С. 38). По их представлению, эти нормы составляли 6 м^3 для насыпки грунта и 3 м^3 для его рытья. Расчеты для своих заключений упомянутые исследователи не привели. В действительности в цитируемой ими работе А. А. Ваймана упоминаются клинописные таблички с текстами, из которых можно понять, что речь идет о норме для насыпки грунта. Но как ее вычислить, поскольку у шумеров и вавилонян была не десятиричная, а шестидесятиричная система счета? Ведь ее результат определялся не в кубических метрах? Чтобы разобраться в таком непростом вопросе, можно привлечь работу И. М. Дьяконова, в которой предложены разные нормы объема времени древних Шумера и Вавилона (Дьяконов, 1990). В итоге получилось, что норма землекопа при рытье канала на глубину 1 локоть (ок. 0,5 м) действительно составляет около 6 м^3 в нашей десятиричной системе. В какой-то степени эта норма близка к норме землекопа, принятой в экспедиции: квадрат $4 \times 4 \text{ м}$ на 2 штыка (0,4 м) вниз в день с выбросом грунта и зачисткой площади. Получается что-то около $6,4 \text{ м}^3$. Поэтому можно думать, что данные о нормативах древности не столь уж далеки от истины³.

³ В самой книге А. А. Ваймана (1961. С. 38) упоминаются клинописные тексты с нормой трудозатрат 1 рабочего дня землекопа. Она равна 10 gin или 0"10 SAR (запись цифр приводится по книге А. А. Ваймана) земли в шестидесятиричной системе измерения. В работе И. М. Дьяконова (1990. С. 385) приведен перевод мер этой системы на десятиричную. Меры gin и SAR являются у него мерами площадей, не объема грунта. В табличках же А. А. Вайманом в этих мерах дан именно объем земли. По И. М. Дьяконову, 1 SAR = около 35 м^2 , 1 gin = $0,6 \text{ м}^2$. Расчет нормы землекопа может строиться из вычисления $10/60 \text{ (SAR)} \times 35 = 5,8 \text{ м}^2$ (или около 6 м^2); $10 \text{ (gin)} \times 0,6 \text{ м}^2 = 6 \text{ м}^3$. Из текста о норме рытья канала выясняется, что норма на глубину 1 локоть составляет 0"20 SAR, т. е. $20/60 \times 35 \text{ (SAR)} \times 0,5 \text{ м}$ (1 локоть) = 6 м^3 . Следовательно, в первых расчетах речь может идти и о кубатуре земли. В итоге мы принимаем для наших рассуждений первую цифру – 6 м^3 – как дневную норму землекопа, разделяя именно в этой позиции точку зрения Н. Д. Довженко и Н. А. Рычкова. В целом, подсчет трудозатрат может быть выражен расчетом *по минимуму* – только на насыпку земли ($V \text{ объем} : 6 \text{ м}^3 = \text{РД1}$), и *по максимуму* – на рытье и насыпку этого грунта [$(V \text{ объем} : 6 \text{ м}^3) \times 2 = \text{РД2}$] (см. табл. 1). В тексте последнюю цифру мы приводим в скобках.

В стремлении использовать месопотамские нормы для подсчета трудозатрат майкопских строителей курганов я не одинок. На трудовой аспект строительства курганов у с. Заманкул также обратил внимание В. Л. Ростунов (2004. С. 32, 33). Однако ряд изложенных им выводов не вполне понятен. Так, по его подсчетам объем грунта на возведение трех первых насыпей кургана 3 у с. Брут составил 5300 м^3 . Тогда с этой работой, по замечанию В. Л. Ростунова, справились бы 2360 человек. В таком случае норма землекопа составила $2,24 \text{ м}^3$ ($5300 : 2360 = 2,24$). Но подобные цифры с нормами

При вычислении объема грунта курганных насыпей мы используем две формулы. Одна – это половина объема эллипса, и другая – половина объема сферы. То же самое предлагает и В. Л. Ростунов (2004). А вот нормы трудозатрат можно считать по-разному. Мы предлагаем две системы учета, по рытью грунта и его же насыпке. Трудозатраты на транспортировку земли и камней к месту возведения кургана учесть крайне сложно, хотя они, конечно, имели место. Особо можно учесть труд, затраченный на рытье ямы захоронения, доставку камней для строительства кромлеха, отметить масштабность майкопских мегалитов, плиты для которых надо было вытесать и привезти на место возведения кургана.

Как упоминалось выше, для исследуемой темы необходимо различать два типа образования большого кургана. С первым типом связано возведение и наращивание насыпи над одним майкопским или двумя одновременными погребениями. Со вторым – увеличение насыпи с последовательным выпуском захоронений.

Первый тип иллюстрирует сам Майкопский курган (высота 10 м, диаметр 100 м), далее надо упомянуть Нальчикский курган (высота 8–11 м, диаметр 100 м), Большой Кишпекский курган 1 курганной группы 2 (высота 4,4 м) в Кабардино-Балкарии, а также три кургана в Северной Осетии: № 1, 2 у с. Заманкул и № 3 у с. Брут (высоты курганов 6–8 м).

Общий объем насыпи Нальчикского кургана по подсчетам И. М. Чеченова составил около 23 000–25 000 м³ (Чеченов, 1973. С. 9), по нашим подсчетам – 36 520 м³, с трудозатратами в 6586 (13 172) рабочих дней. Такой же объем грунта примерно мог иметь и Большой Майкопский курган. Условная группа из 100 человек его насыпала бы более двух-трех месяцев. Но трудно сказать, насколько эти цифры реальны, поскольку структуру насыпи Большого Майкопского кургана мы не знаем. Нальчикский курган был как минимум с двумя насыпями. Высота первой насыпи не превышала 3 м. Ее вершина была утрамбована (Там же. С. 8). Это свидетельствует, что трудозатраты на сооружение кургана не были разовым действием.

Курганы у сел Заманкул и Брут уже более рельефно отражают последовательное сооружение майкопцами в результате нескольких этапов земляного гиганта высотой 6–8 м при диаметре до 50 м над одним погребением сородича. Первый этап возведения насыпи заключался в ее сооружении над основным захоронением. Этот этап мог выражаться в возведении одного сферического слоя земли (курган 1 у с. Заманкул), сложного трапециевидного сооружения (курган 2 у с. Заманкул) или нескольких сферических слоев с прослойками (курган 3 у с. Брут). Далее имело место проникновение в могилу «грабителей» (?) и разрушение захоронения. Последние действия могли иметь вид и ритуального ограбления. Спустя некоторое время насыпь над ямой погребения проседала внутрь. После чего курган достраивался самими же майкопцами. Над воронкой возводилась новая насыпь, размеры которой были немалые.

рабочих-землекопов (Вайман, 1961. С. 38) никак не увязываются. Какие нормы труда вавилонских землекопов имеет в виду В. Л. Ростунов? Работы А. А. Ваймана, изданной в 1964 г., на которую ссылается В. Л. Ростунов, с тем же названием, что и у его монографии 1961 г., не существует.

Поэтому можно утверждать, что большие курганы у племен МНО могли не сразу превращаться в земляные колоссы. Все они имели от 2 до 4 насыпей над одним захоронением. Максимальные трудозатраты пошли на сооружение первой насыпи Заманкульского кургана 2 – 732 (1464) рабочих дня. Но они были несравненно меньше (почти в 8–9 раз), чем сумма работ для одноразовой насыпки гипотетического большого кургана с высотой 10 м и диаметром 100 м – 6586 (13 172) рабочих дней.

При анализе трудозатрат для заманкульских курганов, несмотря на все условия наших расчетов, очевидно, что наибольшие усилия затрачивались на первый этап строительства насыпи. На втором этапе их расходовалось примерно на одну треть меньше (рис. 11; табл. 1).

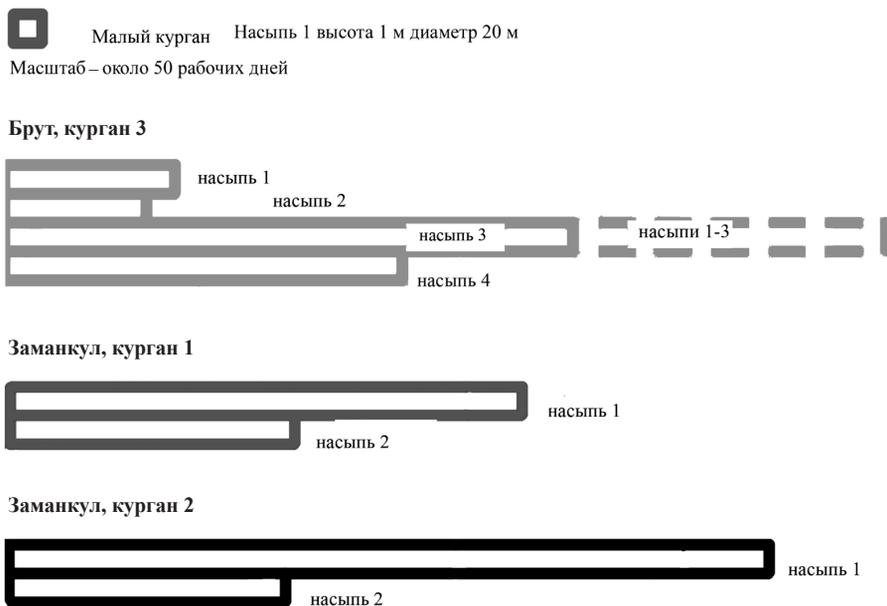

Рис. 11. График объема трудозатрат в рабочих днях для сооружения курганов и их насыпей

«Большие курганы» **второго типа**, крупные насыпи которых образовывались в результате их наращивания над несколькими майкопскими погребениями, известны в Центральном Предкавказье – это Большой Иноземцевский курган 1976 г., курган 2 группы 2 у с. Кишпек, причем «большим» курганом этот памятник стал уже после возведения первой насыпи. В Западном Предкавказье большие майкопские курганы известны в урочище Клады у ст. Новосвободной. Это два кургана, раскопанных Н. И. Веселовским, с богатейшими каменными гробницами; курганы G (высота 3 м), 4 (3 м), 28 (5,5 м), 30 (4,2 м), 31 (4,1 м), 39 (7,15 м). Гигантский курган 11, «серебряный», имел высоту 12 м при диаметре 148 м, но его возвели уже над погребением 54 постмайкопского времени (Rezepkin, 2000).

Большие курганы типа 1 появились на раннем этапе майкопской культуры (галюгаевско-серегинский вариант) и продолжали сооружаться на ее позднем этапе (долинский вариант). Большие курганы типа 2 – фиксируются преимущественно на позднем этапе (долинский, новосвободненский варианты) (Кореневский, 2004). Но информации о них еще недостаточно.

Сооружение большого кургана явно требовало концентрации работ крупных человеческих коллективов. Исходя из предложенных рассуждений создание малого кургана высотой 1 м и диаметром 20 м могло потребовать 150–160 м³ грунта и занять, по нормам древних землекопов, примерно 26 (52) рабочих дней. Условная группа в 100 человек такой курган могла насыпать за день без труда.

Для возведения больших майкопских курганов общество тратило усилий в 4–5, а то и в 28, раз больше, чем на насыпку небольшого кургана высотой до 1 м. В то же время кажется нереальной мобилизация усилий для создания одной насыпи с высотой 10 м и выше, с затратами в 240–250 раз более, чем для возведения малого кургана ($6586 : 26 = 253$).

Объем трудозатрат на сооружение больших майкопских курганов любопытно сопоставить с теми же показателями строительства курганов южнобугского варианта ямной культуры. Н. В. Довженко и Н. А. Рычков выделяют первую группу курганов с совокупными трудозатратами от 2000 до 4861 м³ и трудозатратами для возведения насыпей от 545 до 1214 человеко-дней. Вторая группа характеризуется трудозатратами от 58 до 2000 м³. Она требовала на возведение каждого кургана от 64 до 400 человеко-дней (Довженко, Рычков, 1988. С. 39). Первая группа курганов вполне сопоставима с данными о трудозатратах на возведение отдельно взятой одной насыпи больших майкопских курганов. Эта сопоставимость расчетов позволяет думать, что трудозатраты общества майкопской культуры на строительство своих масштабных погребальных памятников были не уникальными явлениями, а вполне реальными случаями организации больших земляных работ своего времени.

В настоящее время практически невозможно установить, сколько же человек могло насыпать курган и за какое время⁴. Ясно одно, сооружение боль-

⁴ В. Л. Ростунов придерживается иного мнения и считает, что определить конкретное число участников строительства кургана реально. Но методику такой операции вряд ли можно признать оправданной. Так, сначала В. Л. Ростунов определяет время, за которое был насыпан курган 3 у с. Брут. При этом он отталкивается от предположения, что оси ориентировки первых насыпей этого памятника были ориентированы строго на восход солнца, дату которого можно вычислить. Она соответствует 26–27 февраля. Отклонение оси верхней насыпи указывает иную дату восхода солнца – 12–13 марта. Разница, таким образом, между этими числами составляет около двух недель. Далее объем трудозатрат в кубатуре грунта делится на время (14 дней), и получается количество человек – около 170. Более того, высчитывается и количество всего майкопского населения района, т. е. Цалькского плато. Для этого используется процент мужского населения к общему по таблице Демографического энциклопедического словаря (М., 1985). Получается цифра около 4000–5000 человек (Ростунов, 2004. С. 33, 34).

На мой взгляд, такие рассуждения, мягко говоря, неправомерны. Так, нет гарантии, что длинные оси погребения и первых насыпей брутского кургана ориентировались именно на восход солнца. Ориентация по оси ЮВ–СЗ была вообще типична для ранних

шого кургана майкопской культуры было масштабным и сложным мероприятием, которым руководили культовые и административные лидеры общества. Эта работа требовала специальных трудозатрат и знаний об архитектуре таких земляных насыпей. Особой отраслью в погребальном ритуале стало изготовление каменных конструкций – гробниц, весьма массивных каменных сооружений.

Думается, что захоронение лидера могло собирать десятки и сотни людей без особого труда. Даже сейчас престижные похороны родственника или общественного лидера могут рассматриваться как особо массовое мероприятие. В этнологии известны впечатляющие примеры. Так, на похороны бигмена йкутсов (Калифорния) съезжалось 2400 человек (Семенов, 1993. С. 371, 372). Поминки при таком стечении людей становились крайне сложным социальным и экономическим мероприятием. Но их престиж был крайне важен для родственников. А посмертная трудоотдача могла быть своего рода компенсацией умершему бигмену или чифмену за его покровительство и помощь при его жизни.

Есть несколько гипотез, объясняющих сам феномен возникновения курганной насыпи. Наиболее значимые из них связаны с гипотезами о роли кургана как маркера родовой территории, символа небес (Белов, Ляшко, 1991. С. 29). В обществе майкопской культуры эти факторы явно могли иметь место. Но курган у майкопских племен дополнительно стал превращаться в культовый символ, связанный как с религией, так и социальным маркером престижа элиты общества. На примере больших курганов майкопской культуры мы фиксируем разные культовые идеи, воплощенные в символику курганных насыпей.

Большие майкопские курганы имели различные формы насыпей: сферическую, овальную, с плоской вершиной, фигурную трапециевидной формы, на вершину которой вел подъем в виде спирали.

Сферическая насыпь кургана, как известно, имела широкое распространение. Насыпь овальной формы в виде правильного эллипса пока выглядит как уникальное явление, зафиксированное в кургане 3 у с. Брут. Эллипсоидность насыпи в нем четко связана с удлиненной формой ямы по правилу симметрии прямоугольных и овальных фигур. Согласно этому правилу, квадрат соответствует кругу, а прямоугольник – правильному эллипсу. Как такое совпадение может быть объяснено – однозначно сейчас ответить трудно.

Большие майкопские курганы с плоской вершиной, превращенной в площадку, помимо заманкульского кургана 2, известны в урочище Клады: курган G и перекрывший его гигантский курган 11. Плоская площадка известна и в

майкопских памятников в Северной Осетии. А вот в Черкесии (Усть-Джегутинский могильник) она иная, по оси ЮЗ–СВ. Причины канонов таких ориентировок неизвестны. И сами ориентиры для них могли быть разные – звезды, луна, некие метки на поверхности рельефа и т. д., не только солнце. Поэтому цифры подсчета количества людей, насыпавших курган, сделанного с таким количеством допущений, не оправданы. А отсюда и все дальнейшие подсчеты. Калькуляция населения майкопской культуры на Цалыкском плато вообще выглядит необоснованной. К научным рассуждениям она отношения не имеет. При чем тут современное понятие Цалыкского плато и майкопское население в Предкавказье?

насыпи огромного Нальчикского кургана. Она имела диаметр 30 м, была утрамбована, и на ней отмечены следы золы и углей (Чеченов, 1973. С. 8). То есть признаки культовых действий на плоской площадке Нальчикского кургана весьма вероятны.

Заманкульский курган 2 с пирамидальной конструкцией насыпи 1 был снабжен винтовым подъемом на плоскую вершину. Последний предполагал использование памятника как места для восхождения на него людей, надо полагать, с культовыми целями. Его ширина составляла 3–4 м, а плоская вершина равнялась 8–10 м.

Примечательным элементом больших и малых майкопских курганов являлась серповидная выкладка. Она встречена в кургане 3 у с. Брут. Аналогии ей можно увидеть в серпообразной выкладке из камня в кургане 1 Кишпекский группы 2 и каменной серпообразной выкладке кургана 11 Сунженского могильника (раскопки П. К. Козаева) (Козаев, 1998; Кореневский, Ростунов, 2004).

Большие курганы могли возводиться без кромлеха или обноситься им. Кромлехи курганов 1 и 2 у с. Заманкул были сделаны из речного булыжника. Камни для их строительства доставлялись из разных мест (Ростунов, 2004. С. 32). Символика кромлеха в силу этого выглядит более сложной, чем просто как оградительная магическая линия. В нее включались объекты, имеющие отношение к магии сил воды, плодородия и очищения, в образе речной гальки. В противном случае использовать могли и иные камни без разбора.

В целом земляная архитектура больших майкопских курганов позволяет акцентировать два сюжета.

Во-первых, наблюдается большая преемственность в символике насыпей и конструкций больших курганов между памятниками раннего галюгаевско-серегинского варианта МНО и большими курганами поздних вариантов долинского и новосвободненского. Это может говорить о близости культовых идей элиты майкопской культуры в маркировке престижа похорон своих лидеров на всем протяжении ее существования, не исключая, конечно, специфики поздних памятников в виде каменных гробниц под курганами. В качестве примечания к этому тезису отмечу, что пока трудно объяснить, но тем не менее надо принять как факт отсутствие больших курганов над могилами псекупского варианта МНО.

Во-вторых, особенность земляной архитектуры больших майкопских курганов не предполагала увековечить для обозрения «на века» сложные фигуры сооружаемых насыпей в виде холмов с плоскими вершинами, эллипсов или храмоподобных трапеций. Все эти постройки засыпались, не успев оплечь, самими же майкопцами, продолжая выполнять, по их представлениям, надо думать, скрытую магическую роль. В этом отношении идеи, вкладываемые в земляную архитектуру, резко отличались от идей, воплощаемых в архитектуре камня или сырцового кирпича, как явлений мировой культуры первобытности. Ведь последние предназначались именно для обозрения своих форм поколениями людей.

Для возведения «больших курганов» майкопцы использовали специальные знания. Об этом говорит сложная архитектура больших майкопских курганов, четкая симметрия их конструктивных деталей, очевидный порядок положе-

ния прослойки грунта. Как отмечалось выше, в их строительстве имела место фиксация геометрического центра, совпадающего с геометрическим центром захоронения памятника. Все эти особенности конструкторских технологий прослеживаются на примерах курганов у с. Заманкул и Брут. Они допускают предположение о наличии у авторов особых знаний геометрии простых фигур, как, например, понятия круга, правильного эллипса, треугольника Пифагора, ската поверхности с углом 30 °С.

Не исключено, что понятие симметрии фигур, о котором упоминалось выше, могло быть связано с культовыми верованиями, поскольку связь математики с религиозными представлениями в древности является хорошо известной. Она, например, включала магию чисел, также и толкование центра симметрии как наиболее подходящего места для устройства «оси небесной или оси мироздания» (Пенник, Джонс, 2000. С. 43).

Чрезвычайно важно отметить и другое. Намеренное использование черноземного грунта для сооружения насыпей этих курганов позволяет предположить особое отношение древних людей к плодородному слою почвы как к магической силе, обеспечивающей плодородие. В силу этого в черноземной насыпи могла заключаться идея плодородия и реинкарнации умершего. Последняя гипотеза иллюстрируется насыпями племен МНО других курганов средних и крупных размеров (например, курган 5 Нежинской 2 группы, Иноземцевский курган 1976 г.).

Символическими чертами также мог наделяться материковый (желтый) глинистый грунт. (Возможно, то была символика солнечного культа, ибо ассоциации желтого цвета с солнцем универсальны.) Так, глинистые прослойки ярко-желтого цвета покрывали черноземные насыпи кургана 3 у с. Брут. Мощная глинистая прослойка была отмечена в толще насыпи Нальчикского кургана (Чеченов, 1973. С. 8). Желтая прослойка, перекрывающая первую насыпь кургана 2 у с. Кишпек, имела толщину 5–7 см (Чеченов, 1984. С. 179). Желтая прослойка также была использована на финальном этапе сооружения кургана «серебряного» в урочище Клады⁵.

Косвенно большие курганы МНО позволяют предполагать, что их строительство могли осуществлять особые культовые лидеры, которым были присущи (хотя бы частично) жреческие функции. После исчезновения носителей культуры МНО идея сооружения кургана с плоской вершиной, черноземной насыпью и покрытием черноземного слоя материковой глиной фиксируется в последующие эпохи у племен с зарождающимися традициями дольменной архитектуры (курган 11 в урочище Клады, погребение 54), а также катакомбными

⁵ В. Л. Ростунов (2004. С. 34–39; 2005а. С. 237–240; 2005б. С. 267–278) в нескольких работах публикует одну и ту же трактовку эллипсоидных насыпей кургана 3 у с. Брут – как символа мирового яйца со всеми составляющими его частями: желтком, белком, скорлупой и даже пузырьком воздуха в виде серпообразной выкладки. Но такая интерпретация мне кажется неубедительной. Замечу, что эти статьи были написаны В. Л. Ростуновым во время его тяжелейшей болезни. Они не могут полностью характеризовать его творчество как крупного специалиста по проблемам куро-аракской культуры и памятникам эпохи средней бронзы в Северной Осетии.

обрядами захоронения на севере Ставропольского края (Большой Ипатовский курган) (Belinskij, Kalmykov, Korenevskij, Narke, 2000).

В целом феномен большого кургана впервые возник в обществе с развитой сферой материального производства, военизацией и наличием в погребальном ритуале престижных ценностей (культуры Кавказа и всего Старого Света IV тыс. до н. э.). Впоследствии идея курганов-гигантов как независимое явление встречается у различных племен и народностей предгосударственного уровня развития или в культурах, стоящих на рубеже государственности. Всех их объединяет одно – высокая военизация общества и необходимость для элиты оружием доказывать свое право на экономическое господство среди соплеменников и зависимого населения. Это был один из способов упрочения власти военных, духовных и административных лидеров в рамках престижа похорон, как части верований развивающейся религии Природы, хотя и не единственный или строго обязательный. В истории мировой культуры большой курган стал феноменом и культовым памятником элитарного стратифицированного общества на разных ступенях затянувшегося на тысячелетия предгосударственного периода народов Евразии, отражая возможность существования канонов особой элитарной культуры внутри общей культуры древних этносов.

Таблица 1. Расчет трудозатрат на сооружение некоторых больших и малых курганов

Памятник	<i>H</i>	<i>R</i>	<i>r</i>	<i>h</i>	<i>V</i> , м ³	<i>V_x-V_y</i> , м ³	РД1	РД2	Ф
Брут к. 3	1	12,4	8	3,4	704	704	117	334	1
«	2	14,5	10,4	5	1575	871	145	290	1
«	3	18,5	16	7,8	4825	3250	541	1082	1
«	4	27	16	8	7223	2398	399	798	1
Заманкул, к. 1	1	17,3	17,3	6	2912	2912	485	970	2
«	2	22	22	6	4642	1730	288	576	2
Заманкул, к. 2	1	22	22	5,7	4394	4394	732	1434	2
«	2	25	25	6	5962	1568	261	522	2
Малый курган	1	10	10	1	153	153	26	52	2
Большой курган	1	50	50	10	36 520	36 520	6586	13 172	2

Примечания. Формула 1: $V/2 = 4/3 p a b h$ – половина эллипса. Формула 2: $V/2 = 1/6 p (3 r^2 + h^2)$ – сегмент шара. РД1 – дневная норма насыпки грунта 6 м³. РД2 – ее расчет на рытье и насыпку грунта 2 людьми в рабочих днях. *H* – насыпи курганов; *R*, *r* – радиусы; *h* – высота; *V* – объем конкретной насыпи; *V_x* – общий объем нескольких насыпей; *V_y* – объем предыдущей насыпи. Ф – формула 1 или 2. Малый курган – абстрактно взятый объем кургана с высотой 1 м и диаметром 20 м, как стандарт небольшого кургана. Большой курган – отдельно взятый курган, как стандарт очень крупного памятника с высотой 10 м и диаметром 100 м (например, Большой Майкопский курган, Нальчикский курган).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева И. Л., 1976. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 8. Одесса.

- Белов А. Ф., Ляшко С. Н.*, 1991. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
- Биджиев Х. Х.*, 1980. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Довженко Н. Д., Рычков Н. А.*, 1988. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.
- Дьяконов И. М.*, 1990. Люди города Ура. М.
- Иессен А. А.*, 1950. К хронологии больших кубанских курганов // СА. № 11.
- Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.*, 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса.
- Козаев П. К.*, 1998. Отчет об археологических раскопках курганов у с. Сунжа Пригородного района РСО – Алания в 1993 году. Владикавказ.
- Корневский С. Н., Петренко В. Г.*, 1982. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. № 2.
- Корневский С. Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии). М.
- Корневский С. Н., Ростунов В. Л.*, 2004. Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.
- Корневский С. Н.*, 2005. Северная, кумо-маньчская периферия майкопско-новосвободненской общности // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Мунчаев Р. М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мусеибли Н.*, 2005. Позднеэнеолитические курганы Акстафинского района // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Мат. междунар. науч. конф. Баку.
- Пенник Н., Джонс П.*, 2000. История языческой Европы. М.
- Ростунов В. Л.*, 2004. К вопросу о приемах сооружения и семантике «больших майкопских курганов» Центрального Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир.
- Ростунов В. Л.*, 2005а. Новые данные об организации сакрального пространства кургана № 3 у с. Брут // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Ростунов В. Л.*, 2005б. К вопросу о семантике «больших» майкопских курганов Центрального Кавказа (по данным кургана 3 у селения Брут в Северной Осетии) // Структурно-семиотический сборник. Т. 2. Донецк.
- Семенов Ю. И.*, 1993. Экономическая этнология. М.
- Чеченов И. М.*, 1973. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик.
- Чеченов И. М.*, 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Шишлина Н. И.*, 2003. Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее Василия Алексеевича Гордцова: Тез. конф. М.
- Belinskij A., Kalmykov A., Korenevskij N., Harke H.*, 2000. The Ipatovo kurgan in the North Caucasian Steppe (Russia) // Antiquity. 74.
- Korenevskiy S.*, 2002. Phenomenon of a «big» kurgan of the Maikop culture and climate conditions of the Early Bronze Age in the Northern Caucasus // 8th EAA Annual meeting (24–29 September): Abstracts book. Thessaloniki.
- Tallgren A. M.*, 1911. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland // SMIA. XXV. Helsinki.
- Rezepkin A. D.*, 2000. Das frühbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Rahden/Westf. Bd. 10.

М. В. Андреева

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Характеристика археологических общностей эпохи бронзы, изучаемых по курганным погребальным памятникам, обязательно включает в себя описание преобладающей (часто – абсолютно доминирующей) ориентировки (ориентировок) погребенных относительно стран света, сохраняющейся неизменной на огромных степных пространствах и больших промежутках времени. Естественно, именно этот признак может считаться важнейшим индикатором стоящего за археологической общностью религиозно-идеологического и этнического единства. В последние годы, после выявления бинарности доминирующих ориентировок «соседних» в пространстве (западно- и восточноманычская) и во времени (восточноманычская и наследующая ей лолинская) катакомбных культур северокавказского региона, начинает осознаваться и социальный (дуальная организация) аспект заложенных в этом показателе интерпретационных возможностей (Кияшко, 2002. С. 78–80).

Имеющиеся сведения о преимущественных ориентировках погребенных в степных северокавказских курганах носителей ямной (головой на В), новотиторской (головой на З), северокавказской (головой на В), западноманычской (головой на С), восточноманычской (головой на Ю) и т. д. культур не могут быть подвергнуты сомнению, поскольку за ними стоят статистически подтвержденные (неважно – в какой степени эксплицитно) закономерности². Смена в катакомбную эпоху традиционных для раннего бронзового века степной полосы широтных ориентировок могильных конструкций (и, соответственно, восточной – в Северо-Восточном Предкавказье, и западной – в Северо-Западном Предкавказье ориентировок погребенных) на меридиональные (для тех же территорий, занятых памятниками восточно- и западноманычской культур, противопоставляются южное и северное направления) как явление эпохальное уже отмечено специалистами (Там же. С. 71–74). Еще одной важной инновацией данной эпохи стало использование диагональных – «промежуточных», по терминологии А. В. Подосинова (1999) – ориентировок (СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ). Ин-

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00204а.

² Мы оставляем за рамками данной статьи обсуждение сложной проблемы взаимоотношения археологически фиксируемых (как правило, по направлению головы) и культурно значимых ориентировок погребенных (например, по направлению лица или ног). Поскольку исследование строится на материале восточноманычской катакомбной культуры, очень близкой по основным характеристикам погребального обряда (форма могильного сооружения, поза погребенного, могильный инвентарь) к синхронной западноманычской катакомбной культуре, отметим, что погребенные обеих культур обращены лицом на З.

тересно, что позднее, в позднем бронзовом веке (варианты срубной КИО) статистически наиболее значимыми становятся именно диагональные ориентировки погребенных, в частности СВ³.

В целом, весь огромный объем накопленных данных об ориентировках могильных сооружений и останков в степных культурах бронзового века свидетельствует о том, что важнейшим элементом обряда была процедура ориентирования по странам света.

Существенно реже внимание исследователей привлекает изучение расположения комплексов в кургане – поскольку до настоящего времени объектом пристального внимания остаются именно погребения, а не курганы и тем более могильники. Более 30 лет назад в своей фундаментальной работе С. Н. Братченко указал на наличие круговой (круг, полукружие, дуга) планировки и отметил некоторые закономерности формирования этой структуры в насыщенных катакомбными погребениями курганах Нижнего Подонья (Братченко, 1976. С. 16–19). Наличие «дугобразной» планировки «микромогильников» из катакомбных (восточноманычских) погребений в курганах Ставрополя констатировал В. Л. Державин (1991. С. 74)⁴. Для степных культур эпохи бронзы, изучаемых по материалам погребальных памятников, осознана взаимосвязь ориентировки погребенных (и тесно связанной с ней ориентировки могильного сооружения) с местом в кургане (Мельник, 2003). Не подлежит сомнению, что процедура выбора места для совершения отдельного⁵ впускного погребения в большинстве случаев также представляла собой ориентирование курганной насыпи по странам света из центральной точки – вершины насыпи, теоретически находившейся на вертикальной оси, проходившей через центр основного погребения («ось мира»)⁶.

³ Имплицитно этот факт – ориентирование объектов по основным и диагональным направлениям – хорошо известен специалистам по курганной археологии среднего и особенно позднего бронзового века и широко используется для описания и систематизации материалов. Надо подчеркнуть, что описанная схема глобальной смены ориентировок не включает в себя погребальные традиции, присущие майкопско-новосвободненской общности раннего бронзового века, основное ядро которой находилось не в степной, а в предгорной полосе Северного Кавказа.

⁴ В Северо-Восточном Предкавказье для эпохи ранней бронзы (ямная и северокавказская культуры) известны 3 основных вида размещения однокультурных комплексов в курганах: 1) линейная планировка, при которой ориентированные в широтном направлении 2–3 могильные ямы располагаются по меридиональной оси; 2) круговая или «дуговая» планировка (3 и более погребений; редко); 3) изредка фиксируется перпендикулярное расположение могил основного и впускного погребений. В раннекатакомбный период отдельные впускные погребения начинают помещаться в полах курганов в разных направлениях от основного, без явных следов планировки.

⁵ Т. е. не входящего в состав «микромогильника», образованного двумя или несколькими расположенными рядом впускными погребениями.

⁶ В курганах эпохи бронзы достоверно зафиксированы три основные возможности последовательности создания кургана: 1) над одним основным погребением возводилась первоначальная насыпь, в которую или рядом с которой впускались остальные погребения с возможной следующей досыпкой насыпи; 2) одной насыпью перекрывалось

Безусловно, для степных скотоводов, с присущим им подвижным образом жизни, точность ориентации по странам света была важнейшей жизненной необходимостью во все исторические эпохи. Ориентирование объектов по странам света предполагает определение константных точек, позволяющих провести оси З–В и С–Ю, что было возможно на широких степных пространствах, занятых курганными могильниками, только с помощью наблюдения за движением небесных тел и использования простых инструментов. Процедура подобной ориентации в эпоху бронзы, возможно, была аналогична описываемой в древнеиндийской «Манасара-шилпашастре»: «Чтобы определить страны света, на поверхности воды устанавливается гномон с 12, 18 или 24 делениями, затем описывается круг с центром у основания гномона с радиусом вдвое больше его высоты. Отмечаются две точки, где тень гномона пересекается с линией круга до и после полудня. Линия, соединяющая эти две точки, есть линия восток – запад. От каждой из этих – восточной и западной – точек чертится круг размером в радиус. Две точки пересечения этих кругов, которые называются головой и хвостом рыбы, есть север и юг. Промежуточные страны света находятся тем же способом с помощью рыбы, получающейся между точками установленных четвертей» (цит. по: Подосинов, 1999. С. 117).

Данное исследование выполнено на основе базы данных, включающей сведения о 585 восточноманьчских комплексах (погребениях и кенотафах) из 248 курганов 27 памятников (курганных могильников) Калмыкии и Ставрополя⁷. Задачей работы являлось выявление общих статистических закономерностей распределения ориентировок могильных сооружений и погребенных, а также плотности заполнения секторов курганов по 8 географическим направлениям.

В катакомбах погребенный практически всегда укладывался параллельно входу (в выборке есть 3 случая перпендикулярного входу положения), в ямах –

сразу несколько погребений; 3) два (редко – более) погребения, перекрытых небольшими рядом стоящими насыпями, перекрывались затем общей насыпью. Соответственно, реально вершина насыпи («центр») не всегда находилась над единственным древнейшим основным погребением.

⁷ В 1960–1970-е гг. погребальные памятники эпохи средней бронзы Северо-Восточного Предкавказья были выделены из состава предкавказской катакомбной культуры в особую («элистинскую») группу (Мелентьев, 1969; Братченко, 1976), или особый стратиграфический пласт («хронологический горизонт») в многослойных курганах (Сафронов, 1974). В процессе дальнейшего накопления материала была осознана необходимость объединения вышеназванных памятников в рамках археологической общности, получившей название восточноманьчская культура или, по другой возможной номенклатуре, восточноманьчский вариант маньчской (предкавказской) катакомбной культуры. В настоящее время данная общность приблизительно датируется серединой – второй половиной III тыс. до н. э. (согласно имеющимся калиброванным радиоуглеродным датам).

В работе учтены материалы могильников: Архаринский, Восточный Маныч (левый берег) I, II, Веселая Роща I, II, III, Грушевка I, II, Ергенинский, Жуковский I, Китаевский, Красное Знамя II, III, Лолинский I, Сухая Падина I, Островной, Спасское, курган у детского лагеря «Тюльпан», Чограй I–VI, VIII, IX, Элистинский.

по (длинной) оси ямы, поэтому ориентировки погребенных сводились к 8 направлениям с учетом ориентировок могильных сооружений, в которых они находятся. Учитывая, что впускные восточноманычские комплексы отделяет от основных (позднеямных, северокавказских, раннекатакомбных, собственно восточноманычских) сравнительно небольшой хронологический интервал, а случаев досыпки насыпи при создании немногочисленных довосточноманычских впускных погребений не отмечено, за условный центр кургана нами всегда принимался геометрический центр могильной ямы (или входной шахты катакомбного могильного сооружения) основного погребения (сложные случаи курганов с несколькими основными погребениями не рассматривались). Из точки этого условного центра на плане кургана проводился азимут до центра могильной ямы или входной шахты погребения, заглубленного в материк; если дно могилы находилось в насыпи и контуры ее не прослеживались – до области грудной клетки скелета, лежавшего в традиционной позе – на левом боку, скорченно. В последнем случае можно предполагать, что из-за сыпучей структуры грунта насыпей основным видом не доведенных до материка могильных сооружений были ямы⁸.

Могильные сооружения восточноманычской культуры представлены двумя основными видами выявленных в материке конструкций – катакомбами (61,5%) и ямами (37,4%) (рис. 1). Обращает на себя внимание близкое сходство распределения ориентировок могильных конструкций (ям и входных шахт катакомб) в материке (рис. 2)⁹.

Сходство состоит, во-первых, в доминировании основных ориентировок, преимущественно меридиональных, над диагональными, и, во-вторых, в существенном перепаде между меридиональными и широтными ориентировками – с одной стороны, и приблизительно одинаковой представленностью двух видов диагональных ориентировок – с другой¹⁰. Несмотря на то что соотношение ям и катакомб в различных памятниках может варьировать очень существенно¹¹,

⁸ Во всех случаях определения ориентировок учитывалось среднее значение магнитного склонения (6,2 °С к В).

⁹ Из-за разной степени сохранности объектов и некоторых пробелов в полевой документации здесь и далее число учтенных комплексов по тому или иному показателю может быть различным.

¹⁰ Ориентировка входных шахт, имевших квадратную (46 случаев) и круглую (9 случаев) форму, по 4 осям не определялась. Квадратные шахты ориентированы, главным образом, по основным направлениям (36 случаев).

¹¹ В общей выборке имеются 8 статистически представительных (с числом восточноманычских комплексов 25 и более) памятников: Архаринский, Восточноманычские Левобережные I и II, Веселая Роща III, Ергенинский, Чограй II и VIII, Элистинский. Для курганных памятников, расположенных на Ставропольской возвышенности, характерно преобладание катакомб (например, в выборке «Веселая Роща III» учтены 41 восточноманычское погребение в катакомбах и всего 3 – в ямах); в памятниках Восточного Маныча и Калмыкии число восточноманычских погребений в ямах возрастает весьма существенно, в отдельных памятниках число катакомб и ям приблизительно равно (например, выборка «Восточный Маныч II, левый берег» содержит описания 36 катакомб и 35 ям).

преобладание основных ориентировок, главным образом С–Ю, характерно для всех представительных памятников. Нормативной является и С–Ю ориентировка основных погребений (до 80%).

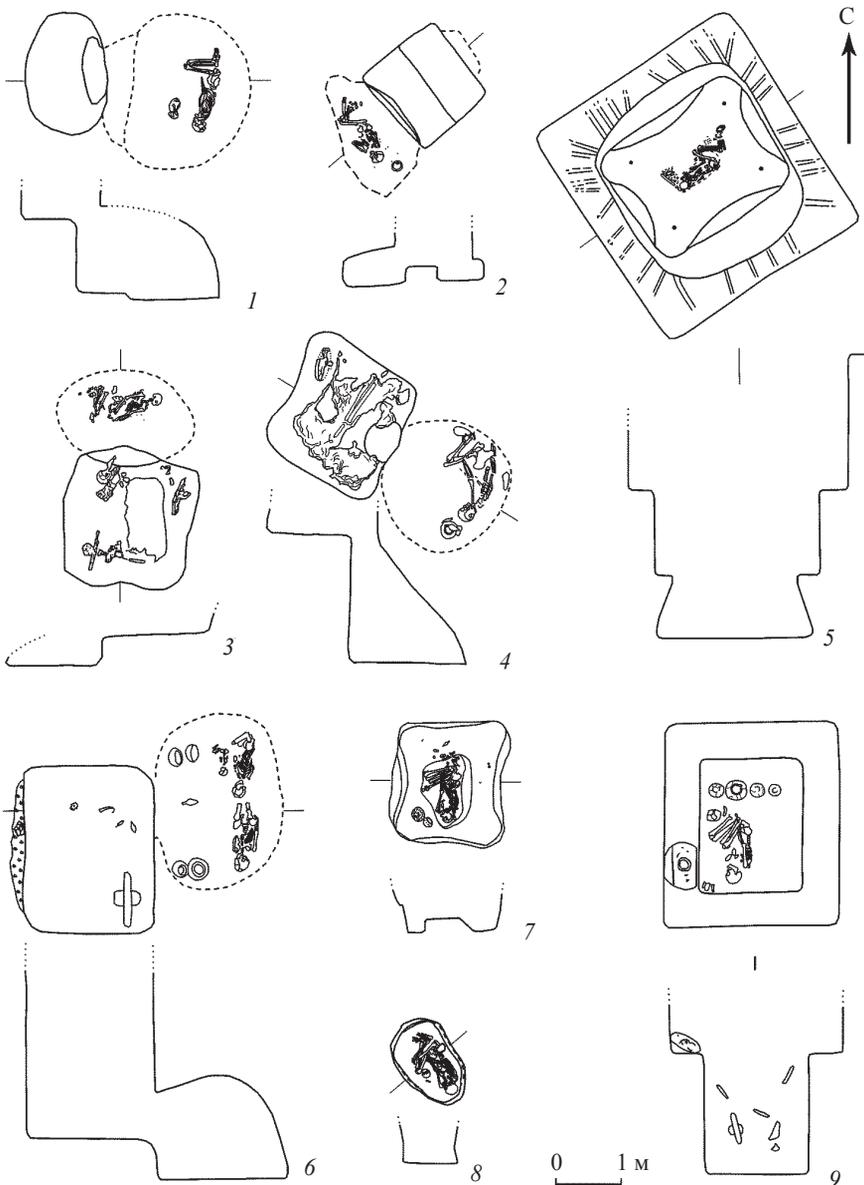

Рис. 1. Могильные сооружения восточноманычской культуры

1 – Чограй VIII, к. 30, п. 9; 2 – Чограй II, к. 10, п. 3; 3 – Веселая Роща III, к. 15, п. 9; 4 – Чограй VIII, к. 30, п. 2; 5 – Зунда Толга, к. 1, п. 1; 6 – Лола I, к. 4, п. 8; 7 – Чограй IX, к. 9, п. 4; 8 – Чограй IX, к. 9, п. 7; 9 – Архаринский, к. 28, п. 5

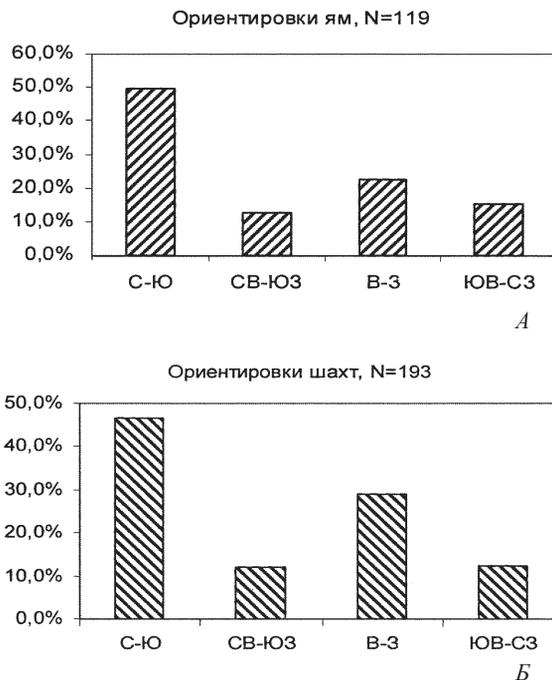

Рис. 2. Распределение ориентировок могильных ям (А) и входных шахт (Б) в материке

Яркой инновацией, внесенной носителями восточноманычской погребальной традиции в практику курганных захоронений, стало размещение части погребений в насыпи кургана, выше материка и древнего горизонта, что ранее не практиковалось (исключения – единичны) на изучаемой территории. Поскольку для погребений, не заглубленных в материк, обычно не прослеживается могильное сооружение, у нас есть возможность сопоставлять в материке и насыпи ориентировки только самих погребенных (рис. 3–4)¹².

На диаграммах видно ожидаемое близкое сходство ориентировок (главным образом южных и восточных) погребенных в ямах и катакомбах в материке и явное отличие их от ориентировок погребенных в насыпи, в которых широко представлены диагональные направления (доминирует юго-восточное, явно подчеркнуто и юго-западное), но все же большую роль играет и южное.

Соотношение количества погребений в материке и насыпи может меняться от памятника к памятнику, однако стандартная структура ориентировок могильных сооружений и указанное различие ориентировок погребенных в материке и насыпи стабильно наблюдается и в них¹³.

¹² При отсутствии данных о могильном сооружении (в насыпи) в 15% случаев определить ориентировку из-за плохой сохранности и погрешностей фиксации было затруднительно.

¹³ Количество погребений в насыпи может быть как крайне незначительным (в выборке «Веселая Роща III» на 44 материковых погребения приходится всего 3 погребения

Ориентировки погр. в ямах N=118

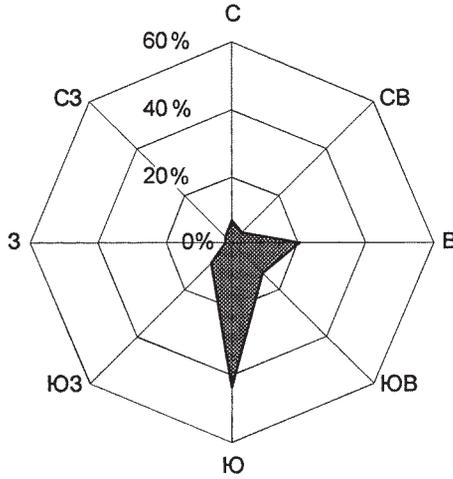

Рис. 3. Ориентировки погребенных в ямах

Таким образом, можно говорить о существовании пропорциональной структуры ориентировок могильных сооружений и погребенных в материке, проявляющейся на уровне отдельных памятников и во всем массиве погребений, а также об отличии этой структуры от распределения ориентировок однокультурных погребений в насыпи.

Следует отметить, что практически весь массив восточноманычских погребений и кенотафов¹⁴ – это впускные комплексы (88% комплексов) в курганы более раннего (довосточноманычского) времени (71% курганов). Характерной чертой восточноманычской погребальной традиции являлась низкая средняя плотность погребений в кургане (2,36 в нашей общей выборке). В эпоху ранней бронзы плотность погребений в курганах была еще ниже, чаще всего курганы содержали только основные погребения. Этот показатель несколько увеличился в раннекатакомбное время, непосредственно предшествовавшее восточноманычской культуре. Интересно, что в курганах, заложенных в восточноманычское время, средняя плотность впускных погребений была существенно ниже, чем в курганах более древних (1,38 против 2,35). Поэтому можно констатировать, что выбор места для могилы даже в пределах большинства уже существовавших насыпей не был затруднен скученностью погребений и определялся по отношению к центру насыпи, в нашем случае чаще всего совпадавшему с основным погребением.

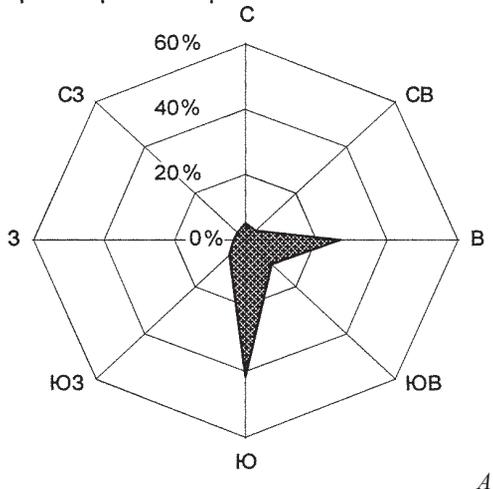
Основная масса впускных восточноманычских погребений в полах кургана находилась на расстоянии 3–8 м от центра. В центральную часть кургана, помимо основных погребений, попадало небольшое число (6% выборки) впускных

в насыпи), так и почти равным число материковых погребений (в выборке «Элистинский») учтено 36 материковых погребения и 32 погребения в насыпи).

¹⁴ Кенотафы составляют 10% общей выборки восточноманычских комплексов.

комплексов, для которых направление, в силу близости к центру, не определялось (группы «центр – основные» и «центр – прочие» в приводимых ниже выборках) (рис. 5; 6).

Ориентировки погр. в катакомбах N=222

Ориентировки погр. в насыпи N=135

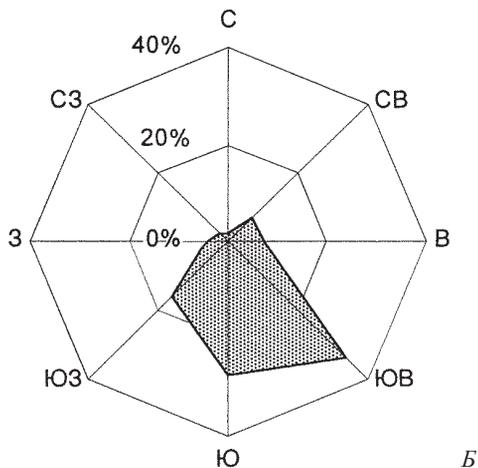

Рис. 4. Ориентировки погребенных в материке (в катакомбах, А) и в насыпи (Б)

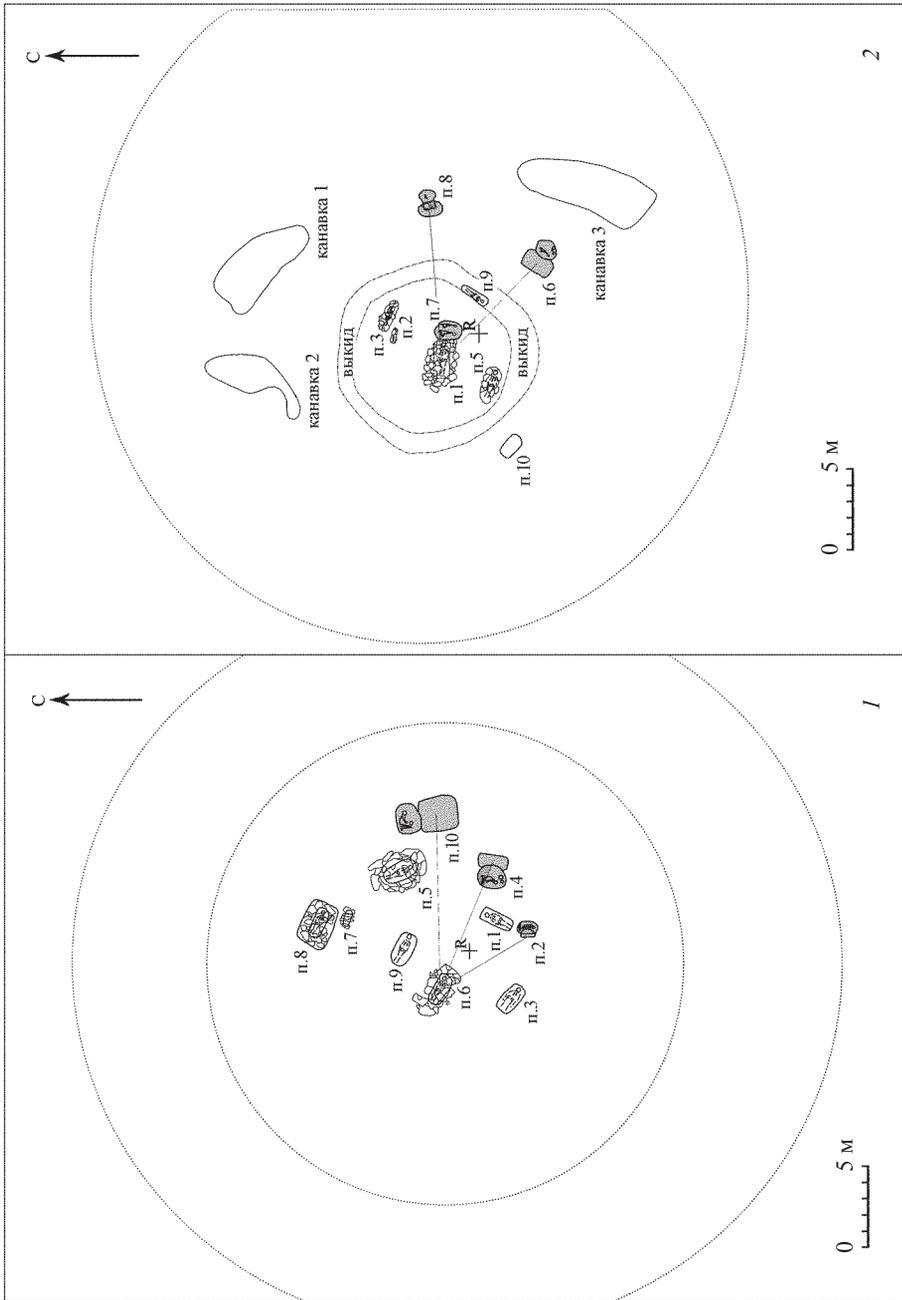

Рис. 5. Планы курганов могильника Веселая Роща III (Центральное Ставрополье):

1 – курган 5; 2 – курган 6

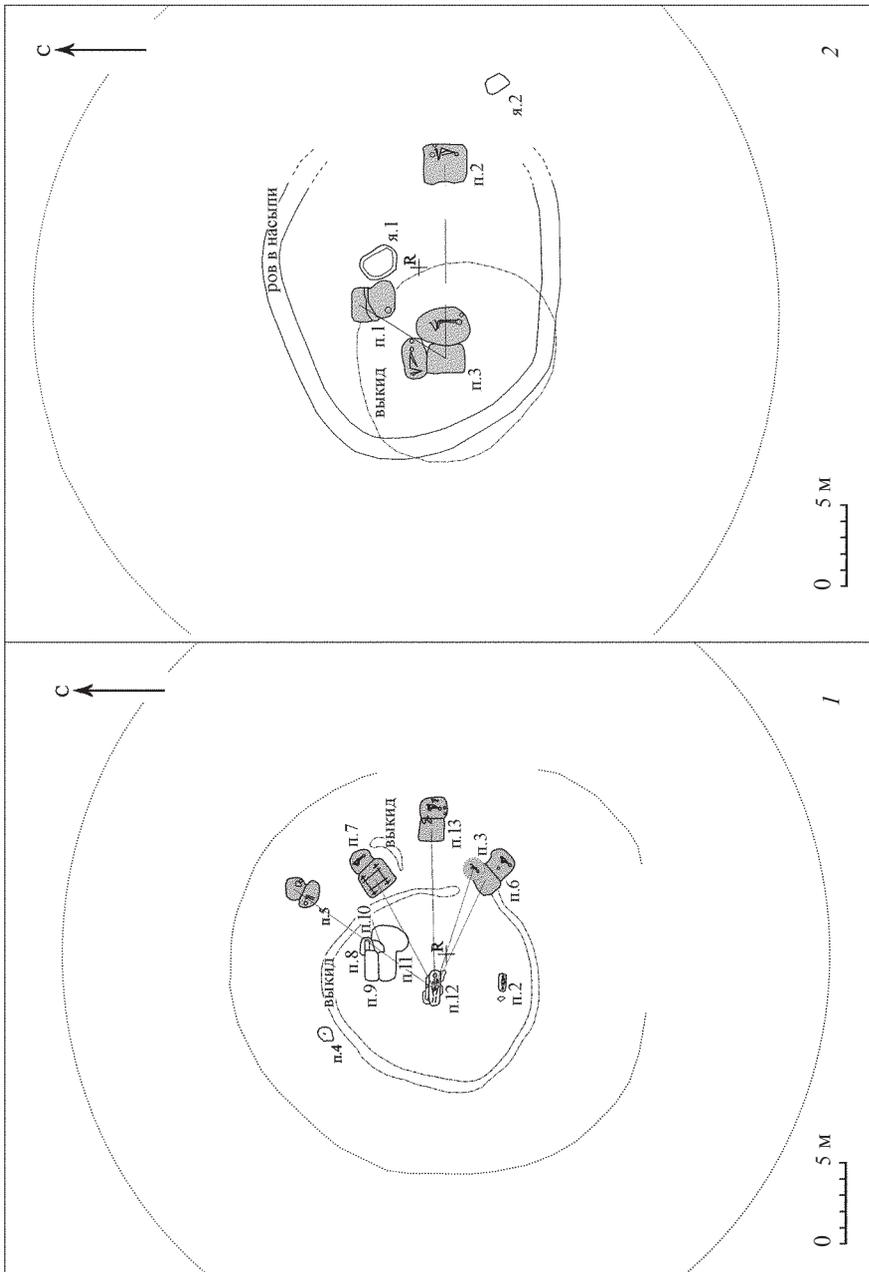

Рис. 6. Планы курганов могильника Веселая Роща III (Центральное Ставрополье):

1 – курган 7; 2 – курган 23

При анализе планиграфического размещения комплексов в общей выборке и на отдельных памятниках было выявлено следующее устойчивое распределение (рис. 7).

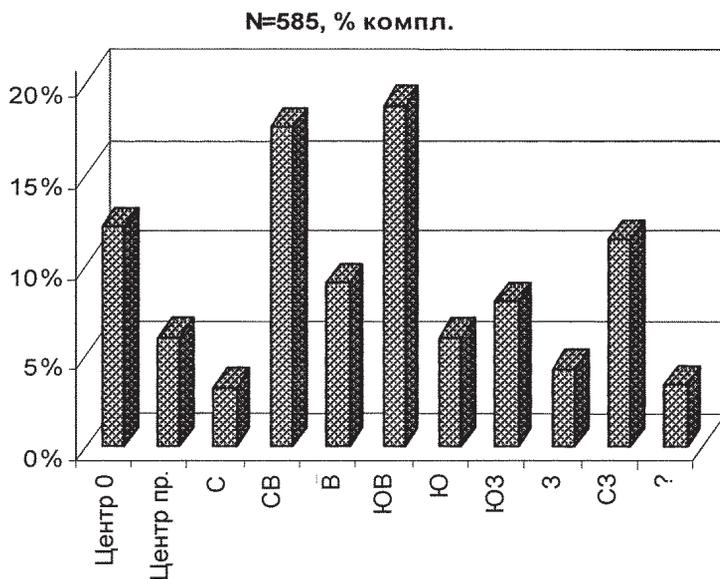

Рис. 7. Распределение массива погребений по месту в кургане

Заметную роль играет центр (18,12%, в том числе 12,14% – основные комплексы). Основную «нагрузку» несут диагональные сектора (55,89%), при явном доминировании восточной полы.

Рассмотрим, как размещаются комплексы отдельно в материке и насыпи по секторам курганов (рис. 8).

Прежде всего заметим, что пропорциональное соотношение количества материковых погребений и погребений в насыпи в курганах с восточноманычскими и более ранними основными погребениями остается неизменным – приблизительно 2:1 (реально 2,14–2,17:1). Поскольку восточноманычские погребения гораздо чаще впускались в более древние курганы, общая выборка в основном отражает именно свойственное им распределение. Курганы с основным восточноманычским погребением дают другую картину. Материковые погребения («А») симметрично (без сдвига на восток) распределяются по основным направлениям, диагональные направления явно преобладают (соотношение приблизительно 2:1), максимально загружен СВ сектор. Распределение весьма похоже на распределение погребений в насыпи в курганах с основным довосточноманычским («Г») (возможно, и более того – в восточной поле они симметричны относительно оси З–В). Напротив, диаграммы распределения комплексов по секторам курганов «В» и «Б» приблизительно симметричны относительно оси С–Ю (тенденция смещения комплексов на В на первой и на З на второй).

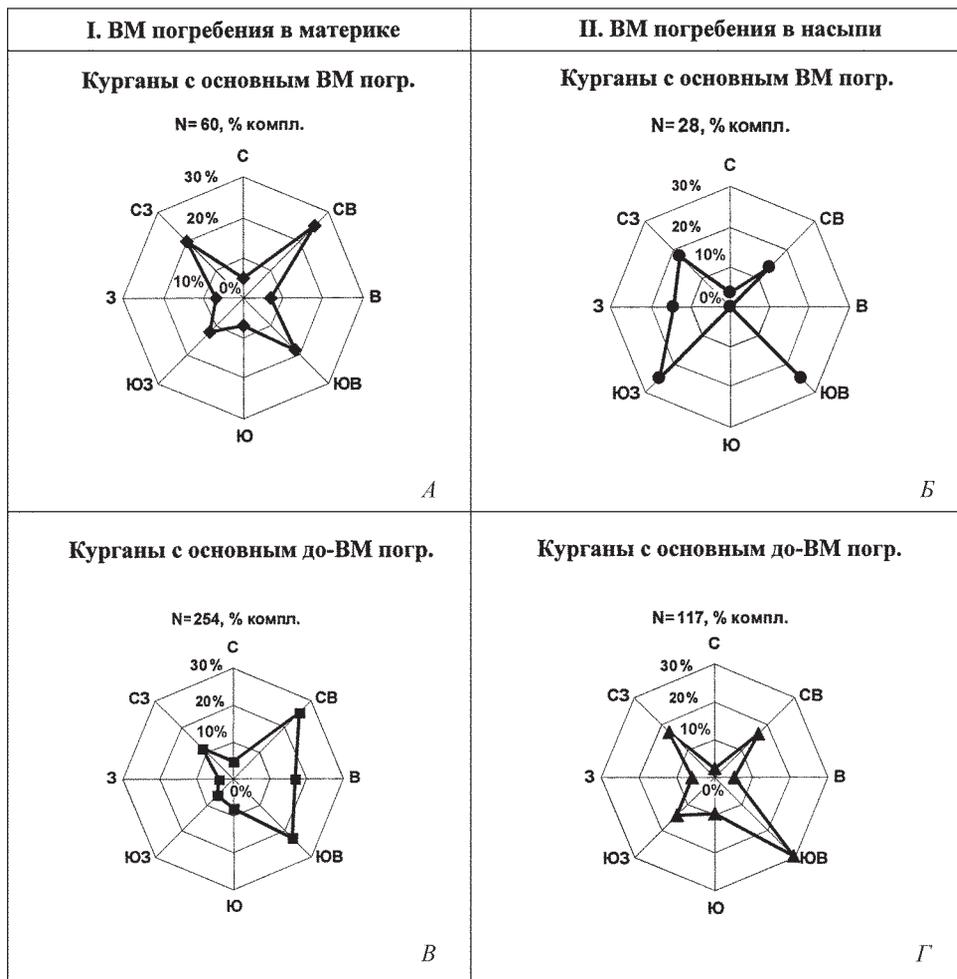

Рис. 8. Размещение впускных погребений в кургане

Таким образом, распределения оказываются связаны между собой попарно¹⁵. В результате в организации курганного пространства отчетливо выделяются два «яруса» размещения погребений – нижний (материк) и верхний (насыпь), различающиеся не только по преобладающим ориентировкам погребенных, но и по преимущественному заполнению секторов кургана.

Как уже отмечалось, для материковых катакомб и ям характерна ориентировка по основным направлениям (преимущественно меридиональная), однако в диагональных секторах конструкции в заметном числе (до 30%) случаев

¹⁵ Наименее уравновешенной выглядит последняя упомянутая диаграмма («Б»): полностью отсутствуют восточное и южное направления, максимально представлены юго-восточное и юго-западное (данная конфигурация не очень показательна из-за малого размера выборки, всего 28 погребений).

разворачиваются в диагональном направлении (чаще всего – перпендикулярно радиусу кургана, изредка – по радиусу). Случаи помещения диагонально ориентированных конструкций в основные сектора кургана единичны и достоверность их вызывает сомнения. Обращают на себя внимание идентичные корреляции признаков «место в кургане» – «ориентировка погребенного» для материковых ям и катакомб и отличие обеих групп от погребений в насыпи (табл. 1–3).

Таблица 1. Ориентировки погребенных в катакомбах (в материке)

Место в кургане	Ориентировки погребенных в катакомбах (в материке)													Всего:
	0	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	С-В	В-З	ЮВ-В	?	
Ц осн.	2			11	2	20	4				1		2	42
Ц проч.	1			2	1	8								12
С	3			4		3		2						12
СВ	3		4	11	9	14	2	2	4				4	53
В	2	2	1	9	2	11							2	29
ЮВ	4	8	1	4	3	18	4	1	2			1	1	47
Ю	1		1	7		3	2							14
ЮЗ	1			3	6	6								16
З	2					4								6
СЗ	5	1	1	8		4	1	2						22
?	1		1		1	1		1		1			1	7
Всего:	25	11	9	59	24	92	13	8	6	1	1	1	10	260

Таблица 2. Ориентировки погребенных в ямах (в материке)

Место в кургане	Ориентировки погребенных в ямах (в материке)												Всего:
	0	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	В-З	?		
Ц осн.	3	2	1	3		14	2					3	28
Ц проч.	2			2		5	2						11
С						3							3
СВ	2	2	1	2	8	7	2		2	1			27
В	4			3		8		2				1	18
ЮВ	6	1	1	4		5	1		1			3	22
Ю	2			3		3						2	10
ЮЗ		1		1	3	2							7
З	3	1		1	1	1							7
СЗ	4	1	2	4	3	2	2					2	20
?	6			1		1	1					1	10
Всего:	32	8	5	24	15	51	10	2	3	1		12	163

Таблица 3. Ориентировки погребенных в насыпи

Место в кургане	Ориентировки погребенных в насыпи										Всего	
	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	В-З	ЮВ-ЮЗ		?
Ц проч.		1		2	7						3	13
С			1	1			1				1	4
СВ			2	7	6	3	1				4	23
В				1	2		1	1			1	6
ЮВ		4	3	9	7	13	1				4	41
Ю	1			6	1			1			2	11
ЮЗ		2	3	8	5	2		1	1	1	1	24
З	1			3	4	1	1				1	11
СЗ		2	1	9	5	3	1				4	25
Всего:	2	9	10	46	37	22	6	3	1	1	21	158

Все три выборки тем не менее связаны между собой благодаря традиции хоронить умерших головой на Ю – четко выраженной в материковых погребениях и несколько смазанной, за счет преобладания ЮВ направления, в погребениях в насыпи. В последнем случае, однако, система размещения, свойственная материковым захоронениям (впускное погребение или ориентируется по основным направлениям, воспроизводя ориентировку основного погребения, или разворачивается в диагональном направлении перпендикулярно радиусу, соотносясь тем самым с отмеченным основным погребением центром) претерпевает деформацию – большее число погребенных головой на ЮВ ложится в основные сектора или в диагональные (ЮВ, СЗ), но вдоль радиуса.

Основные выводы. Наличие предшествующих культурных пластов в курганах незначительно (из-за низкой плотности погребений) сказывалось на планиграфическом порядке расположения восточноманьчжских захоронений. Размещение последних подчинялось определенной системе, которая реализовалась в каждом отдельном кургане лишь частично и может быть реконструирована при статистическом изучении значительного массива комплексов/курганов. Знаковую основу описанной системы составляли статистически маркированные бинарные оппозиции ориентировок по странам света, которые на современном языке обозначаются как «**основная**» – «**диагональная**», «**меридиональная**» – «**широтная**», «**южная**» – «**северная**», «**восточная**» – «**западная**».

Представляется, что в целом система размещения является материальным воплощением нескольких взаимосвязанных пространственных кодов: *географического* (ориентация по странам света), *антропоморфного* (структурирование пространства могильной камеры вокруг останков с помощью оппозиций «**левый**» – «**правый**», «**передний**» – «**задний**», «**верхний**» – «**нижний**») и, возможно, *артефактного* (соотнесенность погребальных сооружений с «кровом»-повозкой и/или планиграфией стойбища).

Поистине всеохватная роль географического кода в культурах древности детально представлена в обстоятельной монографии А. В. Подосинова (1999). Ранее Э. Лич особо подчеркнул фундаментальный характер пространственного моделирования социальных отношений для человеческой культуры в целом, отметив, что «чем однообразнее контекст реального территориального пространства, тем более жесткой и искусственной оказывается модель» (Лич, 2001. С. 66). Материалом для последнего заключения послужили наблюдения над организацией внутреннего пространства монгольской юрты. Если учесть в этой связи, что погребальные памятники восточноманычской катакомбной культуры также оставлены именно степным скотоводческим населением, «жесткость и искусственность» выявленной модели не кажется удивительной. Присутствие в курганах захоронений индивидуумов всех возрастных групп и обоих полов позволяет полагать, что перед нами родовые кладбища. Соответственно, географический код, вероятно, в первую очередь выполнял роль классификатора семейно-социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
Державин В. Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
Лич Э., 2001. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. М.
Мелентьев А. Н., 1969. Погребения эпохи бронзы в Задонье // КСИА. Вып. 115.
Мельник В. И., 2003. Ориентирование погребенных в связи с их позой и расположением в курганах эпохи бронзы европейских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М.
Подосинов А. В., 1999. Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.
Сафронов В. А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения НМС по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Т. VII.

Е. В. Волкова

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НОВИНКИ 1 И 2. ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Фатьяновский грунтовый могильник Новинки 1, расположенный примерно в 2 км от д. Новинки (Калининский р-н Тверской обл.), открыт в 1990 г. экспедицией Тверского государственного объединенного музея под руководством И. Н. Черныха. Вещи фатьяновского погребального инвентаря были обнаружены на узкой полосе между грунтовой дорогой и рыбообразным прудом. Здесь

в 1990 г. были заложены раскопы на двух участках (№ 1, 2). В последующие годы работы велись на участке 1 и на участках 3, 4, расположенных недалеко от участка 2 и объединенных затем в один участок 2–4. Кроме того, на этой же узкой полосе между грунтовой дорогой и рыбообразными прудами в 1993 и 1994 гг. в местах обнаружения фатьяновских вещей были разбиты еще два раскопа. Ввиду их значительной удаленности от участков могильника Новинки 1, погребения на этих раскопах отнесены к другому могильнику – Новинки 2.

Как показали исследования геолого-геоморфологической ситуации на этой территории, проведенные Ю. А. Лаврушиным, в древности могильники располагались на плоской возвышенности, которая представляла собой берега озера (Лаврушин, 2001. С. 45–50). В настоящее время это низкий, подтапливаемый берег прудов, частично нарушенный карьерами, сделанными при строительстве дороги.

В первые годы работы на могильниках имели преимущественно охранной характер, т. е. велись в местах сильно поврежденной современной поверхности, а позднее они были направлены на обнаружение границ могильных групп каждого участка, а также посвящены исследованию местности между участками 1 и 2 могильника Новинки 2. С этой целью на наиболее высокой площадке между участками был заложен небольшой раскоп (участок 3). Оказалось, что эта возвышенность образовалась в результате рекультивации карьера. Тем не менее в нижней части бульдозерного перекопа на небольшом расстоянии друг от друга были найдены: скопление фрагментов от одного фатьяновского сосуда, каменный сверленный топор и кремневый наконечник стрелы. Судя по следу бульдозерного ковша, все эти вещи были принесены сюда откуда-то с юго-востока.

Работы на могильниках велись с 1990 по 1994 гг. и продолжались в 1999 и 2000 гг. В результате была вскрыта площадь 2624 м², на которой раскопаны два участка на могильнике Новинки 1 и три участка на могильнике Новинки 2. Расстояние между участками могильника Новинки 1 около 200 м, между тремя участками могильника Новинки 2 – 40 и 100 м, а между самими могильниками – около 400 м (рис. 1).

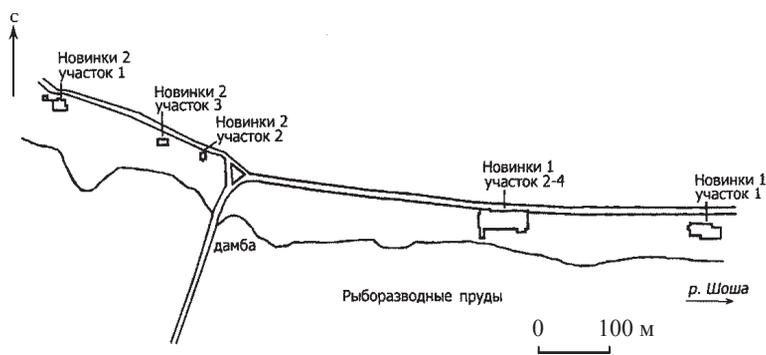

Рис. 1. План-схема расположения всех исследованных участков могильников Новинки 1 и 2

Цель данной статьи – выяснить, какое количество фатьяновских могильников могло существовать в прошлом на исследованной территории, и дать их

историко-культурную характеристику. Это предполагает решение следующих задач: во-первых, определение степени завершенности работ на могильниках и степени их сохранности; во-вторых, реконструкцию традиций погребального обряда населения, оставившего могильники; в-третьих, выяснение относительного времени их функционирования.

Начнем с первого вопроса. На площади 636 м² участка 1 могильника Новинки 1 раскопаны 4 могильные ямы (рис. 2, *а*). Северная и восточная границы этой могильной группы выявлены раскопом, южная граница нарушена карьером и подтоплена прудом, западная – также разрушена карьером. Таким образом, древние и современные границы могильной группы выявлены полностью. Из четырех раскопанных здесь могильных ям только одна сохранилась целиком. Южные части двух могильных ям повреждены карьером, а могильная яма одного погребения (№ 1) срезана бульдозером так, что ориентировка самой ямы, ее первоначальные размеры и количество погребений в ней не могут быть строго установлены (Волкова, Ланцев, Черных, 1994. С. 76–81). По моему мнению, здесь были зафиксированы не остатки внутренней погребальной конструкции, а след от бульдозера, который примял и растащил тлен дна погребения и конструкции. Скорее всего, эта могильная яма не имела таких грандиозных размеров (600 × 400 см), как предполагалось вначале, и не была ориентирована по линии В–З. Возможно, данная группа включала в себя большее количество погребений, но часть из них не сохранилась, и поэтому можно утверждать, что она раскопана полностью. Площадь сохранившейся могильной группы составляет примерно 400 м².

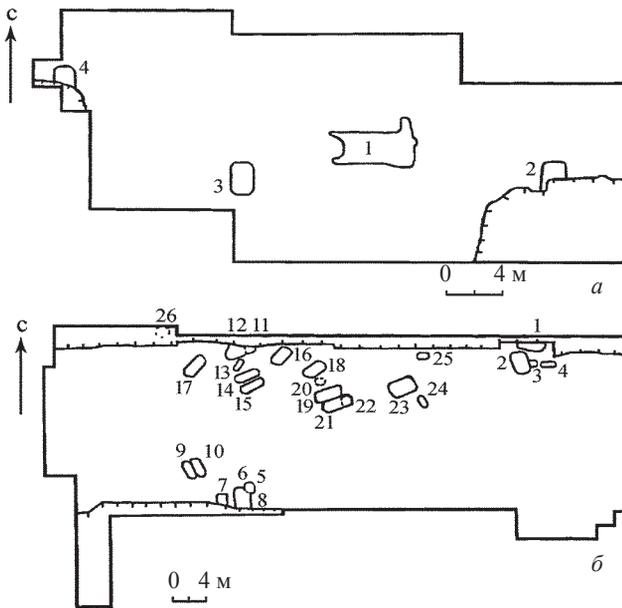

Рис. 2. Могильник Новинки 1

а – общий план участка 1; *б* – общий план участка 2–4

На площади 1 588 м² участка 2–4 могильника Новинки 1 раскопано 26 могильных ям (рис. 2, б). Северная граница этой могильной группы нарушена грунтовой дорогой, южная – частично разрушена карьером, западная, часть южной и восточная границы выявлены в результате археологических работ. Могильные ямы имели различную степень сохранности. Пять ям северной части участка частично были повреждены дорожным кюветом, три могильные ямы в южной части участка – карьером. Столбами от сарая одно погребение разрушено частично, а другое – полностью. Кроме того, при строительстве этого сарая была срезана верхняя часть древней площадки могильника, поэтому зафиксированная нами глубина почти всех могильных ям (от 20 до 50 см) не соответствует первоначальной.

Эта могильная группа, вероятно, имела продолжение на юге, где она разрушена карьером, и на севере, где перекрыта грунтовой дорогой. Поиски погребений за дорогой представляются малоперспективными. Таким образом, сейчас сохранившаяся ее часть занимает площадь примерно 1200 м² и может считаться раскопанной полностью.

Раскоп на участке 1 могильника Новинки 2 площадью 236 м² позволил выявить 4 погребения (рис. 3, а). Причем у двух из них могильные ямы были разрушены полностью в результате хозяйственной деятельности в 1960–1990-е гг. Чуть меньше пострадали могильные ямы двух других погребений. Поскольку этот участок был сильно разрушен и вещи погребального инвентаря лежали прямо на современной дневной поверхности, можно предположить, что эта группа исследована полностью. Сохранившаяся часть могильной группы занимает площадь примерно 232 м².

На участке 2 могильника Новинки 2 вскрыто 52 м², исследованы две могильные ямы, окруженные столбовыми ямами (рис. 3, б). Этот могильный комплекс с северной стороны граничил с дорогой, с западной и южной сторон – с рекультивированным карьером. С восточной стороны к нему примыкала большая современная яма. Могильные ямы сохранились примерно на половину своей глубины. Можно предположить, что в древности эта могильная группа имела больше погребений. Вполне вероятно, что погребальный инвентарь, обнаруженный на участке 3, происходит из какой-то разрушенной могилы данной группы. Сохранившаяся часть этой группы занимает площадь 42 м².

Таким образом, можно считать, что четыре открытые могильные группы раскопаны полностью, а на территории, которая представляет собой узкую полосу между прудами и дорогой, на протяжении одного километра (это расстояние между крайними участками двух могильников) вряд ли имелись другие фатьяновские погребения.

Перейдем ко второму вопросу – реконструкции *традиций погребального обряда*. Это явление многогранное, и я остановлюсь здесь только на четырех моментах: во-первых, на особенностях планиграфии могильных групп, во-вторых, на конструкциях погребальных сооружений, в-третьих, на специфике погребального инвентаря в целом и, в-четвертых, на особенностях глиняной посуды.

По различиям в планиграфии могильных ям выделяются две пары участков: первая – участок 1 могильника Новинки 1 и участок 1 могильника Новинки 2, и

вторая – участок 2–4 могильника Новинки 1 и участок 2 могильника Новинки 2. У населения, оставившего погребения на участках первой пары, существовала традиция хоронить умерших в могильных ямах, ориентированных по линии С–Ю и расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Могильные ямы тянулись узкой полосой с запада на восток. В рамках этой общей традиции в каждой из групп есть своя специфика. Так, если на участке 1 могильника Новинки 1 расстояние между могильными ямами составляло от 6 до 13 м, то на участке 1 могильника Новинки 2 оно значительно меньше – от 2 до 4 м. Кроме того, здесь, возможно, существовал второй ряд погребений, от которого сохранилась только одна могила, расположенная в 24 м к СЗ от полосы первого ряда.

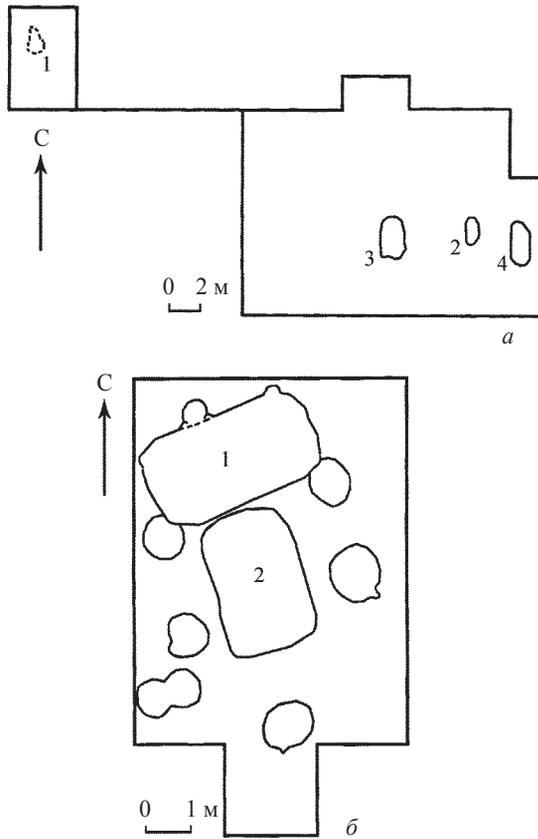

Рис. 3. Могильник Новинки 2

а – общий план участка 1; *б* – общий план участка 2

Во второй паре участков прослеживается традиция расположения могильных ям группами, внутри которых ямы могут находиться вплотную и даже частично перекрывать друг друга. Для этой традиции характерно отсутствие единой ориентации могильных ям. На участке 2–4 могильника Новинки 1 зафиксированы три традиции ориентации ям: первая – С–Ю с незначительными отклонениями

(41% от всех могильных ям на участке), вторая – В–З с незначительными отклонениями (45%), и третья – СВ–ЮЗ (14%). На участке 2 могильника Новинки 2 две могильные ямы, расположенные вплотную друг к другу, ориентированы по линиям ВСВ–ЗЮЗ и ССЗ–ЮЮВ, это соответствует первым двум выделенным традициям.

Кроме того, на участке 2–4 выделяются 6 микрогрупп, внутри которых расстояние между могилами не превышает 1 м, а также обособляются центральная часть кладбища, т. е. его «ядро», и периферия. В «ядре», состоящем из трех микрогрупп и двух отдельно расположенных погребений, расстояние между могилами не более 4 м. Периферийные микрогруппы удалены от ядра на 8–10 м. Они имеются с восточной, южной и, возможно, с западной сторон. Вполне вероятно, что периферийная микрогруппа существовала и в северной, разрушенной дорогой, части кладбища.

Таким образом, по организации могильных ям прослеживаются, с одной стороны, совершенно разные традиции на участках внутри могильников Новинки 1 и Новинки 2, с другой – отмечена одна и та же традиция на участке 2–4 Новинки 1 и участке 2 Новинки 2, а также близкие традиции на участках 1 могильников Новинки 1 и 2.

Судя по размерам могильных ям, каждая микрогруппа, выделенная на участке 2–4 могильника Новинки 1, включала в себя погребения взрослых и детей (Волкова, 2000. С. 198–204). Кроме того, в них зафиксированы пары больших могильных ям, расположенных вплотную друг к другу, и в некоторых случаях одну из больших ям такой пары частично перекрывала яма поменьше. Такое положение могильных ям позволяет предположить захоронение здесь близких родственников, а участок 2–4 Новинки 1 и участок 2 Новинки 2 рассматривать как родовые кладбища.

Таким образом, по особенностям планиграфии участков могильников Новинки 1 и 2 можно сделать два существенных вывода.

Во-первых, разница в расположении могильных ям на участках в пределах каждого могильника говорит о том, что их оставило население с разными погребальными традициями. Поэтому правильнее будет в дальнейшем говорить о четырех разных могильных группах, а не об участках двух могильников. Первая группа будет соответствовать участку 1 могильника Новинки 1, вторая – участку 2–4 могильника Новинки 1, третья – участку 1 могильника Новинки 2, и четвертая – участку 2 могильника Новинки 2.

Во-вторых, по особенностям планиграфии близкими оказываются, с одной стороны, первая и третья группы, с другой – вторая и четвертая. Выявленные особенности позволяют предположить более позднее время для второй и четвертой могильных групп, т. к. подобные родовые кладбища, по данным Д. А. Крайнова и О. С. Гадзяцкой, появляются только на Волосово-Даниловском этапе развития фатьяновской культуры (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 58–70).

Теперь рассмотрим *традиции создания погребальных сооружений*. Во всех могильных группах зафиксирована свойственная для фатьяновского населения традиция хоронить покойных в могильных ямах, внутри которых помещались прямоугольные в плане и трапециевидные в профиле конструкции. Остатки

таких конструкций прослежены почти во всех больших могильных ямах. Маленькие могильные ямы, связанные с погребениями детей, обычно не сопровождались внутренней конструкцией. Судя по остаткам некоторых конструкций, можно предположить, что они были сделаны из достаточно тонких веток. В некоторых погребениях по углам конструкций прослеживаются так называемые «отростки». Специфика новинковских погребальных конструкций состоит в том, что они не имели дна, кроме одного случая (погребение 2, четвертая группа). Хотя во всех погребениях на донной части фиксируется тлен. Судя по его анализу, проведенному Г. М. Левковской (Левковская, Волкова, Черных, 1994. С. 106), это тлен либо непосредственно от крапивы, либо от сделанной из нее ткани. Все внутренние конструкции имели перекрытие. В отдельных случаях удалось проследить остатки этих перекрытий, но чаще об их наличии в древности говорит характер заполнения могильных ям.

Погребальные сооружения имеют свою специфику в каждой могильной группе. Для первой группы характерна подсыпка из чистого песка на дне могильной ямы, возможно, для его выравнивания. Только здесь в одной могильной яме зафиксированы остатки столбиков, служивших подпорками для перекрытия внутренней конструкции. Во второй и четвертой могильных группах выявлены две традиции, не свойственные фатьяновскому погребальному обряду в целом. Это, во-первых, поминальные кострища на могилах и, во-вторых, округлые ямы от столбов, располагавшихся вокруг могильных ям, которые свидетельствуют о существовании здесь в древности либо внешней столбовой конструкции, либо столбов-маркеров. Причем возможно, что эти две традиции взаимосвязаны, т. к. они зафиксированы только вместе. Разберем их подробнее. Четвертая могильная группа (рис. 3, б) включала в себя две большие могильные ямы, расположенные перпендикулярно друг другу, окруженные шестью округлыми ямами и одной в форме восьмерки, происходящей от двух рядом стоящих столбов. Во второй могильной группе зафиксированы небольшие столбовые ямки у могильной ямы погребения 23: три округлые ямки, расположенные на одинаковом расстоянии, вдоль южной стенки могильной ямы и одна – у северной ее стенки (Волкова, 2005. С. 401). Если столбовые ямки являются остатками внешних конструкций, а не просто столбов-маркеров, то эти две конструкции имели различную форму.

Мне известен только один фатьяновский комплекс погребений, окруженных столбовыми ямками. Это раскопанный В. В. Сидоровым в 1973 г. на поселении Никольское Правое так называемый Тростинский могильник (Московская обл.). Он состоял из пяти могильных ям, четыре из которых находились на отдельной площадке. Ямы располагались параллельно друг другу на расстоянии 30–40 см и были ориентированы по линии С–Ю. Округлую площадку с этими погребениями, диаметром около 9 м, окружал ровик с частоколом из столбов диаметром 25–26 см. В. В. Сидоров отнес могильник к позднефатьяновскому времени (Сидоров, 1974. С. 26). Подобный комплекс известен также для племен среднеднепровской культуры. На могильнике Стрелица (Гомельская обл.), датированном XV в. до н. э., И. И. Артеменко зафиксировал округлую площадку диаметром 8 м с пятью погребениями, окруженную ровиком, в котором читались столбовые

ямки (Артеменко, 1967. С. 91). Надо отметить, что у среднеднепровцев данная традиция, скорее всего, связана с традицией создания курганных насыпей. Так, насыпь одного из курганов могильника Бельнец была укреплена частоколом, ямки от которого зафиксированы в ровике кургана (Артеменко, 1976. С. 160).

Над всеми новинковскими погребениями со столбовыми ямами имеются кострища. Собственно поминальными кострищами можно назвать только кострища погребения 1 четвертой группы и погребения 23 второй группы. Они представляют собой углисто-золистый грунт, опускающийся в глубь могильной ямы и содержащий фрагменты керамики и кремневые изделия.

Кроме того, во второй и четвертой группах можно предположить существование традиции маркировки погребений путем сооружения небольшого холма над могилой. На это могут указывать аккуратно прилегающие друг к другу могильные ямы, а также небольшие могильные ямы, лишь частично нарушающие стенки больших могильных ям.

Таким образом, по традициям устройства погребальных сооружений также проявляются значительная близость второй и четвертой могильных групп и некоторая специфика первой могильной группы.

Перейдем к характеристике *погребального инвентаря*. Из-за отсутствия в погребениях костных остатков сложно обсуждать вопрос о его расположении относительно тела погребенного. Можно лишь указать, что весь инвентарь лежал на тлене в пределах внутренней конструкции, если она была, или на дне могильной ямы, если она отсутствовала. Зафиксированы два случая (по одному во второй и четвертой группах) нахождения сосудов на перекрытии внутренней конструкции. В данной статье речь пойдет только о составе погребального инвентаря.

В новинковских погребениях были найдены следующие предметы, относящиеся к погребальному инвентарю: каменные сверленные топоры, различные камни (отбойники, терочники, шлифовальные плитки и др.), кремневые топоры-клинья, ножи, наконечники стрел и дротиков, скребки, проколки, пластины и отщепы, а также янтарные украшения и глиняные сосуды.

Могильные группы различаются по набору погребального инвентаря. Для первой группы характерно отсутствие кремневых наконечников стрел и наличие только в ней янтарных украшений. Кроме того, только здесь были найдены фрагменты плиты для растирания краски со следами самой краски, которая делалась, по определению Г. М. Левковской, из ольхи (Левковская, Волкова, Черных, 1994. С. 106, 107). Вторая могильная группа выделяется большим количеством кремневых стрел и разного рода камней. Здесь в четырех погребениях с бедным набором инвентаря роль ножей выполняли ножевидные пластины. В трех из них имеются обломки терочников или шлифовальных камней. В четвертой группе нет наконечников стрел, но есть наконечник дротика. Здесь в первом погребении, бедном по набору инвентаря, найдены два обломка шлифовальных камней. В погребениях третьей группы присутствуют наконечники стрел, но нет камней, а кремневые ножевидные пластины встречены в погребениях только вместе с ножами.

Таким образом, по набору погребального инвентаря вновь явно выделяется первая группа и опять прослеживается сходство между второй и четвертой

могильными группами. Замена кремневых ножей в погребальном инвентаре их полуфабрикатами, прослеженная во второй могильной группе, по мнению Д. А. Крайнова, характерна для поздних фатьяновцев (Крайнов, 1987. С. 65). Возможно, сужение инвентарного набора до одного сосуда и обломков камней – также достаточно позднее явление. Если это действительно так, то можно предположить, что наиболее ранними были погребения первой группы, затем были оставлены погребения третьей группы, а наиболее поздними были погребения второй и четвертой групп, которые, возможно, частично сосуществовали.

Перейдем к *характеристике глиняной посуды*. Сосуды встречены почти во всех погребениях, в количестве от одного до шести, в среднем для погребения характерно наличие одного-двух сосудов.

Керамический комплекс всех групп представлен 120 сосудами. Это целые сосуды, их развалы и отдельные фрагменты от разных сосудов. Большая их часть происходит из могильных ям. По могильным группам сосуды распределены следующим образом: 1 группа – 9 сосудов, 2 – 76, 3 – 11, и 4 – 24.

Целых и реставрированных сосудов недостаточно для проведения анализа их форм. Можно лишь с разной долей уверенности распределить их по четырем основным категориям форм фатьяновской посуды: миски, амфоровидные сосуды, горшки и кубки.

Доминирующей формой посуды во всех могильных группах являются горшки. Все четыре категории форм посуды есть только во второй группе. В первой группе есть горшки и амфоровидные сосуды, в третьей – только горшки, а в четвертой – горшки и кубки.

Весь полученный при раскопках керамический материал подвергся специальному технико-технологическому анализу. В результате были реконструированы, во-первых, субстратные технологические традиции, которые обладают большой устойчивостью в условиях смешения населения; во-вторых, приспособительные технологические традиции, которые, наоборот, первыми начинают меняться во время процессов смешения населения (Бобринский, 1978. С. 242–244), в-третьих, орнаментальные традиции, которые также меняются определенным образом в условиях смешения населения (Волкова, 1996; 1998).

Субстратные традиции, к которым относятся навыки по конструированию и приданию сосудам формы, оказались общими у населения, оставившего все четыре могильные группы. Сосуды изготавливались с помощью форм-моделей, дно и стенки сосудов наращивались двухслойным лоскутно-спиральным налепом. Сосуд делался из нескольких частей: обычно емкость составляли из двух частей, и к ней примазывали отдельно сделанное горло. Лепка сосудов с помощью форм-моделей сочеталась с выбиванием стенок и дна специальной колодушкой.

Общие традиции фиксируются также и в приспособительных навыках труда, к которым относятся отбор исходного сырья, подготовка и составление формовочных масс, обработка поверхности и др.

Для посуды всех могильных групп навыки отбора исходного сырья сходны: гончары использовали, главным образом, среднезапесоченную сильноожезленную глину.

Наиболее массовым во всех группах был сложный рецепт составления формовочных масс из глины, органики, шамота и дресвы (Г + О + Ш + Д), но в первой и третьей группах была также сильна традиция рецепта глина + органика + шамот (Г + О + Ш), а во второй и четвертой группах при доминировании рецепта Г + О + Ш + Д существовали еще два рецепта: Г + О + Ш и глина + органика + дресва (Г + О + Д) (рис. 4, а).

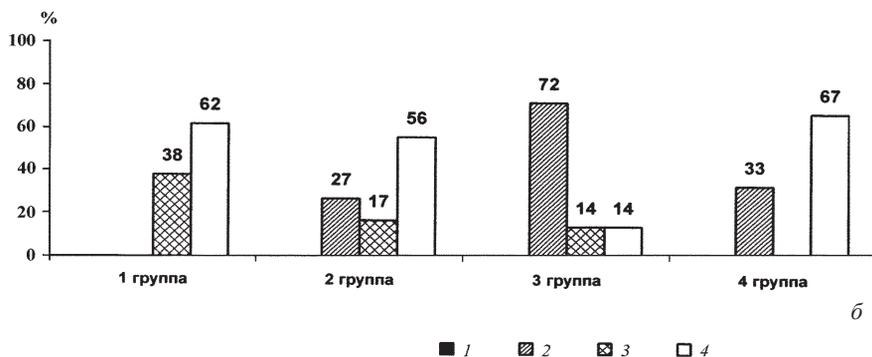
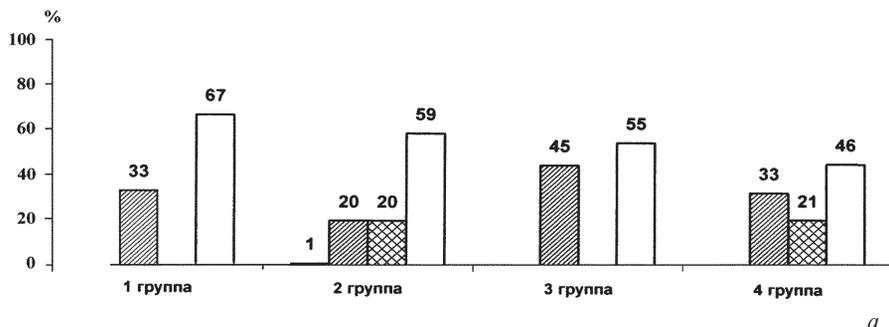

Рис. 4. Соотношение рецептов формовочных масс посуды по четырем могильным группам
а – рецепты формовочных масс реальных сосудов; *б* – рецепты формовочных масс сосудов, из которых изготовлен шамот: 1 – глина + органика; 2 – глина + органика + шамот; 3 – глина + органика + дресва; 4 – глина + органика + шамот + дресва

Анализ шамота в формовочной массе позволил выявить рецепты тех сосудов, из которых он был изготовлен (т. е. сосудов, заведомо более ранних). Таким образом, выделяются два уровня информации: рецепт реального сосуда и рецепт более раннего сосуда, из которого был сделан шамот. Анализ шамота выявил те же три традиции, что и в реальных сосудах: Г + О + Ш, Г + О + Д и Г + О + Ш + Д, но их распространение в группах было иное (рис. 4, б). Рецепт Г + О + Ш + Д остался доминирующим в первой, второй и четвертой группах. В третьей группе доминировал рецепт Г + О + Ш, который присутствовал во всех группах, кроме первой. А рецепт Г + О + Д использовался во всех группах, кроме четвертой.

Анализ традиций обоих уровней позволяет реконструировать общую тенденцию изменения рецептов формовочных масс новинковских сосудов во времени – распространение традиции изготовления сосудов по рецепту Г + О + Ш + Д за счет поглощения традиций, связанных с двумя другими рецептами. Учитывая эту тенденцию, можно наметить следующую схему относительной последовательности керамики разных могильных групп во времени: наиболее ранней является керамика первой группы, более поздней – керамика второй группы, и наиболее поздней – керамика четвертой группы. Однако последние две группы могли частично сосуществовать друг с другом. Керамика третьей группы в этой схеме не имеет определенного места. Тем не менее хочу напомнить, что по приспособительным традициям реальных сосудов выделились, как и раньше, две пары: первая и третья могильные группы и вторая и четвертая. Это позволяет считать третью группу, так же как и первую, более ранней.

Переходя к анализу орнаментальных традиций, необходимо отметить, что среди них есть более устойчивые (элемент и образ орнамента) и менее устойчивые (мотив орнамента) (Волкова, 1998. С. 37). Менее устойчивые орнаментальные традиции в большей степени характеризуют гончара и связанную с ним узкую группу населения. Устойчивые орнаментальные традиции в большей мере связаны с одной или даже несколькими локальными группами родственного населения.

Почти все новинковские сосуды орнаментированы. Зафиксировано использование пяти видов орнаментов: зубчатого и гладкого штампов, шнура, ножа для прочерчивания и инструмента с округлым рабочим краем для нанесения небольших вдавлений (ямочек). Все виды орнаментов встречены во второй и четвертой могильных группах. В первой не применялся инструмент для нанесения ямочек, в третьей – шнур. Первая группа отличается преимущественным использованием гладкого штампа, вторая и четвертая – зубчатого, а третья – широким распространением инструмента для прочерчивания.

Выделены два элемента орнамента, характерные для всей фатьяновской культуры («короткая прямая линия» и «длинная прямая линия»), а также третий элемент – «точка», редко встречающийся на фатьяновской посуде. Здесь этот элемент связан с инструментом, которым наносили неглубокие ямочные вдавления. Он распространен во второй и четвертой группах и полностью отсутствует в первой.

По особенностям орнаментальных образов выделены массовые образы (более 25% от всей орнаментированной посуды могильной группы), общие для керамики всех могильных групп («горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» и «горизонтальная прямая линия»), и образы, массовые в каждой отдельной группе (рис. 5, а).

Некоторые массовые образы являются общими для двух различных групп. Для первой и второй групп это «горизонтальный зигзаг», для первой и четвертой – «косая решетка», для второй и третьей – «параллельные переменноклонные линии».

Первая и третья могильные группы имеют, кроме того, свои специфические массовые образы. В первой группе это «горизонтальная елочка» и «ромб с ре-

шеткой», а в третьей – «оконтуренные ромбы с заштрихованным пространством между ними», «заштрихованные треугольники вершинами вниз» и «заштрихованные треугольники вершинами вниз с бахромой по краям». Надо отметить, что массовые образы первой группы достаточно распространены у фатьяновского населения в целом, в то время как два массовых образа третьей группы – «оконтуренные ромбы с заштрихованным между ними пространством» и «заштрихованные треугольники вершинами вниз с бахромой по краям» – имеются только в этой группе и не встречаются на посуде фатьяновской культуры.

Кроме того, каждая могильная группа имеет свои специфичные образы, встречающиеся только на ее керамике. В третьей группе, помимо двух указанных выше, к таким относится образ «веточка с бахромой», в первой – «ромб с решеткой», в четвертой – «неоконтуренный ромб». А керамика второй группы имеет целых четыре специфических образа – «оконтуренный с одной стороны ромб», «вертикальный ряд наклонных линий», «заштрихованные треугольники вершинами вверх» и «обозначенные точками треугольники вершинами вниз».

Выявляются связи между могильными группами и по встречаемости в них так называемых «редких» (условно, менее 25% от всей орнаментированной посуды могильной группы) образов (рис. 5, б). Одинаковые «редкие» образы чаще всего встречены во второй и четвертой группах, а также в третьей и четвертой. Надо подчеркнуть, что совершенно не встречаются одинаковые «редкие» образы на посуде первой и третьей групп.

Орнаментальные образы организованы в мотивы. Они могут быть включены либо в основной мотив, заполняя собой целую орнаментальную зону, либо в дополнительный мотив, являясь ограничителями орнаментальных зон. Будучи использованы в основном мотиве, образы могут быть расположены в один ряд или в несколько рядов, а также в шахматном порядке (последнее характерно для различных «ромбов»).

Образы, общие для всей новинковской керамики, различаются в разных могильных группах по их мотивам (рис. 6). Так, в первой и третьей группах образ «горизонтальный ряд прямых или наклонных линий» использован только в дополнительном мотиве, а во второй и четвертой группах – и в дополнительном, и в основном. Образ «горизонтальная прямая линия» представлен в третьей группе только в дополнительном мотиве. В первой группе он встречается как в основном, так и в дополнительном мотиве, а во второй и четвертой группах дополнительный мотив этого образа доминирует над основным.

Образ «горизонтальный зигзаг», широко распространенный в первой и второй группах, в первой использован преимущественно в основном мотиве, а во второй – в дополнительном. Образ «косая решетка», общий для первой и четвертой групп, в первой образует дополнительный мотив, а в четвертой – главным образом, основной.

Итак, разные могильные группы, близкие по общим орнаментальным образам сосудов, разделяются по мотивам этих образов. На уровне мотивов сохраняются связи только между второй и четвертой группами.

Анализируя композицию орнамента на посуде, можно отметить, что для керамики всех могильных групп характерна двухзональная композиция, при

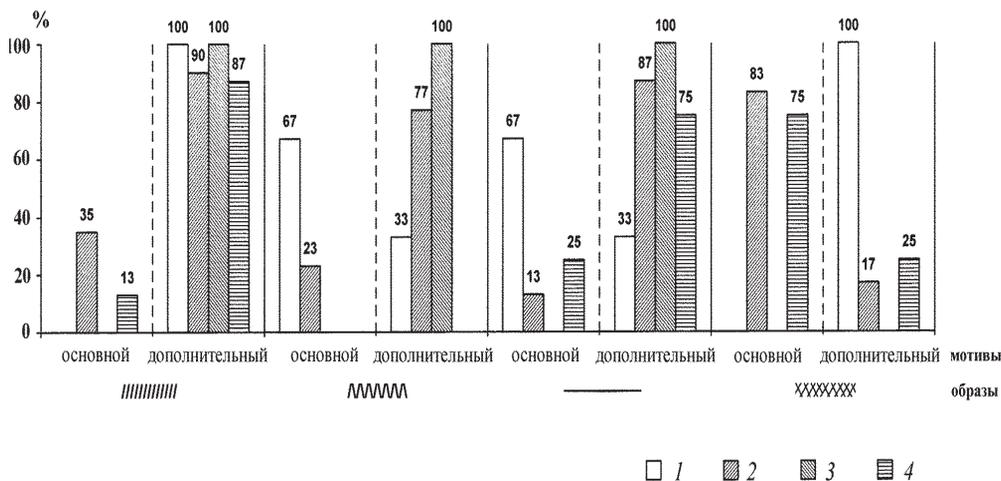

Рис. 6. Распределение орнаментальных мотивов массовых образцов на посуде четырех могильных групп

1 – первая группа; 2 – вторая группа; 3 – третья группа; 4 – четвертая группа

наличии отдельных сосудов с однозональным и с трехзональным орнаментом. При этом третья группа выделяется отсутствием однозональной, а четвертая – трехзональной композиции.

Орнамент на донных частях встречается редко. Среди всего изученного материала только 9 сосудов имеют орнаментированные донные части, причем 7 из них происходят из второй могильной группы.

Таким образом, всесторонний анализ керамики фатьяновских могильников близ д. Новинки позволяет сделать ряд выводов.

1. Выявленные общие субстратные и близкие приспособительные традиции изготовления посуды свидетельствуют о том, что посуду на разных участках оставило население одной культурной группы.

2. Различия в приспособительных навыках труда, выявленные в разных группах, позволяют предположить, с одной стороны, их одновременность, а с другой – близость между парами могильных групп: второй и четвертой; первой и третьей.

3. По тенденциям развития традиций формовочных масс керамики представляется возможным реконструировать следующую относительную хронологию могильных групп: первая – вторая – четвертая. Но устойчивое сходство традиций второй и четвертой групп предполагает их временную близость, если не одновременность.

4. Анализ всех орнаментальных традиций показал, с одной стороны, специфику каждой группы, с другой – близость орнаментальных традиций второй и четвертой групп и совершенную обособленность традиций третьей группы. Необходимо отметить, что если по традициям изготовления сосудов первая и третья группы были близки, то по орнаментальным (технологическим и стилистическим) традициям они абсолютно различны.

Итак, и данные планиграфии, и традиции погребального обряда, и традиции в гончарстве, – все свидетельствует в пользу гипотезы о существовании на данной территории четырех групп фатьяновского населения, которые оставили четыре разновременных могильника.

Перейдем к вопросу о времени функционирования этих могильников. Плохая сохранность органики и отсутствие угля обусловили невозможность датировки этих могильников по C^{14} . Палеопыльцевой анализ, проведенный Е. А. Спиридоновой, также не дал положительных результатов. Еще в самом начале исследования материалы могильников были отнесены нами к Никульцинскому и Волосово-Даниловскому этапам фатьяновской культуры (Волкова, Ланцев, Черных, 1994. С. 91), по периодизации Д. А. Крайнова, т. е. к XVIII–XVI вв. до н. э. (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 39). Естественно, могильники функционировали как кладбища более короткое время.

В рамках выделенной последовательности функционирования могильников каждый из них использовался в течение разного по длительности периода времени. Так, могильник второй группы представлял собой большое родовое кладбище, которое функционировало достаточно длительное время, в отличие от могильника четвертой группы, где найдено всего два почти одновременных погребения. Поэтому есть все основания предполагать, что дальнейший углубленный анализ инвентаря по микрогруппам второго могильника выявит их разновременность и ряд погребений, синхронных четвертому могильнику. Относительно третьего могильника пока нельзя сделать однозначного вывода. Исходя из того, что большая часть традиций населения третьей группы близка традициям первой, я предполагаю, что эти могильные группы существовали примерно в одно время. Но если первая, вторая и четвертая группы населения представляют собой этапы развития одной родственной культурной группы, то население, оставившее третий могильник, скорее всего, относилось к другой группе фатьяновской культуры.

Попробуем определить место каждого из четырех могильников у д. Новинки в периодизации, предложенной Д. А. Крайновым. Для памятников фатьяновской культуры имеются всего две даты по C^{14} – это 1830–1800 гг. до н. э. для Тургиновского могильника и 1700–1650 гг. до н. э. для Волосово-Даниловского могильника (Крайнов, 1987. С. 71). По периодизации Д. А. Крайнова и О. С. Гадзяцкой, Тургиновский могильник относится к Ивановогорскому, самому раннему, этапу развития фатьяновской культуры (XX–XIX вв. до н. э.), а Волосово-Даниловский могильник – к Волосово-Даниловскому этапу (XVII–XVI вв. до н. э.) (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 39).

Поскольку Новинковские могильники расположены в непосредственной близости от Тургиновского могильника (немногим более 10 км) попробуем сопоставить материалы этих могильников.

На Тургиновском могильнике было вскрыто 10 погребений. Могильные ямы располагались на значительном расстоянии (от 5 до 12 м) друг от друга (Гадзяцкая, 1971. С. 66. Рис. 23), не были организованы в какие-либо ряды и имели различную ориентировку. Преобладала ориентировка могильных ям по линии СВ–ЮЗ (56%). На могиле 5 зафиксировано мощное кострище. Д. А. Крайнов

предполагал, что в некоторых могилах могли быть внутренние конструкции, которые не сохранились (Крайнов, 1986. С. 97). Столбовых ям у погребений не зафиксировано. Кроме стандартного для фатьяновцев набора инвентаря найдено много кремневых наконечников стрел. Из 14 изученных мною сосудов Тургиновского могильника имеются 13 горшков и 1 амфоровидный сосуд, по которым зафиксированы 2 традиции составления формовочной массы: Г + О + Ш (71%) и Г + О + Ш + Д (29%) (Волкова, 1996. С. 87). Для орнамента сосудов было использовано 3 вида инструментов: зубчатый штамп (67%), шнур (42%) и нож для прочерчивания (25%). Выделено 3 массовых орнаментальных образа: 1) «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий», 2) «горизонтальная елочка» и 3) «горизонтальная прямая». Первый образ организован преимущественно в дополнительном мотиве, второй – только в основном, и третий – только в дополнительном.

Таким образом, по плотности расположения могил и по гончарным традициям Тургиновскому могильнику более близок первый могильник в Новинках, а по ориентировке могил и по традиции организации на них кострищ, как и по составу погребального инвентаря, – второй и четвертый могильники в Новинках. Это дает возможность по времени функционирования предположительно расположить Тургиновский могильник между первым и вторым-четвертым могильниками в Новинках.

Далеко удаленные друг от друга Волосово-Даниловский и Новинковские могильники относятся к разным локальным группам фатьяновской культуры, и, соответственно, материалы их имеют свои специфические локальные особенности. Тем не менее прослеживается сходство в традициях организации могил на кладбище у населения, оставившего Волосово-Даниловский могильник и второй и четвертый Новинковские могильники. Напомню, что на Волосово-Даниловском могильнике было вскрыто 107 могил, занимающих площадь примерно 2640 м² (Крайнов, 1972. С. 202. Рис. 70). Основное число могил (79, или 74% от всего количества могил) расположено в северной части кладбища, возможно являясь его «ядром». Здесь расстояние между могилами минимальное, и многие могилы частично перекрывают друг друга. В южной части кладбища находится еще одна группа с таким же плотным расположением могил, но их значительно меньше (всего 10 могил, т. е. 9%). Между этими двумя группами находятся 18 могил (17%), расположенных на значительном расстоянии друг от друга и не перекрывающих друг друга (кроме одного случая). Преобладающая ориентировка могильных ям ЮЗ–СВ (77%); т. е. Волосово-Даниловский могильник представляет собой большое родовое кладбище, функционировавшее длительное время.

Таким образом, первый могильник в Новинках, скорее всего, относится к Ивановогорскому этапу развития фатьяновской культуры, а второй и четвертый – к ее Волосово-Даниловскому этапу. Поскольку по изученным материалам выявлена связь между первым, вторым и четвертым Новинковскими могильниками, можно заключить, что первый могильник был оставлен, вероятно, в конце XIX – начале XVIII в. до н. э., а два последних – в конце XVIII – начале XVII в. до н. э.

Первый могильник в Новинках имеет наиболее явные связи с культурой шнуровой керамики и ладьевидных топоров Прибалтики. Об этом говорят янтарные украшения и некоторые орнаментальные образы на сосудах (выполненная шнуром «прямая линия» и «горизонтальная елочка»). Ориентировка могильных ям по линии С–Ю, прослеженная в первом могильнике, может быть также связана с традицией, распространенной у шнуровиков Прибалтики (Крайнов, Лозе, 1987. С. 52).

Остается пока открытым вопрос о времени функционирования третьего могильника. По орнаментальным керамическим традициям (использование инструмента типа «ножа», орнаментальные образы «заштрихованные треугольники вершинами вниз», «заштрихованные треугольники вершинами вниз с бахромой по краям», «веточки с бахромой», «заштрихованные треугольники, повернутые вершинами друг к другу») этот могильник связан с памятниками днепро-деснинского варианта среднеднепровской культуры, в частности, с могильником Бельнец, расположенным в Жуковском р-не Брянской обл. Отсюда, возможно, идет традиция ориентировки могильных ям по линии С–Ю, преобладающая (55%) в могильнике Бельнец (Артеменко, 1976. С. 171) и редко встречающаяся у фатьяновских племен, но характерная для третьего могильника в Новинках. И. И. Артеменко датирует почти все погребения этого могильника концом III – началом II тыс. до н. э. (Там же. С. 175). Часть перечисленных выше орнаментальных образов сохранилась на керамике второго могильника в Новинках, где они выполнены уже зубчатым штампом. Это также указывает на то, что третий могильник, вероятнее всего, функционировал раньше второго и четвертого. Возможно, он был синхронен с первым могильником.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о времени функционирования могильников в Новинках и о населении, их оставившем.

Во-первых, могильники функционировали с конца XIX и в течение XVIII в. до н. э., причем первый и третий могильники создавались на рубеже XIX–XVIII вв., а второй и четвертый – в конце XVIII – начале XVII в. Во-вторых, специфические традиции особой группы фатьяновского населения, оставившего третий могильник, объясняются ее сильными связями с днепро-деснинским населением среднеднепровской культуры. Вероятнее всего, это население пришло именно отсюда, в отличие от группы фатьяновского населения, оставившего первый могильник и имевшего, скорее всего, западное происхождение.

В-третьих, в сложении более позднего населения, оставившего второй и четвертый могильники, участвовали обе группы этого более раннего населения.

Изложенные здесь выводы являются предварительными и требуют дополнительной разработки. Их следует воспринимать как направления для дальнейших исследований материалов могильников в Новинках.

ЛИТЕРАТУРА

- Артеменко И. И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.
Артеменко И. И., 1976. Бельнецкий могильник (Раскопки 1970–1971 гг.) // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Волкова Е. В.*, 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.
- Волкова Е. В.*, 1998. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.
- Волкова Е. В.*, 2000. Опыт реконструкции пола и возраста погребенных из фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Волкова Е. В.*, 2005. Могильники фатьяновской культуры Новинки 1 и 2 (по результатам археологических исследований в 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5.
- Волкова Е. В., Ланцев А. П., Черных И. Н.*, 1994. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области (по мат-лам исслед. 1990–1992 гг.) // ТАС. Вып. 1.
- Гадзяцкая О. С.*, 1971. Новые раскопки Тургиновского могильника // КСИА. Вып. 127.
- Крайнов Д. А.*, 1986. Фатьяновские памятники Калининской области // КСИА. Вып. 185.
- Крайнов Д. А.*, 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.*, 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22.
- Крайнов Д. А., Лозе И. А.*, 1987. Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Лаврушин Ю. А.*, 2001. Геолого-геоморфологическая ситуация местоположения археологических памятников в окрестностях д. Новинки Завидовского заповедника Тверской области // *Волкова Е. В.* Отчет о раскопках могильников Новинки 1 и 2 в Калининском районе Тверской области в 2000 г. М.; Тверь // Архив ИА.
- Левковская Г. М., Волкова Е. В., Черных И. Н.*, 1994. Палинологическая характеристика отложений из могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки 1 // ТАС. Вып. 1.
- Сидоров В. В.*, 1974 Отчет об исследовании памятников Подмосковья Тростенской экспедицией МОКМ в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5431.

Б. В. Мелешко

О ФИНАЛЬНОЙ ДАТЕ ДОЛЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА

Традиция определения дат дольменов Западного Кавказа следовала за открытиями все более и более древних вещей в комплексах, связанных с дольменными конструкциями. При этом удревнялась в основном дата начала строительства дольменов. До сих пор приходится встречаться с утверждениями, что дольмены Толстого Мыса являются поздней, относящейся к железному веку репликой дольменной традиции.

Целью данной работы станет показать *реалистичную* точку завершения эпохи строительства дольменов. Особо остановлюсь на определении «*реалистично*». Предлагаемая ниже конструкция имеет вероятностный характер. Вполне допускаю, что какие-то локальные группы строителей дольменов могли продержаться и после общей точки затухания дольменного феномена.

Приступая к изложению собственных взглядов, кратко остановлюсь на современных представлениях по вопросу и аргументации авторов, эти пред-

ставления утверждающих. Методически строгая статья В. И. Марковина (1994. С. 226–253) предлагает сводку мнений, имевшихся на 1994 г. Свое мнение Владимир Иванович приводит в сжатой характеристике этапов культуры дольменов (Марковин, 1994. С. 251). Финалом дольменов автор считает середину II тыс. до н. э. В этом утверждении нет никакой аргументации. В группу, знаменующую собой завершение эпохи, попала типологическая группа монолитных дольменов, составные дольмены с нависающими блоками и уникальная конструкция из Карачаево-Черкесии.

Другой значимой публикацией по нашей теме стала статья В. А. Трифонова (2001. С. 20–55), имеющая специальный раздел – «Хронология западнокавказских дольменов». В статье приведены три таблицы. Одна – «радиоуглеродные даты», другая – синхронистическая таблица культур бронзового века Кавказа и Предкавказья, и третья – «Дольмены западного Кавказа и мегалиты мира», по сути, также синхронистическая таблица. Все они дают колонку дат от 4200 до 800 лет до Р. Х. Отбрасывая крайности, автор оставляет дольменам период от конца IV до середины II тыс. до н. э. В данном случае опорой исследователя стала внушительная база радиоуглеродных дат. Казалось бы, вопрос исчерпан. Есть, однако, целый ряд моментов, которые не дают успокоиться. Прежде всего, это отсутствие «закрытых» комплексов для круга дольменных памятников. О месте погребений у ст. Новосвободная в нашей теме речь пойдет ниже. Что дает такое утверждение? Прежде всего, полное недоверие к результатам радиоуглеродных анализов. Действительно, если приглядеться к условиям отбора образцов, то возникают множественные сомнения: имеют ли даты, полученные по этим образцам, отношение к дольменной культуре и к установлению времени ее существования. При внимательном взгляде на условия отбора образцов отчетливо видно, что **все** используемые для получения дат материалы получены из слоев, принадлежность которых к моменту возведения дольменов, по крайней мере, сомнительна.

Другим поводом к сомнению в столь широкой датировке дольменов Кавказа является следующее методическое наблюдение. И В. И. Марковин, и В. А. Трифонов (беру именно этих авторов как наиболее авторитетных исследователей, предложивших развернутую картину) строят типологические или классификационные схемы. Затем эти ряды растягиваются между крайними датами. При этом нет никаких обоснований продолжительности того или иного этапа, нет внятных, подтвержденных полевыми исследованиями обоснований финальных дат. Если очистить высказывания от всех уступительных предложений, от всех «вероятно», «может быть», то получается следующее. Строители дольменов, появившись на закате майкопской культуры, спокойно просуществовали в горах Западного Кавказа около полутора тысяч лет, ничего не меняя в обряде, лишь слегка трансформировав внешний вид погребальной камеры. Затем, по неизвестным причинам, исчезли на рубеже средней и поздней бронзы. Полторы тысячи лет разделены В. И. Марковиным на три этапа. Картина получается не слишком убедительная. Если при знакомстве с дольменами опираться только на публикации, возникает ощущение избыточного разнообразия форм, избытка типов, распределения этих типов в пространстве. Совсем иное впечатление складывается в поле. Приведу простой пример. Разделяя памятники по внешне-

му облику, мы должны разнести в разные клетки таблицы круглые составные дольмены и трапециевидные плиточные. В реальности они составляют единый комплекс как минимум в трех известных мне случаях: комплекс на р. Жане, могильник на хребте Коцехур и могильник в 2 км к востоку от знаменитого кургана Псынако I. Другой вариант – сосуществование под одной насыпью корытообразных и плиточных трапециевидных дольменов на могильнике Цыганков Аул или трапециевидных плиточных и составных в могильнике Тешебс I. Есть еще более изощренные сочетания. Дольмен, задуманный как трапециевидный плиточный, исполнен частично как составной – одна из стенок сложена из блоков – на могильниках Тешебс I и Назарова Щель I. Расстояния на местности между корытообразными дольменами могут достигать сотен километров. Все это создает ощущение единства дольменного комплекса. Добавлю, что большинство корытообразных дольменов имеет ложные порталы, имитирующие выступы боковых плит трапециевидных дольменов. Растягивать такой внутренне единый пласт памятников на полтора тысячелетия просто не поднимается рука. Я не берусь утверждать, что изменения, внутреннее движение вообще чужды дольменам. Напротив, прослеживается вектор от простых технологически форм к сверхсложным конструкциям, к которым можно отнести и круглые составные дольмены с ювелирно подогнанными блоками, и монолиты, и немногие подлинно мегалитические сооружения, подобные Догуабу или Джубге. Но и самые несовершенные составные дольмены из известняка, и монолиты несут на себе отпечаток единой идеи и единого почерка. В чем же причина такого единства? Хорошо понимаю, что рассуждения типа «единство стиля» – слабый аргумент в археологическом анализе. В случае с дольменами это не собственно аргумент, а скорее повод, импульс к более внимательному взгляду на узел проблем, связанных с датировкой дольменной эпохи.

Любое определение археологической культуры включает в себя в качестве одного из условий объединения группы памятников в одну культуру хронологическое единство, наряду с общностью территории и типологической близостью элементов. Для дольменов территориальное единство несомненно, типологическая близость может быть установлена путем совмещения картографического анализа и типологических схем. Разнообразие форм снимается одновременно их использованием, что подтверждается одновременным использованием разных вариантов конструкций в единовременных памятниках, зачастую под одной насыпью. При таком положении дел вопрос хронологии, как абсолютной, так и относительной, остается пока открытым.

Недавняя публикация результатов раскопок могильника Клады позволяет приблизиться к разрешению этого запутанного клубка проблем.

Все авторы, так или иначе касавшиеся проблем хронологии дольменов, включали в круг рассматриваемых памятников дольмены у ст. Новосвободная. Этим комплексам отводилась роль маркера наиболее древней дольменной даты. Экзотическое мнение А. Д. Резепкина о происхождении новосвободненских гробниц было оспорено В. И. Марковиным (1994), а затем их взгляды привел к общему теоретическому источнику В. А. Трифонов (2001). Теперь, после публикации А. Д. Резепкиным результатов раскопок могильника Клады (Rezepkin,

2000), появилась возможность пристальнее взглянуть на место новосвободненских «дольменов» в кругу других дольменных памятников.

Приведу список дольменных конструкций могильника Клады:

- 1) курган 11, погребение 54;
- 2) курган 26, погребение 1;
- 3) курган 28, погребение 1;
- 4) курган 30, погребение 1;
- 5) курган 31, погребение 5;
- 6) курган 39, погребение 2;
- 7) курган 40, погребение 1;
- 8) курган 40, погребение 10.

Не имея намерения и потребности повторять описание автора, ниже буду давать характеристику тем особенностям конструкций, которые представляются мне важными. Для каждого случая отмечу те признаки, которые объединяют гробницу с дольменами, и те, что противостоят дольменной традиции.

Порядок описания будет отличаться от последовательной нумерации курганов. Часто обнаружить какое-либо явление можно только по *сильному* признаку. На сегодняшний день представляется очевидным, что абсолютно все дольмены имели дромос. Выявлено это было на памятнике Назарова Щель I, подтверждено сопоставлением с Псынако I. Далее на все новых и новых дольменных памятниках стали обнаруживаться следы былых дромосов. В случае с дольменными сооружениями могильника Клады первой привлекла внимание гробница 5 кургана 31. Случай вопиющий, просто взывающий к разъяснениям.

На рис. 1 хорошо видно, что плиты пола погребальной камеры приходится на середину круглого отверстия в разделительной плите. Если разделить, как планировалось выше, признаки, сближающие погребение с дольменами и отдаляющие его от этих памятников, то получим следующее. Имеется разделение гробницы на собственно погребальную камеру и некое пространство перед «входом». Так же как в дольменах, можно наблюдать собственно погребальную камеру и дромос, но здесь это оформлено в виде двухкамерной гробницы. Плита, разделяющая эти два помещения, выполнена в виде классической передней плиты дольмена – она имеет характерное круглое отверстие. С другой стороны, есть значительные расхождения с дольменным обрядом и конструкцией. Во-первых, разделительная плита установлена таким образом, что никак не могла быть использована в качестве оформления прохода из одной камеры в другую в прямом физическом смысле, но могла служить таким переходом в плане идеальном. Во-вторых, все плиты, и боковые, и торцевые, заглублены в грунт, в отличие от дольменов, у которых эти плиты опираются на массивные основания, изготовленные из того же камня, что и сами стены. Некоторой уступкой в данном случае можно считать оформление пола погребальной камеры каменными плитами. Гробница лишена таких классических элементов дольменной конструкции, как контрфорсы.

Следующее дольменное сооружение этого могильника – гробница кургана 28 (рис. 2). Конструкция, почти полностью тождественная предыдущей, с той лишь разницей, что плиты пола не закрывают отверстие в разделительной плите.

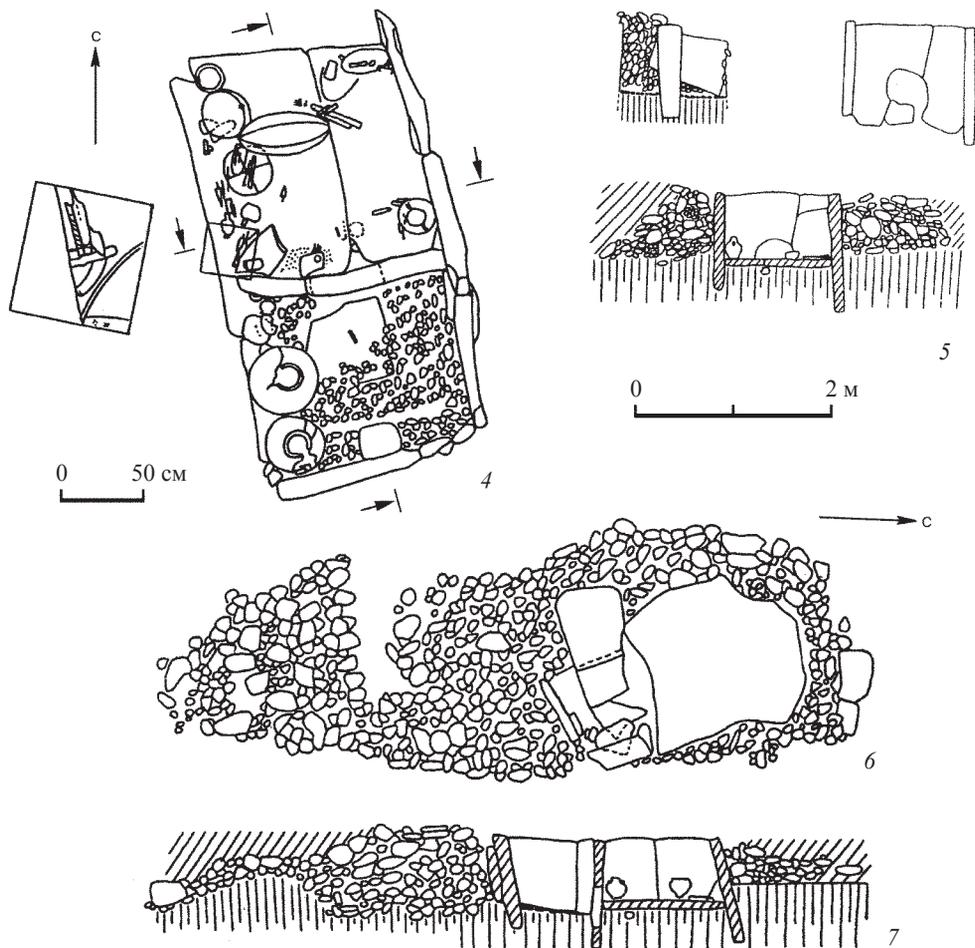

Рис. 1. Могильник Клады, курган 31, погребение 5

Здесь можно видеть ту же двухкамерную схему, с фронтальной дольменной плитой, разделяющей помещения, углубленные в грунт боковые и торцевые стены, отсутствие контрфорсов. Есть и еще одно отступление от дольменных канонов. Если в предыдущем случае дно гробницы было оформлено плитами, то здесь нет и их.

Гробница кургана 28 (рис. 3), с одной стороны, ближе к гробнице 31-5, а с другой – имеет ряд особенностей. Во-первых, присутствует перекрытие над погребальной камерой (над второй камерой перекрытия нет), во-вторых, боковые плиты вспомогательной камеры сделаны из обломков, чего не позволяли себе строители дольменов.

Схематичность рисунка в публикации гробницы 1 кургана 30 не позволяет составить ясного представления о взаиморасположении камеры и «дромоса», но интересующие нас элементы видны отчетливо. Боковые и торцевые стены вкопаны в грунт, дно выстилают плиты.

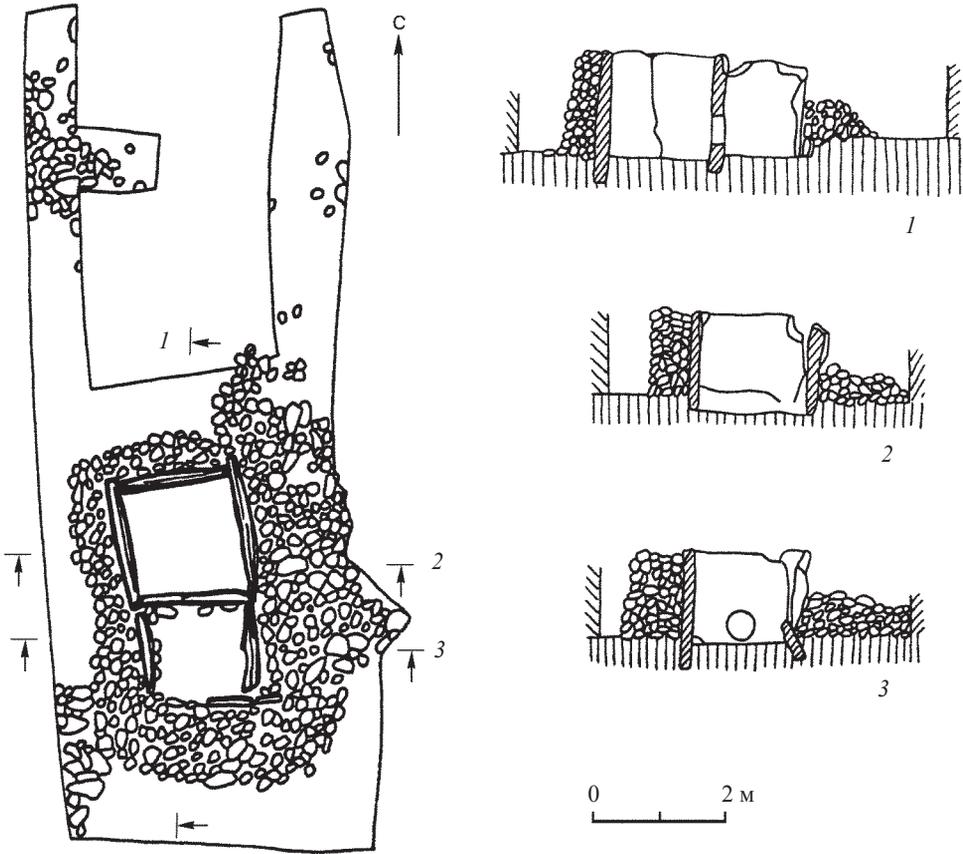

Рис. 2. Могильник Клады, курган 28

Особый интерес представляет погребение 2 кургана 39 (рис. 4, 5). Данный комплекс гораздо ближе к классическим дольменам, чем рассмотренные выше. Боковые плиты частично опираются на массивные камни дна камеры, фронтальная плита несет в своем отверстии пробку и даже одна из стенок укреплена контрфорсом. Есть, правда, несколько позиций, которые не позволяют признать это погребение дольменом в чистом виде. Первое – исключительная небрежность в подгонке плит в сочетании с высоким уровнем их обработки. Строители дольменов могли, конечно, позволять себе различные неточности, но там, где требовалось соединить стыки плит тщательно, компромиссов не было.

Здесь видно, что конструкция не продумывалась заранее с присущей строителям дольменов тщательностью: одна боковая плита опирается на массивное основание пола, под другую подложены мелкие камни. Упомянутый выше контрфорс поддерживает явно заваливающуюся восточную боковую стену. Отсутствует, если так можно выразиться, симметричная строгость, присущая дольменам. Совершенно инородным элементом представ-

ляется расколота фронтальная плита в каменном завале, продолжающем дромос. Этим не исчерпывается список признаков, делающий эту гробницу одной из центральных для понимания всего комплекса дольменоподобных сооружений этого могильника. Поверх классического пола из массивных плит насыпан слой гальки. Нельзя с уверенностью сказать, оформляли ли таким образом дно могил строители собственно дольменов. Известно, с другой стороны, что настилы из гальки характерны для майкопских погребений (Корневский, 2004. С. 16). Есть еще одно значимое сочетание. Эта гробница гораздо ближе рассмотренных выше к дольменной традиции, но она содержит новосвободненский инвентарь, тождественный инвентарю этих комплексов.

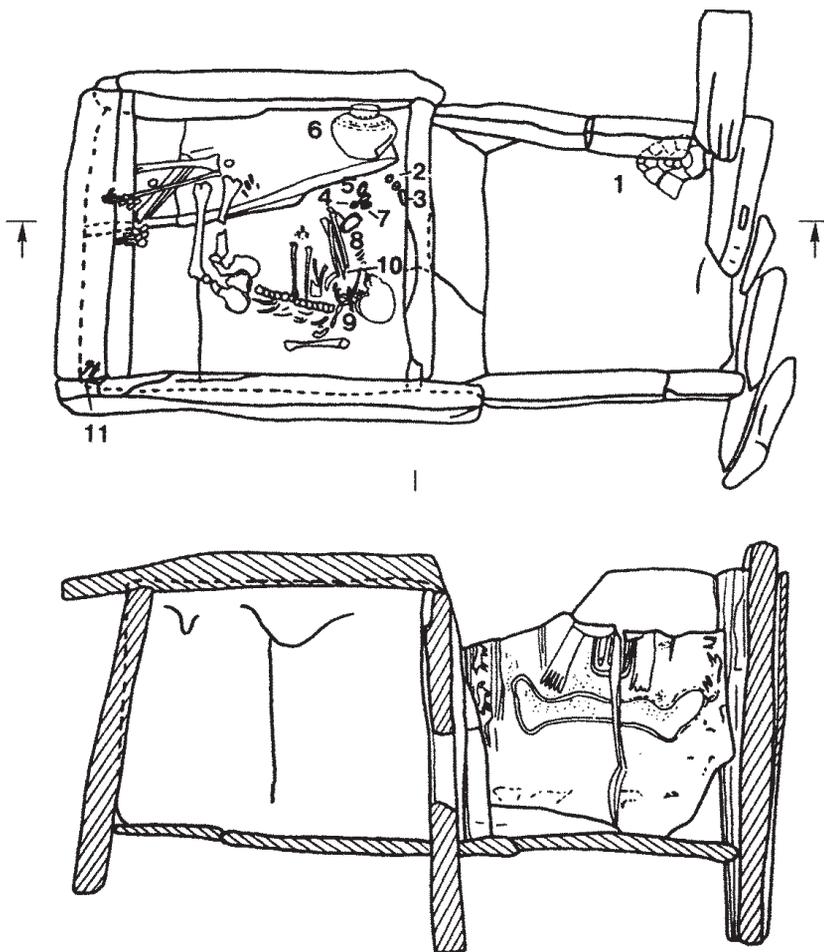

Рис. 3. Могильник Клады, курган 28, погребение 1

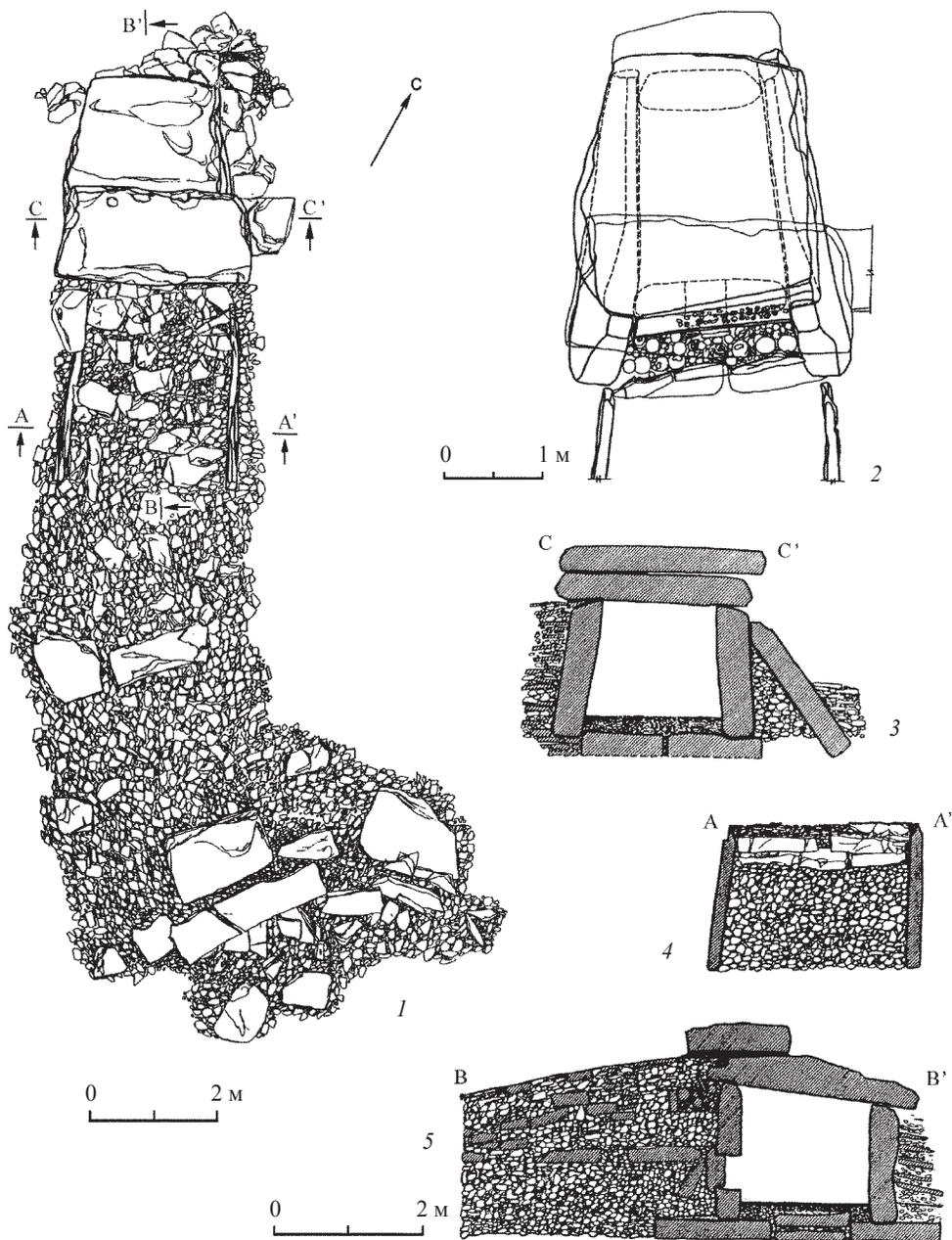

Рис. 4. Могильник Клады, курган 39, погребение 2

Рис. 5. Могильник Клады, курган 39, погребение 2

Остаются две конструкции кургана 40 (рис. 6). Погребение 1 – сильно фрагментированные остатки камеры и дромоса. Погребение 10 – почти классический дольмен с пробкой, с хорошо подогнанными плитами. Роднит его с новосвободненскими гробницами отсутствие фундаментального основания – боковые плиты по уже известной нам схеме прикопаны в грунт – и галечная подсыпка на дне, доходящая до нижнего края отверстия.

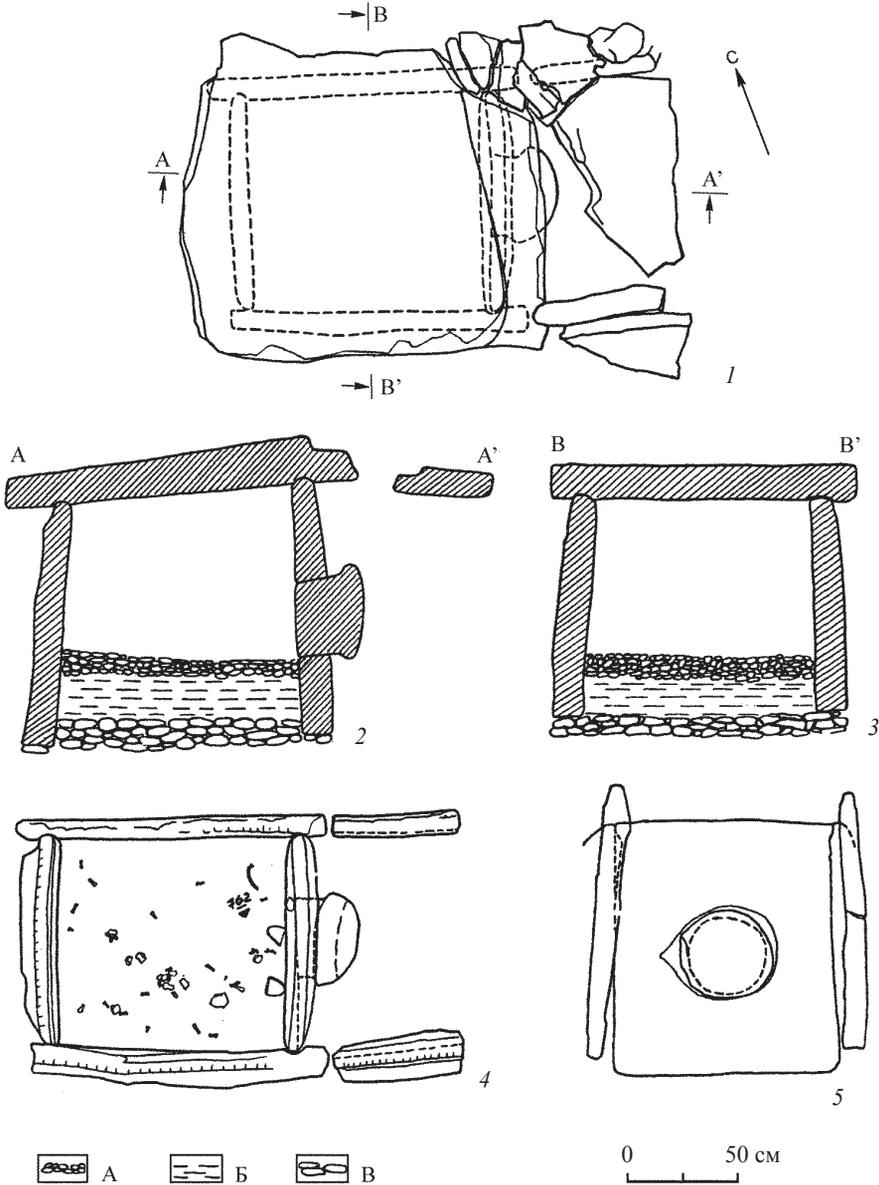

Рис. 6. Могильник Клады, курган 40, погребение 10

Дромос оформлен достаточно формально, плиты этой части конструкции не подогнаны. Здесь обращает на себя внимание такой элемент. Козырек кровельной плиты камеры имеет характерный вырез, на который должна была бы опираться плита перекрытия дромоса. Такие затесы встречаются на классических дольменах. Однако эта заготовка не была использована и перекрытие дромоса никак не связано с общей конструкцией камеры.

В гробнице было обнаружено погребение подростка, сопровождавшееся тремя фрагментами кремня, в иллюстрациях они не приведены.

Подводя итог, сделаю предварительный вывод. Ни одну из рассмотренных гробниц нельзя считать дольменом в его классическом понимании.

Изложенные выше наблюдения дают повод принять за рабочую гипотезу предположение о переиспользовании дольменных плит строителями новосвободненских гробниц. Нужно отметить, что это переиспользование было не механическим изъятием строительного материала для собственного строительства. Возводимые сооружения помимо материала заимствовали некоторые идеи и элементы обряда. Так, например, функционально необходимый в дольменной конструкции дромос превращается во вторую камеру.

Не исключаю и другой сценарий, хотя он и менее вероятен. К моменту строительства новосвободненских гробниц по каким-то причинам был утрачен весь комплекс представлений и навыков, и отдельные элементы воспроизводились как закрепленные в ритуале, но лишённые первоначального содержания. Отверстия в разделительной плите. Против такого варианта свидетельствует разнообразие воспроизводимых и оставляемых без внимания элементов. Закрепленные в обряде признаки должны были бы появляться неуклонно. Если пол до середины отверстия – так уж во всех случаях.

Предположение о переиспользовании дольменного материала новосвободненцами прямо выводит нас на вопрос, поставленный в заглавии статьи. При каких условиях вновь пришедшее население могло бы разорять существующий могильник для изъятия камня на свои постройки? Только при гарантированном окончательном исчезновении предшествующего населения. Сюжет, обнаруженный нами на могильнике Клады, не исчерпывается простой сменой населения с полным забвением традиций. В таком случае нам достались бы разбитые дольменные камни где-нибудь в насыпи или в кромлехе, варианты возможны. Мы же видим некое подражание, какое-то возрождение в новом виде исчезнувшей традиции. Другими словами, новосвободненцы, являясь иными (иначе не разоряли бы могильники) по отношению к строителям дольменов, ощущали какую-то форму преемственности, воспроизводя, реставрируя основные элементы погребального обряда.

Фиксируя доновосвободненское хронологическое положение дольменной культуры, мы тем самым сближаем ее с другим доновосвободненским пластом памятников на этой территории – с майкопской культурой. Здесь возникает еще одно пересечение. Новосвободненская общность, так или иначе, воспринимается как некий этап майкопа, вероятно, как наследующая ему генерация. Анализ конструкций новосвободненских гробниц ставит вопрос о преемственности их строителей по отношению к дольменной традиции. Две линии наследования – по материалу майкопу, и по обряду дольменам – сближают самих предков.

Выявленная точка финала дольменной традиции снимает множество противоречий при описании самого феномена культуры строителей дольменов. Прежде всего, устраняется чудовищный хронологический столб в полторы тысячи лет. Во-вторых, сближение с майкопскими памятниками позволяет рассматривать вопрос о происхождении дольменов и майкопа в единой связке.

Остается добавить, что единство дольменов и майкопа укладывается в классическое определение археологической культуры. Налицо единство территории – дольмены и майкоп соседствуют и различаются только по особенностям ландшафта: дольменам горы, майкопу степь; единство времени – доновосвободненский пласт; единство обряда – курган, ранее неизвестный в этих местах элемент погребальной традиции. Сюда же можно было бы добавить множество более мелких деталей, таких как кромлех, скорченное положение костяка и др., но это тема для отдельной объемной публикации.

Столь ранняя дата финала дольменов (рубеж майкопа и новосвободной) ставит вопрос и об общей продолжительности эпохи возведения дольменов, об интенсивности освоения территории от Тамани до Абхазии строителями дольменных гробниц, о численности племени, за короткий срок создавшего столь значительное число мегалитических конструкций.

Выход на корректное установление даты дольменов, кроме чисто познавательного значения, имеет и более существенные последствия. Фиксация доновосвободненского времени бытования дольменов выводит на сближение последних с майкопской культурой, что, в свою очередь, открывает пространство для реконструкций процессов, происходивших на рубеже IV–III тыс. на Западном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

Корневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Марковин В. И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. (Археология.)

Трифонов В. А., 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены: Современники древних цивилизаций. Краснодар.

Rezapkin A. D., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Rahden/Westf. Bd. 10.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В. Б. Ковалевская

КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАНИГРАФИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ДЮРСО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

В археологических исследованиях последнего времени накоплен опыт изучения расположения погребений, обладающих общими культурными и хронологическими признаками или отличающимися по социальному статусу погребенных, на основании сочетания вещей разных типов в пределах могильного поля для изучения направления роста могильника, наличия в нем микро- и макролокальных групп и определения их изменений во времени.

Между тем применение географических программ для решения этих проблем делает еще свои первые шаги. Один из примеров применения компьютерного картографирования с помощью пакета отечественных лицензионных геногеографических программ для анализа закономерностей распространения археологических материалов в пределах могильника приведен с использованием данных могильника Дюрсо (окрестности Новороссийска), раскопанного в 1974 г. А. В. Дмитриевым, любезно предоставившим возможность разработать методику на этом массовом, сложном и хорошо препарированном материале (Дмитриев, Ковалевская и др., 1998. С. 67).

Важность этого эталонного и первоклассно раскопанного могильника заключается в том, что массив из 541 погребения содержит хорошо структурированный материал, ставший отправной точкой для хронологических и этнокультурных построений в рамках V–IX вв. не только Кавказа, но и Европы, уже после первых публикаций А. В. Дмитриева, сопровождаемых важными для разработок хронологии раннесредневековых древностей дополнениями А. К. Амброза (1979; 1982).

Для постановки вопроса о выделении этнокультурных и социальных групп в пределах любого могильника прежде всего необходимо хронологическое упорядочение всех погребений, что является необходимой базой дальнейшего исследования. Для нас представит методический и содержательный интерес проследить в данной статье, как на протяжении времени скрупулез-

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект 06-06-80041.

ное исследование выделенных категорий находок, которые рассматривались в сочетании между собой и с другими хроноиндикаторами, при сопоставлении с постоянно увеличивающимся фондом аналогий из древностей эпохи переселения народов, приводило к более дробному хронологическому членению материалов могильника Дюрсо. Начало было положено А. В. Дмитриевым в публикациях 1979 и 1982 гг. (Дмитриев, 1982. С. 69–107). За основу был взят анализ фибул (136 экз.), дробно расчлененных А. В. Дмитриевым на 21 таксон, что позволило объединить в одну таблицу 81 погребение V–IX вв. могильника Дюрсо. Важная информация содержится в анализе сочетания разных типов фибул в одном погребении, но эти случаи скорее являются исключением из правил, а не правилом (погребения 300, 483, 410, 192, 216, 402, 418, 228).

Особую важность представляет изучение сопровождающего материала, в частности поясных наборов, серег, зеркал и т. д., что было отмечено А. К. Амбросом (1982. С. 115, 116), и бус, чем можно было воспользоваться, поскольку из 81 погребения с фибулами происходит 4 803 экз. бус, изученных нами, притом в ряде погребений их количество составляет более сотни экземпляров (347 в п. 291, 358 в п. 490, 260 в п. 135, 201 в п. 451). Упорядоченность погребений на основании смены типов фибул и, соответственно, членение на группы последовательностей погребений могильника Дюрсо на основании взаимосочетания вещей в комплексах с фибулами (Дмитриев, 1982. Рис. 11; С. 105. Табл.) дали первую объективно проверяемую периодизацию могильника. Она принята и сегодня исследователями, обращающимися к материалам Дюрсо, разногласия в основном касаются перехода от относительной датировки по этапам (узким или обобщающим) к абсолютным датам, но на этом мы остановимся далее, в связи с вопросом о степени дробности упорядочения во времени (относительном и абсолютном).

Другим важным вопросом при решении проблем периодизации памятника является увеличение массива материалов, используемых для этих целей. В этой связи была проведена большая работа А. А. Дмитриевой и А. В. Дмитриевым в рамках проектов РГНФ и РФФИ (рук. В. Б. Ковалевская). Ими были подготовлены для классифицирования 12 395 бус из 267 погребений Дюрсо, разделенные В. Б. Ковалевской на 120 типов на основании подготовленной базы данных бус Дюрсо и превосходных рисунков в цвете А. А. Дмитриевой. Эта БД стала органичной частью БД бус Юго-Восточной Европы V–IX вв. (40 020 экз. – 395 таксонов), изданной в двух монографиях В. Б. Ковалевской (1998; 2000). Таким образом бусы из могильника Дюрсо получили систематизированный массив аналогий, где каждый экземпляр можно сопоставить с десятками и сотнями идентичных экземпляров с территории Крыма и Кавказа из датированных комплексов и случайных находок на памятниках. Для всех материалов использовалась обобщенная датировка по этапам: V – первая половина VI в., вторая половина VI–VII в. и VIII–IX вв. с выделением памятников IX в. (см.: Ковалевская, 2000. С. 280–304). Именно по этим хронологическим периодам – I: вторая половина V – первая половина VI в.; II: вторая половина VI–VII в.; III: VIII–IX вв. – рассмотрены нами все бусы могильни-

ка Дюрсо². Эти же хронологические характеристики этапов используются А. В. Дмитриевым в его разделах коллективной монографии (Дмитриев, 2003. С. 200–206).

Но тот массовый материал, который был использован после создания БД «Бусы Дюрсо» для получения новой информации о периодизации могильника Дюрсо, требовал и новых статистических методов обработки данных. Ранние работы А. В. Дмитриева 1982 г. показали на примере картирования фибул, насколько плодотворны результаты. Их хотелось бы продолжить с бусами и другими категориями материалов (серьги – 34 экз. – 5 типов; пряжки – 62 экз. – 13 типов; наконечники поясов – 21 экз. – 3 типа; накладки – 28 экз. – 8 типов; и т. д.). Наряду с таким массовым и представительным материалом, как бусы и фибулы, эти данные позволяют датировать погребения по ряду групп независимых материалов, используя сериацию, кластерный анализ и другие методы многомерного сравнения наряду, и это главное, с построением изолинейных карт, опыт построения которых в рамках Кавказа и Восточной Европы был многократно использован В. Б. Ковалевской (2005. С. 20 и далее).

В рамках проектов РФФИ (рук. В. Б. Ковалевская) О. Ю. Наумовой был введен в компьютер полный план могильника, а С. Ю. Рычковым адаптирована геногеографическая программа GGMag к анализу пространственного распределения погребений по набору инвентаря в могильнике Дюрсо.

На основании статистического анализа указанных БД Дюрсо были построены сотни компьютерных карт, произведен кластерный анализ (как по сочетанию различного типа вещей в погребениях, так и на основании их пространственного размещения), вычислены корреляционные матрицы между всеми типами артефактов. В результате работы по уточнению датировки погребений на основании сочетания вещей число датированных комплексов с 80, использованных при первых публикациях, увеличилось почти до 300. На этом основании стало возможным построить компьютерные карты могильника, разделенного с помощью изолиний на зоны, соответствующие восьми хронологическим этапам (Ковалевская, 1998б. Рис. 2, а, б). Для сравнения мы привели традиционную карту, где разными условными знаками отмечены погребения тех же восьми хронологических этапов (Там же. Рис. 1). Тенденция роста могильника к югу, отмеченная А. В. Дмитриевым, видна, но наложенные друг на друга ареалы погребений каждого из этапов в центральной части могильника настолько сильно пересекаются, что убедить нас может только компьютерное прочтение этого процесса.

Так называемая фоновая карта хронологического разбиения погребений (Там же. Рис. 2, б) отражает динамику развития могильника, но поскольку она опирается на преобладающий материал, вынося все то, что не подчиняется правилам, на карту остаточных поверхностей, мы, не имея права выбрасывать имеющуюся информацию, можем пользоваться данной картой только как моделью. Погребения картированы с помощью условных координат

² В тексте и в ряде обобщающих таблиц монографий 1998 и 2000 гг. приводятся именно эти даты: V–VI, VI–VII и VIII–IX вв., тогда как в табличной форме характеристика находок каждого таксона бус даты этапов приведены в усеченной форме – первый этап цифра 6 перед названием могильника, а второй этап – цифра 7.

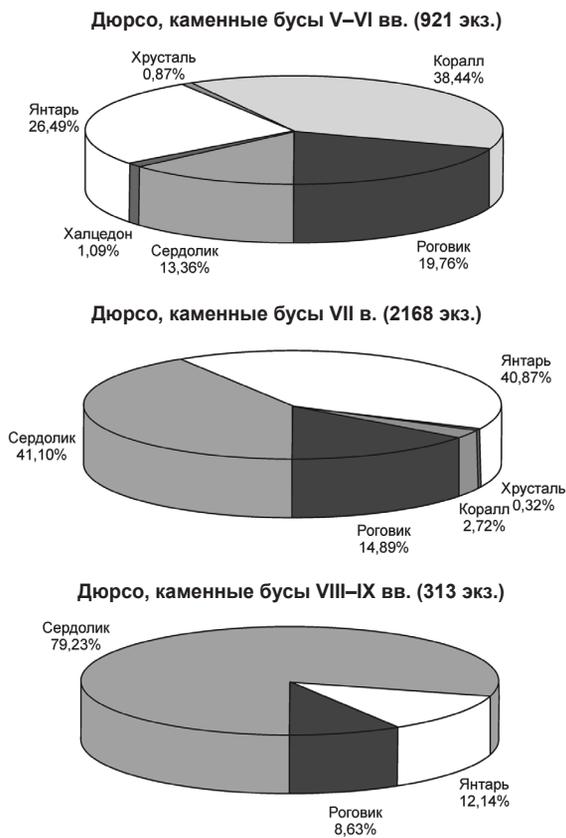

Рис. 1. Каменные бусы V–IX вв. по хронологическим периодам

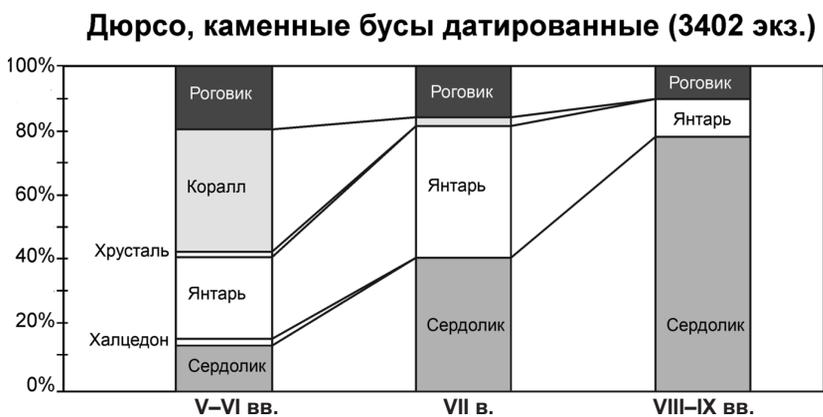

Рис. 2. Распространение коралловых бус на территории могильника Дюро; распределение бус германского производства и сердоликовых

на электронную основу, использованную для построения изолинейных карт, или же на карту, изданную А. В. Дмитриевым в 1982 г. Разделяя бусы Дюрсо по хронологическому признаку, мы в графической форме (рис. 1–2) можем показать на примере бус из природных материалов, в какой мере для каждого из выделенных периодов характерен тот или иной процентный состав: если в первой половине V – первой половине VI в. преобладают коралл (38,44%) и янтарь (26,49%), затем следуют сердолик (13%) и роговик (19,3%), то уже в конце VI – VII в. на первое место выходит сердолик (41,10%), хотя янтарь ему почти не уступает (40,87%). Роговик несколько уменьшается в проценте (14,99%), а коралл почти исчезает (2,72%). Еще заметнее направление изменений к VIII–IX вв., когда процент сердолика достигает 79,23. Правда, такая наглядная картина является результатом действия «больших чисел»; в случае, когда мы хотим получить надежную дату для одного комплекса, лишённого других датирующих материалов, картина получается значительно более размытой. Какими методами на основании анализа бус можно получить информацию о дробной периодизации, мы покажем далее. В статье мы приводим небольшую часть компьютерных и традиционных карт бус из альбома электронных карт, построенного нами, а именно тех, о которых пойдет речь при дробной датировке комплексов. Наблюдается четкая зона повышенной концентрации в северной и северо-восточной зонах могильника, вокруг наиболее хорошо стратифицированных погребений 300, 306, 483, 500, 479 раннего периода Дюрсо.

Исследователи неоднократно отмечали западное происхождение моды на фибулы, германский женский костюм, западные аналогии парадным мечам. Западными по своему происхождению являются коралловые и янтарные бусы. Среди стеклянных бус также можно выделить несколько имеющих аналогии в «барбарикуме» таксонов бус (т. 150, 162, 163, 164, 194, 199), происходящих из комплексов первого и второго периодов. Сердоликовые бусы встречались во все периоды, составляя соответственно 13,36% – 41,10% – 79,23%. В качестве зоны их наибольшей концентрации выделяется юго-западный угол могильника, использовавшийся в VIII–IX вв. Большой интерес представляют находки в Дюрсо одноцветных, полосатых и мозаичных бус из заглушенного красного стекла с орнаментом в виде полос бело-синего, окрашенного кобальтом стекла или мозаичных накладных полос из глазков и розеток. Связаны они, безусловно, с византийским импортом, хотя место производства пока определить не удастся. Эти бусы составляют достаточно обширную коллекцию (151 экз.), но происходят они из богатых погребений и высоко ценились, т. к. в половине случаев на погребение приходилось по 1 экз. По характеру распределения в пределах могильника эти типы бус различаются следующим образом: севернее и восточнее располагаются погребения с красно-полосатыми бусами (т. 196, 197), несколько южнее – одноцветные (т. 139), что, возможно, свидетельствует о несколько более раннем проникновении бус таксонов 196, 197. Безусловно и то, что мозаичные бусы таксонов 279, 280, 282 поступали к населению Дюрсо позже. Ареал их вытянут с северо-запада на юго-восток (соответствуя ориентации погребений в этой части могильника).

Бусы розового, с оттенком аметиста, стекла (круглые, зонные, а иногда в форме псевдогеммы – т. 91, 92, частично 93), которые редко выделяют исследо-

ватели, специально не занимающиеся бусами, и поэтому мы знаем об их распространении меньше, чем хотелось бы (Ковалевская, 2000. С. 7, 8). Они являются датирующей находкой для V–VI вв., что подкрепляет их картографирование. В Дюрсо они представлены 20 экземплярами.

Интересно и распространение синих и черных бус с навитой основой и глазками-крапинками разного цвета, как правило, белыми и красными (т. 151). Из общего количества подобных бус Крыма и Кавказа (149 экз.) 60 экз. приходится на погребения могильника Дюрсо: 27 экз. в комплексах V–VI вв.; в два раза меньше – из значительно большего количества комплексов конца VI–VII в.; 5 экз. из погребений VIII–IX вв., остальные – из недатированных комплексов.

Такие находки, как гривны и пряжки с округлыми рамками и щитками и металлические зеркальца-подвески с центральной петелькой, типичные для V–VI вв., дают четкие и направленные меридионально узкие ареалы (для зеркал и гривен) и более широкие для пряжек (очевидно, в той мере, в какой они присутствуют в относительно более поздних комплексах).

Разница в направлении границ ареалов в зависимости от хронологической позиции тех погребений, из которых происходят рассматриваемые артефакты, наглядно отражена распространением серег и деталей поясных наборов – наконечников ремней второй половины VI–VII в., геральдического типа, поясных накладок, расчлененных во времени в пределах второй половины VI и начала VII в., и лировидных пряжек. Ранние серьги, выделенные А. В. Дмитриевым в качестве таксона 3 и 20, повторяют карты ранних бус, гривен и серег и представлены еще более узкими ареалами, вытянутыми меридионально, связывающими между собой три группы концентрации ранних памятников, что подробно мы рассмотрим далее. Причем направление связей, четко перпендикулярное принятой ориентации погребенных, которая в северной части могильника имеет широтное направление, скорее всего, отражает меридиональный рост могильника и позволяет нам определить относительную хронологию погребений.

Распространение же серег таксонов 25 и 32, по А. В. Дмитриеву, отражает иное направление связей, характерное для расположения погребений VII в., соответствующее ориентации погребений и, очевидно, свидетельствующее о постепенном заполнении рядов. При увеличении количества однотипных вещей в близко расположенных погребениях можно будет говорить о семейно-родственных отношениях в двух выделенных микрогруппах для погребений с серьгами т. 32 и т. 20.

Еще заметнее направленные связи проявляются в погребениях с дружинной поясной гарнитурой, которая несет информацию как о хронологической позиции, так и о социальном статусе похороненного дружинника. Этот вопрос не может быть рассмотрен до полной публикации материалов могильника Дюрсо А. В. Дмитриевым и (для необходимых сопоставлений) могильника Бжид А. В. Пьяновым. Но когда, благодаря любезности А. В. Дмитриева и А. В. Пьянова, в хранилищах Новороссийского и Краснодарского музеев я смогла внимательно ознакомиться с наборами геральдического типа из указанных могильников, мое внимание привлекли два поясных набора из разных могильников, идентичных по материалу, типу пряжки и набору и количеству всех типов на-

кладок и наконечников и типам подвесных ремешков, безусловно происходивших из одной мастерской и, очевидно, пожалованных одним военачальником, что могло свидетельствовать о службе носителей этих поясов в одном воинском подразделении. Небольшое отличие в числе подвесных ремешков к поясу, что может свидетельствовать об определенной иерархии внутри дружинников, говорило о несколько более высоком статусе воина, погребенного в Бжиде. Конечно, это мое предположение может быть принято или опровергнуто только после публикации материалов указанных могильников, и в предлагаемой вниманию читателей статье тема определения стратификации дружинников по составу и сочетанию различных деталей поясного набора может быть только поставлена.

Вместе с тем, картирование деталей поясного набора позволяет поставить некоторые вопросы. Так, направления ареалов во всех случаях соответствуют ориентации погребений, но при этом для трех таксонов наконечников ареалы не пересекаются, хотя ареал наконечников с боковыми вырезами (т. 38, по А. В. Дмитриеву) находится внутри ареала наконечников таксона 23 (по А. В. Дмитриеву). Эти линейные связи позволяют ставить вопрос о том, что последние отражают определенные связи между дружинниками, похороненными в одном ряду, выражающиеся в общности тех или иных деталей поясной гарнитуры. Картирование показывает, что каждая из деталей фиксирует один (т. 38 и 34–35, по А. В. Дмитриеву; т. 28 и 31) или два параллельных между собой, но отстоящих друг от друга ряда (т. 23 – поясные накладки второй половины VI в.). Можно высказать предположение, что в этих рядах были похоронены воины, каким-то образом связанные между собой. В целом дружинники были достаточно однородны, поскольку те материалы VI–VII вв., которые существуют в нашем распоряжении на сегодня, не дают нам надежной информации о социальной или имущественной дифференциации среди них.

На протяжении первой части статьи мы картировали материалы исходя из той периодизации, в которой протяженность этапа составляет одно или полтора столетия, лишь в некоторых случаях выделяя более узкие промежутки времени бытования артефактов. Это и понятно: мы рассматривали вещи, у которых если и был узкий период бытования, когда их процент достигал относительного максимума, то всегда существовал период их постепенного выхода из обращения, растягивающий общий срок их распространения во времени. Это же касается и распределения в пространстве. Если Дюрсо, находясь на побережье, получало импортные предметы непосредственно, как бы из первых рук, то население Северного Кавказа – из-за необходимости для торговых караванов пользоваться труднодоступными горными перевалами – получало те же товары на некоторый срок позже, что расширяет время бытования интересующих нас артефактов и уменьшает наши возможности дробного датирования. Следовательно, чем ограниченнее то пространство, с территории которого происходит изучаемый нами материал (а в нашем случае это бусы одного поселения, происходящие из одного могильника, по мнению А. В. Дмитриева, раскопанного полностью или почти полностью), тем более точными должны оказаться наши хронологические выводы, опирающиеся на анализ именно этого материала. Второе важное условие заключается в том, что изучаемый отдельный предмет всегда происходит из той

суммы вещей, которая имеет протяженную дату, а время совершения захоронения всегда имело день, месяц и год, но именно определение этой даты всегда является основным камнем преткновения. Вернемся к истокам исследования хронологии могильника Дюрсо, т. е. углубимся опять на четверть столетия назад.

На основании дробного анализа фибул Дюрсо по их признакам и членения сопутствующего материала по выделенным таксонам, сочетающимся с фибулами в таблице взаимовстречаемости вещей, А. В. Дмитриев свел все погребения с фибулами Дюрсо – а надо сказать, что сюда входят все самые богатые погребения могильника второй половины V – первой половины VI в., – в единую последовательность. Эта последовательность опирается на смену типов вещей и является хронологической. Абсолютные даты приданы отрезкам этой последовательности на основании внешних аналогий, достаточно полно приведенных А. В. Дмитриевым и А. К. Амброзом и обоснованных. По этой системе первый узкий этап датирован А. В. Дмитриевым со второй половины V в. (или, как уточняет А. В. Дмитриев по историческим данным, с середины 60-х гг. V в.), второй этап – первой третью VI в., третий – второй третью VI в., а четвертый этап – начиная с последней трети VI в. до конца VII в. Эта периодизация была принята в дальнейшем многими исследователями и пересмотрена в 2001 г. М. М. Казанским.

Правда, в статье М. М. Казанского (2001. С. 41–58) принятые А. В. Дмитриевым даты этапов выглядят иначе и названы фазами: I – 450/470 гг.; II – 500–530/550 гг., III – 550–600 гг. При этом часть погребений первого и второго этапа А. В. Дмитриева объединена М. М. Казанским в I/II фазу и по абсолютной хронологии удревнена (середина V – 80–90-е гг. V в.). Кроме того, выделена промежуточная группа из пяти погребений, отнесенных ранее А. В. Дмитриевым ко второму этапу (следовательно, последовательность погребений сохранилась). Дата этой промежуточной группы не указана, тем более что I/II и III фазы налегают друг на друга, поскольку I/II завершается в 480–490 гг., а третья начинается в 470–480 гг., поэтому, на какой промежуток времени приходится промежуточная группа, остается неясным. В III фазу, по М. М. Казанскому, входят в основном те погребения, которые и у А. В. Дмитриева относятся к третьему этапу.

Рассматривая последовательность погребений по трем фазам (включая и промежуточную группу), предложенную М. М. Казанским, мы видим, что она восходит к упорядочению А. В. Дмитриева. Объединенными оказались погребения, разделенные ранее на два этапа, и я попытаюсь далее рассмотреть, следовало ли их объединять и не ограничивает ли это наши возможности в изучении социальной стратификации населения, оставившего могильник Дюрсо. Я оставляю сейчас в стороне вопрос об абсолютной датировке рассматриваемых погребений, поскольку давно уже сложилось отличие между системой датирования северокавказских древностей с опорой прежде всего на материалы самих местных памятников и в том случае, когда датировки опираются на достаточно удаленные западные аналогии. Последние часто являются образцами для подражания у местных ремесленников, поэтому следует накладывать определенный хронологический допуск, не считая возможным образцы и подражания, отделенные тысячами километров, датировать одним и тем же временем.

Вопросы относительной и абсолютной хронологии мы рассмотрели в связи с тем, что представляет интерес специально остановиться на социальной стратификации населения, оставившего могильник Дюрсо. С момента введения в научный оборот материалов могильника Дюрсо был поставлен вопрос о богатых мужских и женских захоронениях V–VI вв., и были специально выделены в качестве погребений представителей высшей знати могилы 300, 479 и 500. В работе А. В. Мاستыковой (2001. С. 59–69) и в книге М. М. Казанского и А. В. Мاستыковой (Kazanski, Mastykova, 2003. Р. 138–141) эти наиболее богатые погребения рассмотрены как захоронения военных предводителей кланов, вокруг которых концентрировались погребения с более низким социальным статусом, что позволяет разделить территорию могильника на три сектора.

Гипотеза интересная, но требующая проверки и конкретного планиграфического рассмотрения. Начать с того, что эти погребения не одновременны, они, как свидетельствует археологический материал, приведенный А. В. Дмитриевым (1982. С. 103, 104) и А. К. Амброзом (1982. С. 115), относятся к трем разным узким хронологическим периодам. Погребение 300 относится к первому узкому этапу и может быть датировано второй половиной V в., возможно, являясь одним из самых ранних захоронений на могильнике. Погребение 500 относится ко второму узкому этапу и, следовательно, должно быть датировано первой третью VI в. Причем его более поздняя хронологическая позиция отмечена и М. М. Казанским, поскольку он относит его к промежуточной группе между I/II и III фазами. Погребение 479 отнесено А. В. Дмитриевым к третьему этапу, хотя по набору бус (46 коралловых, одна бусина «аметистового» стекла и бусина с внутренней позолотой, не считая других бус, не несущих в себе информации о дате погребения) с тем же основанием может быть отнесено и ко второму этапу.

Начнем наше рассмотрение с той ситуации, которую формируют погребения 300 и, очевидно, связанное с ним конское погребение пл. 4, расположенное в 10 м к северо-востоку от него. С юга полукольцом располагаются на расстоянии 15–18 м 4 погребения – 310, 285, 259 и 306, – из которых 306 и 310 относятся к тому же времени, а 259 и 285 – к несколько более позднему. Погребение 259 отличается богатым набором бус, поскольку ему принадлежит вторая на могильнике крупная многогранная усеченно-бипирамидальная (аналогичная бусине из п. 516) бусина из халцедона и бусина из красного непрозрачного стекла, с мозаичными полосами и пояском из мозаичных глазков (т. 196, 230).

Ближе к погребению 300 с юго-запада находятся недатированные погребения (257, 339, 352 и 258), а с юго-востока – не связанная с п. 300 цепочка погребений VI–VII вв. (308, 311, 312, 244, 322). Площадь сектора, образованного указанными погребениями середины V в., составляет примерно 180–200 м². С запада и востока она окружена не заполненным могилами нейтральным пространством полуциркулярной формы шириной в 10–12 м, переходящим с восточной стороны в «коридор» 15–17-метровой ширины, который маркирован с востока погребением 150, датированным, скорее всего, рубежом V–VI вв. (находится в 16 м от п. 306). Это незаполненное пространство, имеющее протяженность 35–50 м, с юго-востока ограничено погребением 153, относящимся ко второму или третьему

му этапу. За южной полукруглой линией погребений V – начала VI в. выделяется неширокая (2–4 м) полоса, которая переходит в симметричную по отношению к рассмотренному выше «коридору», лишенную погребений полосу, идущую на юго-запад от погребения 310 на расстояние 45 м, при ширине 12 м. Ее восточная граница маркирована погребением 338 второго или третьего этапа и погребением 217 третьего этапа.

Конечно, предложенная модель гипотетична; но наличие этих двух взаимно-пересекающихся «улиц», ведущих к самому богатому и самому раннему погребению вождя и находящемуся на одной линии с ним на пустой «площади» конскому погребению, возможно, каким-то образом маркирует сакральный центр самой ранней части могильника. Немаловажно то, что в V–VI вв. эти проходы не были использованы. Пустыми они оказались и в более позднее время, при том что могильное поле использовалось достаточно активно. Далее нам важно проверить, наблюдается ли нечто подобное в концентрации погребений вокруг п. 500 и 479.

Первым делом следует отметить, что в непосредственной близости от богатого парного погребения 500, в 6–10 м к юго-западу, находятся два погребения предшествующего этапа, одновременных п. 300. Разрушенное бульдозером п. 298 и детское п. 483, находящиеся в 5 м друг от друга, дали достаточно надежный для датировки материал, чтобы определить их хронологическую позицию. Второй вывод, опирающийся на планиграфию, заключается в их связи с п. 500. По имеющимся материалам нельзя сказать, в каком отношении (социальном, клановом) они находились с группой погребений вокруг п. 300. Они были одновременны, похоронены были представители достаточно богатых слоев, п. 483 было расположено точно на север от п. 300 на расстоянии около 50 м, что значимо превышает расстояние до тех погребений (310, 306, 259, 285), которые мы связываем с п. 300.

Интересно, что между погребением 300 и погребениями 298 и 483 меридионально протянулась на всем протяжении не заполненная погребениями полоса. В поперечнике она в северной части имеет около 7 м, а ближе к захоронению коня, связанному с п. 300, – 20–26 м. На этом пространстве зафиксировано только одно погребение 315, которое не датировано, так же как и п. 257, 258, 339, 340 и 352, находящиеся в непосредственной близости к п. 300 к юго-западу. То, что находящееся рядом с ним п. 353 датируется концом VI–VII в., так же как и находящиеся к юго-востоку погребения 132, 244, 308, 311 и 312, возможно, указывает на то, что недатированные погребения могут относиться также к значительно более позднему времени, чем ранняя группа погребений могильника Дюрсо. Тем интереснее, что обширное не заполненное могилами пространство в непосредственной близости от выделенной группы погребений в большой степени оставалось незаполненным в позднейшее время, что означает или наличие каких-то наземных ограничивающих знаков, или сохранение в памяти населения знания о нежелательности (а возможно, и запрете) использования этих участков в качестве могильного поля.

Погребение 500, связанное, очевидно, с конским погребением пл. 10, окружено опять-таки треугольником, отстоя от одновременных ему п. 517, 507, 506,

374, 314 и 490 на 10–22 м и занимая площадь около 200 м², т. е. примерно соответствующую площади вокруг п. 300.

Внутри и по периметру выделенной территории находятся недатированные погребения 266, 267, 299, 328, 329, 457 (по бусам, несколько более поздние), 507 (по бусам относящееся ко 2 этапу), 513 и 514. Если учесть, что эта часть могильника почти совершенно не использовалась в более позднее время, возможно, эти погребения относились к данному периоду. С северной, восточной и южной сторон выделенной площади выделяется не заполненное погребениями пространство в виде «улиц», выводящих на север за пределы могильника (ширина 12 м, длина почти 40 м от п. 490). Рядами погребений с севера и юга ограничена «улица», выводящая на юго-восток за пределы могильника, протяжением 30 м, при ширине 8 м (два находящиеся у ее конца погребения не датированы). Эта «улица» имеет в центре, в месте пересечения с северной «улицей», конское погребение (как было и около п. 300) и уходит, сохраняя те же направление и ширину (8 м), на запад, со слабым отклонением на север, за пределы могильника. Опять, как в случае с п. 300, погребение «вождя» и конское захоронение оказываются на пересечении улиц, являясь значимым, очевидно, так или иначе маркированным, центром в северной части могильника. Это могло быть земляное или деревянное сооружение, не дошедшее до нас и, очевидно, существовавшее не только во время использования могильника в ранний период, но и позже.

После определения связи между группой погребений 300 и 500 во времени и пространстве, можно ставить вопрос о связи с ними погребений 420 и 479 (с парадным мечом), также обращая внимание на ту хронологическую и пространственную позицию, которую они занимают. А. В. Дмитриев относил п. 420 то к первому, то ко второму этапу (Дмитриев, 1982. С. 104), М. М. Казанский – к объединенному I/II, что по времени позволяет считать его одновременным п. 300 и более ранним, чем п. 500.

Анализ бус позволяет уточнить дату этого комплекса: ряд бус характерен для I и II этапов – крупные, хорошо обработанные янтарные (т. 38; 7 экз.), одноцветные и полосатые из заглушенного красного стекла (т. 139, 197), глазчатые (т. 151). Правда, отсутствуют коралловые бусы и ряд типов ранних стеклянных бус. Настораживает тот факт, что из п. 420 происходит четырехгранная бипирамидальная сердоликовая бусина, аналогичные которой найдены в позднем п. 37 и в памятниках Кавказа, где они служат хроноиндикатором VII в.; из 135 известных экземпляров ни один не происходит из более раннего комплекса (Ковалевская, 1998. С. 20, 21). Следовательно, по бусам это погребение не может быть датировано ранее II–III периода. Относительно даты п. 479 я склонна прислушаться к мнению А. К. Амброза, изучавшего в Новороссийском краеведческом музее поясные наборы могильника Дюрсо и отметившего, что, по технике изготовления пряжки из этого погребения, его следует омолодить (Амброз, 1982. С. 115). Анализ бус из п. 479 (75 экз.) говорит в пользу отнесения этого комплекса, как и п. 420, к II/III периоду.

Что касается расположения на могильном поле, то по сравнению с п. 300 и 500 они сильно смещены на запад (на 30–40 м), являясь, таким образом, самой западной группой ранних погребений. То, что эти погребения составляли

одну группу (к которой, очевидно, относилось и п. 403), разделенную примерно 15 метрами, подтверждается тем, что все расположенные между ними погребения (433, 475, 434, 448, 377, 368, 418, 415, 416 – перечисление идет с запада на восток) во времени отстоят от них не менее чем на одно-два столетия ближе к нашему времени. Если же мы реконструируем состояние могильника на время совершения погребений 420 и 479, то должны отметить, что они были одинаково ориентированы и занимали не заполненное могилами пространство, открытое к западу и соединенное не заполненными могилами проходами от п. 420 к п. 430 и от п. 479 к погребениям, пространственно и хронологически тяготеющим к п. 300, – п. 291, 285 и 251 (по своим материалам, в частности по бусам, относящимся к I/II этапам, т. е. во времени следовавшим за п. 300).

Погребения 420 и 479, таким образом, входили в то полукольцо, которое на II/III узком этапе располагалось не только на юго-запад, но и к югу и востоку от п. 300 (п. 291, 151 и, возможно, 159), на расстоянии 23–30 м. Это показывает, что если богатые погребения с парадными мечами мы считаем погребениями военачальников, то относительно погребенного в могиле 479 должны отметить, что он относился к клану п. 300, а похоронен был позже, чем погребенные как в п. 300, так и в п. 500. Именно к этому клану тяготеют погребения III этапа, создающие полукольцо, которое окружает погребения I–II/III этапов. Если вести подсчет против часовой стрелки, это погребения 410, 408, 395, 396, 479, 468, 217, 191, 135 и 153, отстоящие от п. 300 и 479 на расстояние от 18–20 до 35–40 м.

К сожалению, внутри этого пространства, ограниченного кольцом погребений III этапа раннего периода могильника Дюрсо, мы не можем выделить всю сумму ранних погребений, поскольку они не изданы полностью. Поэтому мы не можем судить о микрогеографии и семейных группах. Кроме того, именно эта часть могильника раннего времени активно использовалась в конце VI и в VII в., о чем мы уже говорили ранее на примере анализа карт распространения пряжек и деталей геральдических поясов. Интерес в плане поставленного А. В. Дмитриевым вопроса о перерыве в несколько десятилетий в использовании могильника в середине VI в. и о возможной смене населения (Дмитриев, 2003. С. 205) представляет тот факт, что большие, не заполненные могилами пространства, конфигурация и направление которых были рассмотрены нами в связи с группировками погребений вокруг п. 300, 500, 420 и 479, сохранились в более позднее время и были нарушены очень незначительно. Это означает, что память о сложившейся в V – первой половине VI в. структуре могильного поля сохранялась и в более позднее время. Если же вкратце подытожить наши представления о росте могильника, его структуре, попытке выявить относительную социальную значимость в общественной жизни тех воинов, которые похоронены в выделяющихся по своему богатству погребениях, то отметим следующее.

Наиболее раннее погребение с конем (п. 300) занимало центральную часть будущего могильного поля и, очевидно, было погребением военачальника. Место погребения воина и конское захоронение были сакральным центром могильника во второй половине V в. К нему вели с юго-запада и юго-востока два прохода (шириной 10–15 м), уходя точно на север более узким проходом (7–10 м). В конце этого прохода в этот же первый этап раннего периода использования могильника

на расстоянии около 30 м были совершены два погребения (298 и 483), менее богатые, чем п. 300, и, скорее всего, относящиеся к другой семье (клану?), поскольку иначе они располагались бы ближе к центральному погребению 300.

Именно в непосредственной близости от этих ранних погребений на рубеже V–VI вв. были совершены богатое п. 500 и конское захоронение. Вокруг группы, связанной с п. 500, наблюдается та же пространственная структура: нейтральная полоса вокруг треугольника п. 500 (506, 314, 374, 490), с проходами, выводящими на север, восток и запад (с некоторым отклонением).

Погребение 500 – это, безусловно, самое богатое воинское захоронение второго этапа I периода. Оно является погребением представителя другого клана, нежели п. 300. Для расположенных к западу и отделенных двумя проходами погребений (504, 509, 510, 515, 525) мы имеем только обобщенную дату – V–VI вв., и, не имея возможности сегодня сузить ее, не можем судить о связях этой группы, выделенной пространственно, с другими.

Относительно первых двух можно говорить, что они отличаются территориально, но, безусловно, и хронологически, принадлежа разным узким этапам первого периода и относясь, очевидно, к двум разным кланам.

К более позднему времени относится группа погребений 479, 420 и 403. Но судя по пространственному анализу, они относятся к продолжению существования во времени представителей клана, оставившего п. 300. Двумя широтными проходами эта группа связана с группой п. 300, имея дополнительные проходы к югу и западу. То, что группа п. 479, возникшая между II и III этапом первого периода, т. е. в первой трети VI в., связана с группой п. 300, подтверждается тем, что продвинувшийся на север и юг могильник III этапа имеет своим центром как п. 479, так и п. 300 с сопутствующими ему более поздними погребениями.

Поскольку все выделенные погребения богатых воинов с оружием разновременны, нет оснований говорить о том, что вся территория могильника разделена на три зоны. На первом этапе выделилась центральная зона, вокруг п. 300. Одновременно начала выделяться вторая зона на севере, в пределах которой уже на втором узком этапе появилось п. 500: погребение вождя, который, скорее всего, был вождем не какой-то части населения, оставившего могильник, а всех готов-тетракситов, поскольку все надежно датированные этим временем погребения концентрируются в северной части, в единичных случаях располагаясь к юго-востоку (п. 292).

На грани II/III этапов первого периода возникает западная группа, связанная по своему происхождению не с группой п. 500, что было бы понятно с учетом хронологии, но с п. 300, что вытекает из пространственного анализа распространения погребений I/II и II/III этапов первого периода вокруг группы п. 300. Поэтому если принимать «клановую версию», то после того как на смену клану п. 300 пришел клан п. 500 (генетически восходящий к п. 298 и 483), на грани II/III этапов власть опять вернулась к представителям клана п. 300. Погребения этого времени и III этапа расположены по дуге, огибающей с юга почти всю территорию могильника, включая в себя как самый ранний центр (п. 300), так и погребение с парадным мечом 479 в западной части. Очевидно, северная часть могильника в это время уже не использовалась. Эти построения не могли бы возникнуть, если бы какая-то часть могильника, прежде всего на-

ибо более богатые погребения воинов с парадными мечами и женские погребения с фибулами, не были бы подробно датированы А. В. Дмитриевым. Следующим этапом было в пределах большой коллекции бус Дюрсо, насчитывающей более 12 000 экз., выделить эталонные наборы (см. табл. 1) для наиболее надежно датированных с помощью фибул, серег, пряжек и т. д. групп погребений, разбитых по трем этапам первого периода. В этом случае удалось перейти от выделения групп погребений по крупным периодам к членению материала по узким этапам и ввести хронологические уточнения в принятые датировки. В результате мы смогли уточнить взаимоотношение во времени и пространстве самых богатых воинских погребений могильника Дюрсо.

Таблица 1. Распределение бус по трем этапам раннего периода могильника Дюрсо (первая половина V – середина VI в.)

Группы погребений таксоны бус*	п. 298, 300, 306, 483 I этап		п. 197, 314, 356, 374, 490, 507, 516 II этап		п. 191, 217, 341, 347, 408, 410, 420, 476, 479 III этап	
	Сердолик (т. 2, 3, 4, 10, 11)	2 (7) 10 (1)	8	2 (13) 3 (5) 4 (2)	20	2 (69) 4 (1) 11 (1)
Агат (т. 24)			24 (1)	1		
Янтарь (т. 31, 33, 36, 37, 38)	36 (2) 37 (80) 38 (4)	86	33 (1) 36 (5) 37 (20) 38 (20)	46	31 (21) 36 (16) 37 (13) 38 (29)	79
Хрусталь (т. 49, 51, 54, 45)	45 (2) 49 (1)	3	54 (1)	1	51 (1)	1
Роговик (82, 83)			83 (3)	3	82 (54)	54
Коралл (т. 78, 79)	78 (1) 79 (55)	56	79 (77)	77	78 (48)	48
Всего		153		148		253
Одноцветные (т. 91, 92)	91 (3)	3			92 (1)	1
Бисер		102		310		216
Одноцветные (т. 139)		3		26		2
Глазчатые (т. 151)		7		3		1
Глазчатые (т. 163, 162)						2
Глазчатые (т. 171)				1		1
Полосатые (т. 196, 197)	196 (3) 197 (4)	7	196 (20) 197 (4)	24	196 (1) 197 (1)	2
Мозаичные (т. 222, 230, 232, 236)		5		4		4
Мозаичные (т. 296)		2		8		5
Всего стеклянных бус (вместе с не учтенными в данной таблице)		140		686		262
Общее количество бус		293		834		515
Среднее количество бус на 1 погребение		73		119		58
Всего 1570 экз. бус						

* Все таксоны бус сохраняют нумерацию по монографиям В. Б. Ковалевской (1998; 2000).

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К.*, 1979. К статье А. В. Дмитриева // СА. № 4.
- Амброз А. К.*, 1982. О двухпластинчатых фибулах с накладками – аналогии к статье А. В. Дмитриева // ДЭВПН.
- Дмитриев А. В., Ковалевская В. Б., Наумова О. Ю., Рычков С. Ю.*, 1998. Компьютерное картографирование массовых материалов могильника Дюрсо // Античная цивилизация и варварский мир: Мат. 6 археологического семинара. Краснодар.
- Дмитриев А. В.*, 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4.
- Дмитриев А. В.*, 1982. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // ДЭВПН.
- Дмитриев А. В.*, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М. (Археология.)
- Казанский М. М.*, 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Армавир; М. 7.
- Ковалевская В. Б.*, 1998а. Каменные бусы Кавказа и Крыма. Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 1.
- Ковалевская В. Б.*, 1998б. Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов (по раннесредневековым материалам Европы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Ковалевская В. Б.*, 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 2: Стекланные бусы и поясные наборы.
- Ковалевская В. Б.*, 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.
- Мастыкова А. В.*, 2001. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // Историко-археологический альманах. Армавир; М. 7.
- Kazanski M., Mastykova A.*, 2003. Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (I-er – VII-e s. apr. J.-C.). Paris.

М. Г. Гусаков

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРЯДА СОЖЖЕНИЯ
В УРНЕ И БЕЗ НЕЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ
МОГИЛЬНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ
ЭПОХИ ГАЛЬШТАТА И ЛАТЕНА

Погребальный обряд представляет собой ритуальное оформление перехода/проводов умершего из области жизни в область (пространство) смерти, гарантирующее благополучное для живых преодоление границы между ними, нарушенной событием смерти. Забота о сохранении этой границы и поддержании должного равновесия между этим и тем светом составляет основное содержание и определяет главную, на мой взгляд, цель погребального обряда (ср. действия, направленные на то, чтобы покойник не остался на этом свете, не возвращался,

не увел кого-нибудь за собой и т. д.). Есть мнение, что устройство погребения отражает представления о «потустороннем» мире, способы захоронения являются только материальной частью веры в «загробный» мир (Иванов, 1985).

Древний некрополь – это место «жительства», или «поселение», в потустороннем мире умерших родственников, или коллектива людей, живущего в данный момент на данной территории. Как правило, грунтовые могильники раннего железного века (далее РЖВ) принадлежат одной группе людей, связанных кровным родством и местом поселения.

Многообразие форм обращения с телом умершего у разных народов во все периоды человеческой истории стало темой многих научных исследований. Конкретно в археологии тема погребального обряда и устройства погребальных сооружений – чуть ли не самая объемная отрасль профессиональных исследований (Токарев, 1985; Смирнов, 1997).

Мое обращение к этой теме связано с исследованием погребального обряда в памятниках РЖВ юго-восточной Прибалтики (бывш. Восточной Пруссии, ныне Калининградской обл.).

Некрополь у с. Покровское, о котором пойдет дальше речь, располагается на небольшой возвышенности, на остатках большой дюны, сильно сnivelированной ежегодными вспашками (рис. 1). В 1975–1976 гг. В. И. Кулаков провел первые раскопки. Была вскрыта площадь около 800 м² и обнаружено 38 погребений (рис. 2). Все погребения содержали остатки трупосожжений, совершенных на стороне.

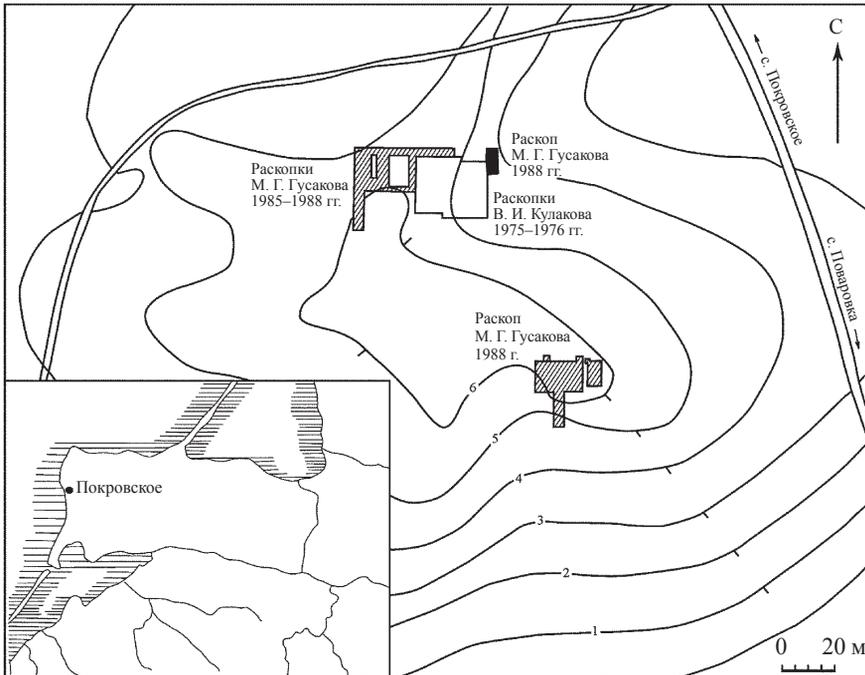

Рис. 1. Топографический план могильника у с. Покровское

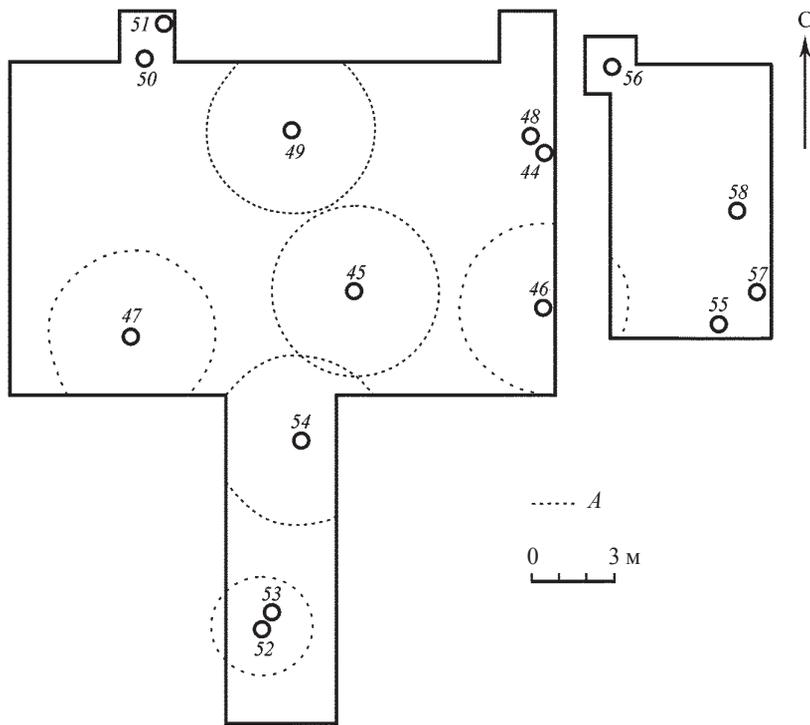

Рис. 2. План раскопа 1

Вторично могильник раскапывался в 1985 г. экспедицией под руководством М. Г. Гусакова. В небольшом раскопе (20 м²), в 14 м к западу от раскопок В. И. Кулакова, было вскрыто три погребения с остатками трупосожжений (рис. 2; 3).

Эти погребения по характеру устройства погребальных камер и содержанию ничем не выделялись из ранее раскопанных. В июле 1988 г. экспедиция под руководством М. Г. Гусакова продолжила раскопки на грунтовом могильнике у с. Покровское¹. Раскоп 1985 г. был расширен, его площадь доведена до 220 м². С северо-восточного борта раскопа Кулакова была заложена поисковая траншея в 20 м² (рис. 2; 3). Правда, оставался небольшой участок невскрытой земли между двумя раскопами, но он был сильно поврежден вспашкой (Гусаков, 1988).

В археологической практике с давних пор принято проводить подробные разделительные процедуры археологического материала, назову лишь те, которые я использовал в своей работе (Геннинг, Борзунов, 1975; Каменецкий, Мар-

¹ Приношу свою глубокую благодарность сотруднику славяно-русского отдела д. и. н. В. И. Кулакову за предоставленную мне возможность опубликовать материалы раскопок 1975–1976 гг. В данной работе описание погребений и инвентаря из 38 погребений воспроизведены мною так, как они даны в отчетах (Архив ИА. Р-1. № 5362, 6365). В работе 1988 г. приняли участие сотрудник Отдела Сводов ИА АН СССР к. и. н. Г. Н. Пронин, а также студенты и пионеры исторических кружков из г. Москвы.

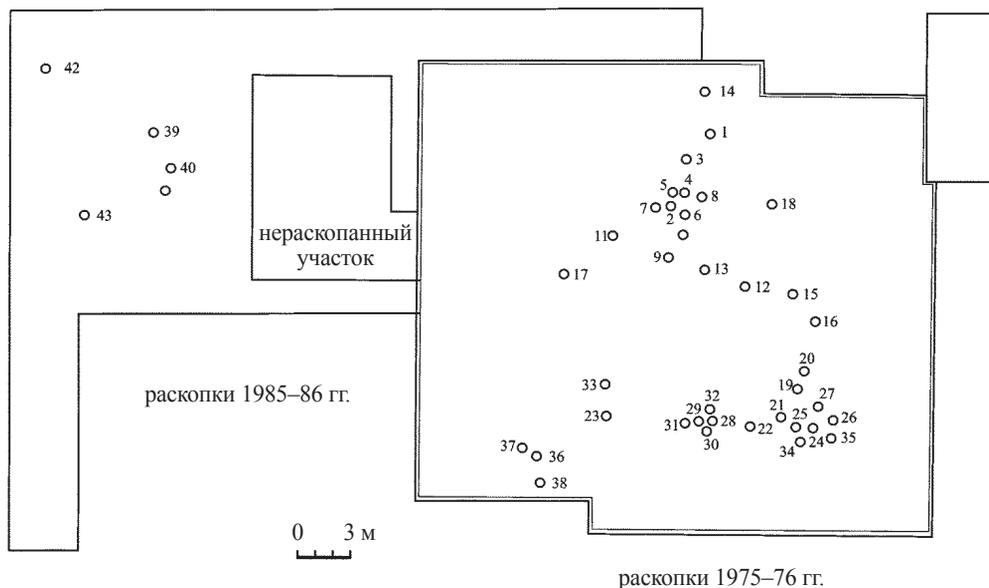

Рис. 3. План раскопа 2

шак, Шер, 1975; Каменецкий, Узянов, 1977; Каменецкий, 1986; Никитина, 1974; 1985; 1995). За 50 с лишним лет было разработано достаточно много приемов и предложено много классификационных схем для работы с материалом, однако, по-моему, до сих пор наиболее оптимального метода не выработано. В конкретном случае я не делал подробного разделения материала до «атомарного состояния», я считаю, что такая работа с погребальным обрядом вряд ли возможна и это достаточно красноречиво было показано в работе Ю. А. Смирнова (1997). В результате подробного анализа погребальной практики многих археологических культур в огромном хронологическом диапазоне – от 200 000 до н. э. и до наших дней (от неандертальских погребений до погребений XX в.) – автор убедительно доказал, что существовало и было выработано такое количество способов захоронения людей, что оно с трудом поддается измерению, даже если мы ограничимся погребальной практикой в пределах обряда сожжения (Смирнов, 1997. Схемы). Даже на материалах могильника Покровское просматривается около 10 вариантов способов устройства захоронений.

Погребения могильника у с. Покровское можно предварительно разбить на несколько типов. Выделение типов в настоящий момент носит предварительный характер.

Могильник у с. Покровское – грунтовой, разбросанный на большом пространстве. На территории могильника специальных мест кремации (сожжения трупа) не найдено. Характер погребений из могильника Покровское свидетельствует о том, что все погребения совершены по обряду кремации. Определенно улавливается несколько «типов» погребальных сооружений. Я исхожу из убеждения, что **тип** – это образец (Щапова, 1994; 1998).

На могильнике Покровское остатки сожжения помещались в яму в виде кучки праха. Были погребения, где прах разбрасывался по периметру ямы (без-

урновое погребение). Также существовало правило (не всегда соблюдавшееся) помещать в яму глиняные сосуды с напутственной едой (на могильнике они не сохранились). Был и второй способ устройства погребения – остатки сожжения помещались в урну, а урна ставилась в погребальную яму. Были погребения, где яма обставлялась валунами в виде короба или «домика», в немецкой литературе используется специальный термин – «каменный ящик» (stainkisten).

На могильнике Покровское выделены три группы погребений (рис. 4):

1) **безурновые** (всего 37) двух видов: **А**) без инвентаря – 12 погребений (№ 4, 5, 15–17, 19, 21, 22, 25, 26, 35, 36); **Б**) с инвентарем – 25 погребений (№ 2, 3, 7, 10, 13, 14, 18, 20, 23, 24, 27, 29, 31–33, 39–43, 48–53, 56–58);

2) **урновые** – 21 погребение (№ 6, 8, 9, 11, 12, 28, 30, 34, 37, 44–47, 54, 55);

3) **смешанные** – 1 погребение (№ 38).

По опыту работы исследователей из Польши, где подобные могильники составляют регулярные археологические объекты, можно заключить, что могильники в среднем содержат, по грубому подсчету, от 20 до 70 погребений и принадлежат к одной, по-видимому кровнородственной, группе, возможно, к большой кровнородственной семье (Wiadomosci Archeologiczne, 1966; 1967; 1968).

При первом взгляде на план могильника у с. Покровское в раскопе I просматриваются 4–6 групп погребений (рис. 2; 3).

Версия первая

Группа 1, северная (17 погребений). Ядро группы состоит из 8 погребений, которые расположены относительно друг друга на расстоянии не больше 2–3 м (№ 3, 8, 4, 5, 2, 7, 6, 10). Центральным является погребение 2 (ребенок?), единственное, в котором кости праха обложены валунами. Рядом два урновых погребения – 6 и 8 (женщина и ребенок). В этой группе нет мужских погребений.

Группа 2. Шесть (или семь) погребений, вытянувшихся в цепочку с запада на юго-восток (№ 17, 11, 9, 13, 12, 15, 16). Два погребения с каменной обкладкой (9 и 13 – подростки), с флангов их прикрывают погребения с урнами (11 и 12 – ребенок и женщина). Погребения 17, 15 и 16 просто содержат прах.

Группа 3. На юго-востоке раскопа II – компактное скопление погребений, аккумулирующее десять погребений (20, 19, 27, 26, 35, 34, 24, 25, 21, 22). Среди данной группы только одно погребение урновое (№ 34). 4 погребения (20, 19, 24, 25) с каменными выкладками расположены в центре группы. К сожалению, у нас нет антропологических определений в этой группе, поэтому мы не можем оценить их половозрастную стратификацию.

Группа 4 выделена условно. В одной яме собрано 5 погребений – два урновых (28 и 30) и три безурновых (29, 31, 32). По-видимому, данный случай можно интерпретировать как фамильный склеп.

Группа 6 выделена тоже условно. Она расположена на юго-западе раскопа I. Два крупных по размерам погребения 33 и 23 как бы стоят особняком, в обоих погребениях есть остатки каменных конструкций. Нет сомнений в том, что они были разрушены. Оба погребения выглядят как безурновые, однако есть ряд сомнений.

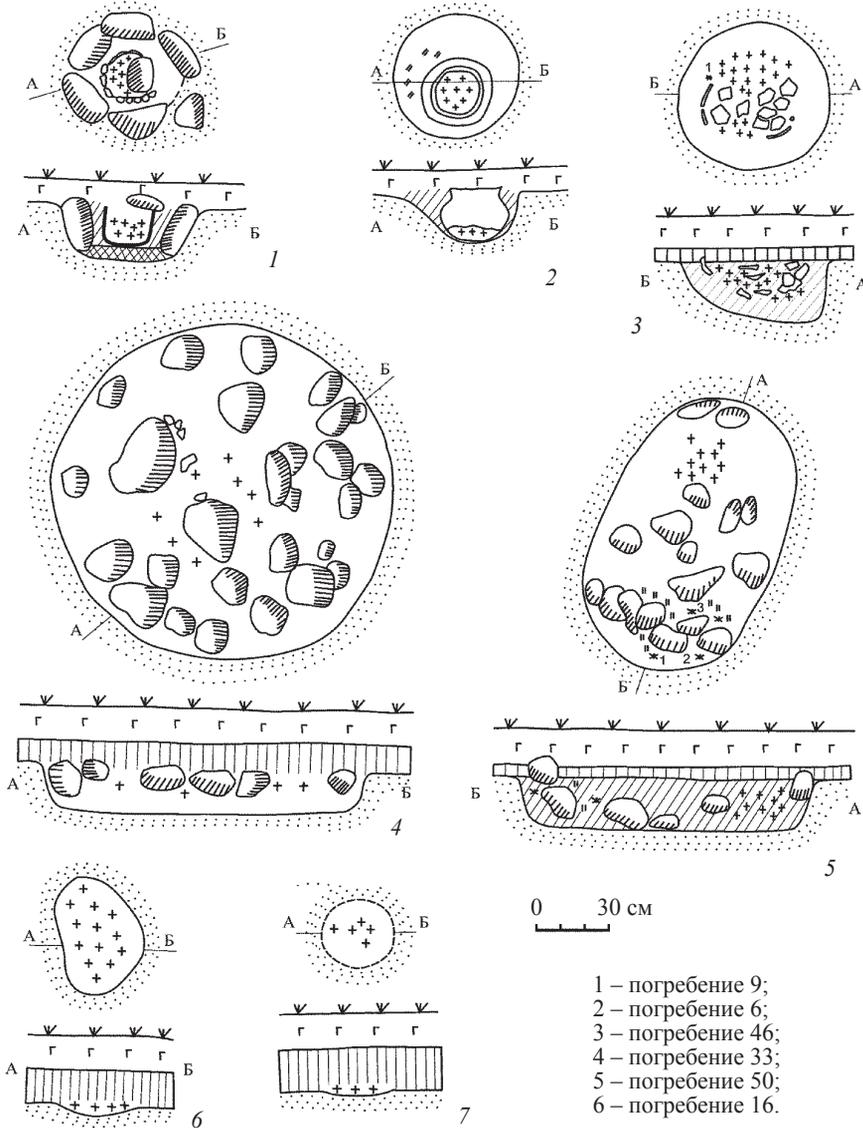

Рис. 4. Типы погребений могильника у с. Покровское

В 5–6 м от них, в направлении на юго-запад от вышеназванной группы, расположены три погребения (37, 38, 36), из них два урновые (37, 38).

Группа 7 расположена на северо-западе, за пределами раскопа I. Три крупных по размерам ям погребения (39, 40, 41) – безурновые, с остатками каменных конструкций. Несколько поодаль от них, на расстоянии 4–5 м на запад, располагались два погребения (42, 43). Наиболее примечательно для меня Погребение 43, в котором были обнаружены остатки колышков от корзины, покрывавшей, по-видимому, урновое погребение.

Выделение компактных групп в раскопе II затруднительно (рис. 3). Есть отдельные пары погребений, но они никак не связываются в группы. На наш взгляд, представляют интерес четыре пары.

Погребения 51 и 50, расположенные на северо-востоке раскопа II, по размерам и устройству погребального сооружения почти идентичны. Они содержат остатки каменных конструкций, которые были разрушены плугом. В этих погребениях были захоронены мужчины от 45 до 60 лет.

Погребения 48 и 44 удивительно похожи друг на друга, как по устройству, так и по обряду захоронения. Оба погребения урновые, одно (№ 44) точно, второе, по-видимому, такое же, только оно разрушено. В погребении 44 были захоронены две женщины, 25 и 55 лет, а также ребенок.

Погребения 55 и 57 расположены в юго-восточном углу раскопа II. Это пара погребений, совершенно не похожих друг на друга. Погребение 55 – с каменной конструкцией и безурновое, в круглой яме, тогда как погребение 57 – в длинной яме с остатками каменной конструкции. Антропологических данных для этих погребений у нас нет, и проверить их половозрастную стратификацию мы не можем. Погребение 57 похоже на погребения 50 и 51; возможно, оно было мужским.

Погребения 53 и 52 расположены в южном конце раскопа II. По-видимому, оба погребения были с каменной обкладкой и, возможно, урновые, однако они разрушены вспашкой. В п. 53 на материке были обнаружены остатки от корзины, аналогичные найденным в п. 43. По характеру устройства п. 52 похоже на п. 53, но в нем много утрат. В п. 53, лучше сохранившемся, были останки женщины 25–35 лет. Есть данные, что в п. 52 находились останки человека 25–35 лет. Возможно, это тоже была женщина?

Версия вторая

При существующих сегодня многочисленных и достаточно противоречивых способах анализа материалов могильников, к которым прибегают антропологи, наибольшей популярностью пользуется версия венгерских антропологов Дьёрдя Ачеди и Яноша Немешкери (Aczadi, Nemeskeri, 1970). Реконструкция общественной структуры по материалам погребенных – дело сложное и требующее достаточно большого количества данных, которых в нашем распоряжении нет. Но на некоторые вопросы мы, как мне кажется, можем ответить.

Первое. Средний возраст жизни (коэффициент доживаемости), рассчитанный для РЖВ, – максимум 40 лет (Алексеев, 1985). Эта цифра давно принята, согласована и не вызывает возражений (История первобытного общества, 1986).

Второе. 1/3 детей умирает, не дожив до 7-летнего возраста (Романова, 1986. С. 195–203). Женщины вступают в брак в возрасте от 13 до 15 лет, первые роды приходятся на 15–16 лет. Возраст вступления в брак по Салической правде – 12 лет, этот возраст считается совершеннолетним (Бессмертный, 1991. С. 32). В XI в. во Франции возраст вступления в брак – 14 лет для мальчиков и 12 лет для девочек. По могильным плитам, возраст вступления в брак римлянок (Рим, первые вв. н. э.) менее 20 лет (Там же. С. 39). В Риме в мужскую тогу юношей облачали в 16 лет. Совершеннолетие в Риме наступало в 16 лет (Тацит,

1969. С. 422). Девочек в Риме выдавали замуж в 13–14 лет, сам Тацит женился в 20 лет, его жене было 13 лет (Там же. С. 431, 436).

Третье. Потеря репродуктивной способности у женщин наступает около 30 лет, при условии, что она рождает по одному ребенку в два года. Таким образом, она могла произвести от 9 до 11 детей, из которых трое-четверо умирало, не дожив до взрослого возраста. Провансальские крестьянки в IX в. в возрасте 22–23 лет (очень многие) уже имели по 5 детей, детородный период заканчивался в 25–30 лет (Бес-смертный, 1991. С. 39). При этом, когда первая жена теряет способность к дето-рождению, не исключены институт наложниц или повторное вступление в брак.

Исходя из вышесказанного, мы можем представить социально-возрастную организацию данного общества.

А. Семья состоит из пары родителей и 5–8 детей. Всего от 7 до 10 человек. Бродель называет такую семью «нуклеарной» (Бродель, 1994. С. 81–87).

Б. Несколько кровнородственных семей составляют «семейную общину». Возможно, это и есть «большая патриархальная семья». Община имеет общую территорию, ловища, лесное хозяйство, святилище. Во главе этой общины стоит глава семьи, старший по возрасту.

В. Допустим, что могильник принадлежит или оставлен большой кровно-родственной общиной, тогда за период в 20 лет, с момента вступления в брак и до смерти (от 20 до 40 лет), должны умереть: двое родителей (мужчина и женщина) и 3–5 из 10 вероятных детей. Следовательно, из одной семейной группы за 20 лет уходит (в среднем) 6 человек – 2 взрослых и 4 ребенка.

Встает вопрос, можем ли мы наблюдать по материалам могильника ситуации подобного рода? Прямо ответить, используя данные антропологии, не удастся (табл. 1). Если скоррелировать эти данные с типом погребения, мы получаем смешанную картину (табл. 2). В таблице представлены соотношения типов погребений и локальные группы на плане могильника.

Первое. В колонке погребений с каменным ящиком представлены: 3 детских погребения, 2 – подростка и 1 детское и 2 женских погребения (одно из них, погребение 44, коллективное – женщина + подросток). Всего в этой колонке 12 погребенных: 3 подростка, 1 ребенок, 2 женщины, 6 – неясных. По-видимому, можно «неясные» погребения отнести к подросткам женского пола?

Таблица 1. Антропологические определения

	№№ погребений	четких	№№ погребений	нечетких	итог
Ребенок (Infans I,II)	2, 8, 11, 37	4	28, 30, 34, 37, 38	5	9
Подросток (Juvenis)	9, 13, 44	3	19, 20, 25, 43, 47, 55	6	9
Женщина (Adultus)	6, 12, 49, 52	4	1, 7, 10, 14, 18, 26, 27, 29, 31, 32, 35, 48, 58	13	17
Старч. (Senilis)	44, 53, 56	3			3
Мужчина (Adultus)	50, 51	2	3, 22, 23, 24, 33, 39, 40, 41, 57 (6)	9	11

Таблица 1 (окончание)

Старч. (Senilis)	42, 45, 46, 54	3			3
Н/я	4, 5, 15, 16, 17, 21	6			6
Итого		25		33	58

Второе. В колонке урновых погребений представлено 13 погребенных, из них 3 ребенка, 3 женщины, 3 мужчины (старческого возраста), 4 погребения – неясны. Сказать наверняка, что эта группа смешанная и в ней нет приоритетов, не можем, при общем равенстве в ней – 6 погребений взрослых людей.

Третье. В группе ямных удлиненных погребений – 12 погребенных, из них два взрослых мужчины. Погребения крупные в размерах, с камнями, возможно разрушенные. Но все погребения идентичны. Возможно, что это мужские погребения.

Четвертое. В четвертой колонке – ямные погребения, круглые (овальные) в плане. Всего 15 погребений, в одном из них (№ 49) – прах молодой женщины, не более 21 года. Мы можем предполагать, что во всех погребениях этого типа находится прах молодых женщин.

Пятое. В последней колонке представлены погребения с прахом, и ничем более. Таких погребений 6. К сожалению, антропологических характеристик из этих погребений нет.

Если скоррелировать эти данные с типом погребения, мы получаем смешанную картину (табл. 2). В таблице представлены соотношения типов погребений и локальные группы на плане могильника.

Подводя итог, мы можем утверждать, что на 14 детей и 9 подростков приходится 17 женщин, из них 2 старухи, и 18 мужчин, из них 4 старика (табл. 2). Детские погребения составили 42% (23 человека), взрослые – 48% (29 человек), погребения стариков – 10% (6 человек). Подобная картина типична для обществ с высокой детской смертностью. Аналогичные соотношения свойственны австралийцам и океанийцам (Брук, 1981). В данном случае мы имеем дело с тремя поколениями погребенных.

Таблица 2. Тип погребений и антропологические определения погребений

Ящик		Без ящика			
Тип	1 тип	2 тип	3 тип А	3 тип Б	4 тип
Погреб.	Ящик	Урна	Яма длинн.	Яма кругл.	Яма пепел
1 группа	2/р	6/ж	3	1/ж	4
	9/п	8/р	33	7	5
	13/п	11/р	39	10/ж	15
		12/ж	40	14/ж	16
			42/м	18	17
2 группа	19	34	22	26	21
	20	37/р	23	27	
	25	38	24	35	
Раскоп 2	43	56/ж	41	48	
	44/ж-п		50/м	49/ж	
	53/ж		51/м	52	
	55		57	58	

Таблица 2 (окончание)

Погреб. 28-32		28 30		29 31 32	
Курган	47	45/м 46/м 54/м			
Итог	12	13	12	15	6

м – мужчина, ж – женщина, п – подросток, р – ребенок

	Четких	Нечетких	Итог
Ребенок	4	10	14
Подросток	3	6	9
Женщина	4	8	12
Старч.	3	2	5
Мужчина	2	9	11
Старч.	4	3	7
Итог	20	38	58

Непременной задачей любого исследования является определение исторических аналогий археологическому памятнику, с которым вам приходится иметь дело. В данном случае ясно, что эти аналогии надо искать на западе от данного объекта. На севере от Самбии, за реками Неманом и Даугавой, погребальные памятники с обрядом кремации есть, но их характер иной. Конечно, можно сравнивать только курганные сооружения северной Прибалтики с самбийскими курганами, речь идет о курганах с каменной кладкой и ящиками, в которых находятся как труположения, так и трупосожжения. Однако при внимательном анализе и сравнении становится ясно, что это совершенно другие сооружения. Грунтовые погребения северной Прибалтики ничего общего с погребениями из могильника Покровское не имеют (Шмидехельм, 1955).

В Гальштате и Латене – на востоке от Самбийского п-ова – среди археологических памятников на территории современной Литвы и России погребальных памятников с традицией кремации покойников нет. В верховьях междуречья Днепра, Волги и Оки в эпоху РЖВ была другая традиция захоронений умерших, к сожалению, археологии она не известна. К. А. Смирнов предположил, что тип погребений был идентичен погребениям в деревянных домовинах (Смирнов, 1990).

Есть группа аналогичных памятников (грунтовых могильников) на территории Белоруссии и Украины. Это бескурганные могильники с кремацией Головно 2 (подклёшевой культуры) и Горошков (милоградская культура) (Кухаренко, 1961; Мельниковская, 1967).

В нашем распоряжении есть группа могильников на территории Польши, Чехии и Словакии. Выбор памятников носил исключительно «случайный» характер. Я извлек несколько публикаций лужицких и поморских могильников из польского журнала «Археологические ведомости» за 1966–1968 гг. (Wiadomości Archeologiczne (далее – WA), 1966–1968; Hralova, 1962; Budinsky-Veliacik, 1986).

Лужицкая культура

Черновонсы (Польша), повят Ополе. Раскопки Богуслава Гедика в 1959 г., раскопано 35 погребений, все с кремацией, из них 9 урновых, 16 безурновых, 10 – неясных. Антропологические исследования проводились Бруноном Мицкевичем. Из определенных 34 погребенных – 19 дети (Infants I, II), 9 – юных (Juvenis), в 14 случаях удалось установить пол погребенных (WA, 1966. XXXII).

Кисельская Воля (Польша), повят Лукув. Исследования проводились в 1938–1939 гг., материалы частично утрачены во время войны. В публикации в сжатой форме представлена сохранившаяся часть от 12 погребений лужицкой культуры (WA, 1966–67. XXXII. 3–4).

Пивоницы (Польша), повят Калиш. Раскопки 1913 г. Стефана Круковского. Открыто 8 погребений с остатками кремации – 2 урновых, 5 без урн, одно – кенотаф (WA, 1968. XXXIII. 2).

Мала Бела (Чехия), недалеко от г. Баков на Изере. Раскопки произведены В. Будински-Кричкой и Б. Свободой в 1936–1940 гг. Было вскрыто 181 погребение. Урновых погребений – 56; безурновых – 123, из них в 57 остатков кремации не обнаружено, что довольно много, если представить их как кенотафы. Четыре погребения имели только остатки праха, и ничего более.

Красна Вес (Словакия), р-н Топольчаны. Раскопки вел В. Будински-Кричка. Было вскрыто 45 курганов с каменными кладками и захоронениями внутри них.

Поморская культура

Заворы (Польша), повят Хмельно, Гданьское Поморье. Раскопки Мирослава Фундзинского и Франтишека Розновского в 1993–1994 гг. Вскрыто 23 погребения с сожжением. 16 погребений находились в каменном ящике, 4 – содержали только остатки сожжения. Одно погребение – урновое, без каменной конструкции. Две могилы разрушены, но по характеру устройства погребения можно утверждать, что погребение было в каменном ящике, вещей не было, они содержали обломки керамики (Fudzinski, Roznovvski, 1997).

Раты (Польша), повят Самонино, Гданьское Поморье. Раскопки Мирослава Фундзинского и Юдиты Юлии Гладковской-Речински в 1987–1996 гг. Вскрыты 73 погребения с сожжением: 15 представляли собой каменные ящики с урнами, в 9 прах лежал в каменных ящиках, 2 погребения урновые, 9 безурновых, 25 – скопление камней и косточек праха, 10 – неясного характера. Могильник представляет собой, по мнению его раскопщиков, некрополь с семейными группами (Fudzinski, Gladkowska-Rzeczycka, 2000).

Подклёшевая культура

Головно 2 (Белоруссия), Любомельский р-н. Раскопки вел в 1956–1957 гг. Ю. В. Кухаренко. Вскрыты 34 погребения: 3 урновых, 10 безурновых, 4 в каменных ящиках, 11 подклёшевых, 6 кенотафов (Кухаренко, 1961).

Таким образом, в нашем распоряжении оказалось около 300 погребений, относящихся к лужицкой, поморской и подклёшевой культурам. Хронологический диапазон памятников – VIII–IV вв. до н. э.

Я не вижу смысла подробно разбирать каждый могильник в отдельности, эта работа уже сделана моими предшественниками, и материалы раскопок достаточно подробно опубликованы в печати. Я остановлюсь на ряде наблюдений, которые были сделаны исследователями этих могильников, как во время раскопок, так и после, уже в результате анализа самих погребальных комплексов.

Первое. Было установлено достаточно твердо и аргументированно, что урновые погребения на всех могильниках составляли треть всех погребений (напр., могильники Черновонсы, Малая Бела и др.). Надо сказать, что такое соотношение типов погребений считается вполне обычным явлением. Заметим, что на могильнике Покровское урновые погребения составляют 24% от общего числа, безурновые – 60%, остальные погребения неясного типа (остатки праха в яме, и ничего более).

Второе. Как правило, в урновых погребениях, обложенных камнями, или специально устроенных каменных ящиках из плит известняка находился прах детей (Infants I) до возраста 6–7 лет. Подростки 7–15 лет (Infants II) помещались в безурновые погребения. В могильнике Черновонсы детских погребений 48%, подобная цифра приводится для могильника Малая Бела. Подростки составляли около 7–10%. Если сравнивать аналогичные погребения из этих могильников с погребениями из Покровского, то таких погребений в Покровском будет от 13 до 20, что составит 34%, т. е. значительно меньше. Правда, есть большая и плохо разделяемая группа погребений «подросткового возраста» из 13 погребений.

В результате сравнительной процедуры могильники в Покровском, Черновонсы и в Ратах дали любопытный результат (табл. 3). Погребения в каменных ящиках представляют семейный склеп. В них иногда стоит до десятка сосудов, причем в каждой урне прах одного человека. В одном погребении лежат не только дети, но и взрослые. Следовательно, можно утверждать, что в одном погребении лежат три, а то и четыре, поколения. В данном случае можно допустить, что такие погребения «пополнялись» членами фамилии по мере их ухода из жизни. Значит, на погребении были специальные «опознавательные знаки» – стелы, столбы и т. д.

Таблица 3. Типы погребений и данные антропологии могильников Покровское, Черновонсы, Раты

Могильники	Каменный ящик — урна					Безурновые погребения							
	КЯ	КЯУ	КЯКУ	У	КУ	Б/У	Б/Уд	Б/Ук	Б/У?	СК	С	Я	Всего
Покровское	9	2		12			12	17			6		58
Черновонсы				7		21			5				33
Раты	9	15		2		9			10	24	4		73
Головно 2	4	2	1	3	10	4					4	6	34

КЯ – каменный ящик

КЯУ – каменный ящик и урна

КЯКУ – каменный ящик, клёш, урна

У – урна

КУ – клёш и урна

Б/У – безурновое

Б/Уд – безурновое, длинная яма

Б/Ук – безурновое, круглая яма

СК – скопление камней

С – сожжение

Я – яма, кенотаф

Третье. Урновые, и особенно урновые погребения в каменных ящиках, на могильниках в Ратах и Черновонсы представлены наиболее «богатым» погребальным инвентарем – в них есть браслеты, булавки, колечки и т. д. или просто расплавленные вещи. Следовательно, можно вполне уверенно утверждать, что детские погребения содержат более представительный погребальный инвентарь, как по статусу, так и количественно. Мы можем допустить по аналогии, что в Покровском могло быть так же? В могильнике Покровское дети и подростки помещены в погребения с каменными ящиками, но вещей в них нет. И еще одно замечание. Археологи, работавшие с данными могильниками, часто недоумевают, почему детские погребения выглядят «богаче», чем погребения взрослых? На этот вопрос пока убедительных ответов нет. Нет ответов и по материалам других могильников из других культур.

Четвертое. Погребения взрослых (Adultus – до 30 лет), как правило, располагались в урновых или безурновых погребениях без особых отличительных знаков. Наиболее характерный признак, который можно выделить в данном случае в могильнике Покровское, это конфигурация ямы: длинные ямы соответствовали погребениям мужчин, круглые – женщин (рис. 3). Во многих ямах наряду с прахом были многочисленные фрагменты золы и угля, по-видимому, из погребального костра. Останки стариков (Senilis – до 60 лет) помещались также в урновые погребения. В могильнике Покровское мы наблюдаем аналогичную картину.

Пятое. Во всех могильниках есть погребения, которые имеют только яму и небольшое количество праха. Вещей нет. Характер подобных погребений не ясен. Как правило, такие погребения составляют небольшой процент (не более 5–7) от общего числа (табл. 4).

Таблица 4. Сравнение типов погребений в могильниках Ченовонсы, Раты и Головно 2

Могильники	Каменный ящик – урна					Безурновые погребения							
	КЯ	КЯУ	КЯКУ	У	КУ	Б/У	Б/Уд	Б/Ук	Б/У?	СК	С	Я	Всего
Покровское	9	2		12			12	17			6		58
Черновонсы				7		21			5				33
Раты	9	15		2		9			10	24	4		73
Головно 2	4	2	1	3	10	4					4	6	34

КЯ – каменный ящик

КЯУ – каменный ящик и урна

КЯКУ – каменный ящик, клёш, урна

У – урна

КУ – клёш и урна

Б/У – безурновое

Б/Уд – безурновое, длинная яма

Б/Ук – безурновое, круглая яма

СК – скопление камней

С – сожжение

Я – яма, кенотаф

Шестое. На всех могильниках есть погребения, в которых есть вещи – сосуды, инвентарь – и нет костных останков. Причем эти «погребения» так же устроены, как и погребения с прахом. Правда, на могильнике Покровское таких погребений не было. Здесь можно высказать только предположение. Вполне возможно, что это

остатки жертвоприношений родственников, совершенные в моменты поминальных процедур по покойным, в 40 дней, через год и т. д. По сути, это «погребения» вещей или остатков поминального пира и подношений для загробного мира.

Седьмое. При сравнении погребений из курганного могильника Красна Вес и нескольких погребений из могильника Покровское, которые вызвали подозрение, что они могли находиться под курганной насыпью, показали, что наши «подозрения» не лишены основания. Характер устройства погребений из курганного могильника Красна Вес и их параметры вполне соответствуют погребениям 45–47, 49, 54 могильника Покровское (рис. 3). К сожалению, все возможные внешние признаки – каменные венцы, каменные панцири, валуны вокруг погребений – практически стерты с лица земли вспашкой. В одном случае (Погребение 45) нам удалось восстановить такую ограду по остаткам камней (Гусаков, 1988а). Не исключено, что и в других случаях были аналогичные каменные сооружения.

Аналогичную картину можно наблюдать в материалах ясторфской культуры (Schwantes, 1909; 1911). На всех могильниках названных культур представлены различные варианты устройства погребения, совершенного по обряду сожжения. Встает вопрос: в чем различия этих культур? В том, что в одних могильниках больше погребений с клёшем, а в других больше погребений в ямах или урнах? А может быть, эти различия носят не культурологический характер, а социальный или половозрастной? К сожалению, в нашем распоряжении нет репрезентативных выборок по материалам грунтовых могильников ясторфской культуры, где бы материалам археологии соответствовали данные антропологии. Определения по кальцинированным костям практически отсутствуют в 80% материалов из могильников Германии сегодня и практически полностью – в материалах довоенных раскопок. Сопровождающий инвентарь в погребениях Гальштата настолько незначителен и невыразителен, что делать по нему какие-либо заключения этнического характера неприемлемо. Можно только свидетельствовать, что материалы очень похожи, но для более точной характеристики этого сходства необходима специальная исследовательская работа. В связи с этим могу лишь высказать свои первые впечатления при работе с данным материалом.

Мне представляется, что в начале формирования погребальной обрядности с кремацией погребения имели полную партитуру «необходимых в загробной жизни вещей (вещей, определяющих статус покойного)» – по аналогии с трупоположениями. Но со временем этот реестр вещей сокращался, и под конец дошло до того, что целые вещи просто заменялись «символами», «знаками» целых предметов (обломками черепков и украшений). Эта тенденция хорошо прослеживается на поздней стадии Латена, в погребениях зарубинецкой культуры, в культуре поянешты-лукашевка, где уже действует «усеченная партитура» (Кухаренко, 1961; Смирнова, 1981; Федоров, 1957).

В-четвертых, в погребениях 6 и 34 могильника Покровское были обнаружены урны в виде чернолощенных горшков небольших размеров (не выше 20 см), один из них с ручками-ушками, что дополнительно увеличивает степень его сходства с посудой из могильников лужицко-поморской и других культур РЖВ. Истоки этого типа форм мне видятся в культурах Апеннинского п-ова на севере

Италии, а именно в культуре Вилланова. Область ее распространения – провинции Эмилия, Тоскана, Лацио. Начало культуры – 915 ± 80, 825 ± 80 до н. э. Культура протовилланова – 1100 до н. э. Впервые появляются в погребениях этой культуры фибулы и бритвы. Фибулы «смычкового типа» (Åberg, 1931).

Погребение – сожжение – урновое – яма – диаметр – 1,0 м, внутри диаметр 30–80 см (рис. 5).

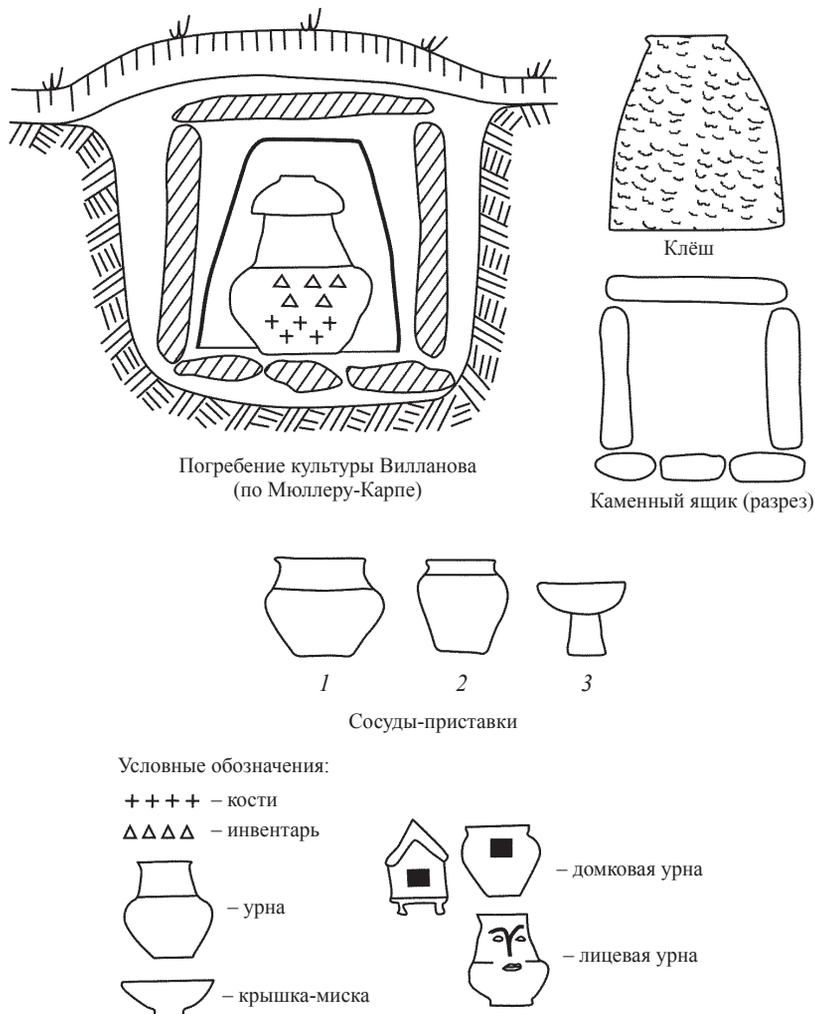

Рис. 5. Тип погребения в каменном ящике, культура Вилланова
(по: Muller-Karpe, 1959)

Урна – биконическая. Поверхность урны – лощеная (импасто), покрыта резным геометрическим орнаментом: параллельные линии, зигзаги, меандр, ямочки, оттиски штампа, имитирующие шнуровой орнамент, инкрустации, медные вставки. В урну клали личные вещи покойного. Рядом стояли сосуды с пищей.

Урну покрывали чашей или шлемом либо его глиняной имитацией. Впоследствии на подобных урнах стали появляться изображения лица (лицевые урны). Погребения с лицевыми урнами не редкость в Польше, Северной Германии и Дании, а в конце эпохи Гальштата они появляются в погребениях Поморья. Редко встречаются урны в виде «домика» (домковые урны).

Содержимое погребения построено по принципу «матрешки» (Смирнов, 1997. С. 30): Яма + Урна + Прах + Индивидуальные вещи + Крышка (сосуд, плита, или шлем) + Сосуды-Приставки + Остатки пищи. Сама урна обставлялась плитами или камнями, и все перекрывалось плитой.

Инвентарь – бритвы, фибулы, булавки, браслеты, ножи, топоры, мечи, удила.

Яма + Колпак (Камень, Плита, Клёш) + Урна (Прах, Вещи) + Крышка (Миска, Шлем, Плита, Щит с Умбоном) + Сосуды (Еда).

Идея матрешки видится и таким образом: в Яме стоит Дом, в доме стоит Урна, в урне лежит Прах (тело покойного) и Вещи, урна закрыта Крышкой (Сосуд, Шлем, Щит, Плита), рядом стоят Сосуды с Едой. Яма с погребением перекрыта землей, и на ней стоит Стела – человек, или плита с надписью. Был еще способ захоронения в траншее, куда урны с прахом ставили тесно друг к другу.

Перечисление «членов» этой процедуры очень напоминает сказочную историю о том, где находится смерть Кошеля: Дуб – Ларец – Шкатулка – Яйцо – Игла. Как знать, может быть, текст сказки «верстался» еще во времена культуры Вилланова, или в эпоху действия на европейской арене древне-европейского населения, ставшего впоследствии исходной основой для европейских народов и языков. Но названные части этой цепочки – только часть погребального обряда, не менее важно знать, где эти действия проводятся, а именно: в земле (в яме), на земле (на поверхности), в кургане (на поверхности), на столбе (столбах), на пнях, в дуплах (над земной поверхностью), на дереве (в кроне дерева) (рис. 5).

Но это все теоретические построения, которые носят предварительный характер и никаким образом не являются постулирующими утверждениями. В процессе анализа материалов погребений у меня сложилось представление, что, по-видимому, сосуд-урна воспринимался как некая форма, временно заменяющая «тело», в новой жизни душа умершего должна «переселиться» в новую оболочку. Но по мере эволюции погребальной традиции представление «сосуд-урна есть тело» заменилось представлением, что «яма» в земле – тело, новая оболочка, куда помещают **прах**. По сути, выпадает одно звено в системе «матрешки», а именно идея **дома, урны, колпака (клёша)**, дополнительной структуры – укрытия праха; все это замещает «Яма».

Позднее, уже в эпоху Латена, погребальная процедура идет одновременно в двух направлениях: **1) погребение праха в яме; 2) погребение праха в урне, домике, под колпаком.**

Я думаю, что можно вполне определенно утверждать, что формирование погребальной обрядности с кремацией покойного и оформление погребального места в виде каменного ящика, вымостки, некоего подобия склепа началось в эпоху перехода от бронзового к железному веку, в хронологических рамках XII–X вв. до н. э. (Muller-Karpe, 1959; Åberg, 1931). Исходными центрами, откуда

пошла «волна» в Центральную Европу, были районы северной Италии, долина р. По и Предальпийская зона (Muller-Karge, 1959).

В заключение я позволю себе одно замечание.

При сравнении погребального инвентаря 2000 погребений, совершенных по обряду сожжения, из археологических культур (с VIII в. до н. э. по IV в. н. э.) Восточной Европы выясняется, что с течением времени количественно погребальный инвентарь сильно сокращается. В конечном счете вся процедура сводится к кучке праха и нескольких черепков в одном погребении (напр., могильники Тайманово, Акатово, см: Поболь, 1983). Практически, до вступления в силу христианского обряда погребения (труположение без вещей), обряд кремации стал предельно упрощенным. До сих пор неясно, отражают ли различия в количестве вещей в погребении социальную структуру общества, половозрастные характеристики или какие-то иные явления. Надеюсь, увеличение количества наблюдений из могильников Польши, Германии, Чехии, по всему хронологическому спектру – от Гальштата до конца римского времени – позволит нам приблизиться к решению этой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1985. Человек, эволюция и таксономия: Некоторые теоретические вопросы. М.
- Бессмертный Ю. Л.*, 1991. Жизнь и смерть в средние века // Очерки демографической истории Франции. М.
- Бродель Ф.*, 1994. Что такое Франция? Пространство и история. М.
- Брук С. И.*, 1981. Население мира: Этнодемографический справочник. М.
- Генинг В. Ф., Борзунов В. А.*, 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13. Киев.
- Гусаков М. Г.*, 1988а. Отчет о работе Западного отряда Балтийской экспедиции в Калининградской области в 1988 г. // Архив ИА. № 13316.
- Гусаков М. Г.*, 1988б. Об ориентации погребений в могильниках зарубинецкой культуры // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М.
- Иванов В. В.*, 1985. Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции // Балто-славянские исследования. М.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. Гл. V: Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины. М., 1986.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.*, 1975. Анализ археологических источников: Возможности формализованного подхода. М.
- Каменецкий И. С., Узянов А. А.*, 1977. О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.
- Каменецкий И. С.*, 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические исследования на новостройках. Т. 1. М.
- Кухаренко Ю. В.*, 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Д1-29.
- Мельниковская О. Н.*, 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М.

- Поболь Л. Д.*, 1983. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.
- Романова Г. П.*, 1986. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические работы на новостройках. М.
- Смирнов К. А.*, 1990. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА. № 2.
- Смирнов Ю. А.*, 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М.
- Смирнова Г. И.*, 1981. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине (раскопки 1977–1978 гг.) // СА. № 3.
- Федоров Г. Б.*, 1957. Лукашевский могильник // КСИА. Вып. 68.
- Тацит К.*, 1969. О происхождении германцев // Тацит К. Малые произведения. Л.
- Токарев С. А.*, 1985. Погребальные обычаи, их смысл и происхождение // Природа. М. № 9.
- Шмидхельм М. Х.*, 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Щапова Ю. Л.*, 1994. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей // РА. № 2.
- Щапова Ю. Л.*, 1998. Еще раз о типологическом методе в археологии, типах и типологиях // Историческая археология: Традиция и перспектива. М.
- Acsádi G., Nemeskéri J.*, 1970. History of Human Life Span and Mortality. Budapest.
- Åberg N.*, 1931. Bronzezeitliche und Früheisenzeitliche Chronologie. Stockholm. Teil I: Italien; Teil II: Hallstattzeit.
- Budinsky-Kricka V., Veliacik L.*, 1986. Krasna Ves Graberfeld der Lausitzer Kultur. Nitra.
- Fudzinski M., Roznowski F.*, 1997. Cmentarzysko ludnosci kultury pomorskiej w Zaworach, gmin Chmielno. Gdansk.
- Fudzinski M., Gladkowska-Rzeczycka J. J.*, 2000. Cmentarzysko ludnosci kultury pomorskiej w Ratach gmina Somonino. Gdansk.
- Hralova J.*, 1962. Das Lausitzer Graberfeld in Mala Bela. Praege.
- Muller-Karpe H.*, 1959. Beitrage zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nördlich und Südlich der Alpen // Römisch-Germanisch Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts zu Frankfurt. Römisch-Germanisch Forschung. Berlin. Bd. 22.
- Schwantes G.*, 1909. Die Graber der Altesten Eisenzeit im Östlichen Hannover // Praehistorische Zeitschrift. Berlin.
- Schwantes G.*, 1911. Die Altesten Urnenfriedhofe bei Uelsen und Luneburg. Hannover. Bd. 1.
- Wiadomosci Archeologiczne. T. XXXII. Z. 1–2. Warszawa, 1966.
- Wiadomosci Archeologiczne. T. XXXII. Z. 3–4. Warszawa, 1966–1967.
- Wiadomosci Archeologiczne. T. XXXIII. Z. 1; Z. 2; Z. 3–4. Warszawa, 1968.

А. М. Обломский

НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ СЕРЕДИНЫ I тыс. н. э.¹

Предварительные сведения о захоронениях Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. были изданы в тезисной форме (Обломский, 2005а). В настоящей

¹ Работа выполнена в рамках программы РГНФ, грант 06-01-18031е.

статье публикуются материалы двух наиболее выразительных комплексов могильника Ксизово 17, который входит в группу памятников гуннского времени на Острой Луке Дона (рис. 1), где, по всей видимости, находился один из восточных центров гуннской державы (Обломский, 2004а. С. 163–166).

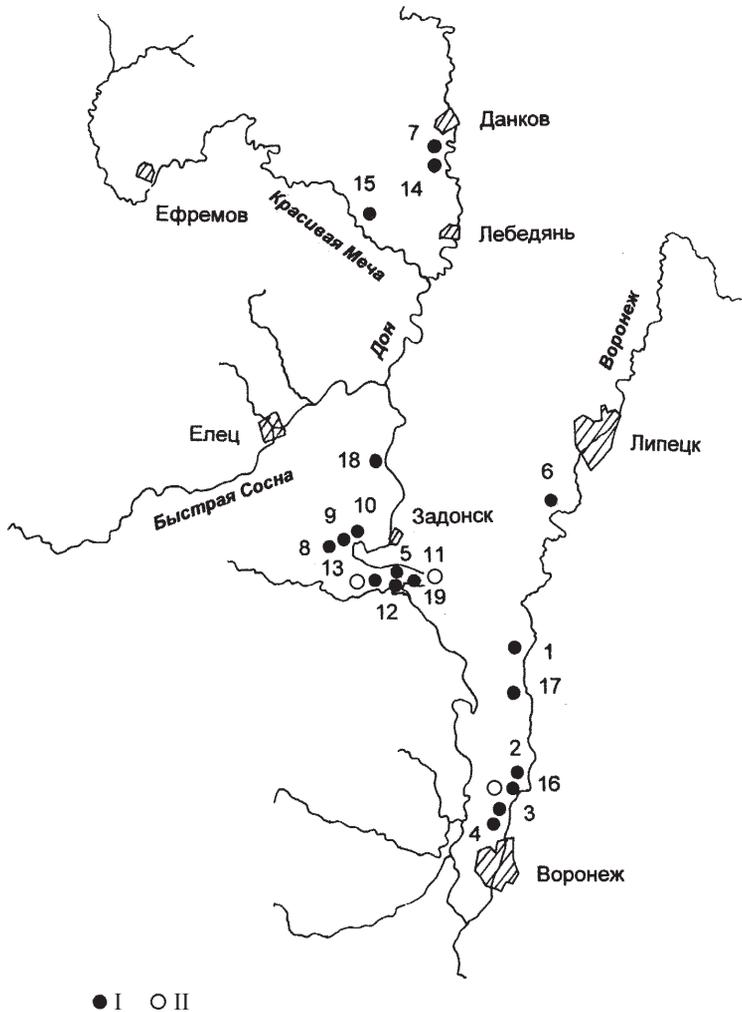

Рис. 1. Карта памятников лесостепного Подонья гуннского периода

I – поселения типа Чертовичского-Замятино; II – могильники с ингумациями и отдельные погребения: 1 – Подгорное (Медведев, 1996); 2 – Староживотинное 3 (Акимов, 1998); 3 – Чертовичское 3 (Медведев, 1998); 4 – Чертовичское 6 (раскопки И. Е. Бирюкова 1990 г.); 5 – Замятино 1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13 (Бирюков, 2004а; 2004б; Обломский, 2004в; 2004г); 6 – Малый Липяг, Крутогорье (Козмирчук, Разуваев, 2001); 7 – Перехваль (Бирюков, 1998); 8 – Каменка 1; 9 – Каменка 4 (Бирюков, 2004а); 10 – Каменка 5; 11 – Ксизово 16, 19 (раскопки А. М. Обломского 2003–2004 гг.); 12 – Ксизово 8; 13 – Мухино 2 (Земцов, 2003); 14 – Лес Озерки; 15 – Коллектив; 16 – Животинное (Медведев, Винников, 1989); 17 – Пекшево (Медведев, 1998); 18 – Нежежеколодезное; 19 – Ксизово 17 (раскопки А. М. Обломского 2003–2005 гг.)

Могильник расположен в 450 м к юго-востоку от МТФ с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл., на мысу второй надпойменной террасы правого берега р. Дон. Общие размеры территории могильника (по данным раскопанных участков, наблюдений за распространением материалов в осыпях краев террасы и оврагов) составляют не менее 320×40 – 100 м. Высота над уровнем поймы реки – 10 – 27 м. Поверхность памятника повышается от края берега вглубь и от верхнего по течению Дона участка к нижнему. Оврагами и ложбинами памятник делится на 3 условных части, получивших названия Ксизово 17, Ксизово 17А и Ксизово 17Б, хотя могильник гуннского периода фактически является единым. В 2003–2005 гг. на могильнике раскопано 23 погребения середины I тыс. н. э. Ниже приводится описание объектов и находок.

Погребение 19 Ксизово 17А². Повсеместно на памятнике гумусный слой представляет собой чернозем, в котором совершенно не читались контуры углубленных объектов. Очертания могильной ямы прослежены на поверхности подстилающего черноземом слоя суглинка. Яма имеет размеры $2,7 \times 1$ – $1,05$ м по верхнему краю и $2,3 \times 0,52$ – $0,54$ м по дну (рис. 2). Она ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. В плане – подпрямоугольная со скругленными углами. Глубина ямы от уровня материка – $0,98$ – $1,06$ м, от дневной поверхности – около $1,9$ – 2 м. На уровне $0,51$ – $0,57$ м от верхнего края в яме по всему ее периметру была вырезана из материковой глины плоская полка (так называемые заплечики). Ширина ее составляет $0,15$ – $0,2$ м вдоль длинных сторон ямы и $0,06$ – $0,13$ м – вдоль коротких торцевых. Полка служила опорой для деревянного перекрытия, остатки которого в виде шести ориентированных перпендикулярно оси захоронения полос древесного тлена прослежены на ее поверхности. Ширина большинства полос – 12 – 14 см. Лишь одна из них (крайняя северная) была более узкой (3 – 4 см). Толщина тлена не превышала нескольких миллиметров.

При исследовании нижней части могильной ямы на материковых стенках удалось зафиксировать следы орудий, использованных при ее создании. В северной части погребения и на южной его стенке следы ориентированы вертикально, длина среза 30 – 40 см. В южной части ямы на западной и восточной стенках зафиксированы косо-вертикальные следы длиной 30 – 50 см, нанесенные под углом 45° . Проведенные наблюдения позволяют реконструировать орудие, которым производились земляные работы. Наиболее вероятно, что это металлический предмет с заточенным лезвием шириной 6 см. Инструмент имел вытянутую рабочую поверхность прямоугольной формы и рукоять. Лезвие было слегка выпуклым и при переходе к боковым граням наиболее приближено к прямому углу.

В северной стенке могильной ямы ниже заплечиков были вырезаны две ниши размерами $0,1 \times 0,14$ м (западная) и $0,1 \times 0,15$ м (восточная) и глубиной в борт ямы, соответственно, $0,1$ и $0,14$ м. Высота каждой из них – около $0,2$ м. В первой находился лепной горшок, во второй – стеклянный кубок. Оба сосуда стояли устьями кверху.

² По полевой нумерации – погребение 5 раскопа 3 2004 г. Работами на раскопе 3 руководил И. А. Козмирчук (Липецкий краеведческий музей).

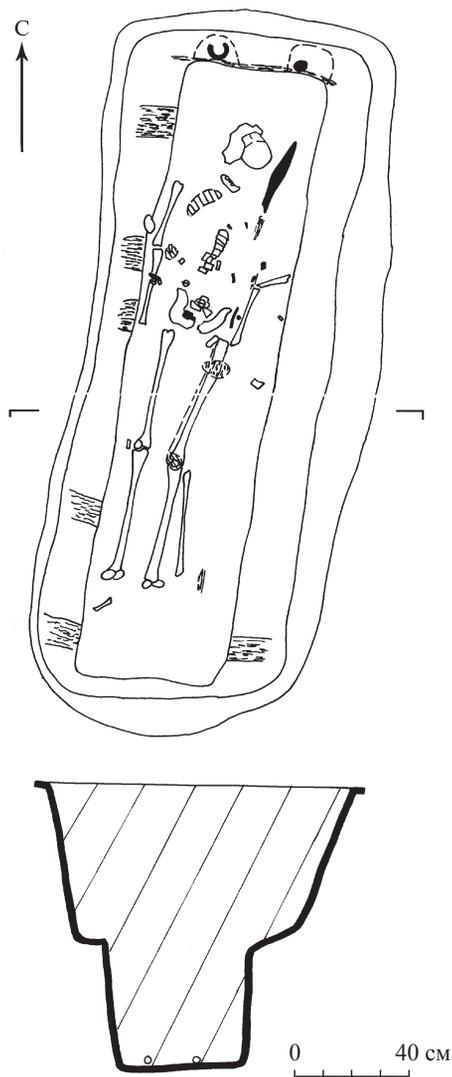

Рис. 2. Погребение 19 могильника Ксизово 17А. План, профиль

На дне ямы в анатомическом порядке на спине лежал плохо сохранившийся скелет взрослого мужчины возрастом 20–30 лет, ориентированный головой на ССВ (подробное описание костей, обоснование определения возраста и пола см. в Приложении). Руки покойного были вытянуты вдоль туловища. Череп скелета и грудная клетка сильно повреждены грызунами. Под костями черепа обнаружены отдельные угольки и следы кожного тлена, очевидно, от головного убора. Следы истлевшей кожи в виде пятна размерами $0,15 \times 0,05$ м фиксировались в районе правого плеча, вдоль бедренной кости и на колене левой ноги. Последние представляли собой, скорее всего, остатки штанов. Кости ног имели красную окраску, очевидно, в результате воздействия дубильных веществ. В верхней

части левого бедра покойного кости были перекрыты небольшим пятном древесного тлена (остаток рухнувшего перекрытия).

С левой стороны от черепа лежал железный наконечник копья, на поверхности которого по всей его длине также прослежены остатки древесного тлена. Следы древка копья в виде узких полос истлевшего дерева зафиксированы чуть ниже втулки, у левого локтя и у левой ноги по той же линии. Общая длина копья, включая наконечник и древко, составляла не менее 1,72 м.

На тазовых костях лежала большая бронзовая пряжка, очевидно, от пояса. В месте ее язычка и под ним сохранился древесный тлен, а около пряжки и далее вдоль пояса – кожаный. Несколько юго-западнее ее находилась пропитанная окислами железа деревянная рукоять с железной оковкой по краю (вероятно, остатки нагайки). Слева от пряжки были обнаружены куски сильно корродированных ножа и бритвы. Нагайка, бритва и нож, очевидно, были подвешены к поясу. К востоку от бритвы лежала стеклянная бусина. Еще две бронзовые пряжки (средних размеров и маленькая, с прикипевшим к ней наконечником ремня со следами кожи на нем) являются остатками, вероятно, портупей. Они находились: средняя – около верхней правой оконечности таза, маленькая – на локтевой кости правой руки. В заполнении у левого локтя погребенного обнаружен необработанный кремь желтого цвета.

Лепной горшок был раздавлен грунтом, а развал сильно потревожен грызунами. Из сохранившихся черепков удалось склеить почти полный профиль сосуда, но без края венчика. Горшок – округлобокий, широкодонный, диаметр дна – 9,5 см, места наибольшего расширения тулова – 13,5 см, шейки – 11,5 см. Высота от дна до шейки – 11,2 см (рис. 3). Сосуд слабо обожжен, изготовлен из рыхлого керамического теста с примесью мелкого шамота и органики.

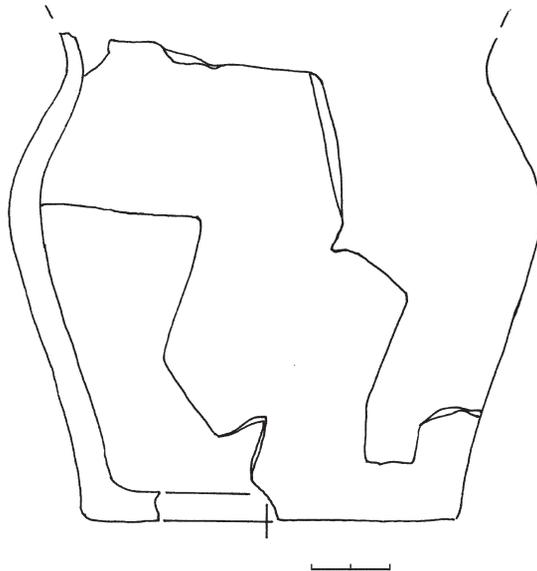

Рис. 3. Лепной горшок из погребения 19

Железный наконечник копья сильно пострадал от коррозии: утрачены края пера и втулки, частично лезвие (рис. 4). Перо в разрезе имело ромбовидную форму со слегка вогнутыми верхними и нижними гранями. С одной стороны втулки видны три грани. Общая длина сохранившейся части наконечника – 24,3 см, из них пера – 12,3 см. Приблизительная ширина пера – 3–3,8 см. Оно расширяется книзу. Диаметр втулки у основания пера – 1,3 см, в нижней части – 2,5 см.

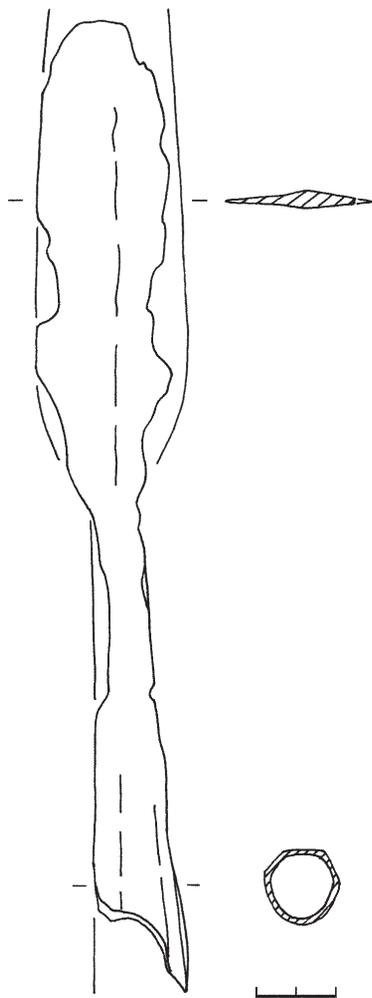

Рис. 4. Наконечник копья из погребения 19

Кубок сохранился целым. По внешнему облику он подобен бокалу с округлым корпусом на полый ножке (рис. 5, 1). Стекло прозрачное, светло-зеленого цвета. В месте наибольшего расширения тулова помещен пояс из овальных пятен темно-синего прозрачного стекла, слегка выступающих над поверхностью сосуда. Орнамент нанесен небрежно: между большими пятнами имеется одно меньших размеров. Еще одно такое же маленькое пятно (отлетевшая в сторону

капля) находилось ниже орнаментального пояса. Кубок был разделен на три части двумя поясами прочерченных каким-то острым предметом на поверхности уже готового изделия параллельными линиями, каждая из которых состояла из нескольких борозд. Размеры сосуда: диаметр венчика – 6,7 см, шейки – 6 см, места наибольшего расширения тулова – 6,5 см, нижнего закругления тулова – 3 см, ножки – 1,5–2 см, дна – 4,6 см.

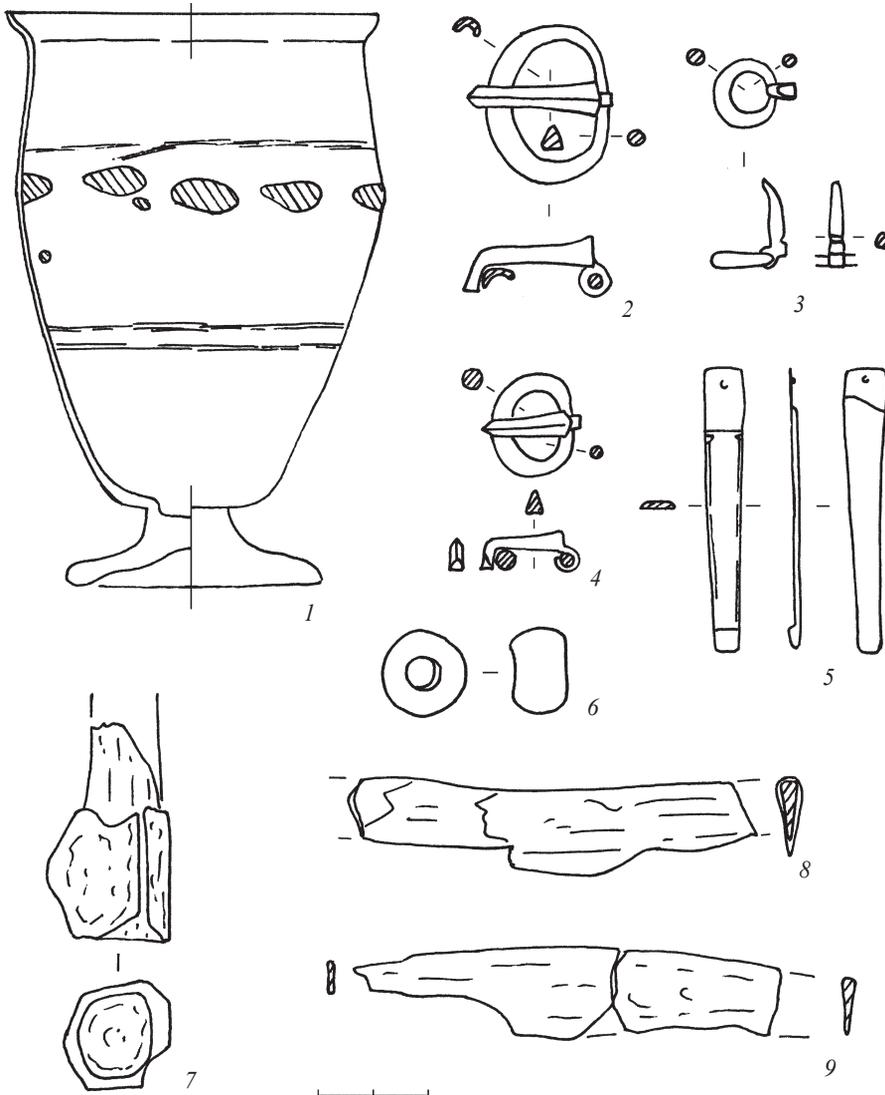

Рис. 5. Погребение 19, инвентарь

1 – стеклянный кубок; 2–4 – бронзовые пряжки; 5 – бронзовый наконечник ремня; 6 – стеклянная бусина; 7 – рукоятка нагайки (деревянный стержень, железная оковка); 8 – фрагмент железной бритвы; 9 – фрагмент железного ножа

Большая поясная бронзовая пряжка имеет овальную, слегка уплощенную с тыльной стороны раму (рис. 5, 2). Ее размеры составляют $3 \times 2,3$ см, ширина с внешней стороны – 5 мм, с внутренней – 1,8 мм. По узкому внутреннему краю рамка – сплошная, в сечении круглая, по широкому внешнему – полая внутри. Язычок краем заходит за нижнее основание рамы. Внешний край его уплощен, внутренний поднят кверху и вертикально срезан сзади. В сечении язычок треугольный.

Рамка портупейной пряжки средних размеров (рис. 5, 4) имеет такую же форму, как и у предыдущей, но она вся – сплошная и круглая в сечении (3 мм с внутренней стороны, 4 мм – с внешней). Общие размеры рамы – $1,9 \times 1,5$ см. Язычок охватывает ее спереди на всю ширину, его край снизу уплощен, а с боковых сторон подчеркнут двумя подтреугольными гранями. Внутренняя оконечность язычка имеет такую же форму, как и у предыдущей пряжки, но угол между его спинкой и тыльным краем – не столь острый. В сечении язычок треугольный.

Рама маленькой бронзовой пряжки (рис. 5, 3) – почти круглая, с расширением с внешней стороны. Ее размеры составляют $1,3 \times 1,4$ см, диаметр круглого сечения – 2–3 мм. Язычок длинный (выступает за край рамы), овальный в сечении, уплощен снизу. С тыльной его стороны имеется довольно глубокая поперечная борозда, которая отделяет прямоугольную площадку на конце.

Бронзовый наконечник ремня – сплошной (рис. 5, 5), подтрапещевидной формы, суживается к внешнему окончанию, на котором выделен подпрямоугольный выступ. Выше него изделие имеет подтрапещевидное сечение с мягкими гранями по бокам. В верхней части расположена прямоугольная площадка, отделенная снизу двумя треугольными фасетками и горизонтальной выгравированной линией. В верхней части этой площадки находится шпенок для крепления к ремню. Противоположная пластина, находившаяся с внутренней стороны наконечника, обломана. Длина изделия – 5,2 см, ширина – 0,4–0,7 см.

От железной бритвы сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 5, 8). Судя по нему, изделие имело вогнутую спинку и лезвие с внешней выпуклой стороны. Бритва со всех стороны покрыта остатками дерева, очевидно, она была в футляре.

В такой же степени плохо сохранился и железный нож (рис. 5, 9). Он явно был не боевым, а бытовым, т. к. длина лезвия вряд ли превышала 8 см. Спинка слегка изогнута (так называемая горбатая).

Предполагаемая рукоятка нагайки представляет собой кусок дерева, пропитанного железными окислами, прямо срезанный с одной из сторон (рис. 5, 7). Над этим краем изделия находится железная оковка шириной до 2,5 см, на которой в плане отчетливо видны 5 граней.

Бусина – округлая, изготовлена из черного непрозрачного стекла путем навивки (рис. 5, 6). Размеры изделия – $1,6 \times 1-1,1$ см, диаметр отверстия – 0,5–0,6 см.

Погребение 2 Ксизово 17Б. Погребальная яма, как и в предыдущем случае, прослеживалась на поверхности материка, но не слишком четко, поэтому контуры ее по верхнему краю условны и, скорее всего, значительно превышают по размерам действительные. Относительно отчетливо они проявились лишь

в нижней части ямы, где заполнение было окрашено органическим тленом (рис. 6). В плане яма – подпрямоугольная, ориентированная по линии ССВ–ЮЮЗ. Размеры ямы по дну составляют $2 \times 0,8-1,1$ м, глубина от уровня материка – $0,68-0,8$ м, от дневной поверхности – $1,4-1,48$ м. Скелет взрослой женщины сохранился хорошо. Он лежал на спине в вытянутой позе, головой на ССВ. Руки положены вдоль тела. Утрачены лишь кости левой стопы. По всей видимости, они растасчены грызунами.

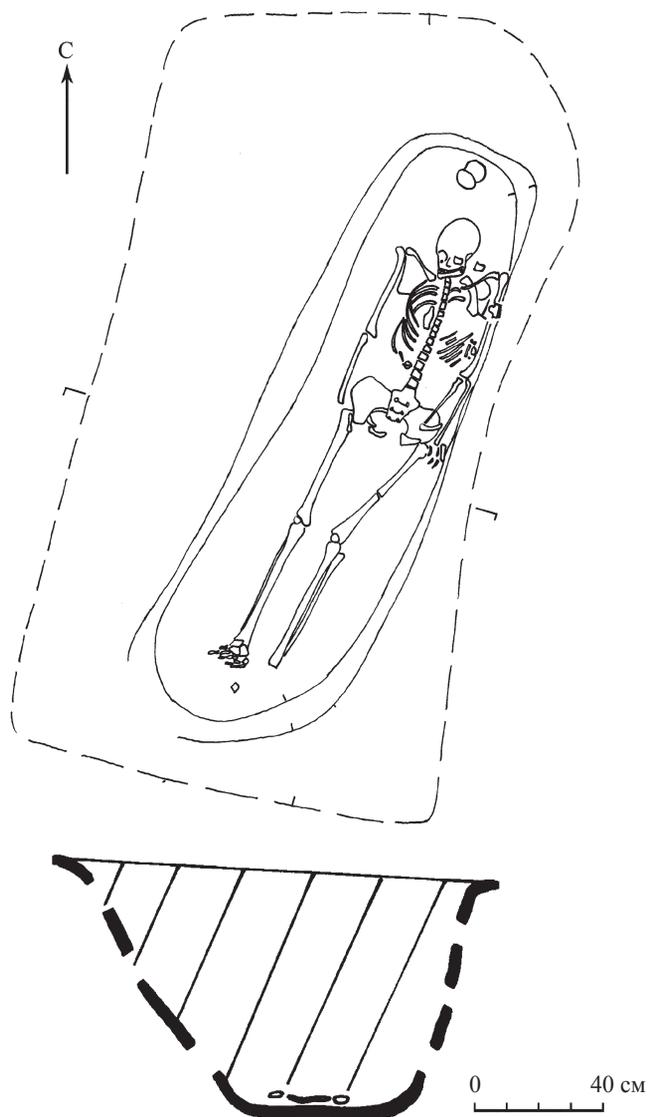

Рис. 6. Погребение 2 могильника Ксизово 17Б. План и профиль

За головой скелета (к северу от нее) в наклонном положении устьем к черепу стоял глиняный кубок. Под нижней челюстью скелета были найдены две стеклянные бусины. На левом плече пружиной книзу лежала фибула, а рядом с ней (к востоку) спинкой кверху – гребень из рога. Скопление вещей отмечено у левого локтя. Здесь находились стоявшее вертикально зеркало, еще две стеклянные бусины, три комочка белой известняковой, но очень мелко помолотой массы (возможно, пудры). В области пояса у позвоночника несколько северо-восточнее таза лежала пряжка.

Кубок – глиняный, чернолощенный с внутренней и внешней сторон, хорошо обожжен, изготовлен из плотного керамического теста с очень мелкими примесями (рис. 7, 3). Размеры: диаметр венчика – 7 см, перегиба у начала цилиндрической шейки – 6,8 см, перегиба в месте перехода к тулову – 6,6 см, тулова – 8,7 см, дна – 3,6 см, общая высота – 7,3 см, высота от венчика до места наибольшего расширения тулова – 3,8 см.

Фибула – железная, двучленная, прогнутая (рис. 7, 2). Ось пружины закреплена в муфте, образованной загнутым вверх краем корпуса, тетива пружины – нижняя. Корпус изготовлен из плоской пластины, орнаментированной фасетками. Его ширина составляет 5–6 мм. Приемник – так называемый подвязной, прикреплен к корпусу лапкой из узкой пластины. Общая длина изделия (без учета изгиба спинки) – 6 см.

Гребень представляет собой изготовленную из рога подвеску с отверстием в верхней части полукруглой спинки (рис. 7, 1). Однослойный, предел для пропиливания зубцов обозначен с одной стороны процарапанной линией. На горизонтальных плечиках имеет по одному вертикальному пропилу с каждой из сторон. В могилу был положен целым, но при извлечении из нее часть зубцов выкрошилась. Общие размеры изделия – 5,6 × 4,8–5 см.

Зеркало-подвеска изготовлено из бронзы (рис. 7, 5). С одной стороны заполнено, с другой имеет петлю и довольно сложный орнамент (возможно, пиктограмму) из выпуклых валиков. Петля является центром композиции. Диаметр зеркала – 3,7 см.

Все бусы представляют собой отрезки свитых из черного непрозрачного жгута пронизей диаметром 3–4 мм (рис. 7, 6–9). Их длина в порядке расположения на рисунке – 1,3; 1,2; 1,1; 0,4 см.

Пряжка сделана из железа. Ее рама – кольцеобразная с сильным утолщением с внешней стороны, ромбическая в сечении (рис. 7, 4). Толщина рамы – 3–5 мм, общие размеры – 2,8 × 3 см. Язычок выступает за пределы рамки и имеет довольно сложную форму. На переломе его выкованы ушки, далее, в сторону места крепления к рамке, он многогранный. Подтреугольная фасетка отделяет его от площадки, на которой видны два плоских боковых валика. Ближе к месту крепления язычка сделана еще одна площадка с валиками на внешней поверхности.

Все вещи, которые происходят из захоронений, составляют характерный набор гуннского времени. К сожалению, более узкую дату в рамках этого периода для приведенных выше комплексов определить трудно. Надежной опорой для этого могла бы стать собственная периодизация древностей, но материалов гуннской эпохи в Верхнем Подонье пока еще не хватает для ее построения. Да-

тировать вещи приходится по аналогиям, что иногда рискованно. Тем не менее некоторые предварительные соображения о хронологии погребений из Ксизово 17 можно привести.

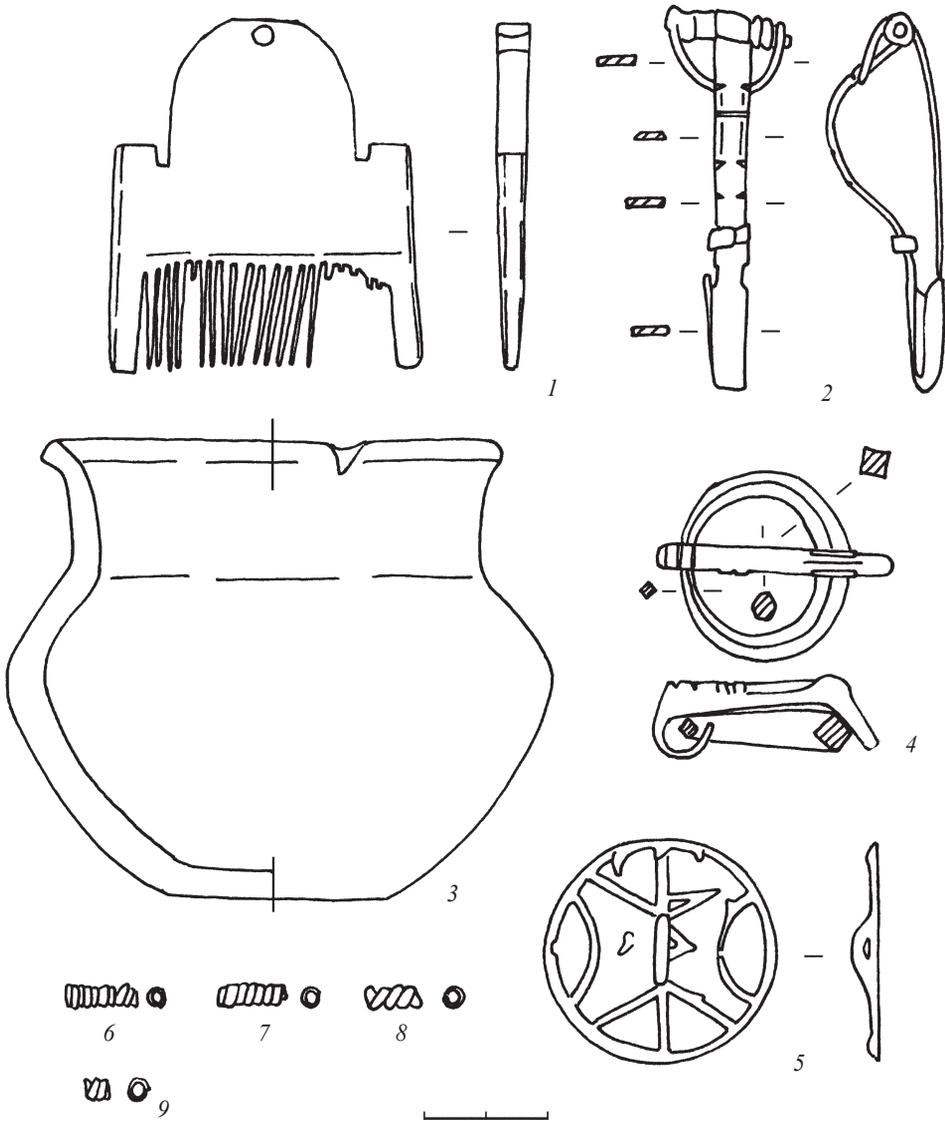

Рис. 7. Погребение 2, инвентарь

1 – гребень из рога; 2 – железная фибула; 3 – глиняный чернолощенный кубок;
4 – железная пряжка; 5 – бронзовое зеркало; 6–9 – стеклянные бусы

Начнем с погребения 2 как с самого раннего. Пряжки с зооморфными язычками в целом характерны для эпохи Великого переселения народов, включая

раннее средневековье, о чем мне уже доводилось писать (Обломский, 2004б. С. 145). На территории Верхнего Подонья, не считая экземпляра из п. 2, обнаружена всего одна такая пряжка (на поселении Замятино 8), но она отличается формой рамы и язычка (Обломский, 2004в. Рис. 43, 12). Две пряжки, по большинству признаков очень близкие к экземпляру из п. 2, происходят из могильника Нижняя Рутха (Северный Кавказ) (Абрамова, 1997. Рис. 5, 8). А. К. Амброз датировал их V в. (Амброз, 1989. С. 31).

Массивная пряжка с почти таким же, как у изделия из п. 2 язычком, происходит из п. 399 могильника Цибилиум 2 (Абхазия) (Воронов, 2003. Рис. 191, 15). В районе Цебельды найдены еще две очень близкие пряжки – в п. 44 могильника Абидзраху и п. 10 могильника Ауахуамаху (Ковалевская, 1979. Табл. II, 4, 8). К сожалению, хронология цебельдинской культуры с учетом новых публикаций материалов Ю. Н. Воронова пока не разработана. По системе О. А. Гей и И. А. Бажана подобные пряжки относятся к периоду 7 ступени II, которую авторы в целом синхронизируют с этапом D2a Ф. Бирбрауэра и датируют 400–425 гг. (Гей, Бажан, 1997. С. 26, 27. Табл. 10, 8–12; 28).

Железная фибула относится к обширной группе прогнутых подвязных с широким кольцом для крепления оси пружины и пластинчатым корпусом равномерной ширины или суживающимся книзу. В деталях вещи этой группы весьма разнообразны, варианты еще предстоит выделить. Типологически и хронологически их массив специально не исследовался. На территории Восточной Европы они распространены в основном в Крыму, на Северном Кавказе, в Нижнем Подонье и датируются преимущественно второй половиной IV – VI в. (Веретюшкин, Обломский, Радюш, 2005. С. 38). С поселений типа Чертовицкое-Замятино Верхнего Подонья, которые относятся к гуннскому времени, происходит небольшая серия подобных фибул (Мухино, вероятно, Замятино 7 и 8) (Земцов, 2003. Рис. 1, 13; Обломский, 2004в. Рис. 26, 5; 2004г. Рис. 66, 13).

Зеркала с петлей на обороте на территории Центральной и Западной Европы считаются характерными предметами гуннского времени. На востоке Европы датируются широко: со II или первой половины III в. до эпохи раннего средневековья (Обломский, 2004а. С. 145). Вероятно, при дальнейшем типологическом изучении удастся выделить варианты зеркал с более узкой хронологией. На территории Верхнего Подонья большинство подобных зеркал найдено на поселениях типа Чертовицкое-Замятино середины I тыс. (Подгорное, Замятино 5 и 8), а одно – в погребении в Мухино гуннского периода (Обломский, 2004в. Рис. 43, 13; Бирюков, 2004б. Рис. 112, 6–8; Медведев, 1996. Рис. 3, 1; Земцов, 2003. Рис. 2, 12). Тем не менее известны и более ранние находки – на городище Ишутино первых вв. н. э. и в сарматском захоронении III в. у с. Подклетное (Разуваев, 1998. Рис. 3, 6; Медведев, 1990. С. 14).

Наиболее показательным в отношении хронологии является гребень типа III варианта 26, по классификации Г. Ф. Никитиной. В целом подобные гребни датируются широко: от 30-х гг. IV в. до первой половины V в. (Обломский, 2004а. С. 144). Среди этих изделий, которые, как правило, были трехслойными, наборными, скрепленными железными или бронзовыми штифтами, однослойные экземпляры-подвески считаются относительно поздними (Шишкин, 2002. С. 245,

246). На территории Верхнего Подонья аналогичный гребень найден на поселении Мухино (Земцов, 2003. Рис. 1, 11). Здесь же, на Острой Луке Дона, исследованы остатки двух усадеб, где изготавливались гребни типа III, как наборные, так и однослойные (поселения Замятино 5 и 8), причем на плечах заготовки последнего, как и на гребне из Ксизово 17 и Мухино, имеются характерные вертикальные пропилены (Обломский, Усачук, 2004). Изделия из Ксизово и Мухино, скорее всего, были изготовлены мастерами Острой Луки. Мастерская в Замятино 8, судя по серии предметов, которые с ней связаны (обломки бронзовых фибулы и браслета с треугольным сохранившимся концом и пуансонным орнаментом, «крапчатая» бусина; бусы такого типа появляются во второй трети V в.), существовала примерно около второй трети – середины V в. (Мастыкова, 2004. С. 85; Обломский, 2004б. С. 145) Этот период, скорее всего, и является наиболее вероятной датой погребения 2.

Из погребения 19 происходят три пряжки с овальными, несколько расширенными спереди рамами, длинными язычками, полностью охватывающими рамы и выходящими за их пределы (так называемыми хоботковыми). Подобные изделия с острыми, закругленными или прямо срезанными окончаниями язычков считаются типичными для последней четверти IV – первой половины V в. (Амброз, 1989. С. 31; Айбабин, 1999. С. 259, 260; Щукин, 2005. С. 330). На Северном Кавказе, по наблюдениям М. М. Казанского, они существовали вплоть до второй трети – середины VI в., при этом полая рамка считается сравнительно поздним типологическим признаком (Казанский, 2001. С. 56).

Аналогии трапециевидным наконечникам ремней с прямоугольными выступами на концах собраны С. И. Безугловым и С. М. Ильяшенко. Такие изделия известны на территории Центральной Европы, в частности, в комплексе из Унтерзибенбрунна (Амброз, 1989. С. 33), и в Северном Причерноморье (Погребение 1998 г. в Синявке у Танаиса, могильник Заморское, некрополь Керчи) и датируются началом – серединой V в. (Безуглов, Ильяшенко, 2001. С. 79–80).

Стеклянные кубки различных форм, орнаментированные синими пятнами и нитями, на территории юга Восточной Европы типичны для третьей четверти IV–V в. (Сорокина, 1971. С. 92–101; Казанский, 2001. С. 46; Kazanski, 1993. P. 215–219), хотя и появились раньше. Очень близкий по форме, размерам и характеру орнамента кубок найден в склепе 88 могильника Лучистое в Крыму (Айбабин, Хайрединова, 1998. Рис. 20, 3). Склеп датируется первой половиной V в. (Там же. С. 309).

Учитывая хронологию вещей, Погребение 19 Ксизово 17А должно относиться к середине V в.

В заключение хочется высказать гипотезу о возможных причинах появления могил, которые описаны выше, в Верхнем Подонье.

В тезисах доклада на конференции о погребальном обряде эти два захоронения, вместе с п. 4 Животинного могильника (Медведев, Винников, 1989), отнесены ко второму типу верхнедонских ингумаций середины I тыс. Их признаками являются: ориентировка погребенных головой на север с небольшими отклонениями к востоку, значительная глубина ям (0,7–1 м от уровня материка, 1,5–2 м от дневной поверхности), которые не имеют подбоев, отсутствие искус-

ственного посмертного расчленения скелетов. При сооружении могил на территории Верхнего Подонья крайне редко использовался камень.

Погребения второго типа наиболее близкие аналогии имеют в Среднем Подунавье и прилегающих районах. В этом регионе большинство захороненных эпохи Великого переселения народов лежали головами на запад (с отклонениями к северу и югу), хотя ориентировка ингумаций и позы погребенных в конце IV–V в. разнообразны, что, по мнению Я. Тейрала, свидетельствует о сложном этническом составе населения, в культуре которого с начала гуннского периода прослеживаются традиции восточных германцев, алано-сарматов, центральноевропейских германских племен (вандалов, свебов и др.). Тем не менее в Подунавье выделяется серия захоронений, в которых скелеты лежали на спине и были ориентированы головами на север (с отклонениями к востоку и западу). Они известны на могильниках Лебень, Чонград-Бержени, Левице, Смолин, Ижа, Нитрианский Градок, Стегельчевес, Ботошаны, Братеи 1 и 2, Диндешти, Герашени, Орадеа, Виминациум, Финтенеле «Рит», Погоржелице, Простейов-Држовице и ряде других (Fehr, 2005; Pieta, 1999; Párducz, 1963. S. 18–20; Novotný, 1957. S. 463, 464; Svoboda, 1975. S. 133, 134; Harhoiu, 1997. S. 163, 164, 166, 167, 173, 176, 183; Tejral, 2000. S. 5–23; Зотовић, 1981; Čižmář, Tejral, 2002), причем этот список далеко не полон. В мужских погребениях часты находки наборов пряжек от поясов, портупей, обуви, фибул, оружия (мечей, кинжалов, копий), предметов быта (ножей, в том числе и с «горбатой спинкой», бритв). Встречаются и стеклянные кубки, которые обычно лежали в головах покойника. В женских погребениях находят фибулы (как парные, так и по одной), гребни, зеркала, бусы, поясные пряжки, туалетные наборы. Погребения с северной ориентировкой обычно связывают с различными группами германцев (Tejral, 2000. S. 5–23. Abb. 1–10; Fehr, 2005. S. 100, 101. Abb. 3; Зотовић, 1981. С. 106–108). В Верхнем Подонье они, вероятнее всего, демонстрируют присутствие какой-то группы германцев постчерняховского периода, вовлеченных в орбиту передвижения гуннов. Напомню, что на поселениях Замятинского археологического комплекса (ремесленного центра Верхнего Подонья середины I тыс. н. э.), расположенного неподалеку от могильника у с. Ксизово, обнаружена серия лепных лощеных мисок с зигзагообразными профилями, т. е. сосудов, формы которых имеют центральноевропейские и черняховские прототипы (Обломский, 2005б). В Замятино 5 и 8 зафиксированы следы производства наборных гребней из лосиных и оленьих рогов – типичных бытовых предметов народов центральноевропейского круга (Обломский, 2004а).

Могилы, близкие к верхнедонским захоронениям второго типа, в конце IV–V в. не характерны ни для степной зоны Восточной Европы, ни для Северного Кавказа и Крыма (описание см.: Абрамова, 1997. С. 97–107; Засецкая, 1994. С. 12–22; 2003. С. 33, 34; Айбабин, 1999. С. 61). К сожалению, систематизация сведений о погребальном обряде северо-восточного побережья Черного моря пока не проделана, но, судя по данным И. О. Гавритухина, А. В. Пьянкова и А. В. Дмитриева, захоронения в глубоких простых могилах с северной (с отклонениями) ориентировкой в целом не типичны и для этого региона (Гавритухин, Пьянков, 2003; Дмитриев, 2003). Несколько очень похожих погребений (138,

140, 183, 241, 18/1985; 30/1990; 39/1990) исследовано на некрополе Танаиса (Арсеньева, 1977. С. 113; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Табл. 21, 283; 45, 542; 49, 615). Известны они и в Абхазии, в частности на могильнике Цибилуим 2, где составляют компактный участок на севере раскопанной площади (п. 366, 368, 375, 382, 388, 398, 416, 417) (Воронов, 2003. Рис. 3; 170, 1; 172, 1; 175, 1; 180, 1; 184, 1; 190, 4; 197, 10; 199, 1). Северо-восточную ориентировку имеет и женское погребение в Любовке (Харьковская обл.) (Радзівєвська, Шрамко, 1980. С. 103). Показательно, что по другим элементам материальной культуры (лепной керамике, фибулам, гребням) в литературе уже отмечалось присутствие в гуннское время в Танаисе и его округе центральноевропейского по происхождению населения (Амброз, 1969. С. 263, 264; Kazanski, 2002. P. 400–402; Обломский, 2005б. С. 40–42). В Любовке на шее у женщины было ожерелье из бус, на плечах – 2 фибулы, а на руках – по одному браслету. Для эпохи Великого переселения народов такое сочетание элементов считается характерным для германского костюма (Гавритухин, 2004. С. 208, 209). Не исключено, что какие-то группы германцев были и в составе византийского гарнизона Цибилуима.

Приложение

Я. Главова (Мост, Чехия). Описание скелетов

Погребение 19 Ксизово 17А. Состояние: скелет взрослого человека, длинные кости нижних конечностей очень хорошо сохранились, верхние конечности сохранились намного хуже. Череп, позвоночник и таз сохранились очень плохо.

Череп: сохранились только плоские кости. Их поверхность сильно разрушена и расколота, структура костей – очень ломкая и крошится. На lamina interna и externa почти невозможно наблюдать патологические изменения из-за больших повреждений. Тем не менее, ни на lamina interna, ни на sinus frontalis патологические изменения не обнаружены. На внутренней поверхности os frontale и parietale имеются только слабые foveolae granulares обычного вида. Плотность костей черепа – средняя, со слабо выраженным мускульным рельефом.

Зубы: эмаль и sementum – очень ломкие, зубы сохранились очень плохо.

Dx Отсутствующая челюсть P ₂	Отсутствующая челюсть Sin
Отсутствующая челюсть M ₂ M ₁	Отсутствующая челюсть

P₂ dx sup – сохранилась только коронка со следами трения, без открытия дентина. M1 dx inf – форма с пятью бугорками, M2 dx inf – форма с четырьмя бугорками.

Caries: M2 dx inf – в foramen caecum имеется маленький caries (1 × 1 мм, глубина 1–2 мм).

Винный камень: осыпался, по этой причине уровень развития невозможно оценить.

Hypoplasia: P₂ dx sup – широкая, но мелкая поперечная полоса, внутри нее наблюдается маленькая foveola.

Возраст, основанный на исследовании зубов: Mandibula: M1, M2: 20 – 30 лет (Adultus I) (Lovejoy, 1985); основанный на осмотре швов черепных костей: все швы еще открыты: 20–25 лет (Adultus I) (Linc, 1971).

Пол: большинство характеристик черепа в этом отношении не существенны. Tubera frontalia и parietalia не выражены – мужской (Acsadi, Nemeskeri, 1970).

Другие наблюдения: Os Incae – Squama ossis occipitalis разделена sutura occipitalis transversa на верхнюю и нижнюю части. Верхняя часть squama – совершенно отдельная кость – Os Incae. Обследование шва невозможно из-за плохого состояния внутренней и наружной поверхностей костей черепа. Ossiculum suturarum suturae lambdoideae (sin): размеры 1,8 × 1,8 см в левой части sutura lambdoidea.

Верхние конечности: кости, особенно левой стороны, очень плохо сохранились. Поверхность кости разрушена и осыпается. Невозможно выявить патологические изменения. Плотность кости – средняя, со слабо выраженным мускульным рельефом.

Humerus dx et sin: сохранились только части diaphyses. Левую плечевую кость невозможно измерить.

Humerus	H5	H6	H7
Dx	2,3	2,0	7,0

Пол: H7, мужской (по: Cerny, 1971); H7: –5, 2, мужской (по: Cerny, Komenda, 1980); H5, H6: 0,96, мужской (по: France, 1987; Bass, 1987).

Radius dx et sin: на правом radius наблюдается зеленая патина в нижней трети diaphysis. Все остальные части кости находятся в очень плохом состоянии.

Radius	R1	R4	R5	R5(5)	R5(6)	Окружность tuberositas radii
Dx	–	1,9	1,3	5,0	–	–
Sin	Неизмеряемые	1,6	1,15	4,5	3,4	5,1

Пол: R4, R5, мужской (по: Iordanidis, 1961); R5 (5), R5 (6), окружность tuberositas radii – мужской (по: Singh и др., 1974).

Ulna dx et sin: кость правой стороны невозможно измерить.

Ulna	U3a	U11	U12
Sin	5,0	1,5	1,7

Пол: U11, U12, мужской (по: Iordanidis, 1961).

Ossa metacarpi I – IV dx:

Mc I	McI 1	McII 1	McIII 1	McIV 1
Dx	5,0	7,6	6,8	6,05

Таблица измерений ossa metacarpi, основанная на методе Фалсетти (Falsetti, 1995):

Измерение	1	2	3	4	5
Mc II	7,6	1,8	1,95	1,0	1,1
Mc IV	6,05	1,45	1,45	0,8	0,9

Пол: McI – IV, мужской (по: Pfitzner, 1899); Mc II: 13,23, мужской; Mc IV: 5,29, мужской (по: Falsetti, 1995).

Позвонки, sternum: у позвонков сохранились только передние части их тел, соответственно, одного грудного и 3 поясничных, а также еще несколько фрагментов позвонков тех же самых частей позвоночника. Сохранился целый corpus sterni.

Таз: Очень плохая структура кости, она крошится и распадается.

Крестец:

Sacrum	Sa1	Sa2	Sa2a	Sa14	Sa15
Измерение	12,5	10,5	3,4	6,3	3,3

Пол: Sa1 – женский > I (по: Flanderova, 1978); Sa1 – мужской; Sa2 – мужской; Sa2a – мужской; Sa14 – мужской (по: Stradalova, 1974; 1975).

Ossa coxae, пол (Acşadi, Nemeskeri, 1970): мужчина, но имеется много женских признаков на тазе – открытая incisura ischiadica major, слегка изогнутая crista iliaca, кости в целом сравнительно грацильные, со слабо выраженным мускульным рельефом. С другой стороны, имеется серия типично мужских признаков – arc composé, область лобка.

Признак	Значение	Характеристика
Sulcus preauricularis	3	Отсутствует (2)
Incisura ischiadica major	3	Широкая, в форме “V” (-1)
Angulus subpubicus	2	Остроконечный (1)
Arc composi	2	Простая кривая (2)
Os coxae	2	Переходная форма (0)
Foramen obturatum	2	Треугольный (-1)
Corpus ossis ischii	2	Средний (0)
Crista iliaca	1	Ровная, форма широкого “S”(-2)
Fossa iliaca	1	Средняя (0)
В итоге		5 – Мужчина

Определение пола, по: Bruzek, 1991: 1) sulcus preauricularis, B01 – I; 2) incisura ischiadica major, Bb0 – мужской; 3) arc composé, простая кривая – мужской; 4) развитие лобковой кости – мужской. По: Phenice, 1969: 1, 2, 3 – мужской. По: Herrmann и др., 1990: IS – M = 9,9; PU – M = 7,6; II MT = 5,1 – женский. По: Novotny, 1986 – два результата: 30,47; 23,45 – женский.

Метрические методы позволяют сделать вывод, что пол погребенного был женским. В этом отношении показателен, прежде всего, общий грацильный облик таза. Тем не менее признаки, в большей степени связанные с процессом воспроизводства, а именно лобковая область таза, с большей вероятностью указывают на принадлежность скелета мужчине (M > Ж).

Возраст, основанный на facies symphysialis: 22–24 года (Adultus 1) (McKern, Stewart, 1957); срастание S1 – S2: 18–30 лет (Stewart, 1979); 18–30 лет (Schwartz, 1995).

Патология: На тазовых костях патологические изменения не отмечены.

Нижние конечности.

Femur dx et sin: кости средней плотности со слабо выраженным мускульным рельефом. Trochanter minor – большой, никаких патологических изменений не выявлено.

Femur	F1	F2	F6a	F7a	F8	F9	F10	F17	F21
Dx	Неизмеряемые		2,95	2,8	8,9	3,5	2,65	–	8,5
Sin	Неизмеряемые		2,85	3,1	9,1	3,65	2,8	10,3	8,4

Index platymericus: dx = 75,71; sin = 76,71.

Пол: F6a, F7a, F8 – мужской (по: Cerny, 1971); F8: 4 – мужской; F7 + 8: 0,39 – мужской (по: Dibennardo, Taylor, 1979); F6: –1,2 – мужской; F7: –0,39 – мужской; 1,1 – мужской (по: Cerny, Komenda, 1980); 1: 1,65 – мужской (по: Icsan, Miller-Shaivitz, 1984a).

Patella dx et sin: средней плотности, патологические изменения не отмечены.

Patella	Pa1	Pa2	Pa3	Pa4
Dx	4,3	4,7	2,1	3,35
Sin	4,5	4,8	2,1	3,4

Пол: 21,86 – мужской (по: Dofkova, 1995).

Tibia dx et sin: средней плотности со слабо выраженным мускульным рельефом, sulcus m. solei неопределен (почти невозможно выяснить точное местоположение). Патологий не обнаружено.

Tibia	T1	T1a	T1b	T3	T6	T8a	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	Неизмеряемые			7,8	4,95	3,35	2,7	9,1	9,6	7,7
Sin	Неизмеряемые			7,8	5,05	3,65	2,85	8,8	9,7	7,7

Index snemicus: dx = 80,6; sin = 78,1. Пол: 300,5, мужской (по: Steel, 1962); T3, T6, T10, мужской (по: Singh и др., 1975); T3, T6, T10a, мужской; 1: 1,78 – мужской; 2: 1,61 – мужской; 3: 1,3 – мужской; 4: 0,56 – мужской; 7: 0,67 – мужской (по: Icsan, Miller-Shaivitz, 1984b); T3 – мужской; T6 – I (по: Leopold, Minuth, Krüger, 1986).

Fibula dx et sin: невыраженный рельеф, закругленные края.

Fibula	Fi1	Fi4	Fi4(2)
Dx		4,8	2,75
Sin		4,7	2,55

Пол: Fi4(2) – мужской (по: Leopold, Minuth, Krüger, 1986); Fi4, Fi4 (2) – мужской (по: Singh, Singh, 1976).

Talus и calcaneus dx et sin:

Talus	Ta1	Ta2	Ta3a	Ta4	Ta5	Ta13
Dx	5,55	4,4	3,25	3,6	3,2	3,55
Sin	5,55	4,5	3,4	3,4	3,35	3,4
Calcaneus	Ca2			Ca4		
Dx		7,6			4,8	
Sin		7,2			4,6	

Пол: 1: 51,35 – мужской; 2: 49,1 – мужской; 3: 41,4 – мужской; 5: 52,82 – мужской (по: Steele, 1976); 41,39 – мужской (по: Novotny, 1985).

Прочие наблюдения: *Facies talaris anterior et medialis communis*: суставные поверхности объединены в одну общую фацию. *Facies articularis calcanea anterior et media*: эти фации разделены только тонким кантом.

Os metatarsale I (hallucis) dx: патологические изменения не прослежены.

Mt I	MtI 1	MtI 3
Dx	6,3	1,85

Пол: MtI – мужской (по: Pfitzner, 1899).

Рост будет рассчитан после полного антропологического анализа, который включает измерение длинных костей конечностей. Необходимые данные приводятся в таблицах (см. выше).

Заключение: Скелет мужчины в возрасте 20–30 лет (*Adultus I*), среднего телосложения со слабо выраженной мускулатурой.

Погребение 2 Ксизово 17Б. Состояние: скелет взрослого человека, лежащий на спине, череп теменем был направлен на север (с небольшим отклонением к востоку). Руки были вытянуты параллельно туловищу, кости пальцев рассеяны в области таза. Череп был вместе с нижней челюстью, таз «развернут», стопа правой ноги повернута направо. Вероятно, погребенный был положен в какую-то полую камеру. Скелет – относительно хорошо сохранившийся, кости – грацильные.

Заключение: Согласно предварительному осмотру, это – скелет взрослой женщины.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.*, 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М.
- Айбабин А. И.*, 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.*, 2001. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. Симферополь. Т. VIII.*
- Акимов Д. В.*, 1998. Поселение Староживотинное 3 на р. Воронеж // *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.*
- Амброз А. К.*, 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // *Античные древности Подонья-Приазовья. М.*
- Амброз А. К.*, 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.
- Арсеньева Т. М.*, 1977. Некрополь Танаиса. М.
- Безуглов С. И., Ильяшенко С. М.*, 2001. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // *Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.*
- Бирюков И. Е.*, 1998. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.*
- Бирюков И. Е.*, 2004а. Острая Лука Дона в гуннское время. Общая карта памятников // *Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.*
- Бирюков И. Е.*, 2004б. *Материалы гуннского времени поселения Замятино 5 // Там же.*
- Веретюшкин Р. С., Обломский А. М., Радюш О. А.*, 2005. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья // *Ю. А. Липкинг и археология Курского края. Курск.*
- Воронов Ю. Н.*, 2003. Могилы апсидов: Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 гг. М.

- Гавритухин И. О.*, 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В.*, 2003. Древности V–VII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Гл. 8: Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) М. (Археология.)
- Гей О. А., Бажан И. А.*, 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Дмитриев А. В.*, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Гл. 8: Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.). М. (Археология.)
- Засецкая И. П.*, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Засецкая И. П.*, 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII в. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М. (Археология.)
- Земцов Г. Л.*, 2003. Миграционные потоки III–V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино 2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.
- Зотовий Ђ.*, 1981. Некропола из времена сеобе народа са уже градске територије Виминација // Starinar. T. XXXI. Београд. 1980.
- Казанский М. М.*, 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир.
- Ковалевская В. Б.*, 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. E1-2.
- Козмирчук И. А., Разуваев Ю. Д.*, 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.
- Медведев А. П.*, 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.
- Медведев А. П.*, 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
- Медведев А. П.*, 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.
- Медведев А. П., Винников А. З.*, 1989. Грунтовой могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
- Обломский А. М.*, 2004а. Заключение // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.
- Обломский А. М.*, 2004б. Хронология Замятинского археологического комплекса // Там же.
- Обломский А. М.*, 2004в. Замятино 8: Материалы раскопок 1998–2000 гг. // Там же.
- Обломский А. М.*, 2004г. Поселение Замятино 7 // Там же.
- Обломский А. М.*, 2005а. Верхнедонские ингумации середины I тыс. н. э. (типа Животинного могильника) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М.
- Обломский А. М.*, 2005б. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. № 2.
- Обломский А. М., Усачук А. Н.*, 2004. Технология изготовления гребней в Замятино 5 и 8 и мастерские гребенщиков // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.
- Радзівєвська В. С., Шрамко Б. А.*, 1980. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. № 33.
- Разуваев Ю. Д.*, 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.
- Сорокина Н. П.*, 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4.

- Шишкин П. Г.*, 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ.
- Щукин М. Б.*, 2005. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб.
- Acsádi G., Nemeskéri J.*, 1970. History of Human Life Span and Mortality. Budapest.
- Bass W. M.*, 1987. Human Osteology: A Laboratory and Field Manual. Columbia.
- Bruzek J.*, 1991. Fiabilité des Procédés de détermination du sexe a partir de los coxal. Implication a l'étude du dimorphisme sexuel de l'Homme fossile: These de doctorat. Museum National d'Historie Naturelle, Institut de Paleontologie Humaine. Paris.
- Cerny M.*, 1971. Urcovani pohlavi podle postkranialniho skeletu // Symposium o urcovani stari a pohlavi jedince na zaklade studia kostry. Praha.
- Cerny M., Komenda S.*, 1980. Sexual Diagnosis by the Measurements of Humerus And Femur // Sbornik praci Pedagogicka fakulta Univerzity Palackého Olomouc. Biologie. V. 2. Olomouc.
- Čížmár Z., Tejral J.*, 2002. Kriegergräber aus dem 5. Jh. in Prostějov-Držovice // Probleme der frühen Merowingzeit im Mitteldonauraum. Brno.
- Dibennardo R., Taylor J. V.*, 1979. Sex Assessment of the Femur: A Test of a New Method // American Journal of Physical Anthropology. № 50.
- Dofkova M.*, 1995. Ceska kolenni cloveka a její vypovedni hodnota pro diagnozu pohlavi: Diplomova prace. Prirodovedecka fakulta Masarykovy univerzity. Brno.
- Falsetti A. B.*, 1995. Sex Assessment from Metacarpals of the Human Hand // Journal of Forensic Science. № 40/5.
- Fehr H.*, 2005. Bemerkungen zum völkerwanderungszeitlichen grabfund von Fürst // Bericht der Bayerischen Bodenkmalpflege. 43/44, 2002/03. München.
- Flanderova L. B.*, 1978. Univariate and Multivariate Methods for Sexing the Sacrum // American Journal of Physical Anthropology. № 49.
- France D. L.*, 1987. Sexual Dimorphism in the Human Humerus: Unpublished Ph. D. Dissertation, Department of Anthropology, Univ. of Colorado // *Bass W. M.* Human Osteology: A Laboratory And Field Manual. Columbia.
- Harhoiu R.*, 1997. Die Frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest.
- Herrmann B., Grupe G., Hummel S., Piepenbrink H., Schutkowski H.*, 1990. Prähistorische Anthropologie. Berlin; Heidelberg; New York; London; Paris; Tokyo; Hong Kong; Barcelona.
- Icsan M. Y., Miller-Shaivitz P.*, 1984a. Determination of Sex From the Femur in Black and Whites // Collegium Anthropologicum. № 8/2.
- Icsan M. Y., Miller-Shaivitz P.*, 1984b. Discriminant Function Sexing of the Tibia // Journal of Forensic Science. № 29/4.
- Jordanidis P.*, 1961. Détermination du sexe par les os du squelette // Annales de Médecine Légale. № 41.
- Kazanski M.*, 1993. The Sedentary Élite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilization in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Cultural Transformations and Interactions in the Eastern Europe. Glasgow.
- Kazanski M.*, 2002. Les antiquites germaniques de l'époque Romaine tardive en Crimée et dans la region de la mer d'Azov // Ancient West and East. Vol. 2. № 2. Leiden; Boston.
- Leopold D., Minuth I., Krüger G.*, 1986. Zum Sexualdimorphismus der Unterschenkelknochen – ein Beitrag zur Identifikation // Kriminalistik und forens. Wiss.
- Linc R.*, 1971. Kapitoly z rustove a funkcní morfologie // Fakulta telesné výchovy a sportu Univerzity Karlovy. Praha.
- Lovejoy C. O.*, 1985. Dental Wear in the Libben Population: Its Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journal of Physical Anthropology. № 68/1.
- Martin R., Knussmann R.*, 1988. Anthropologie: Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen. Bd. I. Stuttgart.
- McKern T. W., Stewart T. D.*, 1957. Skeletal Age Changes in Young American Males // Quartermaster Research and Development Center, US Army. Natick. Technical Report EP. № 45.

- Novotný B.*, 1957. K otázce kultu mrvých na pohřebišti z doby stěhování národů u Smolína na Moravě // Archeologické rozhledy. T. IX-4. Praha.
- Novotny V.*, 1985. Determination of Sex From the Talus And Calcaneus // Scripta Medica. Brno. № 58.
- Novotny V.*, 1986. Sex Determination of the Pelvis Bone: A Systems Approach // Anthropologie. № 24/2-3.
- Párducz M.*, 1963. Die Ethnischen Probleme der Hunnenzeit in Ungarien. Budapest.
- Pfitzner W.*, 1899. Sozial-anthropologische Studien // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. № 1.
- Phenice T. W.*, 1969. A Newly Developed Visual Method of Sexing the Os Pubis // American Journal of Physical Anthropology. № 30.
- Pieta K.*, 1999. Anfänge der Völkerwanderungszeit in der Slowakei (Fragestellungen der zeitgenössischen Forschung) // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno.
- Schwartz J. H.*, 1995. Skeleton Keys. New York.
- Singh G., Singh S. P.*, 1976. Identification of Sex from the Fibula // Journal of Indian Academy of Forensic Science. № 15.
- Singh G., Singh S. P., Singh S.*, 1974. Identification of Sex from Radius // Journal of Indian Academy of Forensic Science. № 13.
- Singh G., Singh S., Singh S. P.*, 1975. Identification of Sex from Tibia // Journal of Anatomical Society of India. № 24.
- Steel F.*, 1962. The Sexing of Long Bones, With Reference to the St. Bridge's Series of Identified Skeletons // Journal of the Royal Anthropological Institute. № 92/2.
- Steele D. G.*, 1976. The Estimation of the Sex on the Basis of the Talus and Calcaneus // American Journal of Physical Anthropology. № 45.
- Stewart T. D.*, 1979. Essentials of Forensic Anthropology. Springfield.
- Stloukal M., Dobisíková M., Kuželka V., Stránská P., Velemínský P., Vyhnanek L., Zvara K.*, 1999. Antropologie. Průručka pro studium kostry. V. 1. Praha.
- Stradalova V.*, 1974. Determination of Sex from the Metrical Characteristic of the Sacrum // Folia Morfologica. № 22.
- Stradalova V.*, 1975. Sex Differences and Sex Determination on the Sacrum // Anthropologie. № 13.
- Svoboda B.*, 1975. Dva hroby z doby stěhování národů ve Stehelčevsi u Slaného // Památky archeologické. LXVI-1. Praha.
- Tejral J.*, 2000. The problem of the primary acculturation at the beginning of the migration period // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź.

В. М. Кишлярук

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ НА ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ (III–II вв. до н. э.)

Курганный могильник позднескифского времени на левобережье Днестра был выявлен у с. Глиное Слободзейского р-на в 1995 г. (Яровой, 1997.

С. 5–10; Яровой и др., 1997а. С. 251–255; 1997б. С. 14–19; Яровой, Четвериков, 2000. С. 3–28; Четвериков, 2004. С. 279–285; Chetvericov, Fidelski, 2000. С. 18–20; Yarovoy, Chetvericov, Sinika, 2000. С. 77–79). С этого времени его исследования проводит НИЛ «Археология» Приднестровского Государственного университета им. Т. Г. Шевченко. По данным аэрофотосъемки, могильник включает в себя более 50 насыпей (Яровой и др., 1997а. С. 251). Курганы расположены компактной группой на плато второй надпойменной террасы Днестра и являются составной частью обширного курганного поля, получившего в науке наименование «курганы Тираспольщины» (Мелюкова, 1962. С. 114–166).

В рельефе данный участок представляет собой платообразное возвышение, с трех сторон ограниченное понижениями. Выражены они с северо-восточной стороны балкой Красная, с юго-восточной – озером Красное, а с северо-запада и юго-запада – нижним участком долины р. Днестр.

Насыпи практически полностью распаханы и выделяются в рельефе небольшими всхолмлениями и светлыми пятнами. Наиболее многочисленную группу погребений могильника составляют катакомбные погребальные сооружения. Археологические материалы позволяют датировать курганный могильник у с. Глиное III–II вв. до н. э. (Четвериков, 2004. С. 279–285).

Обнаруженный инвентарь достаточно разнообразен и представлен своеобразной керамикой: мисками, фруктовыми, курильницами, светильниками, чашами, а также античными гончарными сосудами. Практически во всех захоронениях встречаются украшения и оружие. В ряде погребений выявлены костные остатки собак, лошадей и других животных (Яровой и др., 1997а. С. 251–255; Четвериков, 2004. С. 279–285).

Одним из наиболее интересных археологических объектов, обнаруженных при раскопках курганного могильника, стали курильницы, хранящие в себе не только историческую, но и палеогеографическую информацию. В первую очередь это касается содержимого этих сосудов, в которых выделяются как органические, так и неорганические остатки¹.

Было исследовано содержимое 27 курильниц из погребений 22 курганов, из которых было извлечено около 90 образцов горных пород. Размеры фрагментов от 2,7 до 7,1 см по длинной оси и менее 5 см в поперечнике, размеры образцов определялись диаметром горловины курильниц (5–8 см).

При минералого-петрографическом анализе было выявлено 9 разновидностей горных пород (определения Л. Ф. Романова, Е. Н. Кравченко). Представлен каменный материал следующими разновидностями: песчаник кварцевый, карбонатный песчаник, алевролит кварцевый, известняк ракушечник, известняк глинистый, мергель, халцедон, аржиллит, туфопесчаник (табл. 1).

¹ Содержимое курильниц было любезно предоставлено Е. В. Яровым и И. А. Четвериковым.

Таблица 1. Каменный материал заполнения курганных курильниц из погребений курганного могильника с. Глиное

№	Курган, погребение	Размеры образца (см)	Характеристика горной породы (цвет, форма фрагмента, окатанность, вероятный возраст)	Характер поверхности фрагмента	Следы антропогенного воздействия
1	К. 2 п. 2	6,5×4,3×3,2	Песчаник плотный, тонкозернистый, темно-серый (ядро буровато-вишневого цвета), клиновидной формы, окатанная галька, возможно, палеозойский возраст (?)	Гладкая	Черные пленки, пятна, крап
2	К. 2 п. 2	6,2×4,6×3,0	Песчаник плотный, тонкозернистый, темно-серый (ядро буровато-вишневого цвета), полуокруглой уплощенной формы, окатанная галька, возможно, палеозойский возраст (?)	Гладкая	Черные пленки, пятна, крап
3	К. 2 п. 2	4,5×4,5×3,1	Песчаник плотный, тонкозернистый, темно-серый (ядро буровато-вишневого цвета), пирамидальной формы, окатанная галька, возможно, палеозойский возраст (?)	Гладкая	Черные пленки, пятна, крап
4	К. 2 п. 2	4,2×3,8×3,5	Песчаник плотный, тонкозернистый, темно-серый (ядро буровато-вишневого цвета), клиновидной формы, сильнотрещиноватый фрагмент, окатанная галька, возможно, палеозойский возраст (?)	Гладкая, с трещинами	Черные пленки, пятна, крап
5	К. 7 п. 1	6,4×4,1×2,2	Песчаник вишнево-бурый, с поверхности желтовато-светло-серого цвета, окатанная галька вытянутой формы, уплощенная	Шероховатая, пористая, слабо реагирует с кислотой (НСI)	Редкие пятна сажи, светлые примазки глины
6	К. 7 п. 1	5,5×3,5×2,6	Песчаник вишнево-бурый, с поверхности желтовато-светло-серого цвета, окатанная галька вытянутой формы, уплощенная	Шероховатая, пористая, слабо реагирует с кислотой (НСI)	Редкие пятна сажи, светлые примазки глины
7	К. 7 п. 1	4,8×4,1×2,8	Песчаник серовато-вишневый, поверхность розовато-серого цвета, очень плотный, тонкозернистый, окатанная круглая галька	Пористая, слабо реагирует с кислотой (НСI)	Следов сажи не наблюдается
8	К. 7 п. 1	5,1×4,5×3,1	Песчаник серовато-вишневый, поверхность розовато-серого цвета, очень плотный, тонкозернистый, окатанная круглая галька	Шероховатая, пористая, слабо реагирует с кислотой (НСI)	Пятна и полосы сажи, светлые глинистые пленки

9	К. 7 п. 1	4,4×3,6×2,2	Песчаник кварцевый, мелкозернистый, темно-серого цвета, окатанный обломок гальки	Гладкая отполированная поверхность	Трещиноватость
10	К. 8 п. 1	2,9×2,6×2,2	Песчаник плотный, серовато-малиновый, на отполированной грани серый, близок к кубической форме, обломок гальки или валуна, девонский возраст (?)	Одна из сторон гладкая, остальные шероховатые	Редкие черные пятна, крап на всех гранях
11	К. 8 п. 1	4,1×2,7×2,2	Песчаник плотный, серовато-малиновый, фрагмент гальки или валуна, девонский возраст (?)	Шероховатая	Редкие черные пятна, крап на всех гранях
12	К. 8 п. 1	3,1×2,9×2,2	Песчаник плотный, серовато-малиновый, фрагмент гальки или валуна, девонский возраст (?)	Шероховатая	Черный крап на всех гранях
13	К. 8 п. 1	3,0×2,4×2,5	Песчаник плотный, серовато-малиновый, на отполированной грани серый, близок к кубической форме, обломок гальки или валуна, девонский возраст (?)	Одна из сторон гладкая, остальные шероховатые	Неясные черные пятна на гладкой (окатанной) поверхности, остальные грани покрыты тонкой глинистой пленкой
14	К. 8 п. 1	3,4×2,9×1,9	Песчаник аркозовый, рыхлый, слегка ошелушенный, окатанный с одной стороны, мезозойский возраст (?)	Одна из сторон гладкая, остальные шероховатые	Черные пятна концентрической формы, черный крап на гладкой поверхности и на одной из шероховатых сторон
15	К. 9 п. 1	5,5×4,3×2,9	Алевролит черный, кварцевый, с включением глинистого материала и биотита	Пористая	Редкие черные точки и пятна на всех гранях
16	К. 33 п. 1	4,8×3,7×3,0	Алевролит серого цвета, сплюснутый с незначительным числом зерен кварца более крупных, чем основная масса породы	Пористая	Редкие черные точки и пятна
17	К. 9 п. 1	5,0×3,9×3,4	Песчаник кварцевый, темно- и светло-серый, мелкозернистый, плотный	Шероховатая	Черные точки и пятна на всех гранях
18	К. 11 п. 1	5,0×4,1×2,7	Песчаник кварцевый, серого цвета, плотный, кавернозный, сильно обожженный	Шероховатая, кавернозная	Черные пленки, пятна, крап
19	К. 12 п. 1	4,1×3,1×1,9	Песчаник розовато-серый аркозовый, уплощенная окатанная галька, палеозойского возраста (?)	Гладкая, пористая	На одной из сторон гальки черные пятна и причудливо извилистые линии

Таблица 1 (продолжение)

№	Курган, погребение	Размеры образца (см)	Характеристика горной породы (цвет, форма фрагмента, окатанность, вероятный возраст)	Характер поверхности фрагмента	Следы антропогенного воздействия
20	К. 12 п. 1	4,9×3,7×3,3	Песчаник темно-серый трещиноватый, одна из сторон схожа с поверхностью окатанной гальки, остальные угловатые, порода сильно изменена под воздействием огня (?)	Шероховатая, пористая	Темно-серый и черный налет, трещины
21	К. 12 п. 1	3,7×2,5×3,0	Песчаник темно-серый трещиноватый, грани угловатые, порода сильно изменена под воздействием огня (?)	Шероховатая, пористая	Темно-серый и черный налет, трещины
22	К. 12 п. 1	3,9×2,9×2,5	Песчаник темно-серый трещиноватый, грани угловатые, порода сильно изменена под воздействием огня (?)	Шероховатая, пористая	Темно-серый и черный налет, трещины
23	К. 13 п. 1	5,6×3,2×3,0	Песчаник плотный, тонкозернистый, темно-серый (ядро буровато-вишневого цвета), клиновидной формы, сильно окатанная галька, возможно, палеозойский возраст (?)	Гладкая	Черные пленки, пятна, крап
24	К. 13 п. 1	4,3×3,0×2,6	Песчаник аркозовый мелкозернистый, светло-серый осколок окатанной гальки (или валуна), возможно, мезозойский возраст (?)	Одна из сторон гладкая, остальные шероховатые	Гладкая и шероховатые поверхности покрыты черной пленкой и пятнами
25	К. 13 п. 1	3,8×4,0×4,1	Аргиллит (или плотная глина) серого цвета с бурым оттенком, почти шарообразной формы (вероятно, антропогенного происхождения)	Почти гладкая с трещинками и порами	Тонкий черный налет и редкие черные пятна
26	К. 14 п. 2	4,1×3,4×2,1	Аргиллит темно-серого цвета с налетом светло-серого алевроитового материала	Пористая	Трещины
27	К. 14 п. 2	3,4×3,3×2,5	Песчаник кварцевый, мелкозернистый с включениями биотита	Поверхность шероховатая	Трещины, серые пленки и черные пятна
28	К. 14 п. 2	5,3×4,1×3,5	Известняк ракушечник, с большим количеством раковин <i>Saridiidae</i> , возможно, понтического возраста	Поверхность шероховатая	Следов сажи нет
29	К. 14 п. 1	4,8×2,3×1,6	Мергель светло-серого цвета, сильнотрещиноватый, полуокатанный обломок со следами выщелачивания (воздействие карстовых процессов)	Угловатые неровные поверхности граней, пористые, реагирует с кислотой (НСl)	Следов сажи нет

30	К. 14 п. 1	4,8×3,4×2,6	Мергель светло-серого цвета, сильнотрещиноватый, полуокатанный обломок со следами выщелачивания	Угловатые неровные поверхности граней, некоторые шероховатые, пористые, реагирует с кислотой (НС1)	Следов сажи нет
31	К. 14 п. 1	4,2×2,3×2,8	Мергель светло-серого цвета, сильнотрещиноватый, полуокатанный обломок со следами выщелачивания	Угловатые неровные поверхности граней, некоторые шероховатые, пористые, реагирует с кислотой (НС1)	Следов сажи и копоти нет
32	К. 14 п. 1	4,7×2,9×2,7	Песчаник аркозовый светло-серый, местами бурый (ожелезненный), сильнотрещиноватый, изометрической формы, с двух сторон полуокатан, мезозойский возраст (?)	Поверхность шероховатая	Очень редкие черные точки и пятна концентрической формы на всех гранях образца
33	К. 14 п. 1	3,4×3,2×3,6	Глинистый катыш, антропогенного происхождения	Поверхность гладкая, пористая	Следов сажи нет
34	К. 14 п. 1	2,4×3,3×2,2	Песчаник аркозовый светло-серый, местами бурый (ожелезненный), сильнотрещиноватый, изометрической формы, с двух сторон полуокатан, мезозойский возраст (?)	Поверхность шероховатая	Редкие черные точки и пятна на всех гранях
35	К. 14 п. 1	4,4×3,4×2,1	Очень плотный песчаник светло-серый, трещиноватый обломок уплотненной гальки, палеозойский возраст (?)	Гладкая отшлифованная на плоскостях шероховатая	Одна из гладких сторон покрыта черной пленкой
36	К. 14 п. 1	3,2×2,8×3,0	Песчаник светло-серый с буровато-вишневым ядром, обломок окатанной гальки, возможно, палеозойский возраст (?)	Гладкая, отшлифованная на плоскостях скола, по трещинам шероховатая	Черные крапинки
37	К. 18 п. 2	3,2×2,7×2,0	Песчаник мелкозернистый розовато-серый (кварцевый), угловатый изометрический осколок	Шероховатая	Следов сажи нет
38	К. 18 п. 2	3,9×2,9×2,0	Песчаник мелкозернистый розовато-серый (кварцевый), угловатый изометрический осколок	Шероховатая	Следов сажи нет

Таблица 1 (продолжение)

№	Курган, погребение	Размеры образца (см)	Характеристика горной породы (цвет, форма фрагмента, окатанность, вероятный возраст)	Характер поверхности фрагмента	Следы антропогенного воздействия
39	К. 19 п. 1	3,5×2,9×2,6	Туфопесчаник коричнево-серый (кварц, слюда, плагиоклаз – обломки этих минералов сцементированы глинистым цементом), очень плотный, обломок остроугольный призматической формы	Все грани обломка шероховатые, неровные, одна из сторон носит следы обработки, ровнее и более гладкая	Темно-серые пленки и черные пятна на всех гранях
40	К. 19 п. 1	3,2×2,8×2,3	Песчаник аркозовый, светло-желтовато-серый, обломок асимметричной гальки, возраст, возможно, протерозойский либо палеозойский	Матовая	Пятна-крапинки черного цвета сажи
41	К. 19 п. 1	3,1×3,0×2,2	Туфопесчаник коричнево-серый (кварц, слюда, плагиоклаз – обломки этих минералов сцементированы глинистым цементом), очень плотный, образец остроугольный, призматической формы, возможно, палеозойского возраста (?)	Грани обломка шероховатые, неровные, одна из сторон носит следы обработки, ровнее и более гладкая	Темно-серые пленки и черные пятна на шероховатых и гладкой стороне
42	К. 19 п. 2	5,9×3,9×2,4	Песчаник светло-серый, плотный, галька уплощенная, возраст, возможно, протерозойский	Гладкая	Черная оторочка по краям
43	К. 19 п. 2	5,3×4,0×3,1	Песчаник буровато-вишневого, плотный, галька	Шероховатая	Сплошная черная пленка с одной стороны
44	К. 19 п. 2	5,0×3,7×2,0	Песчаник аркозовый на кремнистом цементе, светло-желтовато-серый, обломок асимметричной гальки, возраст, возможно, протерозойский либо палеозойский	Матовая, микропористая	Пятна-крапинки черного цвета сажи
45	К. 19 п. 2	4,6×3,7×3,1	Песчаник светло-серый, угловатый неокатанный обломок, возраст, возможно, протерозойский либо палеозойский	Шероховатая, одна из граней отполирована	На гладкой стороне следы коготки
46	К. 19 п. 2	4,1×3,8×2,5	Песчаник кварцевый, вишнево-бурый на сколе, фрагмент сплюсненной формы, палеозойского возраста (?)	Матовая	Трещины, поверхности скола

47	К. 20 п. 1	4,6×3,4×2,7	Песчаник мелкозернистый, вишнево-серого цвета, неокатанный фрагмент прямоугольно-клиновидной формы	Одна из граней образца гладкая (отполированная?)	Пятна сажи
48	К. 20 п. 1	2,7×2,4×2,2	Песчаник мелкозернистый, вишнево-серого цвета, осколок гальки	Две грани гладкие, окатанные	Крапчатость (черные точки) на гладких и шероховатых сторонах
49	К. 20 п. 1	3,8×3,7×2,8	Конгломерат – мелкие окатанные зерна песчаников, кварца, сцементированы песчанисто-известковистым цементом, угловатый окатанный обломок	Пористая, кавернозная	Крапчатость (черные точки)
50	К. 23 п. 1	6,7×4,1×2,8	Карбонатный песчаник, желтовато-серый с тонкими прослойками темно-коричневого цвета, остроугольный обломок, возраст мел-неоген (?)	Шероховатая, мелкие вмятины, трещинки	Пленки сажи
51	К. 23 п. 1	6,5×4,0×3,2	Карбонатный песчаник, желтовато-серый с тонкими прослойками темно-коричневого цвета, остроугольный обломок, возраст мел-неоген (?)	Шероховатая, мелкие вмятины, трещинки	Пленки сажи
52	К. 23 п. 1	7,1×2,6×1,9	Карбонатный песчаник, желтовато-серый с тонкими прослойками темно-коричневого цвета, остроугольный обломок, возраст мел-неоген (?)	Шероховатая, мелкие вмятины, трещинки	Пленки сажи
53	К. 23 п. 1	4,3×3,1×2,4	Песчаник аркозовый, очень плотный, коричневатого серый, галька протерозойского либо палеозойского возраста	Гладкая	Пятна, пленки черного цвета сажи на поверхности образца
54	К. 24 п. 1	6,1×3,0×2,7	Песчаник кварцевый, очень крепкий, желтовато-серый, удлиненная галька, клиновидной формы, возраст, возможно, протерозойский	Пористая, микропористая	Крапинки и пятна черного цвета – «загар»
55	К. 24 п. 1	5,0×3,4×2,5	Песчаник кварцевый, очень крепкий, желтовато-серый, удлиненная галька, клиновидной формы, возраст, возможно, протерозойский	Пористая, микропористая	Сплошная пленка с двух сторон, крапинки, пятна черного цвета
56	К. 24 п. 1	3,5×2,9×1,7	Туфопесчаник кварцевый, очень крепкий, желтовато-серый, удлиненная галька, клиновидной формы, возраст, возможно, протерозойский	Пористая, микропористая	С одной стороны черная пленка копоти, с другой – серая
57	К. 24 п. 1	3,7×3,0×1,8	Песчаник желтовато-серый, полуокатанный, фрагмент клиновидной формы	Пористая	«Глубоко вдавляясь» копоть на поверхности
58	К. 24 п. 1	4,4×2,7×2,2	Песчаник, темно-серый, обломок окатанной удлиненной формы гальки	Гладкая	Черные пленки копоти, система трещин

Таблица 1 (продолжение)

№	Курган, погребение	Размеры образца (см)	Характеристика горной породы (цвет, форма фрагмента, окатанность, вероятный возраст)	Характер поверхности фрагмента	Следы антропогенного воздействия
59	К. 24 п. 1	4,3×2,7×2,5	Халцедон молочно-белый, местами желтовато-серый, слабо окатанный фрагмент, с одной стороны – трехгранная пирамида	Гладкая	Система трещин
60	К. 26 п. 1	5,3×3,3×2,5	Песчаник известковистый, клиновидной формы	Пористая с мелкими трещинками, кавернами, вмятинами	Редкие черные пятна
61	К. 26 п. 1	5,1×3,7×3,1	Конгломерато-песчаник известковистый, угловатый обломок	Одна из граней кавернозная, ячеистая с вцементированным мелким гравием	Редкие черные пятна
62	К. 26 п. 1	3,1×2,7×1,8	Песчаник карбонатный, полуокатанный обломок	Буристая, пористая	Черные пятна и крапинки
63	К. 28 п. 1	5,4×4,7×2,9	Песчаник плотный, светло-серый, галька округлая уплощенная, возраст, возможно, протерозойский	Гладкая	Редкие пятна сажи, трещинки
64	К. 28 п. 1	6,0×3,5×3,3	Песчаник желтовато-серый, галька удлиненной формы, возраст, возможно, протерозойский	Гладкая	Редкие пятна сажи, трещинки
65	К. 28 п. 1	3,1×4,2×3,5	Песчаник светло-серый, обломок гальки, возраст, возможно, протерозойский либо палеозойский	Гладкая, с коричневыми пятнами	Редкие пятна сажи, трещинки
66	К. 32 п. 1	4,6×3,0×2,4	Песчаник кварцевый, тонкозернистый, плотный	Шероховатая	Редкие черные точки и пятна
67	К. 32 п. 1	4,2×3,8×3,1	Песчаник кварцевый, слюдястый, ожелезненный, при попытке скола гальки образец распался на мелкие фрагменты	Гладкая	Черные пленки, пятна
68	К. 33 п. 1	5,1×4,0×3,1	Песчаник кварцевый, вишнево-красного цвета, мелкозернистый, слюдястый, возможно, девонского возраста	Гладкая	Темно-серые пленки и черные пятна на всех гранях

69	К. 33 п. 1	4,7×3,5×3,3	Песчаник кварцевый темно- и светло-серый, плотный, мелкозернистый, с глинистыми включениями	Шероховатая	Черные точки и пятна на всех гранях
70	К. 35 п. 1	5,0×3,1×2,5	Песчаник кварцевый серого цвета, мелкозернистый, почти кварцит с включением мусковита	Гладкая	Черные пленки, пятна, крап
71	К. 37 п. 1	4,6×3,5×3,4	Песчаник кварцевый, серого цвета, мелкозернистый	Гладкая	Черные точки и пятна на всех гранях
72	К. 37 п. 1	5,6×3,8×3,7	Песчаник кварцевый, обожженный, пористый, близкий к шлаку	Пористая	Редкие черные точки и пятна
73	К. 38 п. 1	4,8×2,2×2,1	Песчаник кварцевый, серого цвета, мелкозернистый, плотный	Гладкая	Черные пятна
74	К. 38 п. 1	4,8×3,9×3,5	Песчаник кварцевый, серого цвета, мелкозернистый, плотный, пористый, обожженный, поры за счет стораания цемента и переплавки, т. е. температура достигала больших значений	Пористая	Черные пленки, пятна, крап
75	К. 46 п. 1	4,1×3,7×3,1	Известняк светло-серый, глинистый с фораминиферами, возможно, сарматского возраста (средний сармат?)	Поверхность шероховатая, пористая	Следов сажи нет
76	К. 46 п. 1	3,2×2,8×2,6	Песчаник кварцевый, мелкозернистый, плотный, вишнево-красного цвета, возможно, девонского возраста	Поверхность гладкая	Черные пленки, пятна, крап
77	К. 46 п. 1	4,1×3,7×2,8	Песчаник кварцевый, светло-серого цвета, плотный, слюdistый	Поверхность гладкая	Черные пленки и пятна
78	К. 53 п. 1	4,6×2,8×2,6	Песчаник серый кварцевый, мелко- и среднезернистый, плотный, зерна средней окатанности, ожелезненный	Шероховатая	Тонкий черный налет и редкие черные пятна
79	К. 53 п. 1	5,2×3,7×2,9	Алевролит кварцевый, серый с включениями слюды черного цвета (биогит)	Шероховатая	Черные пленки

В процентном отношении доминирует песчаник кварцевый (около 60%), который обнаружен почти во всех курильницах. Большинство образцов этой породы окатаны, с гладкой, реже шероховатой поверхностью, очевидно, Карпатского происхождения. Цвет основной части образцов варьирует от светло-серого до розовато-серого. Песчаник вишнево-красного цвета – девонского возраста. Песчаники слагают галечники и валуны террас Днестра. Они могли добываться и из русла реки.

В нескольких случаях выявлены образцы карбонатного песчаника и алевролита кварцевого. Карбонатный песчаник обнаружен в курильницах трех курганов и составляет около 7% от общего числа образцов, все они не окатаны, желтовато-серого цвета. Образцы алевролита кварцевого обнаружены также в трех курильницах, однако число их несколько меньше (около 3%) (табл. 2). Они, вероятно, Карпатского происхождения, серого цвета, с включениями глин и слюды черного цвета (биотита), в некоторых случаях наблюдается незначительное число зерен кварца более крупного размера, чем в основной массе породы.

Таблица 2. Общая характеристика каменного материала заполнения курильниц и погребений курганного могильника с. Глиное

№ п/п	Наименование группы пород, минералов	Литологические особенности	Кол-во образцов	% сод-е группы
1	Песчаник кварцевый	Светло-серый, желтовато-серый, серовато-вишневый, розовато-серый, мелкозернистый, плотный	57	64
2	Карбонатный песчаник	Желтовато-серый с прослойками темно-коричневого, мелкозернистый	6	7
3	Мергель	Светло-серый, сильно трещиноватый с редкими кавернами и следами выщелачивания	3	3
4	Халцедон	Желтовато-серый, трещиноватый	1	1
5	Туфопесчаник	Коричнево-серый, тонкозернистый, очень плотный	3	3
6	Аргиллит	Серый, плотный, идеально круглой формы образец со следами антропогенной обработки	3	3
7	Алевролит	Темно- и светло-серый, кварцевый, слюдистый, плотный	3	3
8	Известняк ракушечник	Светло-серый с многочисленными раковинами сем. Cardiidae	1	1
9	Известняк глинистый	Светло-серый с фораминиферами	1	1
10	Неопределенные образцы		12	14

Остальные разновидности горных пород встречаются реже и в отдельных курильницах: халцедон трещиноватый желтовато-серого цвета; мергель светло-

серый трещиноватый с редкими кавернами; туфопесчаник коричнево-серый, тонкозернистый, очень плотный; аргиллит плотный, округлой формы, со следами антропогенной обработки, в некоторых случаях темно-серого цвета с налетом алевролитового материала; известняк ракушечник светло-серого цвета с большим количеством раковин семейства *Cardiidae*, по всей вероятности понтического возраста, обнажения которого известны к югу от Тирасполя; известняк глинистый светло-серого цвета с фораминиферами, очевидно, средний сармат, отложения подобного типа обнажаются почти на всем протяжении реки, а также участвуют в строении террас Днестра.

Преобладание в составе образцов каменного материала песчаника кварцевого и его присутствие в каждой из обследованных курильниц говорит о закономерном использовании именно этого материала, в то время как халцедон, аргиллит, туфопесчаник, алевролит, известняк ракушечник, известняк глинистый и мергель имеют, вероятно, случайное происхождение. Интересным представляется тот факт, что карбонатный песчаник выявлен в курганах, расположенных в непосредственной близости друг к другу и, очевидно, имеющих одинаковый возраст. Очевидно, в определенный период времени при совершении погребений древнему населению пришлось по каким-либо причинам наряду с широко использованными образцами песчаника применить и карбонатный песчаник. Расположенность этих курганов на прямой, ориентированной северо-запад – юго-восток, может служить основанием для предположения о последовательности захоронений с такой ориентацией (рис. 1). Подобного рода ориентация захоронений прослеживается и в случае использования аргиллита.

Применялся каменный материал, очевидно, для сожжения органического содержимого курильниц, для чего образцы горных пород, вероятно, разогревались на огне, а затем помещались в сосуд, уже содержащий органические составляющие. Об этом свидетельствуют многочисленные следы копоти и сажи в виде точек, пятен и пленок на поверхности образцов горных пород, а также трещиноватость, не свойственная окатанным речным галькам.

В некоторых случаях выделяются черные пятна сажи округлой формы, которые, вероятно, образовались вследствие введения в курильницы с уже разогретыми камнями жидкости различной консистенции, капли которой и оставляли на их поверхности следы подобных очертаний (пятна концентрической, извилистой формы) (Романов и др., 2002. С. 306–309).

Разная степень нагревания горных пород подтверждается различиями в характере покрытия каменного материала сажей. В некоторых случаях на них прослеживаются сплошные пленки черного цвета, иногда – лишь редкие пятна или точки. Возможно также, что подобное различие явилось следствием разнородности состава заполнения курильниц органическими компонентами. Состав и размеры образцов каменного материала, использованного при погребениях, определялся, вероятно, удобством расположения русловых и террасовых отложений, а также физическими свойствами горных пород. Не исключено и культовое назначение образцов, добытых из русла Днестра.

Следовательно, в определенные временные периоды наряду с уже сложившимся традиционным составом каменного материала, в основном русловых и

террасовых отложений, использовались и другие разновидности горных пород, в некоторых случаях случайного происхождения. Предполагая одновременность возведения курганов, в которых выделены карбонатные песчаники и аргиллиты, выявляется осевая направленность захоронений с северо-запада на юго-восток. В кургильницы наряду с первоначальным органическим содержанием добавлялись жидкостные, вероятно, маслосодержащие ингредиенты.

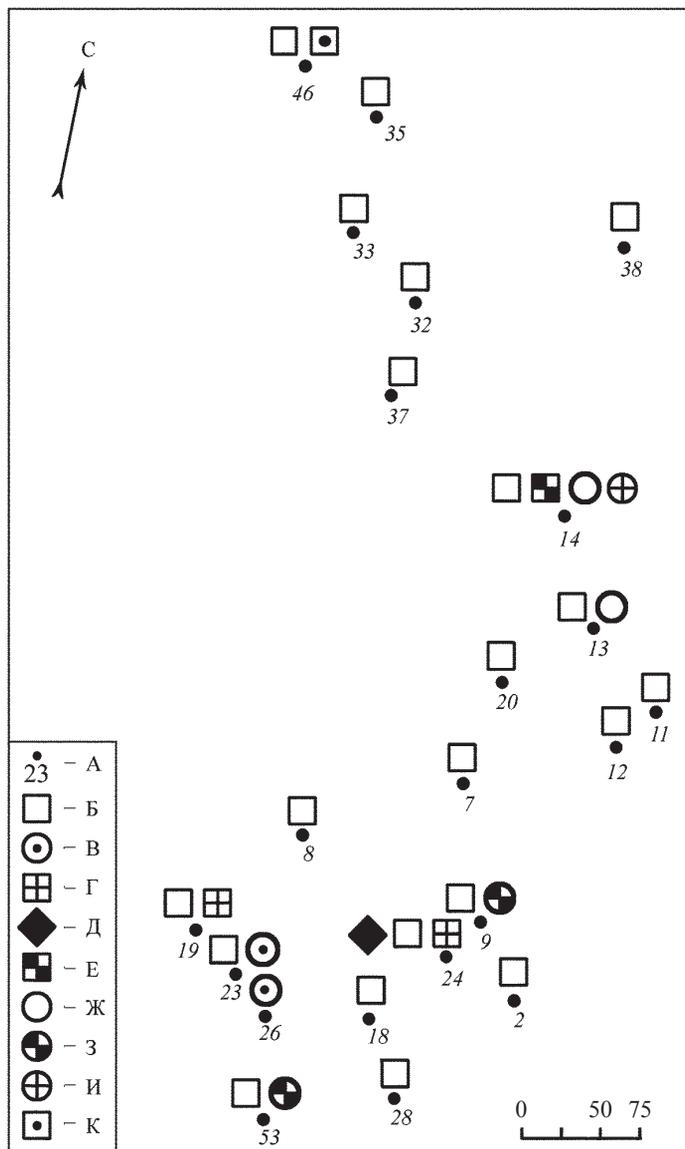

Рис. 1. Схема расположения курганов и состава каменного материала из кургильниц могильника у с. Глиное

При анализе содержимого курильниц было установлено, что органическая составляющая представлена остатками растительного характера и остатками членистоногих.

При исследовании под бинокулярной лупой заполнения курильниц удалось идентифицировать остатки семян двузернянки, конопли и 17 видов сорных растений (опред. Н. Н. Кузьминова). Конопля представлена наиболее широко, и ее остатки выявлены в подавляющем числе курильниц. В большинстве случаев семена конопли представляют собой спекшуюся обугленную массу, образовавшуюся вследствие термического воздействия. Наряду с этим в некоторых курильницах были выявлены обугленные остатки семян культурных злаков (Кишлярук и др., 2001. С. 126–131). Наиболее многочислен видовой состав сорных растений:

сем. *Apiaceae*: *Bifora radians* Bieb. Обнаружено 1 семя. Плод почти шаровидный, с одной стороны округло-треугольный, темно-коричневый. Засоряет посева на юге степной зоны, реже лесостепной. Растение сухих местообитаний. В Приднестровье и Молдавии не обнаружен (Гейдеман, 1986);

сем. *Brassicaceae*: *Brassica compestris* L. Обнаружено 1 семя. Семянка коричнево-черная, неправильно шаровидная, с неясным орешком, с овальным рубчиком. Диаметр 1,6 мм. Сорняк на полях и огородах. В настоящее время также встречается в окрестностях с. Глиное как сорное растение; *Sinapsis arvensis* L. Обнаружено 1 семя. Семянка шаровидная, черная, слабо сплюснутая. Диаметр: 0,9 мм. В настоящее время в окрестностях с. Глиное не выявлено. В Молдавии произрастает в различных условиях, преимущественно среди посевов, на засоренных местах и др. (Растения степей... 1989);

сем. *Boraginaceae*: *Lithospermum arvense* L. Выявлено 2 семени. Орешки темно-коричневые, яйцевидные с длинно оттянутой верхушкой, почти бутылковидные, слабо трехгранные. Основание орешка как бы срезанное в виде площадки с двумя бугорками, поверхность орешка с округлыми бугорками. Размеры: 3,0 × 1,4 × 1,8 мм. По каменистым склонам, пашням, в степной, реже лесостепной, зонах. В настоящее время встречается у с. Глиное вдоль полевых дорог и в других местах;

сем. *Caryophyllaceae*: *Saponaria officinalis* L. Обнаружено 3 семени. Семена черные, блестящие, овально-круглые, сплюснутые с глубокой выемкой. Размеры: 1,7 × 2,0 × 1,4 мм. Кустарники, леса, долины рек. У с. Глиное встречается вдоль дорог, на засоренных местах и др.;

сем. *Chenopodiaceae*: *Chenopodium album* L. Выявлено 2 семени. Семена черные, блестящие, с сохранившейся тонкой радиальной клеточной штриховкой, округлые, чечевицеобразные с выдающимся округлым семенным рубчиком и тупым краем. Размеры: 1,4 × 1,0 × 0,7 мм. Мусорное и как сорняк в посевах. В настоящее время встречается у с. Глиное и по всему Слободзейскому р-ну на пустырях, вдоль дорог и других местах;

сем. *Papaveraceae*: *Glaucium corniculatum* L. Обнаружено 1 семя. Семянка односторонне овальная. Размеры: 1,1 × 0,7 × 0,4 мм. В степной, лесостепной зонах, на склонах, у дорог, по сорным местам, в посевах зерновых. В настоящее время в Приднестровье встречается повсеместно на пойменных лугах и др.;

сем. *Phytolaccaceae*: *Phytolacca decandra* L. Обнаружено 1 семя. Семянка черная, блестящая, почти круглая. Щель разверзания имеет на одной стороне маленький выступ, а на другой соответствующее углубление. Размеры: 3,0 × 3,0 мм. Сорное у дорог и жилья. В настоящее время в Слободзейском р-не не выявлено;

сем. *Plantaginaceae*: *Plantago major* L. Выявлено 3 семени. Семена коричнево-черные, кругловато-яйцевидные, слабо двояковыпуклые, несколько изогнутые. Размеры: 1,2 × 0,5 × 0,4 мм. Пустыри, сорные места, около жилья. В настоящее время встречается у с. Глиное на лугах, вдоль дорог, на сорных местах и др.;

сем. *Poaceae*: *Setaria glauca* (L.) Beauv. Обнаружено 2 семени. Зерновка овальная, черно-бурая. Размер 2,3 × 1,5 × 0,8 мм. Берега рек, чаще как сорное. У с. Глиное встречается часто на окультуренных и засоренных местах, вдоль дорог и др.; *Bromus secalinus* L. Выявлено 2 семени. Плод освобожден от цветочных чешуй, коричнево-черный, удлинено-ланцетный. Размер: 6,8 × 1,5 × 1,1 мм. Внизу узко усечен, кверху постепенно расширен и вверху закругленный с глубокой ложбинкой на брюшной стороне. Сорное в посевах ржи и овса. В Слободзейском р-не в настоящее время не обнаружен. В Молдавии встречается нечасто в посевах зерновых культур;

сем. *Poligonaceae*: *Poligonum tomentosum* Schrank. Выявлено 4 семени. Орешки сплюснутые с обеих сторон, слабоогнутые, широкояйцевидные с коротким толстым носиком, темно-бурые, мелкобугорчатые. Размер 2,6 × 2,3 × 0,7 мм. Сорные места, пашни пески, водомоины, на лугах. В настоящее время в Молдавии встречается редко по краям полей. В Слободзейском р-не не обнаружен; *Poligonum persicaria* L. Выявлено 2 семени. Орешки плосковыпуклые, темно-коричневые, широкояйцевидные, сильно сплюснутые, носик короткий. Размер: 2,0 × 1,4 × 0,6 мм. Берега рек и канав, влажные места. В Слободзейском р-не произрастает в долине Днестра и вдоль ручьев в сообществах пойменных разнотравно-злаковых лугов; *Poligonum aviculare* L. Обнаружено 1 семя. Орешек темно-коричневый, яйцевидный, наибольшая ширина орешка у основания, ножка не выражена, носика нет. Одна грань уже двух других, ребра несколько изогнутые. Размеры: 1,6 × 1,0 × 0,8 мм. Дороги, как сорное, пашни; *Rumex acetosa* L. Выявлено 2 семени. Орешки блестящие темно-коричневые, с тремя равными гранями и тупыми ребрами. Орешки широкоэллиптические, к обоим концам одинаково и очень коротко заострены. Размеры: 1,3 × 0,8 мм. Паровые поля, дороги, опушки. В окрестностях с. Глиное обильно произрастает вдоль полевых дорог, на пастбищах и др.;

сем. *Rubiaceae*: *Galium* sp. Обнаружено 3 семени. Семянка овально-удлиненная, слегка сплюснутая, темно-коричневая. Луга, лесные поляны, берега рек и озер, степные склоны, вдоль дорог. В настоящее время виды этого рода повсеместно встречаются в Слободзейском р-не;

сем. *Scrophulariaceae*. В курильнице обнаружено 2 семени представителя семейства. В связи с плохой сохранностью семян установить родовую и видовую принадлежность не удалось.

Засорение курильниц незначительное, большинство видов сорняков представлено 2–3 семенами. Однако их состав весьма разнообразен (табл. 3).

Таблица 3. Семена сорных растений из курильниц скифского курганного могильника у с. Глиное

№	Вид	Число семян (шт.)
1	<i>Chenopodium album</i> L. – марь белая	2
2	<i>Setaria glauca</i> (L.) Beauv. – щетинник (мышей сизый)	2
3	<i>Saponaria officinalis</i> L. – мыльнянка лекарственная	3
4	<i>Phytolacca decandra</i> L. – кермес	1
5	<i>Rumex acetosa</i> L. – щавель кислый	2
6	<i>Poligonum persicaria</i> L. – почечуйная трава	2
7	<i>Poligonum tomentosum</i> Schrank. – гречиха развесистая	4
8	<i>Glaucium corniculatum</i> L. – мачок рогатый	1
9	<i>Sinapsis arvensis</i> L. – горчица полевая	1
10	<i>Bifora radians</i> Bieb. – кинза лучистая	1
11	<i>Plantago major</i> L. – подорожник большой	3
12	<i>Brassica campestris</i> L. – капуста полевая	1
13	<i>Galium</i> sp. – подмаренник	3
14	<i>Poligonum aviculare</i> L. – горец птичий	1
15	<i>Scrophularia</i> sp. – норичниковые	2
16	<i>Bromus secalinus</i> L. – костер ржаной	2
17	<i>Lithospermum arvense</i> L. – воробейник полевой	2

Широкое использование в курильницах семян конопли свидетельствует о важной роли, которую играла эта культура в погребальном обряде скифского населения Нижнего Приднестровья. Это подтверждается тем, что циновки, подстилаемые под усопшего, в некоторых случаях были изготовлены из стеблей конопли (опред. А. Г. Негру). Однако сложно судить о том, являлась ли конопля культивируемой, либо использовались дикорастущие растения. Массовые находки остатков конопли склоняют к мысли, что конопля выращивалась, однако столь широкое представительство сорняков может свидетельствовать о недостаточной ухоженности посевов этой культуры. Вероятно, население не обладало в должной степени необходимыми навыками обработки плантаций конопли, и уровень агротехнических мероприятий находился на достаточно низком уровне. Более вероятным представляется сбор дикорастущих растений.

В заполнении курильниц выявлены обугленные зерновки двузернянки, а также следы еще одного, пока не определенного компонента растительного происхождения.

Наряду с обугленным растительным материалом в заполнении курильниц были выявлены остатки представителей членистоногих (*Coleoptera*) (опред. С. И. Филипенко). Так, из класса насекомых (*Insecta*) обнаружены остатки особей из отряда перепончатокрылых (*Hymenoptera*) семейства муравьи (*Formicidae*). Класс ракообразных (*Crustacea*) отряд равноногих ракообразных (*Isopoda*) представлен экземплярами из подотряда мокриц (*Oniscoidea*). Экологические особенности данных представителей членистоногих могут

быть использованы для реконструкции некоторых аспектов обряда захоронения.

Муравьи обитают в различных ландшафтных условиях, некоторые виды могут селиться в жилище человека. Муравьи организуют колонии и одиночного образа жизни не ведут. Наибольшая активность у большинства видов проявляется в светлое время суток. Питаются муравьи растительной пищей и могут охотиться на других насекомых (Жизнь животных, 1968. Т. 3. С. 474–484).

Местообитанием мокриц являются различные ландшафтные зоны, но особенно многочисленны они в степях. Мокрицы, как и все ракообразные, дышат жабрами, поэтому, являясь наземными видами, избегают сухого воздуха и предпочитают влажные места: вследствие этого их активность усиливается ночью. Избегая воздействия солнечных лучей, светлое время суток они проводят, зарывшись в поверхностный слой почвы, спрятавшись под камнями и в других укрытиях, проникая даже в пустынях на глубину не более 60–100 см (Жизнь животных, 1968. Т. 2. С. 470–484).

Многочисленность обнаруженных остатков членистоногих (около 20 особей муравьев и 10 особей мокриц) и их присутствие в различных захоронениях исключают их случайную фиксацию в погребальных камерах, в которые они, вероятно, попадали через входные колодцы. То, что в заполнении курильниц, представленном обугленным растительным материалом, выявленные остатки членистоногих следов термического воздействия не обнаруживают, дает возможность предположить, что проникли они в сосуды после остывания их содержимого, вероятно, в поисках пищи (Кишлярук и др., 2004).

Учитывая, что камеры после совершения захоронения наглухо закупоривались пробкой из материковой глины с жидким раствором, можно предположить, что курильницы могли быть оставлены в погребениях до совершения захоронения и успевали прогореть к моменту вноса тела. На наш взгляд, такого рода сакральные действия могли быть связаны с процессом очищения камеры от злых сил. Курильницы ставились в камеру в момент совершения захоронения. При этом катакомба оставалась открытой не менее суток. Вполне вероятно, что в это время происходил процесс оплакивания и прощания с телом покойного и прочие ритуальные действия (Кишлярук, Четвериков, 2004. С. 61–64).

Отсутствие остатков членистоногих в заполнении курильниц из других погребений можно связать с сезонностью захоронений. Время же наибольшей жизненной активности вышеописанных членистоногих приходится на период с середины весны до середины осени. Достаточно определенно можно утверждать, что захоронения в курганах 23, 26 и 28 были совершены в указанные времена года.

Проведенные исследования позволяют охарактеризовать некоторые аспекты погребального обряда населения Нижнего Приднестровья III–II вв. до н. э. Выбор места для создания курганного могильника, помимо других причин, очевидно, был предопределен удобным географическим положением данного участка, защищенного с трех сторон естественными понижениями в рельефе. Также немаловажным представляется тот факт, что данные понижения созда-

вали естественное дренирование участка расположения курганного могильника. Погребальные камеры устраивались на глубине, как правило, более 3–4 м. Хороший дренаж обеспечивал их безопасность от подтопления грунтовыми водами даже в периоды максимального подъема уровня подземных вод. При составлении растительного заполнения курильниц в основном использовалась конопля и другие виды местной флоры с добавлением ароматических растений, очевидно, закупаемых в других регионах. Горящие курильницы ставились в камеру до момента совершения захоронения. При этом катакомба оставалась открытой не менее суток, что позволяло попадать в нее и муравьям, активным в основном днем, и мокрицам, ведущим ночной образ жизни. Вполне вероятно, в это время происходил процесс оплакивания и прощания с покойником и прочие ритуальные действия. Состав и размеры образцов каменного материала, использованного для сжигания содержимого, определялся, вероятно, удобством расположения русловых отложений и физическими свойствами горных пород. Не исключено и культовое назначение образцов руслового происхождения. В определенные временные периоды наряду с уже сложившимся традиционным составом каменного материала использовались и другие виды горных пород, в некоторых случаях случайного происхождения. Предполагая одновременность сооружения курганов, в которых выделены карбонатные песчаники, выявляется осевая направленность захоронений с северо-запада на юго-восток. В курильницы в дополнение к первоначальному органическому содержимому добавлялись жидкостные ингредиенты, очевидно, маслянистого характера, оставляющие нагарные пятна различной конфигурации на образцах каменного материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Гейдман Т. С., 1986. Определитель высших растений Молдавской ССР. Кишинев. Жизнь животных: В 7 т. Т. 2, 3. М., 1968.
- Кишлярук В. М., Кузьминова Н. Н., Тищенко В. С., 2001. Растительные остатки из курильниц курганного могильника у с. Глиное // Biodiversitatea vegetala a Republicii Moldova. Chişinău.
- Кишлярук В. М., Четвериков И. А., 2004. Использование палеофаунистических исследований в реконструкции погребального обряда варварского населения Нижнего Днестра (по материалам курганного могильника у с. Глиное) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак.
- Кишлярук В. М., Четвериков И. А., Филипенко С. И., 2004. Остатки членистоногих из курильниц курганного могильника у с. Глиное (Нижний Днестр) // Интегрированное управление природными ресурсами трансграничного бассейна Днестра. Кишинев.
- Мелюкова А. И., 1962. Скифские курганы Тираспольщины // МИА. № 115.
- Растения степей, известняковых склонов и сорные. Кишинев, 1989. (Сер. Растительный мир Молдавии.)
- Романов Л. Ф., Кравченко Е. Н., Кишлярук В. М., 2002. Каменный материал из курильниц могильника позднескифского времени у с. Глиное // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Тирасполь.
- Четвериков И. А., 2004. О хронологическом разделении Тираспольской группы // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя.

- Яровой Е. В.*, 1997. Чобручский археологический комплекс как эталонная зона изучения скотоводческих культур Северо-Западного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Тирасполь.
- Яровой Е. В., Четвериков И. А.*, 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Тирасполь.
- Яровой Е. В., Четвериков И. А., Субботин А. В.*, 1997а. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднепровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Яровой Е. В., Четвериков И. А., Субботин А. В.*, 1997б. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995–1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Тирасполь.
- Chetvericov L. A., Fidelski S. A.*, 2000. The burial of the «horse woman» on the territory along the Dniestr river // *Funeral Practices as Forms of Cultural Identity (Bronze and Iron Ages)*. Tulcea.
- Yarovoy E. V., Chetvericov L. A., Sinika V. S.*, 2000. The barrow cemetery of the late scythian time on the territory along the Dniestr river // *Funeral Practices as Forms of Cultural Identity (Bronze and Iron Ages)*. Tulcea.

СРЕДНИЕ ВЕКА И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Ю. В. Степанова

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Проблема датирования погребальных комплексов является одной из основных в изучении древнерусского погребального обряда Верхневолжья. Пути ее решения намечались исследователями с конца XIX – начала XX в. Авторы раскопок верхневолжских курганов датировали исследованные курганы, опираясь, прежде всего, на даты найденных в них монет (Гендуне, 1906; Макаренко, 1902). Изучением хронологии древнерусских погребальных памятников Верхневолжья занимался А. А. Спицын, выделивший на территории Тверской губернии курганы XI–XII и XII–XIII вв. (Спицын, 1921). В 1940-е гг. Т. Н. Никольской была предложена хронологическая классификация верхневолжских курганов (Никольская, 1949). Исследовательница рассматривала хронологически значимые типы вещей и особенности погребального обряда и выделила две стадии курганов с труположениями на Верхней Волге: 1) XI – первая половина XII в.; 2) вторая половина XII–XIII в. Как характерные для первой стадии Т. Н. Никольская называет браслетообразные височные кольца; золото- и серебростеклянные бусы; пластинчатые тупоконечные, завязанные, круглопроволочные разомкнутые браслеты; усатые, пластинчатые с заходящими концами, широкосрединные завязанные перстни (Никольская, 1949. С. 36–38). Вторая стадия характеризуется отсутствием браслетообразных височных колец. К ней относятся погребения с бусинными и перстнеобразными височными кольцами, витыми и пластинчатыми загнутоконечными браслетами, стеклянными кольцевыми бусами, разнообразными привесками (круглыми, зооморфными, шумящими) (Там же. С. 38, 39).

Со второй половины XX в. исследователи для определения хронологии древнерусских памятников опираются на хронологические шкалы и датировки отдельных категорий вещей, разработанные на базе материалов раскопок древнерусских городов и сельских памятников (Очерки... 1956; 1967; 1973; Смирнова, 1965; Седова, 1981; Колчин, 1982; Лесман, 1984; 1990). В этот период целым рядом исследователей была проведена работа по изучению хронологии отдельных погребальных комплексов Верхневолжья. На основе синхронизации материалов строительных горизонтов Новгорода и раскопанных погребений Ю. М. Лесманом были получены даты погребений и определена хронология трех курганных групп Верхневолжья – Заборье, Загорье и Глинники (Лесман, 1981. С. 98, 99). Хронология погребений курганной группы Суходол разработана И. А. Дашко-

вой, А. С. Дворниковым, А. Н. Хохловым (1993. С. 89–142); этапы погребений в курганах группы Струйское выделены О. М. Олейниковым (2001. С. 258–262). Интерес к этой проблеме сохраняется, поскольку к настоящему моменту накоплен новый материал, который дает больше возможностей для изучения данной темы.

В настоящей работе анализ хронологии древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья произведен на основании имеющихся разработок по хронологии русских древностей. Учитывались датирующие типы вещей, монеты (рис. 4–6), а также характер обряда захоронения, очередность погребений в кургане. В итоге получены даты 753 раскопанных древнерусских погребений из 74 курганных групп Верхневолжья. Выделяются следующие группы и подгруппы датированных погребений:

1) относительно узко датированные погребения, имеющие верхнюю и нижнюю хронологические границы: а) конец X – середина XI в., б) середина XI – первая треть XII в., в) XI в., г) середина XI – середина XII в., д) конец XI – середина XII в.; вторая половина XIII – начало XIV в.;

2) погребения, для которых определена нижняя хронологическая граница: а) не ранее середины XI в., б) не ранее конца XI в., в) не ранее середины XII в.;

3) погребения, для которых определена верхняя хронологическая граница: а) не позднее первой трети XI в., б) не позднее середины XII в.;

4) широко датирующиеся погребения: а) XI–XII вв., б) XI–XIII вв.

Проведение статистического учета показало, что наиболее многочисленными в Верхневолжье являются погребения, датирующиеся второй половиной XI – первой половиной XII в. и концом XI–XIII в. Кроме них, для проведения сравнительного анализа и выявления хронологических особенностей погребальных комплексов значимыми являются ранние погребения, датирующиеся концом X – первой половиной XI в. и XI в. Выделенные четыре группы охватывают весь хронологический диапазон верхневолжских погребений. Общее количество отобранных для сравнительного анализа погребений составило 495. Наиболее многочисленной среди них является группа погребений, датирующихся второй половиной XI – первой половиной XII в. Они составляют 51% от общего количества рассматриваемых погребений. 22% составляют поздние погребения, датирующиеся концом XI–XIII в. Доля ранних погребений, относящихся к концу X – первой половине XI в., в Верхневолжье невелика; она составляет всего лишь 13%. Почти столько же – 14% – составляют погребения, хронология которых не выходит за рамки XI в. (рис. 1). Хронология курганных групп представлена в табл. 1.

Наибольшее количество ранних погребений, датирующихся концом X – первой половиной XI в., сосредоточено в Березовецком могильнике. В курганной группе Струйское исследованы насыпи, включающие несколько этапов погребений, в том числе конца I тыс. н. э. – первой половины XI в. Захоронения этого периода обнаружены и в курганах у погоста Стерж. Ранние погребения Березовецкого могильника, курганных групп Струйское и у погоста Стерж совершенны по обрядам трупосожжения и трупоположения на горизонте. Погребальный костюм Березовецкого могильника характеризуется своеобразным головным

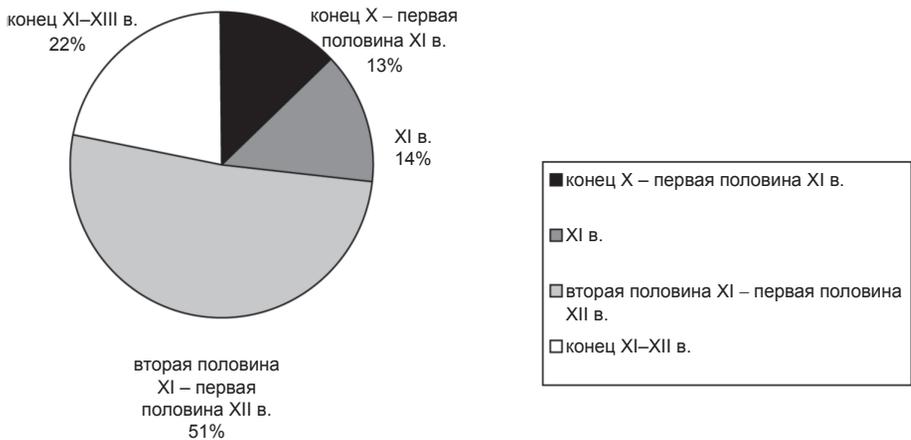

Рис. 1. Количество погребений основных хронологических групп

убором, включавшим наборный венчик из спиралек и пластинок, иногда в сочетании с браслетообразными височными кольцами (рис. 2, 3, 4, 7). Наборный венчик Березовецкого могильника более всего сходен с головным венчиком-вайнаги балтов – латгалов, селов, земгалов (Седов, 1987. С. 360, 369, 372). Аналогичный венчик был найден и в кургане у погоста Стерж. Кроме венчиков, в погребениях Березовецкого могильника есть также широко представленные в балтских древностях звериноголовые браслеты, тордированные шейные гривны с различным оформлением концов (рис. 2, 2). А. В. Успенская рассматривает эти категории инвентаря как свидетельство финно-угорской принадлежности данных погребений (Успенская, 1993. С. 122). Для женского костюма раннего этапа Березовецкого могильника также характерны ожерелья из большого количества бус: сердоликовых призматических и шаровидных, глазчатых, бус-лимонок (рис. 2, 1). Погребения, как правило, сопровождаются лепной или подправленной на гончарном круге посудой (рис. 2, 5, 6).

В западной же части Верхневолжья – в курганных группах Суходол, Горки, Гульцово – обнаружены погребения, датирующиеся XI в. Женский погребальный убор характеризуется наличием браслетообразных завязанных височных колец и ожерелий из бус.

Погребения, хронология которых в основном не выходит за рамки XI в., сосредоточены в курганных группах Плешково 1, Посады, Пекуново 1, расположенных в восточной части Верхневолжья. Эти погребения совершены по обряду труположения на горизонте и выделяются значительным количеством погребального инвентаря. Уникальным является курганный могильник Плешково 1, основу населения которого составляли выходцы из земли мери (Комаров, 2002. С. 167). Значительный вклад в культуру плешковских курганов внесло, вероятно, и местное, балто-финно-угорское население. Об этом наиболее красноречиво свидетельствуют ориентировка погребенных и по-

гребальный костюм. Погребения XI в. из Плешково 1 совершены по обряду труположения на горизонте; 62% из них имеют западную ориентировку, а 38% – восточную.

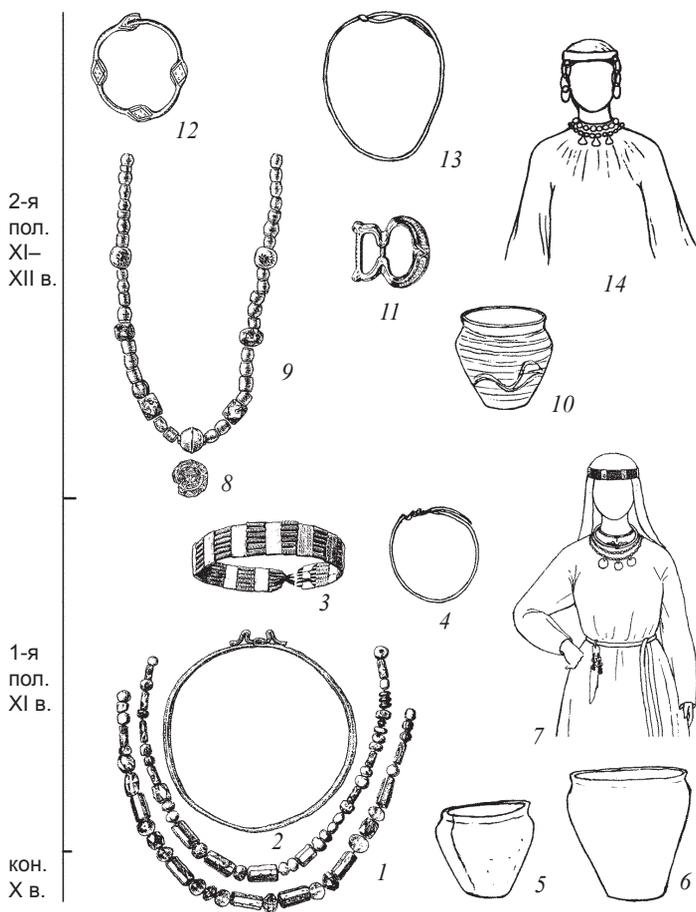

Рис. 2. Инвентарь погребений и женский погребальный костюм Берзовецкого могильника конца X – первой половины XI в. и второй половины XI – XII в.

1 – ожерелье из сердоликовых призматических, многогранных, шаровидных, хрустальных многогранных, аметистовых рыбовидных, стеклянных лимонок гладких и полосатых, голубых ребристых, синих трехчастных пронизок; 2 – гривна бронзовая; 3 – венчик наборный из спиралек и пластинок; 4 – браслетообразное височное кольцо с одним завязанным концом; 5 – сосуд лепной; 6 – сосуд гончарный; 7 – реконструкция женского погребального костюма по материалам кургана 62; 8 – денарий (1068–1090 гг.); 9 – ожерелье из серебряной гладкой, глазчатых, золото- и серебростеклянных бус; 10 – сосуд гончарный; 11 – пряжка бронзовая; 12 – ромбошитковое височное кольцо; 13 – браслетообразное височное кольцо с одним завязанным концом; 14 – реконструкция женского погребального костюма по материалам кургана 50 (I)

1–3, 7 – курган 62; 4 – курган 19; 5 – курган 75; 6 – курган 20 (V); 8, 9, 12 – курган 119; 10 – курган 68; 11 – курган 101; 13 – курган 50 (I)

1–4, 8, 9, 11–13 – рисунки из статьи А. В. Успенской (1993); 5–7, 14 – рисунки автора

Женский погребальный костюм Плешково 1 характеризуется наличием большого числа шумящих украшений, выполненных в традиционном мерянском стиле (рис. 3, 1, 2, 7, 9, 10). Для него характерен также головной убор, украшенный перстнеобразными височными кольцами, наручные украшения (рис. 3, 8, 11, 12). Характерным признаком является также лепная и раннекрюговая посуда (рис. 3, 5, 6).

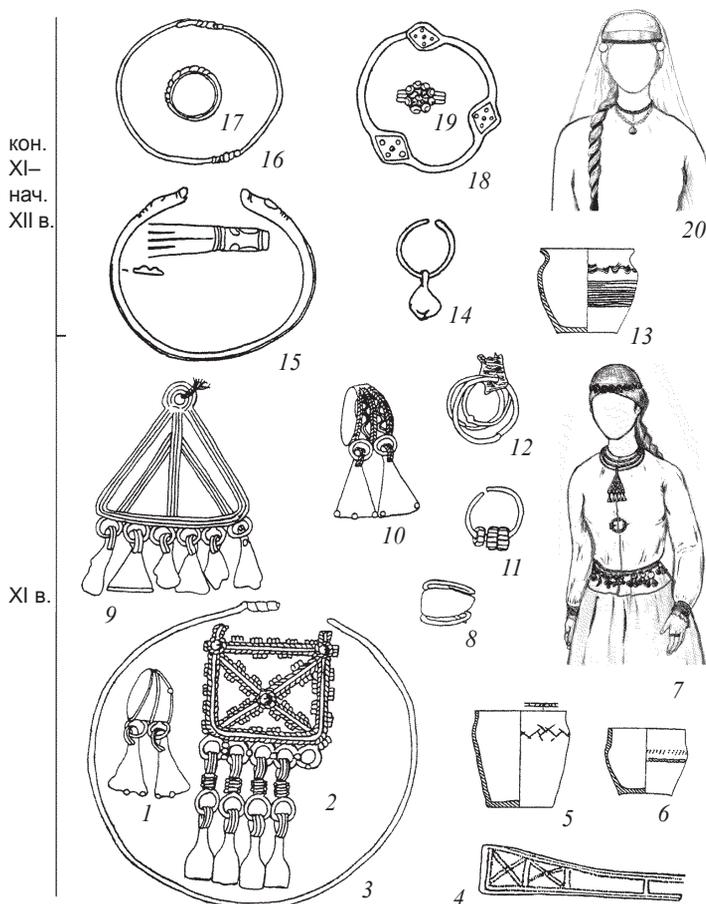

Рис. 3. Инвентарь погребений и женский погребальный костюм курганной группы Плешково 1 XI в. и конца XI – начала XII в.

1, 2, 9, 10 – шумящие подвески; 3 – гривна бронзовая; 4 – фрагмент бронзового браслета; 5 – лепной сосуд; 6 – гончарный сосуд; 7 – реконструкция женского погребального костюма по материалам кургана 26; 8 – «усатый» перстень; 11 – височное кольцо с напусковой стеклянной бусиной; 12 – височные кольца; 13 – гончарный сосуд; 14 – бубенчик; 15 – браслет бронзовый; 16 – браслетообразное височное кольцо; 17 – рубчатый перстень; 18 – ромбошитковое височное кольцо; 19 – щитковый перстень; 20 – реконструкция женского погребального костюма по материалам кургана 44
1, 5 – курган 9; 2, 8 – курган 37; 3 – курган 28; 4 – курган 23; 6, 9 – курган 14; 10 – курган 18 (2); 11 – курган 46; 12 – курган 41 (2); 13 – курган 12 (1); 14, 18 – курган 47; 15 – курган 28; 16 – курган 39; 17 – курган 43; 19 – курган 36

1–6, 8–19 – рисунки из статьи К. И. Комарова (2002); 7, 20 – рисунки автора

Единичные погребения XI в. обнаружены в некрополях Пекуново 1 и 2, Устье-на-Сози, Глинники, Загорье, Воробьево 1, Выркино 3, Посады, в кургане, раскопанном в г. Кашине. В них также зафиксированы финно-угорские черты, прежде всего шумящие украшения и лепная посуда. По-видимому, местное балто-финно-угорское население играло существенную роль в сложении древнерусского населения в этом районе Верхневолжья.

Единичные относительно ранние погребения конца X–XI в. зафиксированы в центральной части изучаемого региона, на территории современных Ржевского, Старицкого и Калининского р-нов Тверской обл. (курганные группы Избрижье, Кошево, Дуденево). Здесь также зафиксированы трупосожжения и трупоположения первой половины XI в., совершенные, как правило, на выжженной погребальной площадке. Женский погребальный убор Избрижья XI в. характеризуется наличием браслетообразных височных колец с двумя и одним завязанным концом, ожерелий из бус (рис. 4, 6, 10–18). В состав ожерелий часто включаются монетовидные привески и привески-монеты, как правило, восточные (рис. 4, 3). В погребениях присутствуют целые сосуды, оставленные в ногах погребенных, – гончарные и немногочисленные лепные (рис. 4, 4, 5).

Таким образом, наиболее ранние погребения сосредоточены на западе и востоке Верхневолжья. Они также обнаружены в крупных курганных группах центральной части исследуемой территории, существовавших, вероятно, длительное время, с конца X до XIII в. (рис. 5).

Наиболее многочисленные в Верхневолжье погребения, относящиеся ко второй половине XI – первой половине XII в., равномерно распределяются по всей изучаемой территории (рис. 6). Курганные группы, большинство погребений которых датируется этим периодом, – Большая Коша, Малый Бохот, Избрижье, Глинники, Заборье, Загорье, Пекуново 2, Устье-на-Сози, Воробьево 1 и 2, Плешково 2 – расположены как на западе, так и на востоке и в центре изучаемой территории. Погребения этого периода совершены по обряду трупоположения на горизонте или в неглубоких ямах. Характерным признаком погребений этого этапа является наличие горшков в ногах погребенных. Женский погребальный костюм характеризуется, прежде всего, наличием завязанных браслетообразных височных колец; распространены также наручные украшения, предметы, подвешенные на поясе, ожерелья из бус. Замечено, что в курганных группах, существовавших с конца X в., появляется погребальный костюм, в котором уже нет ярких своеобразных черт. В частности, в костюме Березовецкого могильника реже встречаются венчики; наиболее распространенным становится головной убор с браслетообразными завязанными и ромбоцитковыми височными кольцами (рис. 2, 12–14). Погребения сопровождаются гончарной посудой (рис. 2, 10). В Плешково 1 в конце XI – начале XII в. уменьшается количество шумящих украшений, в составе головного убора появляются браслетообразные и ромбоцитковые височные кольца; преобладает гончарная посуда (рис. 3, 13, 16, 18, 20). В Избрижье женский убор характеризуется наличием браслетообразных и среднего диаметра височных колец с одним завязанным или двумя завязанными концами, причем среди них много небрежно выполненных из толстой проволоки (рис. 4, 23, 28, 29, 37). В погребальный костюм Избрижья на этом этапе входят

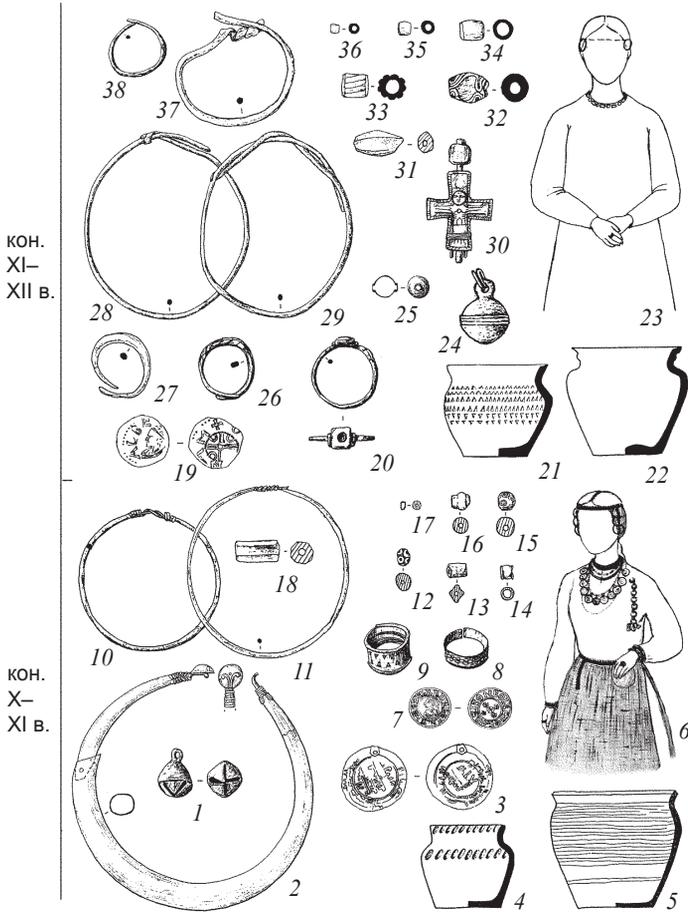

Рис. 4. Инвентарь погребений и женский погребальный костюм курганной группы Избрижье конца X – XI в. и второй половины XI – XII в. Рисунки автора

1 – бубенчик крестопорезной; 2 – гривна полая с застежкой-«фермуар»; 3 – привеска-дирхем (Саманиды, 965 г.); 4 – сосуд лепной; 5 – сосуд гончарный; 6 – реконструкция женского погребального костюма по материалам кургана 109; 7 – денарий (Этельред II, 978–1016 гг.); 8 – перстень пластинчатый; 9 – перстень «усатый»; 10 – височное кольцо с двумя завязанными концами; 11 – височное кольцо с одним завязанным концом; 12, 15 – бусины глазчатые; 13 – бусина призматическая печеночная; 14 – бусина золотостеклянная; 16 – лимонка; 17 – бисер рубленый; 18 – бусина сердоликовая призматическая; 19 – денарий (Намюр, 1064–1102 гг.); 20 – перстень со вставкой; 21, 22 – сосуды гончарные; 23 – реконструкция женского погребального костюма по материалам кургана 19 (3); 24 – бубенчик линейнопорезной; 25 – бусина серебряная гладкая; 26 – перстень рубчатый; 27 – перстень дротовый с утолщением; 28, 29 – браслетообразные височные кольца с небрежно перекрученными концами; 30 – энколпион с гравированным изображением распятия; 31 – сердоликовая бипирамидальная бусина; 32 – мозаичная бусина; 33 – серебростеклянная ребристая бусина; 34, 35 – ложносеребростеклянные бусы; 36 – бусина глухого стекла; 37 – височное кольцо среднего диаметра; 38 – перстнеобразное височное кольцо

1, 2, 4, 8–10, 12–17 – курган 109; 2, 3, 11, 18 – курган 124 (2); 5 – курган 115; 19 – курган 107 (1); 20, 25 – курган 139; 21, 31 – курган 58 (2); 22, 27–29, 32–36 – курган 71; 24, 31 – курган 48 (1); 26 – курган 19 (3); 30 – курган 8; 37 – курган 42; 38 – курган 75 (2)

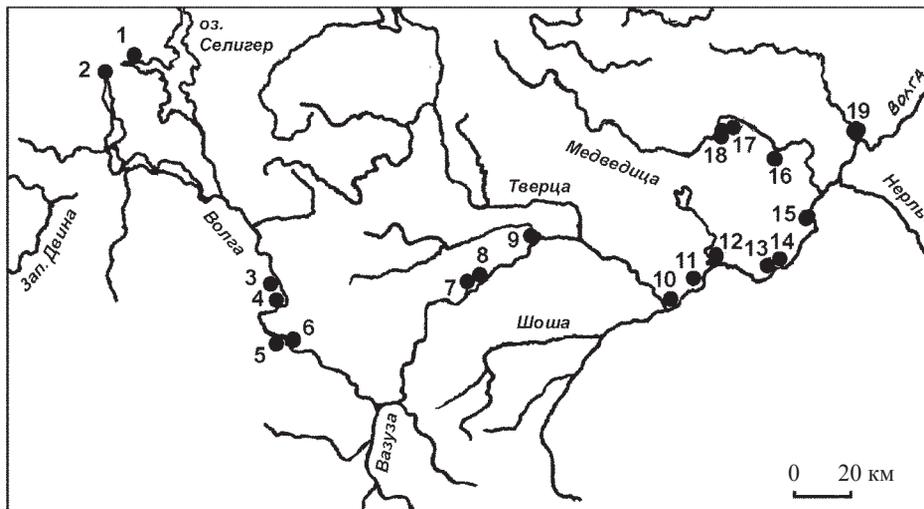

Рис. 5. Карта распространения погребений конца X – первой половины XI в. и XI в. в Верхневолжье

1 – Березовецкий могильник; 2 – погост Стерж; 3 – Суходол; 4 – Горки; 5 – Гульцово; 6 – Струйское; 7 – Кошево; 8 – Избрижье; 9 – Дуденево; 10 – Загорье; 11 – Глинники; 12 – Устье; 13 – Пекуново 1; 14 – Пекуново 2; 15 – Плешково 1; 16 – Посады; 17 – Воробьево 1; 18 – Выркино 2; 19 – г. Кашин

также ожерелья из небольшого количества бус (рис. 4, 25, 31–36), бубенчики (рис. 4, 24), перстни (рис. 4, 20, 26, 27). Погребения сопровождаются целыми гончарными сосудами (рис. 4, 21, 22).

Особый тип женского погребального костюма этого этапа реконструируется по материалам курганных групп Загорье, Заборье и Глинники, расположенных компактно, недалеко от места впадения в Волгу р. Шоши. Для этого типа костюма характерен головной убор, совмещающий браслетообразные и перстнеобразные височные кольца, являющийся как бы промежуточным между типами головного убора центральной и восточной части Верхневолжья XI в. Одежда украшалась привесками, в частности цепочками и бубенчиками, иногда в большом количестве (до 20 шт.).

Погребения, нижняя хронологическая граница которых определяется концом XI – началом XII в., также встречены на всей территории Верхневолжья. Обращает на себя внимание их скопление в бассейне р. Волги и ее притоков Вазузы, Шоши и Тьмы, на территории современных Зубцовского, Старицкого и Калининского р-нов Тверской обл. Большинство погребений, изученных в курганных группах Беседы 2, Мозгово, Ягодино, Титовка, Иворово, Рождественно, Сильменеве, Козлово, Мокрые Пожни, Высокино, Юркино, Тухино, Хилово, Могилыцы 1, Кидомля 3, относятся к этой хронологической группе. В основном это малоинвентарные погребения на горизонте и в подкурганных ямах. Самой распространенной категорией инвентаря (и самой распространенной деталью погребального женского убора) в них являются браслетообразные височные

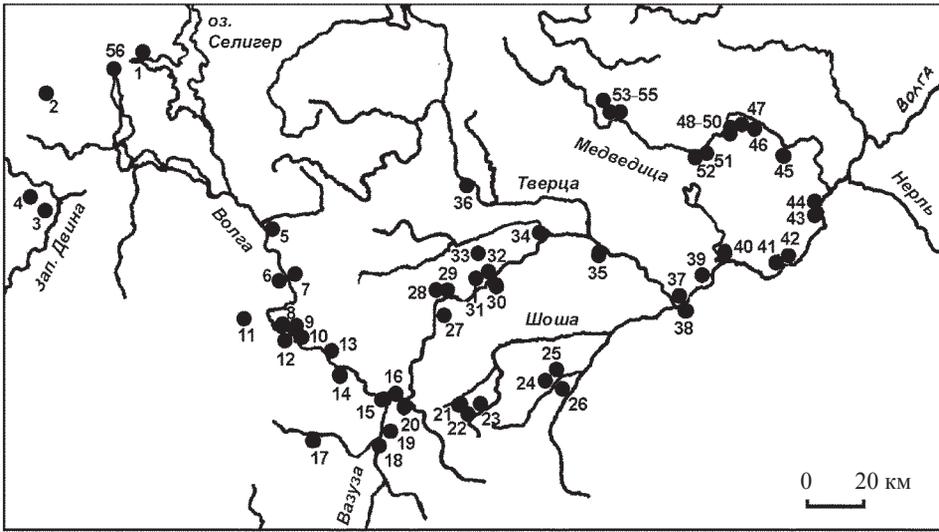

Рис. 6. Карта распространения погребений второй половины XI – первой половины XII и XII–XIII вв. в Верхневолжье

1 – Березовецкий могильник; 2 – Хвошня; 3 – Курово; 4 – Андроново; 5 – Большая Коша; 6 – Суходол; 7 – Рогово; 8 – Першино; 9 – Благовещенье; 10 – Струйское; 11 – Васильевское; 12 – Гульцово; 13 – Петровское; 14 – Юратино; 15 – Юркино; 16 – Горбуново; 17 – Кривая Улица; 18 – Титовка; 19 – Высокино; 20 – Мозгово; 21 – Гостомля; 22 – Ягодино; 23 – Волосово; 24 – Могилы 1; 25 – Сильменево; 26 – Хилово; 27 – Рождественно; 28 – Козлово; 29 – Иворово; 30 – Беседы 2; 31 – Кошево; 32 – Избрижье; 33 – Игрищи; 34 – Дуденево; 35 – Мокрые Пожни; 36 – Савинские Горки; 37 – Загорье; 38 – Заборье; 39 – Глинники; 40 – Устье; 41 – Пекуново 1; 42 – Пекуново 2; 43 – Плешково 1; 44 – Плешково 2; 45 – Посады; 46 – Воробьево 2; 47 – Воробьево 1; 48–50 – Выркино 2, 3, 7; 51 – Сутоки 1; 52 – Сутоки 2; 53–55 – Кидомля 1, 2, 3; 56 – погост Стерж

кольца или кольца среднего диаметра, с небрежно завязанными, заходящими или несомкнутыми концами. Появляются и комплексы женского костюма, в которых нет деталей головного убора. В этом же районе сосредоточено и значительное количество безынвентарных погребений в курганах, которые можно датировать лишь широко – XI–XIII вв. В частности, для целого ряда курганных групп характерны безынвентарные погребения: Петровское, Гостомля, Кидомля 1 и 2, Сухарино, Могилы 1 и 2, Титовка, Тухинь, Свистуново, Тихменево, Щапово, Иворово, Кокорево. По-видимому, погребальный костюм в них был лишен каких-либо металлических украшений.

Материалы крупных и относительно полно исследованных некрополей позволяют проследить изменение наиболее важных элементов погребального обряда. В конце X – начале XI в. существуют трупосожжения, которые затем сменяются трупоположениями. Для всего XI в. характерны погребения на выжженной площадке. В Верхневолжье преобладает западная ориентировка погребенных, с отклонениями к югу и северу. Лишь в курганной группе Плешково 1 для значительного количества погребенных характерна

восточная ориентировка, что, по мнению К. И. Комарова, является вкладом местного, балто-финно-угорского, населения в погребальную обрядность курганов Плешково 1 (Комаров, 2002. С. 167, 168). К XI в. относятся также немногочисленные сидячие погребения, сосредоточенные в западной части Верхневолжья, в курганных группах Струйское, Горки, Петровское (Лесман, 1981. С. 52, 53; Олейников, 2002. С. 262). В конце XI – начале XII в. появляются погребения в подкурганных ямах. Материалы Избрижской курганной группы показывают, что постепенно глубина ям увеличивается, от 0,2–0,3 до 1–1,2 м. Следует также отметить исчезновение целых горшков из погребений в конце XI – начале XII в. и появление битой гончарной посуды в насыпях и рвах курганов, что зафиксировано по материалам курганных групп Избрижье, Беседы 2, Плешково 1 и 2, Першино. Курганный обряд погребения продолжает существовать в Верхневолжье в XIII в., по-видимому, параллельно с грунтовыми захоронениями. В частности, в кургане 1 курганной группы Першино и погребении 1 грунтового могильника Першино (Ржевский р-н Тверской обл.) найдены одинаковые нательные кресты, с ромбовидным расширением в центре и округлыми концами, датирующиеся второй половиной XIII – началом XIV в. (Седова, 1981. С. 53, 54. Рис. 16, 14, 15), что позволяет отнести их к одному периоду. О возможном сосуществовании курганных и грунтовых погребений в XIII в. свидетельствуют и материалы раскопок археологического комплекса у д. Беседы (Калининский р-н Тверской обл.), где на окраине курганной группы конца XI–XIII в. обнаружено безынвентарное грунтовое захоронение (Степанова, Жукова, 2002. С. 17).

Распределение погребений различных хронологических групп на территории Верхневолжья, вероятно, отражает характер ее заселения. Наиболее ранние погребения, относящиеся к концу X – первой половине XI в. и XI в., сосредоточены в западной и восточной частях Верхневолжья. Здесь в погребальном обряде этого периода прослеживаются специфические черты, связанные, по-видимому, с местным, балтским и финно-угорским населением. Отдельные захоронения этого периода зафиксированы в центре изучаемой территории. Погребения второй половины XI – первой половины XII в. распространены уже по всей территории, так же как и XII–XIII вв. В этот период исчезает этническое своеобразие в погребальном обряде. Вырабатывается единообразие в основных элементах погребального обряда, таких как положение погребенных в кургане, их ориентировка, погребальный костюм (прежде всего, женский головной убор). На позднем этапе, в XII–XIII вв., распространяются захоронения в подкурганных могильных ямах. Погребальный инвентарь становится беднее. К сожалению, в Верхневолжье практически не изучены сельские грунтовые могильники эпохи средневековья, инвентарь многочисленных исследованных погребений очень беден, как и в курганных захоронениях, относимых к позднему периоду. Все это затрудняет на данном этапе изучение проблемы перехода от курганных захоронений к грунтовым на территории Верхневолжья, но, по-видимому, в XIII в. курганные погребения сосуществуют с грунтовыми.

ЛИТЕРАТУРА

- Гендуне Ю. Г., 1906. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 и 1906 гг. // Архив ИИМК. Ф. 1. 1906. Д. № 30.
- Макаренко Н. Е., 1902. Отчет за 1902 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. № 96.
- Дашкова И. А., Дворников А. С., Хохлов А. Н., 1993. Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово-Суходол в 1985–1987 годах // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.
- Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула.
- Лесман Ю. М., 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА. Вып. 166.
- Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Никольская Т. Н., 1949. Хронологическая классификация Верхневолжских курганов // КСИИМК. Вып. XXX.
- Олейников О. М., 2001. Курган № 4 курганной группы «Струйское» (Тверская область) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород.
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв., М., 1956. (Тр. ГИМ. Вып. 32.)
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. (Тр. ГИМ. Вып. 33.)
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1973. (Тр. ГИМ. Вып. 43.)
- Седов В. В., 1987. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).
- Спицын А. А., 1921. Археологический очерк Тверской губернии // Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 267.
- Степанова Ю. В., Жукова Е. Н., 2002. Археологические исследования комплекса памятников у д. Беседы в 2000–2001 гг. // Из архива тверских историков. Вып. 3. Тверь.
- Успенская А. В., 1993. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. М. (Тр. ГИМ. Вып. 82.)

Таблица 1. Хронология курганных групп Верхневолжья

№ п/п	Курганный группа	Хронология	Количество исследованных погребений
1	Андроново	Вторая половина XI–XII в.	2
2	Березовецкий могильник	Конец X–XIII в.	141
3	Беседы 2	Конец XI–XIII вв.	15
4	Благовещенье	Конец XI–XII в.	20
5	Большая Коша	Вторая половина XI–XII в.	32
6	Волосово	Вторая половина XI–XII в.	
7	Воробьево 1	Конец XI–XII в.	11
8	Воробьево 2	XI–XII вв.	24
9	Выркино 2	XI–XII вв.	12
10	Выркино 3	Вторая половина XI – первая половина XII в.	4

Таблица 1 (окончание)

11	Выркино 7	Вторая половина XI – первая половина XII в.	6
12	Высокино	Конец XI–XIII в.	20
13	Горбуново	Вторая половина XI–XII в.	5
14	Глинники	Вторая половина XI – первая половина XII в.	44
15	Горки	XI в.	4
16	Гульцово	XI – первая половина XII в.	13
17	Дуденево	XI–XII вв.	31
18	Жилые Горы	Вторая половина XI – первая половина XII в.	16
19	Заборье	Вторая половина XI – первая половина XII в.	44
20	Загорье	Вторая половина XI – первая половина XII в.	32
21	Иворово	XII в.	7
22	Игрищи	Вторая половина XI–XII в.	
23	Избрижье	Конец X–XIII в.	120
24	Кидомля 1	Вторая половина XI–XII в.	6
25	Кидомля 3	XI–XII вв.	7
26	Козлово	Вторая половина XI–XII в.	15
27	Кошево 1	XI–XIII вв.	3
28	Кошево 2	Конец X–XII в.	11
29	Курово	Вторая половина XI – первая половина XII в.	11
30	Малый Бохот	XI–XII вв.	4
31	Могилыцы 1	Вторая половина XI–XII в.	18
32	Мозгово	Вторая половина XI–XII в.	21
33	Мокрые Пожни	XI–XIII вв.	3
34	Петровское	XI – первая половина XII в.	22
35	Плешково 1	XI – начало XII в.	75
36	Плешково 2	Вторая половина XI – первая половина XII в.	8
37	Пекуново 1	XI – начало XII в.	4
38	Пекуново 2	XI–XII вв.	46
39	Першино 1	Вторая половина XIII – начало XIV в.	2
40	Погост Стерж	Конец X – первая половина XI в.	6
41	Рождественно	XII–XIII вв.	10
42	Сильменево	Вторая половина XI–XII в.	5
43	Савинские Горки	XI–XII вв.	21
44	Струйское	Последняя треть I тыс. н. э. – XII в.	13
45	Сутоки 1	Конец XI–XII в.	10
46	Сутоки 2	Конец XI – первая половина XII в.	12
47	Суходол	XI – первая половина XII в.	18
48	Титовка	XII–XIII вв.	10
49	Устье	Вторая половина XI – первая половина XII в.	11
50	Хвошня	Вторая половина XI – первая половина XII в.	5
51	Хилово	Вторая половина XI – первая половина XII в.	24
52	Юркино	Конец XI–XII в.	5
53	Юрятино	Вторая половина XI–XII в.	14
54	Ягодино	XII–XIII вв.	10

А. С. Сыроватко

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЩУРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Селище Щурово – поселение позднедьяковского времени – расположено на правом берегу Оки, в 7 км выше устья Москвы-реки (рис. 1). Поселение было открыто Р. Л. Розенфельдом в 1986 г., а в 1993 В. Ю. Коваль при шурфовке памятника обнаружил на нем первое погребение, первоначально интерпретированное как сожжение на стороне с помещением костей в ямку (Розенфельдт, 1987; Коваль, 1993; Тавлицева, 2001). Позднее было установлено, что на селище позднедьяковского времени располагался курганный могильник с сильно расплывшимися насыпями, грунтовых погребений на памятнике пока не известно. Открытие курганов на поселении стало неожиданностью: в данном регионе Подмосковья неизвестны трупосожжения в курганах. Кроме того, в этих краях вообще неизвестны (или почти неизвестны) поселения и погребения последней четверти I тыс. н. э.

К настоящему времени тремя раскопами обнаружено и исследовано 3 кургана (исследования третьего пока не завершены). Коротко приведем их характеристики.

Курган 1 имел высоту насыпи 0,4 м, диаметр около 9 м. Под насыпью были открыты внешний ров (шириной около 1,6 и глубиной от 0,4 до 1,0 м, конфигурация его осталась невыясненной) и канавка, в плане имевшая форму, близкую к кругу, диаметром около 5,5 м. Ширина ее на уровне материка составляла 25–30, местами до 40 см, глубина – около 20 см, хотя следы этой канавки улавливались в насыпи почти от самого дерна. Насыпь кургана состояла из рыхлого черного углистого песка, содержавшего керамику и находки позднедьяковского времени. Погребение (исследованное В. Ю. Ковалем) представляло собой компактное скопление кальцинированных костей, диаметром около 1 м. Среди костей была найдена трапециевидная железная пряжка. Следов урны или домовины не обнаружено.

Курган 2 имел высоту насыпи около 0,4 м, диаметр сохранившейся части 11 м, ров шириной 2–2,5 и глубиной 0,6–0,8 м (рис. 2). Поскольку ров исследован почти полностью, можно утверждать, что он двумя полукольцами охватывал насыпь, проходы во рву располагались с запада и востока. Под насыпью также была открыта канавка, шириной 0,6–0,8 и глубиной 0,4–0,6 м, в плане имевшая вид неправильного круга или квадрата со скругленными углами, размерами около 8,5 × 8,5 м. Насыпь кургана имела два основных слоя – материковый рыхлый песок, являвшийся, видимо, выкидом из внешнего рва, и залегавший под ним черный углистый песок. Погребение было «рассеянного» типа, кальцинированные кости в слое черного углистого песка были распространены на значительной площади, включая внешний ров. По количеству костей в насыпи курган 2 заметно отличается от курганов 1 и 3, в которых фрагменты костей сравнительно редки.

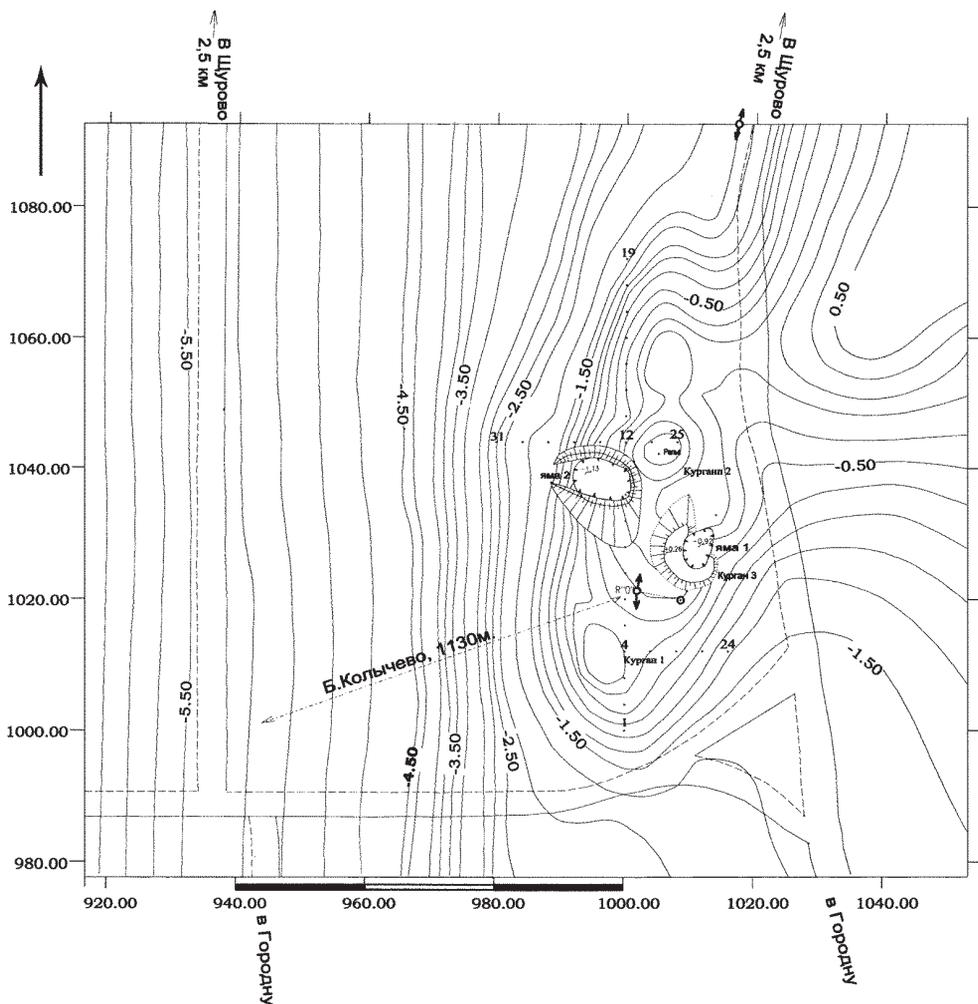

Рис. 1. План селища Шурово

Курган 3 имел высоту насыпи около 0,4 м и диаметр 7–8 м (насыпь сильно повреждена крупной современной ямой), ров (в настоящее время заплывший и не читающийся на поверхности) шириной около 2,5 и глубиной до 0,8 м. Насыпь состояла только из черного углистого песка, содержавшего керамику позднедьяковского времени и редкие кальцинированные кости. В насыпи также располагалась канавка глубиной (от уровня материка) до 0,5 и шириной около 0,4–0,5 м, читавшаяся практически уже под дерном. Диаметр ее около 7,8 м. Концентрация кальцинированных костей в насыпи и рвах сходна с курганом 1 и заметно ниже, чем в кургане 2. Это может означать, что остатки сожжения в основном были собраны с костра и захоронены отдельно. Погребения в насыпи обнаружить не удалось. Хотя раскопки этого кургана еще не завершены, вероятнее всего, оно оказалось разрушенным крупной ямой по добыче песка XX в.

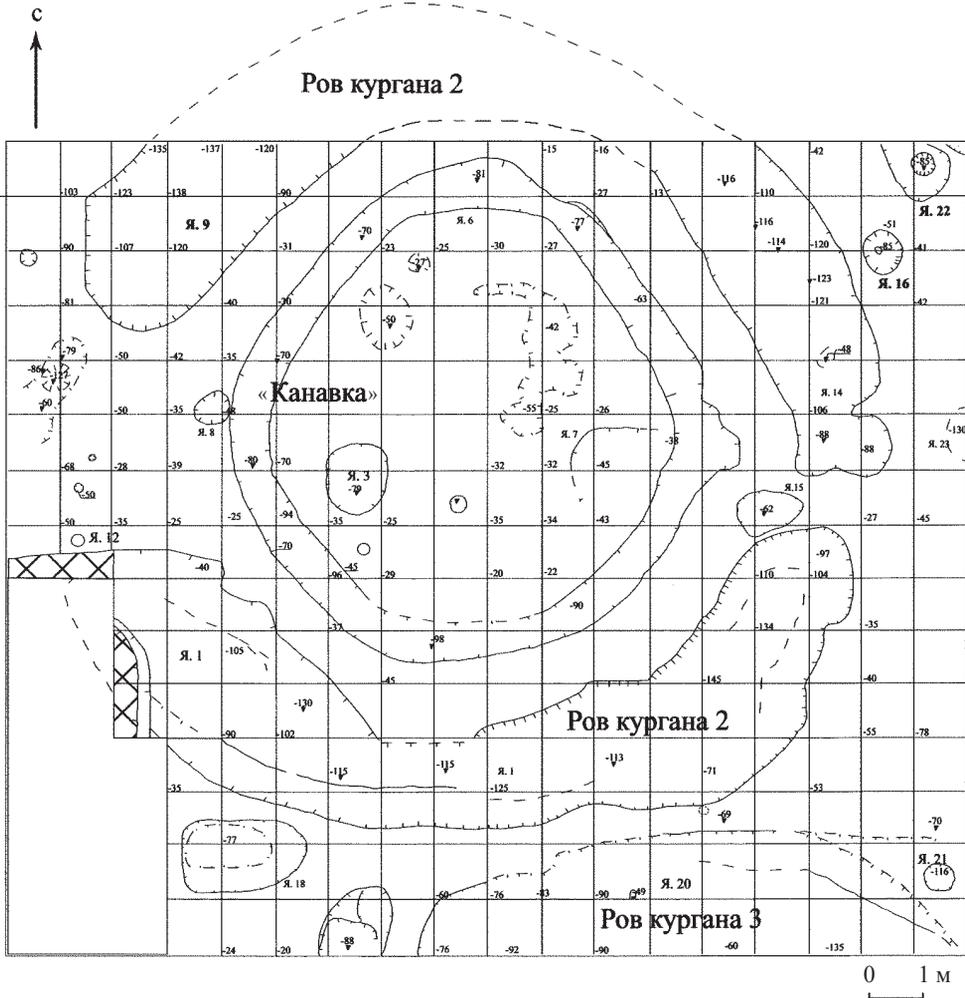

Рис. 2. План кургана 2 по материку

Находок, достоверно связанных с могильником, немного. Определение погребального комплекса осложняется тем, что насыпи состояли из слоя селища, находки из которого хронологически близки времени могильника. Достоверно «курганными» можно считать сбруйную железную трапециевидную пряжку из кургана 1, обрывок кольчуги и наконечник стрелы типа 58, по А. Ф. Медведеву (срезень без упора), из кургана 2. Кроме того, в насыпях обнаружены обломок формы для отливки слитков (Тавлинцева, 2001), пряжки, стеклянные бусины, многочисленные капли металла (в основном серебра) от расплавленных украшений, спиральные пронизки, а также многочисленные железные шилья, иглы и пряслица. Все эти находки лишь приблизительно очерчивают диапазон VIII–IX вв., не исключая, впрочем, ни VII, ни X в. Кроме того, большую часть этих предметов, видимо, следует связывать с позднедьяковским поселением.

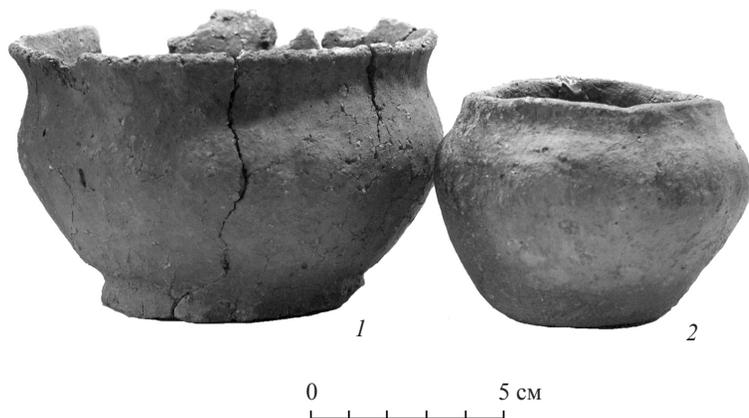

Рис. 3. Целые формы из курганов Щуровского могильника
 1 – курган 1, верхняя часть заполнений рва; 2 – курган 2, дно рва

Во рвах курганов 1 и 2 обнаружены три целых сосуда (рис. 3; 4). Только один из них был найден на дне рва кургана 2, два других – в верхней части заполнения каждого из курганов, почти под дерном. Эти два сосуда сильно профилированы, имеют насечки по краю венчика и примеси дресвы и шамота в тесте. Точных аналогий найти не удалось, хотя по форме отдельные параллели есть как в мордовских древностях, так и в славянских Верхней Оки и Дона последней четверти I тыс. По составу теста они отличаются от лепной славянской керамики X–XI вв., известной на ближайших памятниках. Сосуд со дна рва заметно отличается от описанных выше – у него венчик загнут внутрь, тесто с примесью шамота. Очевидно, что только он может быть связан со временем погребения, два других попали во рвы значительно позднее, когда они уже совершенно заплыли. Сосуды во рвах отражают, видимо, какие-то обряды поминовения, и вовсе необязательно, что они оставлены населением, соорудившим курганы.

Таким образом, в интерпретации материалов могильника есть сразу несколько проблем, связанных одна с другой.

1. Погребальный обряд, не имеющий аналогий на данной территории (а на данной территории вообще нет памятников последней четверти I тыс. н. э.), в общих чертах укладывается либо в мощинский, либо роменско-боршевский контекст (или, шире, просто славянский). Учитывая некое хронологическое несовпадение между этими культурами, определить культурную принадлежность памятника можно было бы путем уточнения его датировки. Однако датировка осложнена присутствием в насыпи позднедьяковских вещей.

2. Из общей массы находок явно более поздними следует считать срезнь, литейную форму для слитков и обрывок кольчуги. Вместе с тем, датировка срезни основана на веских материалах Белоозера, Крутика и других, значительно более восточных или северных поселений, причем количество находок сравнительно невелико. Это вовсе не исключает более ранней даты нашего экземпляра, тем более что он найден далеко за пределами области

распространения. А. Д. Максимов также не исключал возможности появления этого типа стрел в финале железного века – по крайней мере, на Орловом Городке (Максимов, Розанова, 1998. С. 371). Не могут определять нижний предел возраста ни кольчужица, ни литейная форма, – все эти предметы также могут иметь довольно широкий диапазон датировки (Кирпичников, Енисова, 2004).

Рис. 4. Сосуд из рва кургана 2, верх заполненный

3. Из курганов 1 и 3 происходит серия радиоуглеродных дат (табл. 1). Эти даты могут считаться корректными, поскольку из кургана 1 по одному образцу (сгоревшая плаха или ветка) получены две совпавшие даты (образцы *a* и *b*); с ними совпал возраст образца из кургана 3. Конечно, полученный возраст относится к дровам погребального костра, а не к возрасту собственно кургана, но вместе с тем, поскольку материал костра – сосна, возраст кургана и образцов не может сильно расходиться, оставаясь в пределах VII в. Однако этот возраст древнее роменско-боршевского материала, и это противоречие также нуждается в объяснении.

4. Сосуды из рвов позже времени сооружения курганов, хотя и не ясно, насколько. Они также не могут служить основанием для надежной культурной идентификации или датировки могильника.

Остается только надеяться, что все перечисленные проблемы будут разрешены в дальнейшем, по мере накопления материала.

Нам бы хотелось остановиться на одном аспекте изучения могильника – первоначальном облике погребального сооружения. Сразу заметим, что рыхлый речной песок, из которого сложена дюна и который является также основой слоя памятника, даже в случае предельно аккуратного отношения к объектам в раскопе лишает нас возможности утверждать что-либо определенное. Все выводы должны в таком случае носить характер осторожных предпо-

ложений. Тем не менее вопрос реконструкции первоначального кургана важен, поскольку от него зависит интерпретация и многих других аспектов погребального обряда.

Как уже отмечалось выше, все три кургана объединяет наличие некоей кольцевой конструкции в виде канавки, следы которой читаются в самой насыпи, в том числе в слое погребального костра, но особенно отчетливо – в материке. Исследуя структуру заполнения «канавок», первоначально мы сделали следующие выводы: кольцевая конструкция в насыпи была возведена до образования слоя углистого песка, т. е. погребального костра; она не имела следов горения; она сохранялась в насыпи длительное время. Из этого как будто бы следовало, что курганы сооружались из остывшего погребального костра, и этим слоем заполнялась уже готовая конструкция, после чего поверх набрасывался грунт из внешнего рва. Однако проведенные к. т. н. Е. А. Спиридоновой и к. т. н. А. А. Алешинской палинологические исследования насыпи кургана 1 показали ненарушенную структуру погребального костра. Пыльцевой спектр отражал последовательное накопление пыльцы – от нижней части кострища, где она вся выгорела, к верхней части, куда она постепенно проникала из верхних слоев. Это оказалось тем более неожиданным потому, что в кургане 1 кости перед погребением были собраны. После этого мы посчитали, что в кургане 2 покойный был сожжен на месте. Однако теперь мы не уверены в правильности такой реконструкции. Хотя, по нашим наблюдениям, конструкции во всех курганах действительно сохранялись длительное время, мы не можем исключать сожжения всех трех погребенных на месте, в том числе в кургане 1. Вопрос о том, на какой стадии сооружения кургана возвели кольцевую конструкцию, пока открыт.

На рис. 2 приведен план раскопанного кургана 2 по материке. Отметим, что форма самой «канавки», или оградки, ограничивающей центральную часть кургана, нельзя назвать круглой – это скорее «расплывшийся квадрат», ориентированный углами по сторонам света, или многогранник. Обращает на себя внимание незначительное расстояние между «канавкой» и собственно рвом. В кургане 2 это расстояние около 1 м, хотя, например, в кургане 3 оно сокращается местами до 0,5 м. Если основная насыпь удерживалась от расползания кольцевой конструкцией, то периферия, наоборот, ничем не крепилась. Учитывая то, что материк и культурный слой селища сложены крупнозернистым речным песком, насыпи должны были моментально начать оплывать, обнажая оградку. Мы не исключаем и того, что первоначально оградка не была засыпана, а стояла открыто. В этом случае погребальное сооружение представляло собой не курган, а деревянную конструкцию, содержащую внутри остатки погребального костра, больше напоминающая «домик мертвых». И только разрушение конструкции от времени и оплывание грунта, заключенного внутри, в ров придало ей внешнее сходство с курганом. Аналогии, пусть и не совсем точные, открытому расположению курганных оградок приводит в своей сводке З. Д. Бессарабова, которая, впрочем, исключает возможность существования не перекрытой насыпью домовины (Бессарабова, 1973. С. 68, 74).

Несколько вариантов реконструкции изображено на рис. 5. Мы посчитали маловероятной срубную конструкцию оградки – в противном случае ее нижняя часть оставила бы более четкий контур на уровне материка. Более вероятна конструкция из вертикальных столбов. В этом случае объяснима расплывчатая форма канавки в материке: конструкция разрушалась давлением насыпи изнутри, раздвигая верхние концы столбов. Однако не исключена и круглая форма сооружения как замысел – с некоторыми отклонениями при его воплощении. На рис. 5¹ приводятся все варианты – курган 1 с плетневой стеной, курган 3 – с круглой, курган 2 – с квадратной формой оградки.

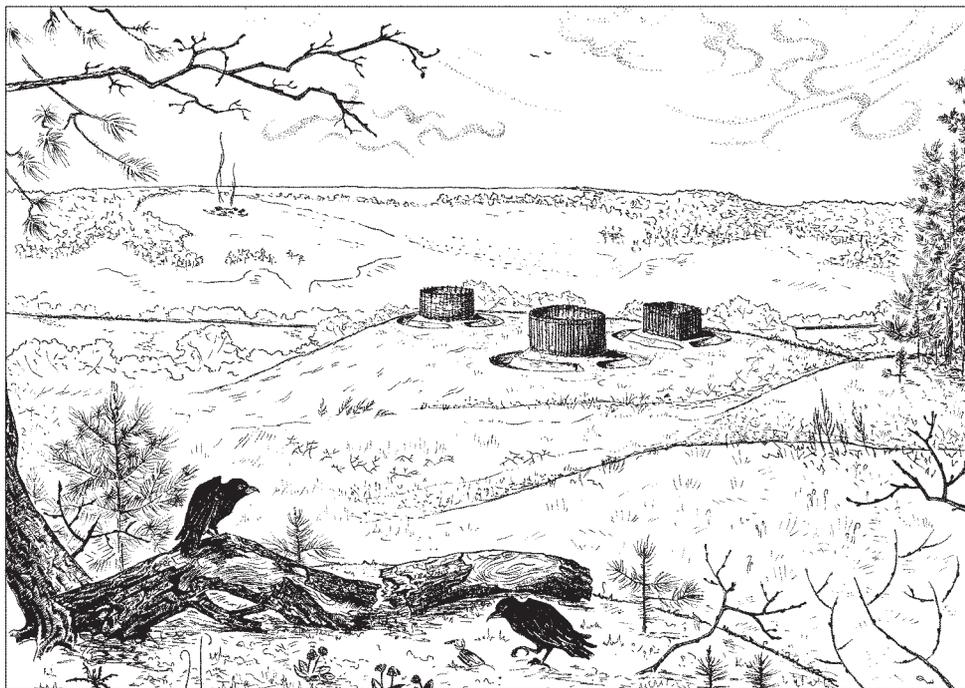

Рис. 5. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника.
Вид с востока. Рис. О. Шестаковой

В этой связи уместно, как нам кажется, вновь вспомнить многократно цитируемый рассказ Повести временных лет о способе погребения вятичами «на столпе на путех». Связать описание Повести с археологическими материалами пытались многие исследователи (Седов, 1982. С. 144; Цоль-Адмикова, 1998). Это описание не вполне соответствует нашей реконструкции, но, строго говоря, оно вообще не соответствует ни одному из известных погребальных памятников. Если же наша реконструкция верна, то мы имеем дело действительно не с курганом, а с сооружением, также подходящим под слово «столп».

¹ Выражаю признательность О. Н. Шестаковой за рисунок.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки погребений Щуровского могильника²

Образец	Лабораторный код	Некалиброванный возраст	Калиброванный, одна сигма	Калиброванный, две сигмы
Курган 1, слой углистого песка	ГИН 12721a	1500 ± 20	552–592 гг. н. э.	537–617 гг. н. э.
Курган 1, слой углистого песка	ГИН 12721б	1490 ± 20	561–600 гг. н. э.	542–620 гг. н. э.
Курган 3, слой углистого песка	13292 ГИН	1460 ± 40	575–639 гг. н. э.	540–654 гг. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессарабова З. Д.*, 1973. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15.
- Кирпичников А. Н., Енисосова Н. В.*, 2004. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладogi // Восточная Европа в Средневековье. М.
- Коваль В. Ю.*, 1994. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком районах Московской области // Архив ИА. Р-1. № 17732.
- Максимов А. Д., Розанова Л. С.*, 1998. Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // ТАС. Вып. 3.
- Розенфельд Р. Л.*, 1986. Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1986 году // Архив ИА. Р-1. № 11831.
- Седов В. В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Тавлинцева Е. Ю.*, 2001. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 4. Т. II.
- Цоль-Адамикова Х.*, 1998. Наземные погребения с трупосожжениями у славян в свете письменных и археологических источников // РА. № 1.

И. А. Дружинина

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
В XVI–XVII вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МАЛОКАБАРДИНСКИХ КУРГАНОВ)**

Археологические исследования кабардинских курганных могильников, расположенных на территориях современных республик Северной Осетии – Алании и Ингушетии продолжаются, с перерывами, с 1877 г. и связаны с

² Калибровано Calib ver. 5.0.

именами Н. Г. Керцелли (1877; 1878), В. Л. Беренштама (1879. С. 297–321), В. Б. Антоновича (1879. С. 216–255), В. И. Долбежева (1901), Ф. С. Панкратова, Ф. С. Гребенца (1915. С. 9–30) А. П. Круглова (1938. С. 30, 31), Е. И. Крупнова (1941. С. 188, 189) и Р. М. Мунчаева (Крупнов, Мунчаев, 1971. С. 217–242), В. И. Марковина (1969. С. 79–83), Р. А. Даутовой и Х. М. Мамаева (1974. С. 226–228), Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова (1977), В. Л. Ростунова (1988), Е. В. Минькова (1988), Е. И. Кобахидзе (1988), Б. З. Караева (2005). Эти могильники можно объединить в группу малокабардинских курганов, поскольку их появление обусловлено освоением кабардинцами предгорных районов к востоку от р. Урух до Среднего Терека и по правому берегу Терека и образованием так называемой Малой Кабарды. За 130-летний период их археологического исследования накоплен значительный материал, требующий обобщения и анализа. Здесь рассматриваются те особенности малокабардинских курганов, появление которых может быть связано с возникавшими межкультурными контактами кабардинцев и местного горского населения.

Рассмотрим основные характеристики малокабардинских могильников.

Курганные группы насчитывают от 3–10 до нескольких десятков насыпей. Встречаются *три типа насыпи* (табл. 1)¹: тип I – *земляные* (вариант 1 – простые земляные – 114 случаев, или 53,7%; вариант 2 – земляные с каменным кольцом по основанию – 46 случаев, или 21,7%; вариант 3 – земляные с каменным панцирем, и вариант 4 – каменным панцирем покрыта вершина насыпи – 32 случая, 13,6 и 1,4% соответственно); тип II – *каменно-земляные* – 9 насыпей, или 4,2% (вариант 1 – насыпи состоят из земли, насыщенной камнями; вариант 2 – насыпи сложены послойно: земля-камень-земля; камень-земля); тип III – *каменные* – 11 случаев, или 5,2%.

Насыпи полусферические, *размеры* варьируют в пределах 1,5–19 м в диаметре и 0,14–3,24 м в высоту. По значениям диаметра и высоты выделяются четыре группы насыпей: наиболее крупные (I и II), средние (III) и совсем небольшие курганы (IV) (табл. 2). По сообщению Джорджио Интериано, генуэзского путешественника XV в., оставившего бесценные сведения о нравах и обычаях, материальной культуре и общественном устройстве адыгов конца XIV–XV в., размеры кургана, сооружаемого при погребении, косвенно отражали прижизненный статус умершего (АБККЕА, 1974. С. 47). Большинство самых крупных малокабардинских курганов насыпано из земли (табл. 2: I и II группы). Однако среди «престижных» насыпей внушительных размеров есть и каменно-земляные, и каменная. С другой стороны, число мелких (IV группа) земляных курганчиков сравнительно невелико, в то время как среди каменных курганов насыпи самых малых размеров преобладают.

¹ Систематизированы материалы 212 курганов 13 малокабардинских могильников.

Таблица 1

Могильник	Тип насыпи						
	земляная			каменно-земляная			
	простая	с каменным кольцом по основанию	с каменным панцирем	каменным панцирем покрыта вершина насыпи	из земли, насыщенной камнями	насыпана полойно: земля-камень-земля	каменная
Ислам	-	-	1	-	-	-	1
Кескем	-	-	-	-	-	-	1
Глубокая Балка	7	-	-	-	-	-	-
Комсомольский I	2	-	-	-	-	-	-
к СВ от Эльхотово	4	-	-	-	-	1	-
Эльхотово	3	-	-	-	-	-	-
Змейская	-	-	16	-	-	-	-
Змейская I	1	-	-	-	-	3	-
Чикола	3	18	1	-	-	-	1
Николаевская	8	-	2	-	-	-	-
Христианское	6	-	-	-	-	-	-
Ардон	-	-	1	-	-	-	-
Кора-Урсдон	1	1	1	-	-	-	-
Кантышево	5	-	-	-	-	1	-
Назрань	5	-	-	-	-	1	-
Али-Юрт	1	-	-	-	-	-	1
Октябрьский	42	26	-	3	-	-	-
К Ю от Владикавказа	2	-	4	-	-	-	1
У Лысой горы	-	-	2	-	-	-	-
5 верст к Ю от Владикавказа	-	-	2	-	-	-	-
Алхасте	-	-	-	-	-	1	-
Бамут	8	-	-	1	-	-	6
Ачхой-Мартан	1	-	-	-	-	-	-

Таблица 2

Тип насыпи	I	II	III	IV
Размеры, м	$17 \leq d \leq 19$ $2,28 \leq h \leq 3,24$	$10 \leq d \leq 13,8$ $1,0 \leq h \leq 2,2$	$5,3 \leq d \leq 9,5$ $0,09 \leq h \leq 1,65$	$1,5 \leq d \leq 5,25$ $0,14 \leq h \leq 0,75$
Земляная	2	19	104	21
Каменно-земляная	1	1	5	2
Каменная		1	3	7
Всего насыпей	3	21	112	30

d – диаметр насыпи, h – высота насыпи.

Расположение погребения (табл. 3). Около 6,9% погребений выявлены на уровне древнего горизонта, около 93,1% погребений совершены в могильных ямах. По конструктивным особенностям *могилы* представляют собой простые ямы (89,6%) и ямы со ступенькой или заплечиками (10,4%).

Таблица 3

Могильник	Погребения на горизонте	Погребения в могильной яме	
		простая	с заплечиками
Ислам	1	1	0
Кескем	0	1	0
Глубокая балка	0	7	0
Комсомольский I	0	2	0
К СВ от Эльхотова	2	3	0
Змейская	0	4	0
Чикола	0	18	0
Христианское	2	4	0
Ардон	0	1	0
Кора-Урсдон	0	3	0
Кантышево	1	5	0
Назрань	6	0	0
Али-Юрт	0	2	0
Октябрьский	0	55	14
Бамут	0	23	0
Алхасте	0	3	0

Расположение погребения относительно центра насыпи (табл. 4). Большинство погребений расположено под центром насыпи, однако 10,3% погребений Октябрьского могильника выявлены в стороне от центра кургана, 33% погребений могильника Чикола выявлены в южном или ЗСЗ секторах. В западном секторе располагались погребения к. 22 Бамутского могильника, погребение к. 1 могильника у сел. Ачхой-Мартан и погребение к. 2 могильника Черсий Борзаш у сел. Али-Юрт. Погребение могильника у сел. Кора-Урсдон также находилось в поле кургана. В стороне от центра кургана совершались как

мужские, так и женские погребения. Отметим, что традиция размещения погребений к северу от центра насыпей в малокабардинских курганах не выявлена.

Таблица 4

Могильник	В центре	Сектор кургана						
		З	СЗ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	В поле кургана
Ислам	2	–	–	–	–	–	–	–
Кескем	1	–	–	–	–	–	–	–
Глубокая балка	7	–	–	–	–	–	–	–
Комсомольский I	2	–	–	–	–	–	–	–
К СВ от Эльхотова	5	–	–	–	–	–	–	–
Эльхотово	3	–	–	–	–	–	–	–
Змейская	3	1	–	–	–	–	–	–
Чикола	9	–	1	–	–	6	2	–
Христианское	6	–	–	–	–	–	–	–
Ардон	1	–	–	–	–	–	–	–
Кора-Урсдон	2	–	–	–	–	–	–	1
Кантышево	6	–	–	–	–	–	–	–
Назрань	6	–	–	–	–	–	–	–
Али-Юрт	–	2	–	–	–	–	–	–
Октябрьский	62	3	–	2	2	–	–	–
Алхасте	3	–	–	–	–	–	–	–
Бамут	22	1	–	–	–	–	–	–
Ачхой-Мартан	–	–	–	–	–	1	–	–

Деревянные погребальные сооружения малокабардинской группы представлены: *гробами, колодами, полуколодами, обкладками могильных ям досками или брусьями, деревянными перекрытиями могильных ям*, в к. 25 могильника Октябрьский выявлен *деревянный помост*, на котором был уложен покойный.

Гробы. В ряде случаев зафиксировано их устройство. Конструктивные особенности и детали позволяют говорить о гробах прямоугольных и подтрапециевидных, скрепляемых гвоздями, скобами, пазами. В целом ряде погребений гробы не имели дна. Часто торцовые стенки гробов выступают на 0,1–0,2 м за продольные. Крышки гробов плоские – из нескольких или одной широкой доски – или двускатные, в последнем случае для поддержания крышки верхняя часть поперечных стенок гроба закруглялась. Зафиксированные размеры гробов: длина – 2,05–2,22 м, ширина – 0,9 м, высота гроба до крышки 0,7–0,95 м.

Колоды. Изготавливались из стволов больших деревьев. После того как внутрь колоды помещали умершего, «отверстие забивали дубовым чурбаком» (Гребенец, 1915. С. 12). Более распространены полуколоды: обычно их накрывали толстой дубовой доской, головную часть колоды в редких случаях дополнительно покрывала другая небольшая доска, положенная поперек продольной «крышки», в отдельных случаях одну полуколоду сверху накрывали другой.

Следует отметить обертывание погребенного древесным лубом (могильник у с. Эльхотово) и циновкой (могильник Кора-Урсдон). В кургане 2 у ст. Змейской (раскопки Ф. С. Гребенца) погребенный был завернут в белый саван и привязан к доске белыми шелковыми шнурами.

Подсыпка в погребении. Одним из отличительных признаков погребально-го обряда позднесредневековых адыгов является наличие в погребении *угольной подсыпки* (Алексеева, 1959. С. 18, 24; Левашева, 1953. С. 169, Нагоев, 2000. С. 43, 44). В погребениях малокабардинских курганов древесный уголь выявлен в изголовье погребенного, в районе грудной клетки, у нижних конечностей, вдоль всего скелета, углем засыпано дно ямы, гроба или колоды. Иногда дно могильных ям посыпали *песком* (могильник Христианское).

В ряде случаев выявлена *глиняная или известковая обмазка* стен могильной ямы, гроба, самого погребенного. Над могильными ямами ряда курганов могильников Октябрьский, Бамутский, Чикола, у ст. Змейская, у ст. Николаевская возведена *вымостка* из булыжного камня, в некоторых погребениях могильников к ЮЗ от Владикавказа и Христианское (Дигора) каменные кладки открыты под скелетами.

Особого внимания заслуживает традиция захоронения покойников на грунте с подсыпкой (уголь, зола, песок, известь) или без нее в деревянных конструкциях, ограничивающих пространство над погребенным сверху и со всех четырех сторон света (гробы с крышкой, но без дна; перевернутые вверх дном полуколоды; обкладка деревом вертикальных стен могильной ямы, перекрытой сверху досками).

Положение умершего в погребениях (рассмотрено 126 случаев): вытянуто на спине – 122, в 2 погребениях зафиксировано левобочное и в 2 – правобочное положение.

Положение верхних конечностей: вытянуто вдоль тела (61 случай); левая (3) или правая (2) рука согнута в локте; согнуты обе руки (1); руки находятся под тазом (7). Нижние конечности вытянуты, в одном случае согнуты в коленях. Преобладает ориентировка в ЗЮЗ секторе (запад – 76 случаев, ЗЮЗ – 19, ЮЗ – 32). С меньшей частотой встречаются ориентировки северо-западного направления (ЗСЗ – 7 случаев, СЗ – 2, ССЗ – 2). Незначительная доля иных ориентировок (ВСВ – 2 случая, восток – 1).

Погребальный инвентарь. В выборке из 126 неповрежденных погребений преобладают инвентарные (109 случаев, 86,5%). Совокупный вещевой набор *мужских* погребений составляют: ножи, кресала с кремнем, кисеты, бритвы, шило, оселки, пряслица, пилки, тесло, долото, кабаний клык, наконечники стрел, колчаны, луки, налучи, сабли, кинжалы, наконечники копий (дротиков), поясные наборы, нагрудные бляхи, фрагменты серебряных украшений, перстни, бусины, фрагменты головных уборов, фрагменты одежды, фрагменты обуви, рог, бараньи бабки, керамические сосуды. В группе *женских* погребений встречаются: ножи, ножницы, иглы, наперстки, шкатулки, мешочки, гребни, серьги, бусы, кольца, браслеты, фрагменты серебряных украшений, пуговицы, поясные наборы, фрагменты головных уборов, фрагменты одежды, фрагменты обуви, керамические сосуды. Достоверно известны шесть *детских* погребений, 2 из них безынвентарны, в остальных обнаружены ножи, бусины, серьги.

Анализ материалов малокабардинских курганов обнаруживает целый ряд признаков, не характерных для погребального обряда кабардинцев всего ареала их расселения в эпоху средневековья (Милорадович, 1954. С. 343; Алексеева, 1959. С. 26). Одной из ярких особенностей кабардинских могильников Ингушетии (Бамутский, у сел. Али-Юрт, Ислам) и Северной Осетии – Алании (Чикола, Христианское) являются *каменные насыпи*. На всей территории распространения погребальных памятников адыгов, в том числе и в Малой Кабарде, характерно преобладание небольших земляных насыпей, однако по направлению к восточным районам четко проявляется тенденция постепенного увеличения камня, используемого при сооружении курганов. Так, если каменная обкладка по основанию земляных насыпей встречается повсеместно, то насыпи с каменным панцирем появляются в большом количестве только в Центральном Предкавказье.

Эта закономерность в распределении типов насыпей по всей территории проживания адыгов XIV–XVII вв. находит логическое объяснение в природных особенностях ландшафта, где сооружались курганы, в наличии и доступности камня. Однако некоторые из рассматриваемых могильников состоят из насыпей различных типов. Так, в курганных группах у сел. Али-Юрт, Христианское и Чикола попеременно располагались земляные и каменные насыпи. Поскольку известны и совсем небольшие каменные курганы, и значительные по размерам, а среди погребений каменных насыпей выявлены как мужские, так и женские, то сооружение курганов из камня следует рассматривать не как маркирующий половозрастную или социальную дифференциацию населения признак, а скорее как отражение в погребальной обрядности кабардинцев иных этнокультурных традиций. В связи с этим интересен пример Бамутского могильника, где каменные курганы располагались обособленно и отстояли от основного скопления земляных насыпей примерно на 500 м.

Еще одной не типичной для кабардинского погребального обряда чертой является расположение погребений в стороне от центра насыпей. Такая особенность планиграфии подкурганного пространства характерна для адыгских могильников северо-восточного побережья Черного моря и Прикубанья и может быть связана с традицией захоронения под одной насыпью нескольких человек. Для погребальных памятников кабардинцев совершение нескольких погребений под одной насыпью не свойственно, характерными являются одиночные погребения, расположенные в центре кургана. Как исключение следует упомянуть впускные погребения (женские и не определимые по полу) при основных мужских погребениях, выявленные в южных секторах курганов могильников Чегем 2, Чегем 4 (Кабардино-Балкария). Одиночные погребения, совершенные в стороне от центра насыпи, также известны по материалам позднесредневековых курганных могильников Кабардино-Балкарии: № 3 Чегем II, Куденетово 2, на берегу р. Нальчик, Лечинкай (ОАК за 1897 г. С. 138, 139, 141–143, Нагоев, 1987. С. 180–182, 185–187). Однако погребения последней группы памятников в свою очередь обнаруживают целый ряд признаков, не свойственных основной массе позднесредневековых погребений кабардинцев: специфичный набор сопроводительного инвентаря (предметы конского снаряжения, зеркала), «подушка» из

травы в изголовье умершего, каменные вымостки над погребениями, могильные ямы с заплечиками. Данные признаки обычно связывают с особенностями погребального обряда кочевников эпохи развитого средневековья (Федоров-Давыдов, 1966. С. 120, 159, 160; Нарожный, 2005. С. 133–143). Выявление в погребениях малокабардинских курганов особенностей, которые могут быть связаны с кочевническим обрядом погребения, – ямы с заплечиками (мог. Октябрьский), каменные вымостки над могильными ямами (мог. Октябрьский, Бамутский, Чиккола, у ст. Змейская, у ст. Николаевская), восточная и северо-восточная ориентировка умершего – требует дальнейшего изучения.

Зафиксированная в ряде малокабардинских погребений *глиняная или известковая обмазка* стен могильной ямы, гроба, самого погребенного известна по материалам позднесредневековых курганных могильников Пятигорья (Каррас, в Урочище Гора, Большой Курган; Самоквасов, 1882), КБР (мог. Шалушка; Нагоев, 1987. С. 187–195), Белореченских курганов (Левашева, 1953. С. 169). Территориально более близкие аналогии обнаруживаются в Северной Осетии, Ингушетии и Чечне, где обмазкой или штукатуркой покрывались стены позднесредневековых склепов, сложенные из грубо отесанных камней на известии (Крупнов, 1971. С. 93; Дзаттиаты, 2002. С. 100).

Яркой особенностью малокабардинских курганов является наличие в мужских и женских погребениях у изголовья и ног погребенного керамических сосудов (мог. Октябрьский, Бамутский, у Лысой Горы, к югу от Владикавказа, Комсомольский 1, Эльхотово). Кувшины в головах погребенного или в нишах стен характерны для средневековых склеповых погребений Ингушетии (Крупнов, 1971. С. 82) и позднесредневековых каменных ящиков Северной Осетии (Дзаттиаты, 2002. С. 43, 54). Причем керамические изделия предков ингушей и осетин являются прямыми аналогиями гончарным сосудам из малокабардинских курганов (Крупнов, Мунчаев, 1963. С. 242). Местной особенностью мужского набора сопроводительного инвентаря в малокабардинских курганах являются наконечники копий и дротиков (по данным А. Х. Нагоева (2000. С. 149), исследовавшего несколько сотен кабардинских погребений, «в курганах кабардино-пятигорской группы никогда не встречаются наконечники копья») женского набора – многочисленность и разнообразие бус, а также гребни, что, в свою очередь, сближает погребальные обряды малокабардинцев и средневековых осетин и ингушей, в погребениях которых отмеченные категории вещей являются обычными находками (Крупнов, 1971. С. 83; Дзаттиаты, 2002. С. 119–121).

Анализ материалов могильников Ингушетии позволил Р. А. Даутовой выдвинуть предположение о «присутствии в кабардинской среде на рассматриваемой территории близкородственных, но отличимых по некоторым элементам этнических групп, представленных на Северо-Западном Кавказе курганами так называемого Западночеркесского типа» (Даутова, 1982. С. 88). Не менее вероятным видится влияние на погребальные традиции малокабардинцев соседствующих иноэтничных групп – предков современных ингушей и осетин. Помимо неизбежно возникавших военных столкновений, письменные источники, данные этнографии и фольклора фиксируют и тесные межкультурные контакты кабардинцев и горцев в XVI – середине XVIII в., проявлявшиеся в «оформлении»

таких обычаев, как гостеприимство, аталычество, куначество, в заключении «смешанных» браков, в появлении так называемого двуязычия, общности многих черт материальной культуры (прежде всего одежды, предметов вооружения и быта) (Шаова, 2002. С. 148; Виноградов, Шаова, 2003. С. 148, 149). Неизбежный в пограничной зоне диалог культур проявляется и в археологических материалах. Выявленные в малокабардинских погребениях такие признаки, как наличие керамических сосудов в изголовье и у ног погребенного, специфический набор предметов вооружения в мужских погребениях, специфический местный набор женского сопроводительного инвентаря, известковая обмазка погребений (табл. 5), не характерны для общей массы кабардинских могильников, но находят прямые аналогии в чертах погребальной обрядности средневековых осетин и ингушей.

Таблица 5

Номер п/п	Могильник	Каменные насыпи	Расположение погребения в стороне от центра насыпи	Каменная вымостка над погребением	Гробы без дна, перевернутые вверх дном полуколоды	Керамические сосуды в погребениях	Наконечники копий и дротиков в погребениях
	Нетипичные признаки						
1	Ислам	+					
2	Кескем	+					
3	Глубокая балка						
4	Комсомольский I					+	
5	К СВ от Эльхотова				+		
6	Эльхотово				+	+	
7	Змейская		+	+	+		
8	Змейская I						
9	Чикола	+	+	+			
10	Николаевская			+			
11	Христианское				+		
12	Ардон						
13	Кора-Урсдон		+				+
14	Кантышево				+		
15	Назрань				+		+
16	Али-Юрт	+	+				
17	Октябрьский		+	+		+	
18	К Ю от Владикавказа	+				+	+
19	У Лысой горы					+	+
20	5 верст к Ю от Владикавказа						
21	Алхасте						
22	Бамут	+	+	+	+	+	
23	Ачхой-Мартан						

Из табл. 5 хорошо видно, что не свойственные погребальному обряду кабардинцев черты выявлены не во всех могильниках, а в тех памятниках, где подобные особенности зафиксированы, часто наблюдается отклонение обряда «от нормы» сразу по нескольким признакам. Анализ нетипичных признаков исследуемых памятников был проведен в модуле факторного анализа методом главных компонент. Были выделены 3 общих фактора, которые удовлетворительно воспроизводят корреляции между наблюдаемыми признаками. Фактор 1 нагружают такие признаки, как расположение погребения в стороне от центра насыпи (нагрузка фактора 0,868900) и каменная вымостка над погребением (0,859578); Фактор 2 нагружает признак «наконечники копий и дротиков в погребениях» (-0,792677) и в меньшей степени признак «керамические сосуды в погребениях» (-0,643585); Фактор 3 – признак «гробы без дна, перевернутые вверх дном полуколоды» (факторная нагрузка 0,790370).

В результате кластерзации могильников методом Уорда (Ward's method) исследуемые памятники разделились на три группы (см. вкл., рис. IV).

1 группа: Змейская 1, Глубокая балка, Ардон, 5 верст к Ю от Владикавказа, Алхасте, Ачхой Мартан. Исследованные погребения могильников данной группы объединяет отсутствие нетипичных для погребального обряда кабардинцев признаки.

2 группа: Эльхотово, к СВ от Эльхотово, Христианское, Николаевская, Комсомольский I, Кора-Урсдон, к Ю от Владикавказа, у Лысой горы, Назрань, Кантышево. Могильники данной группы объединяют признаки Фактора 1.

3 группа: Чикола, Змейская, Октябрьский, Али-Юрт, Бамут, Кескем, Ислам. Могильники данной группы объединены признаками Фактора 2.

Пространственное распределение малокабардинских могильников демонстрирует явное преобладание на территории Северной Осетии – Алании курганов 2 группы; восточнее, в предгорных районах Ингушетии, в ряде малокабардинских погребений зафиксированы нетипичные признаки, характерные для могильников группы 3. Отражает ли это наблюдение динамику расселения горского населения, вынужденного покидать предгорные районы Северной Осетии вследствие активного освоения данной территории кабардинцами, или различный уровень межкультурного общения пришлого и местного населения, покажут дальнейшие исследования. Объем и характер археологических источников, имеющих в распоряжении исследователей сегодня, оставляют возможность лишь для постановки научных проблем и выдвижения гипотез, требующих самой тщательной проверки. Здесь заметим, что распределение малокабардинских могильников в предгорных районах Ингушетии отражает скорее не хозяйственное освоение территории, а продвижение и закрепление на новых участках военных отрядов. Последнее наблюдение косвенно подтверждается значительно меньшим числом женских погребений в могильниках ингушской группы, нежели в малокабардинских памятниках более западных районов (Даутова, 1982. С. 88). И разнообразие нехарактерных черт в кабардинских погребениях Ингушетии может объясняться тем, что молодые бесемейные воины были более подвержены влиянию местных горских культурных традиций, чем переселявшиеся на новые земли целые роды и семьи, в которых

патриархальные обычаи сохранялись и передавались детям и внукам старшим поколением.

ЛИТЕРАТУРА

- АБКИЕА: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Под ред. В. К. Гарданова. М., 1974.
- Алексеева Е. П.*, 1959. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // ТКЧНИИ. Вып. III.
- Беренштам В. Л.*, 1879. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году // V АС в Тифлисе: Протоколы подготовительного комитета. Тифлис.
- Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, 1968. Северо-Кавказская экспедиция // АО 1967 г. М.
- Виноградов В. Б., Шаова (Кайтмесова) С. Д.*, 2003. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). Армавир; Майкоп.
- Гарданов В. К.*, 1965. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // УЗ КБНИИ. Т. XXIII. Нальчик.
- Гребенец Ф. С.*, 1915. Курганы в окрестностях станицы Змейской (Терского казачьего войска) // СМОМПК. Вып. 44. Тифлис.
- Даутова Р. А.*, 1982. Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии // XII «Крупновские чтения»: Тез. докл. конф. М.
- Даутова Р. А., Мамаев Х. М.*, 1972. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. № 2.
- Дзаттиаты Р. Г.*, 2002. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ.
- Долбежев В. И.*, 1901. Извлечения из отчета о раскопках В. И. Долбежева в 1898 году // ОАК за 1898 г.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- Каменецкий И. С.*, 1983. Код для описания погребального обряда. Ч. I // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции. М.
- Каменецкий И. С.*, 1986. Код для описания погребального обряда. Ч. II // Археологические открытия на новостройках. Т. I. М.
- Караев Б. З.*, 2005. Отчет о раскопках Комсомольского I и Змейского курганных могильников в 2003 г. // Архив ИА.
- Керцелли Н. Г.*, 1877. Поездка к кавказским курганам в 1877 году, предпринятая по поручению Комитета антропологической выставки // Из Протоколов заседания комитета по устройству антропологической выставки. Отд. оттиск № 14. М.
- Круглов А. П.*, 1938. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный.
- Крупнов Е. И.*, 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья // Тр. ГИМ. Вып. 12. М.
- Крупнов Е. И.*, 1948. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции о работах, проведенных на территории Кабардинской АССР, Грозненской области и Дагестанской Республики в 1947 году // Архив ИА. Р-1. № 163.
- Левашева В. П.*, 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ. Вып. XXII.)
- Милорадович О. В.*, 1954. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // СА. Вып. XX.
- Минаева Т. М.*, 1954. Археологические памятники Черкесии // Тр. Черкесского НИИ. Т. II. Черкесск.
- Миньков Е. В.*, 1988. Отчет об археологических раскопках курганного могильника у с. Октябрьское Пригородного р-на СО АССР в 1988 г. // Архив ИА. Р-1. № 12833.
- Мужухоев М. Б.*, 1971. Исследование средневековых памятников горной Ингушетии // АО 1970 г.
- Нагоев А. Х.*, 1974. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского НИИ. Вып. 1. Нальчик.

- Нагоев А. Х.*, 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик.
- Нагоев А. Х.*, 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик.
- Нарожный Е. И.*, 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа: Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды. Армавир.
- Николаева Н. А., Сафронов В.* Отчет о раскопках курганов в с. Ногир Пригородного района, с. Чикола Ирафского района СО АССР, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 6847.
- ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
- Ростунов В. Л.* Археологические раскопки кабардинского курганного могильника у сел. Октябрьское Пригородного района СО АССР в 1987 г. // Архив ИА. Р-1. № 12804.
- Самоквасов Д. Я.*, 1882. Могильные древности Пятигорского округа. СПб.
- Тменов В. Х.*, 1985. Исследование пещерных склепов у с. Дзивгис // АО 1983 г.
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Шаова С. Д.*, 2002. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI – середине XVIII в. и их взаимоотношения с вайнахами. Армавир.

Л. В. Вакуленко

КОМПЛЕКС ЗЕРНОХРАНИЛИЩ IV в. н. э. В ПРИКАРПАТЬЕ

При раскопках поселения культуры карпатских курганов вблизи с. Пилипы Коломыйского р-на, Ивано-Франковской обл. Украины (Пилипы 4) в 1983–1987 гг. экспедицией ИА НАН Украины под руководством автора были открыты уникальные хозяйственные объекты, связанные с хранением и переработкой зерна (рис. 1). Они представлены тремя типами сооружений. В процессе раскопок и при описании все эти объекты условно названы зернохранилищами. Тем не менее конструктивные особенности заставляют предполагать их различное функциональное назначение. Четыре зернохранилища (рис. 1, № б1, б5, б8, б10), ориентированные в направлении север – юг, были расположены в один ряд на расстоянии 3–4 м друг от друга. Каждое из них состояло из 12 ям, диаметром 0,6–0,8 м и глубиной 0,7–0,8 м, размещенных тремя рядами, по четыре ямы в каждом. Расстояния между рядами и ямами были довольно четко выдержаны (рис. 2, 1, 2).

Менее четкий принцип организации прослежен в зернохранилищах второго типа (рис. 1, № б4, б6, б7, б11). Здесь ямы в количестве от 7 до 18 группировались вокруг центрального, наибольшего по размерам, углубления. Центральные углубления имели подпрямоугольную или овальную в плане форму (рис. 2, 3, 4). В первом случае размеры их сторон были в пределах 2,25–3,5 м при глубине около 0,5 м, а во втором – их диаметры составляли 0,6–1 м, а глубина 0,8–1 м. В зернохранилище б6 в центральном углублении были две дополнительные ямки, здесь же найдена глиняная обмазка и большое количество зерна.

Третий тип построек составляли два объекта (рис. 1, № б2, б9). Их контуры намечены ямками от столбов¹. Можно думать, что с комплексом зернохранилищ связаны и два углубленных объекта, имеющих неправильную конфигурацию, более или менее близкую к форме подковы. Внутри них были устроены дополнительные ямы. Кроме того, на исследованной площади, в юго-западной части раскопа, были открыты четыре полуземляночных жилища (рис. 1, № а1–а4) и четыре ямы диаметром 1,1–1,3 м при глубине 0,6–1 м (рис. 1, № в1–в4).

¹ Следует заметить, что в случае с объектом б2 нет уверенности в намеченных контурах.

Очевидно, сооружения с регулярным расположением зерновых ям служили только зернохранилищами. Вероятно, постройки с углублением в центральной

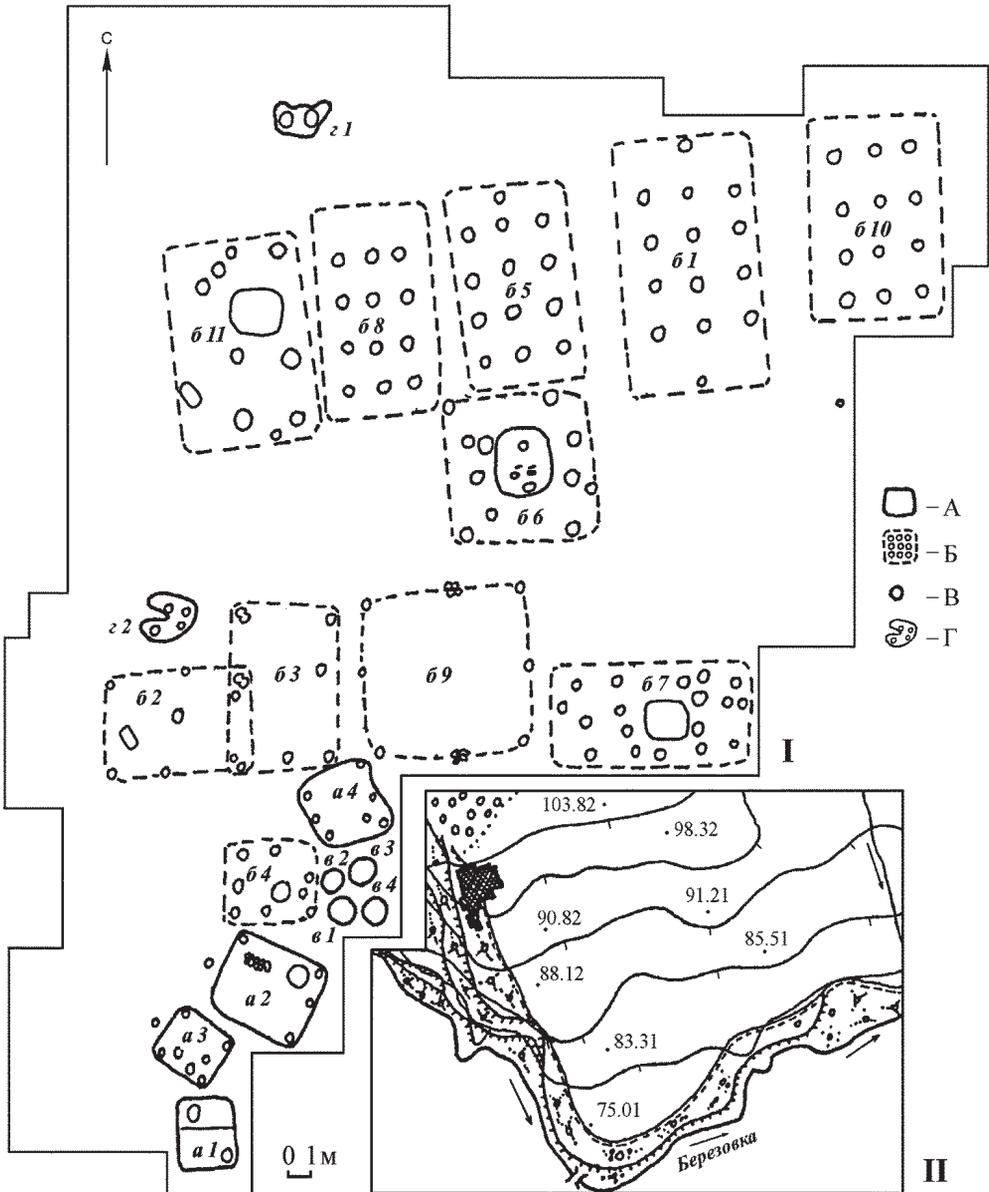

Рис. 1. Пилипы-4. План поселения и раскопа. Условные обозначения:

I – план поселения, II – общий план раскопа;

а – полуземлянки, б – зернохранилища, в – отдельные ямы

части и нерегулярным расположением ям использовались, помимо хранения зерна, также для его обработки. Сооружения третьего типа, возможно, служили для просушки, молотыбы или хранения снопов. Зерна злаков в них не обнаружены. Назначение подковообразных сооружений не поддается определению. В некоторых случаях вокруг сооружений первого и второго типа удалось зафиксировать наличие углублений от опорных столбов. Это позволяет предполагать, что они располагались внутри легких наземных построек, возможно, навесов.

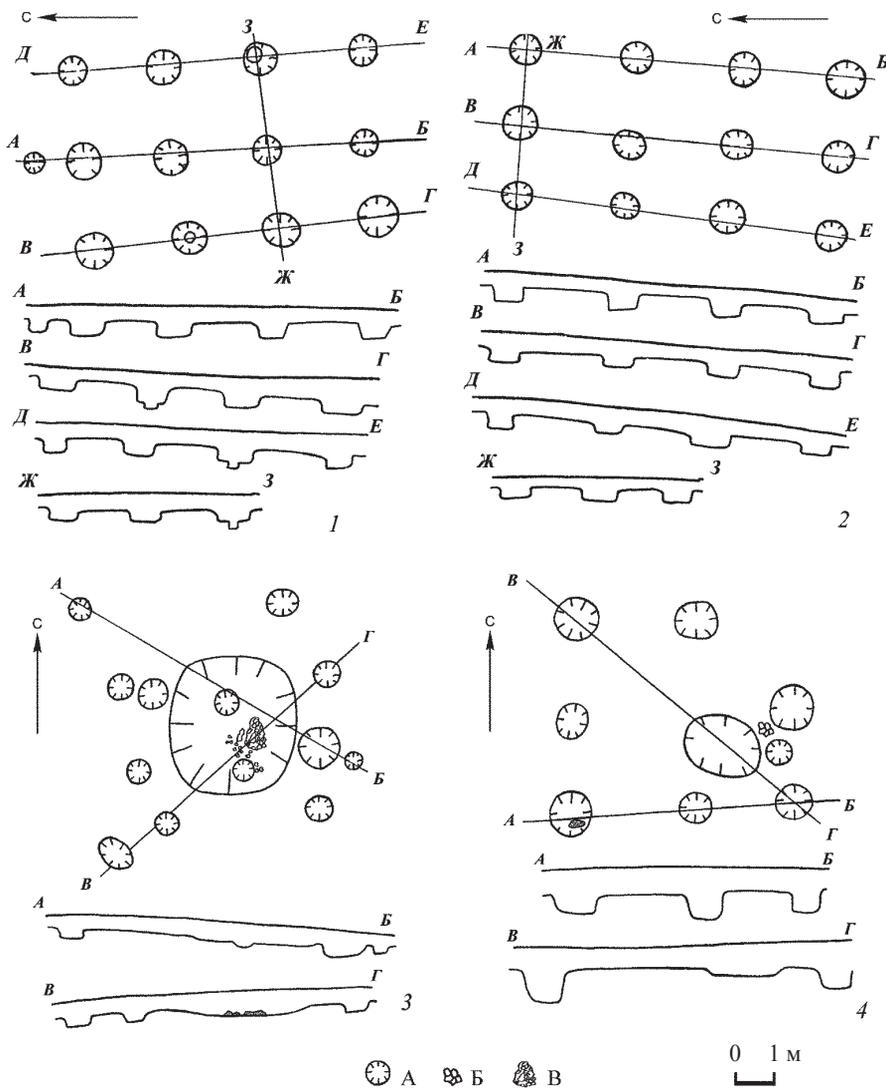

Рис. 2. Пилпы-4. Планы и разрезы зернохранилищ:

1 – зернохранилище № 5; 2 – зернохранилище № 10; 3 – зернохранилище № 6;
4 – зернохранилище № 4

В верхней части многих ям выявлены куски глиняной обмазки с отпечатками деревянных плах и прутьев – очевидно, остатки перекрытия. Можно думать, что ямы закрывали крышками, сделанными в виде пласта, которые, чтобы исключить проникновение влаги, обмазывали специально замешанной глиной. На дне некоторых ям обнаружена солома или солома.

В заполнении ям находилось большое количество обугленных зерен злаков, что и позволило с уверенностью определить назначение этих сооружений. Кроме того, в ямах найдены обломки сосудов для хранения зерна, столовых и кухонных гончарных сосудов, древесный уголь, обожженный камень, ножи, прясла. Характерные находки керамики позволили заключить, что поселение, как и находящиеся рядом два могильника (Пилипы 1 и Пилипы 2), относится к концу III–IV в.

Поиски аналогий позволили обнаружить сходные сооружения для хранения зерна в кругу европейских культур позднеримского времени. Так, два подобных сооружения были открыты на черняховском поселении Будешты в Молдавии (Щербакова, Чеботаренко, 1974. С. 101, 102). Зернохранилище 1 состояло из шести зерновых ям, расположенных двумя рядами. Двенадцать столбовых ям, которые поддерживали навес, очерчивали вокруг них площадь прямоугольной в плане формы размерами 7,4 × 6,4 м. Диаметр каждой ямы составляла 0,5–0,7 м, глубина 1,1–1,3 м, расстояние между ними – 0,6–1,2 м. В заполнении ям найдено большое количество обугленных злаков и куски обожженной обмазки. Зернохранилище 2 прилегал к зернохранилищу 1 и состояло из 10 ям, диаметры которых не превышали 0,6–0,8 м. В некоторых из них сохранились остатки древесного тлена. Над ними был устроен навес, следами которого являются 11 столбовых ям. Размеры исследованной части сооружения, которое не было раскопано полностью, составляли 15,2 × 8,8 м. В восточной части постройки выявлена яма диаметрами 2,6 × 2,2 м и глубиной 1,2 м. В углублении на дне ямы найден нижний жерновой камень. На открытом участке поселения вне границ зернохранилищ выявлены еще 4 зерновые ямы, а также две жилые и хозяйственные постройки. Набор злаков, выявленных в сооружениях Будешт, состоял из пшеницы-двузернянки, пленочного ячменя и проса (Рикман, 1975. С. 135).

Среди объектов позднеримского времени, открытых археологическими раскопками на многослойном поселении в с. Нижняя Мышла в Восточной Словакии (Béreš et al., 1991. С. 166–177), наше внимание привлекли два: № 10 и 14. Восточнословацкие сооружения, равно как и пилиповские, состоят из расположенных рядами ям. Правда, здесь выявлено всего по два ряда, но не исключено, что расширение площади раскопа, заложенного в границах проложенной для газопровода траншеи, привело бы к увеличению количества рядов или ям в них. Совпадают в пилиповских и нижнемышлинских сооружениях размеры ям. Все это позволяет утверждать, что в Нижней Мышле были открыты остатки зернохранилищ, состоявших, как и в Пилипах 4, из сгруппированных рядами ям. Авторы исследований в Нижней Мышле испытывали трудности с интерпретацией этих объектов, т. к. в заполнении ям, в отличие от сооружений в Пилипах 4, не были найдены остатки злаков. Однако в яме объекта 10 были обнаружены жернова и обломки сосудов-зерновиков, что может служить дополнительным ар-

гументом в пользу того, что эти сооружения связаны с сельскохозяйственным хозяйством. Сельскохозяйственные орудия, в частности железный наральник, были найдены и в других постройках этого поселения.

Объекты, связанные с хранением зерна в регулярно расположенных ямах, были открыты на поселениях пшеворской культуры в Польше, в Иновроцлаве, Куцове, Лесках и др. (Bednarczyk, 1988. S. 201–221. Рис. 4, 6; Barłowska, 1984. S. 51–101; Skowron, 2004. S. 9–23). Подобные постройки известны на поселениях римского времени на территории северо-западной Германии и Нижней Саксонии (Zimmermann, 1992).

Заметим, что уникальность пилиповского комплекса зернохранилищ заключается в его масштабах, в самом обустройстве сооружений, где зерновые ямы были расположены по определенной системе, и в сохранившихся палеоботанических материалах. Само же по себе хранение зерна в ямах зафиксировано на памятниках разных культур. Зерновые ямы широко применялись в античном мире. Комплексы зерновых ям были выявлены при раскопках во многих городах Северного Причерноморья (Кругликова, 1966. С. 107, 108; Шелов, 1972. С. 76; Блаватский, 1953. С. 133, 134; Зеест, 1948. С. 80–83).

Пилиповские материалы содержат огромный объем информации относительно состава выращиваемых в Прикарпатье культур². Следует заметить, что обгорелое зерно было найдено не во всех объектах в Пилипах. Так, зернохранилище б7, очевидно, не пострадало от пожара. Некоторые ямы в других зернохранилищах на время пожара не были заполнены зерном. В таких случаях промывание заполнения ям не давало результатов или удавалось обнаружить всего несколько зерен. Зато другие ямы, в особенности в северной группе из четырех зернохранилищ (б1, б5, б8, б10), были буквально заполнены горелым зерном. Среди материалов, найденных в зернохранилищах, присутствуют обломки больших гончарных сосудов для хранения зерна. Можно думать, что в ямах зернохранилищ зерно сохранялось не насыпью, а в таре. Кроме сосудов-зерновиков для этого, очевидно, применялись и мешки.

Исследования показали, что каждое из зернохранилищ было заполнено зерном определенного вида. Так, на время пожара в зернохранилище 1 хранилась пшеница, в зернохранилище 5 – ячмень пленчатый, в зернохранилище 8 – ячмень пленчатый и овес, в № 10 – овес и просо. В ямах зернохранилища 6 был ячмень пленчатый, этот же злак в большом количестве найден в центральном углублении под обмазкой и вне ее. В ямах зернохранилищ 4, 11 было просо обыкновенное. Только в яме 4 зернохранилища 11 почти в равных частях найдены зерна овса, проса и пшеницы двузернянки. Зерно было хорошо очищенным. Среди злаковых культур, найденных в Пилипах 4, преобладал ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*). Довольно часто случаются и зерна ячменя голозерного (*Hordeum vulgare var coeleste*), которые находились в ямах вместе с ячменем пленчатым. Почти в одинаково больших количествах найдены овес

² Палеоботанические определения обугленного зерна проведены д. б. н. Г. А. Пашкевич в лаборатории Отдела физико-естественных методов исследований в археологии ИА НАН Украины (Пашкевич, 1991. С. 30–38).

(*Avena sativa*) и просо (*Panicum miliaceum*). Среди пшениц наибольшее количество принадлежит двузернянке (*Triticum dicoccum shrank*). Именно она хранилась в ямах зернохранилища 1, составив в некоторых случаях свыше 80% их заполнения, в то время как другие виды пшеницы были, собственно, лишь примесями. Тем не менее в яме 9 этого зернохранилища 22% содержимого составляли зерна *Triticum aestivum* – голозерной мягкой пшеницы (Пашкевич, 1991. С. 30–38).

Зерно пшеницы-двузернянки, пшеницы мягкой, ячменя пленчатого, проса и овса найдено в количестве, исключая сомнения в том, что прикарпатское население выращивало эти культуры. Тем не менее трудно утверждать, что их соотношение в зернохранилищах в полной мере отвечает их соотношению в посевах. Так, несмотря на то что семена льна (*Linum usitatissimum*) и гороха (*Pisum sativum*) были найдены в небольшом количестве, можно утверждать, что их посевы существовали, поскольку это были семена льна культурного и гороха посевного. Что касается других культур, таких как просо итальянское, или чумиза (*Panicum italicum*), чина (*Lathyrus sativus*), чечевица (*Lens culinaris*), то единичные находки этих зерен заставляют думать, что они были не более чем сорными примесями. Небольшое количество зерен ржи (*Secale cereale*), обнаруженное в ямах с ячменем и пшеницей, не позволяет утверждать, что ее возделывали как самостоятельную культуру, хотя и не исключает последнего, поскольку принадлежали рже посевной. Интересно, что в результате промывки грунта из хозяйственной ямы в полуземлянке 4 получен набор культур, близкий к ассортименту обугленного зерна в зернохранилищах, а именно: овес посевной (8 зерен), ячмень пленчатый (4), просо обыкновенное (5).

Трудно с уверенностью сказать, с какой именно целью было собрано зерно в пилиповских зернохранилищах. Возможно, оно было заготовлено для торгового обмена или для уплаты дани. Это мог быть посевной материал или специальные запасы на случай неурожая. Следует думать, что это зерно составляло общественную собственность. Индивидуальными были запасы, которые хранились в ямах-погребках в жилищах или вблизи от них.

Долгое время господствовало мнение о скотоводческом характере хозяйства населения культуры карпатских курганов. Основанием для такого вывода послужили особенности рельефа предгорной территории, на которой расположены памятники культуры (Смішко, 1960. С. 136). Исследование поселений дало новые материалы для изучения хозяйства культуры карпатских курганов, и эти материалы свидетельствовали в пользу его земледельческого характера (Вакуленко, 1977. С. 43–56). На новом этапе археологического изучения прикарпатских древностей (1982–1991 гг.) были получены дополнительные данные, однозначно подтверждающие этот вывод.

Прежде всего, следует помнить, что речь идет о территории, расположенной вдоль северо-восточных склонов Карпатской дуги, имеющей географическое определение Прикарпатская равнина (Предкарпатье или Прикарпатье). Прикарпатский ландшафт характеризуется расчлененным рельефом мягких форм и большей частью состоит из выровненных речных террас и пологих склонов,

удобных для занятия земледелием. Термические ресурсы Прикарпатья благоприятны для земледелия и позволяют успешно выращивать широкий ассортимент сельскохозяйственных культур (Природа... 1968. С. 101).

Исследования состава почвы, проведенные на поселениях культуры, в частности и в Пилипах 4³, показали, что они расположены на землях, глубокая гумусированность профиля и заметная оструктуренность гумусных горизонтов которых предопределяют значительное плодородие грунта. В Прикарпатье этот подтип буроподзолистых грунтов (буроподзолисто-дерновые) с увеличенной глубиной гумусового горизонта (до 35–40 см) имеет значительное распространение на первых и вторых надпойменных террасах рек – притоков Днестра, Прута и др.⁴

Население культуры карпатских курганов использовало совершенные для своего времени орудия сельскохозяйственного производства. На поселениях и в курганах культуры найдены жернова, серпы, железный наконечник пахотного орудия. Интересно, что железный втульчатый широколопастный асимметричный наральник был найден в кургане 1 могильника Пилипы 2. Орудия для возделывания грунта, подобные пилиповскому наральнику, распространились на территорию варварских культур Европы из римских подунайских провинций, откуда происходят их ближайшие аналогии (Вакуленко, 2000. С. 159–165).

Наконец, убедительным свидетельством земледельческого характера хозяйства у прикарпатского населения стали материалы, полученные при исследовании уникального комплекса зернохранилищ из Пилипы 4. Широкий ассортимент злаковых культур, наличие в зерновом материале сорняков, как яровых, так и озимых культур, является доказательством существования у населения культуры карпатских курганов развитой формы пахотного земледелия. Накопление зерна в зернохранилищах указывает на повышение производительности земледелия, позволяющего создать запасы сельскохозяйственной продукции.

Исследователи отмечают, что в позднеримское время в среде населения Европы происходит общий подъем сельскохозяйственного производства, что не в последнюю очередь вызвано влиянием провинциально-римской культуры земледелия. Высокую эффективность земледелия отмечают исследователи черняховской культуры (Рикман, 1975. С. 141). Ощутимый прогресс в земледелии заметен и на материалах пшеворской культуры (Godlowski, 1966. S. 86–91). Без сомнения, не осталось в стороне от этих процессов и население культуры карпатских курганов. Открытия, сделанные в Пилипах 4, являются тому свидетельством.

³ Почвоведческие исследования проведены к. г. н., доцентом Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко Д. А. Тютюнником.

⁴ Напротив, скотоводство, как самостоятельная, специализированная и отделенная от полеводства отрасль хозяйства, возможно лишь на площадях, обеспечивающих для скота достаточное количество и качество растительной пищи, а также возможность перемещения стада с целью ее рационального использования. На территории Прикарпатья, покрытой лесной растительностью, такие условия отсутствуют. Выпас скота в лесу, который практикуется с давних пор во всех земледельческих обществах, нигде и никогда не приобрел масштабы самостоятельной отрасли хозяйства (Krol, Bobinski, 1951).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В. Д.*, 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Вакуленко Л. В.*, 2000. Знахідки сільськогосподарських знарядь в похованнях культури карпатських курганів // Збірник Національного історичного музею. Київ.
- Зеест И. Б.*, 1948. Земляные зернохранилища Пантикапея // КСИИМК. Вып. XXIII.
- Кругликова И. Б.*, 1966. Боспор в позднеантичное время. Очерки экономической истории. М.
- Пашкевич Г. А.*, 1991. Палеоботанические находки на территории Украины. Каталог II. Киев.
- Природа Украинских Карпат*. Львів, 1968.
- Рикман Э. А.*, 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.
- Шеллов Д. Б.*, 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Щербакова Т. А., Чеботаренко Г. Ф.*, 1974. Усадьба на поселении первых веков н. э. в с. Будешты // Археологические исследования в Молдавии в 1973 г. Кишинев.
- Barłowska A.* Osada z późnego okresu wpływów rzymskich w Lesku, woj. Krosno // MSROA. 1984. S. 51–101.
- Bednarczyk J.*, 1988. Z badań sanctuarium i osady ludności kultury przeworskiej w Inowrocławiu, woj. Bydgoszcz, stan. 95 // Spr. Arch. XXXIX.
- Béřeš J., Lamiová-Schmiedlová M., Olexa L.*, 1991. Záhranný výskum na polykulturnom sídlisku v Nižnej Myšli – Alamenev // Východ. Pravek III.
- Godiowski K.*, 1966. Problem przełomu w technice uprawy roli na ziemiach polskich w pierwszym tysiącleciu n. e. // SDGW. T. 8.
- Kryl S., Bobicki J.*, 1951. Wypasy w lesie. Warszawa.
- Skowron J.*, 2004. O funkcji niektórych budowli słupowych w osadach ludności kultury przeworskiej // Kultura przeworska. Odkrycia-interpretacje-hipotezy. Łódź.
- Zimmermann W. H.*, 1992. Die Siedlungen des 1 bis 6 Jaherhunderts nach Christus von Flögelneekhöltjen, Niedersachsen: Die Bauformen und ihre Funktionen // Probleme der Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet 19. Hildesheim.

Е. К. Столярова

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТЕКЛЯННЫХ ЗОЛОЧЕННЫХ БУС ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Одним из первых, кто в отечественной историографии обратил внимание на технологию изготовления золоченых и серебряных бус, был А. В. Арциховский. Описывая стеклянные бусы вятичей, среди которых были украшения этого вида, он предполагал, что изготавливались они при помощи обертывания основы бусины золотым листиком и опускания ее затем в расплавленное стекло (Арциховский, 1930. С. 29).

В дальнейшем при изучении технологии золоченых и серебряных бус домонгольского периода была выявлена разница в их изготовлении, которая соотносилась с разными хронологическими периодами и разными центрами их

производства. В частности, было установлено, что золоченые и серебряные бусы IX–X вв. изготавливали серийно из тянутых трубочек. Эти традиции уходят своими корнями в античное время и сохраняются в период раннего средневековья. Происходят такие бусы из мастерских Ближнего Востока (Безбородов, 1956. С. 219; Львова, 1968. С. 84–85; Лихтер, 1994. С. 115–116). Для их изготовления применялись два способа. Один из них заключался в покрытии жидким стеклом стеклянной основы с металлом. Для этого на стеклянную трубочку наносили золотую фольгу, которую прикрепляли к стеклянной основе, вероятно, при помощи какого-то растительного клея. Затем стекло и металл нагревали до температуры 600–800 °С. Этот температурный режим был ограничен, с одной стороны, температурой размягчения стекла (500–560 °С), а с другой – температурой плавления серебра (961 °С) и золота (1063 °С) (Безбородов, 1959. С. 229). После этого на размягченное стекло, соединенное с металлом, наливали такое количество расплавленного стекла, которого было достаточно, чтобы покрыть изделие слоем в 0,5–1 мм (рис. 1, 1). Перед нанесением защитного слоя стекла в отверстия бус вводилась проволочка – во избежание заплывания канала (Алексеева, 1978. С. 27). Затем из трехслойной трубочки при помощи формовочных щипцов или специальной формы создавалась цепь шаровидных, эллипсоидных, ребристых, бугристых и прочих бусин (рис. 2) (Spaer, 1993. Fig. 2–4, 10). Цепи рассекались на отдельные экземпляры, но иногда их оставляли и целыми. Таким приемом создания бус и других украшений ближневосточные мастера пользовались начиная с периода эллинизма и вплоть до эпохи средневековья (Алексеева, 1978. С. 27; Лихтер, 1994. С. 115).

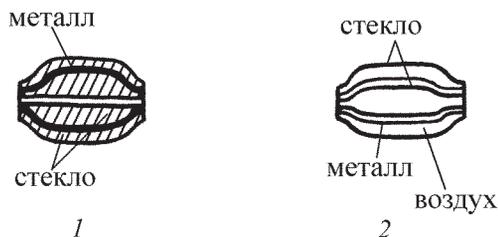

Рис. 1. Способы изготовления золоченых и серебряных бус из трубочек (по: Алексеева, 1978)

Другой способ изготовления украшений с внутренней позолотой не требовал применения жидкого стекла. В этом случае цилиндрическую трубочку-основу покрывали металлической фольгой также с помощью нагревания. На эту тонкую трубочку с металлическим покрытием надевалась более широкая трубочка. После обработки щипцами или формой стенки двух трубочек соединялись друг с другом только в местах перемычек, а внутри трубочки отстояли друг от друга на 1–2 мм (рис. 1, 2). Такие бусы появляются начиная с римского времени и также известны в период средневековья (Алексеева, 1978. С. 27; Лихтер, 1994. С. 115).

В отличие от бус периода IX–X вв., золоченые бусы, относящиеся к XI–XIII вв., изготовлены иначе. По мнению М. А. Безбородова, каждая бусина из-

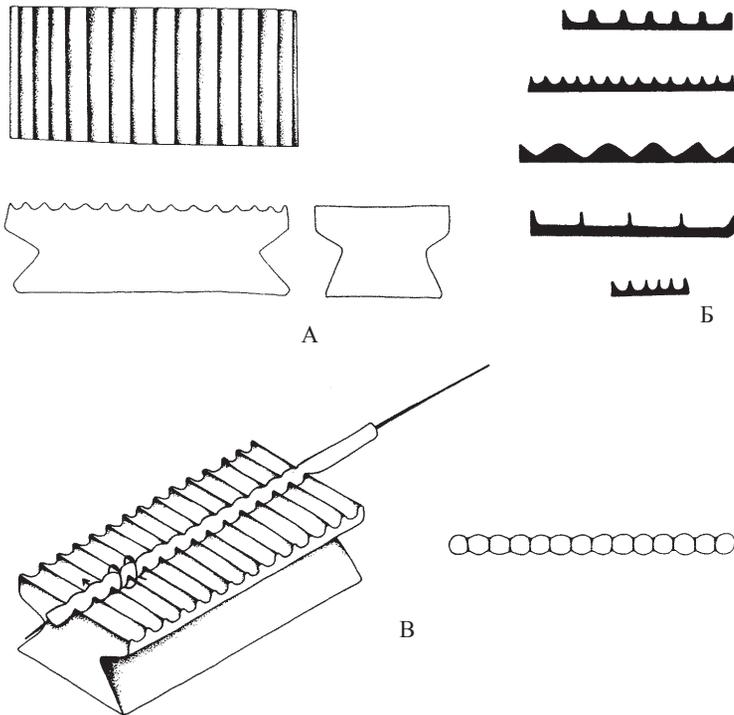

Рис. 2. Каменные формы для изготовления бус (по: Spaer, 1993)

готовавливалась индивидуально при помощи навивки. Затем на нее накладывалась металлическая фольга, предварительно покрытая листиком стекла. Этот слой стекла играл роль защитного покрытия. Вырабатывали его при помощи вытягивания приманкой – железной пластинкой. Такой способ изготовления обуславливал наличие каймы по краям бусины (Безбородов, 1959. С. 229). Позднее было установлено византийское и древнерусское происхождение таких бус (Щапова, 1972. С. 87–88). При этом предполагалось, что для обеих групп использовалась золотая или серебряная фольга.

Впоследствии оказалось, что существует разница не только между технологией «ранних» и «поздних» золоченых бус, но и между бусами одного времени, относящимися к периоду XI–XIII вв. По мнению исследователей, византийские бусы имеют прокладку либо из золотой, либо из серебряной фольги, покрытой бесцветным стеклом. На изготовление же древнерусских бус с металлической прокладкой шла только серебряная фольга, покрытая для создания эффекта золочения желтым стеклом. Этот факт, по мнению авторов, хорошо согласуется с представлениями о малой распространенности золотых ювелирных изделий и монет в домонгольское время (Там же. С. 85, 88). Поэтому такие бусы предложено было называть ложнозолочеными или псевдозолочеными. Однако, по нашему мнению, это название не соответствует сути. Использование серебряной фольги не нарушало традиционной византийской технологии изготовления бус с металлической прокладкой, среди которых серебряные бусы известны наравне

с золочеными. Поэтому древнерусские бусы с серебряной прокладкой технологически повторяли существующие византийские бусы с серебряной фольгой. Покрытие же бусины желтым стеклом не было преднамеренным. Использование желтого (скорее желтоватого) стекла объяснялось тем, что неокрашенное стекло в Древней Руси не имело обесцвечивателя и было слегка желтоватым. Использование такого стекла было неосознанным. Просто древнерусские мастера по аналогии со своими греческими учителями использовали то неокрашенное стекло, которое было в их распоряжении, а оно имело слегка желтоватый оттенок. Поэтому такие древнерусские бусы с прокладкой из серебряной фольги, покрытые неокрашенным стеклом, следует скорее называть серебряными, а не ложнозолочеными.

С 2004 г. по 2006 г. Подмосковная экспедиция отдела охранных раскопок ИА РАН проводила археологическое изучение Мякининской курганной группы¹, в двух курганах которой (1 и 6) были обнаружены бусы (19 экз.), отнесенные к группе украшений с металлической прокладкой².

Для исследования бус была использована методика изучения древнего стекла, предложенная Ю. Л. Щаповой (1989). Химический состав стекла семи украшений определен методом оптико-эмиссионной спектрографии в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А. Н. Егорьковым (табл. 1). По вопросу интерпретации полученных результатов анализов стекла в отечественной историографии существует несколько точек зрения (Галибин, 2001; Щапова, 1983; 1989). В основе нашего понимания этой проблемы лежит методика Ю. Л. Щаповой³.

В кургане 1 были найдены две бусины округлой биконической усеченной дважды формы (см. вкл., рис. V). Изготовлены они из бесцветного прозрачного стекла при помощи индивидуальной навивки и обкатки. При помощи обертывания вгорячую на них было наложено бесцветное прозрачное покровное стекло с золотой металлической фольгой. Изучение химического состава одной из них показало, что стекло относится к классу Na-Ca-Si. Наличие золотой фольги также подтверждается присутствием в пробе золота (табл. 1, ан. 774-27).

В этом же кургане 1 обнаружена группа бус (10 экз.), технология изготовления которых частично схожа с технологией получения бус с прокладкой из золотой фольги (рис. 2). Изготовлены они также индивидуальной навивкой, три из них подвергнуты обкатке. Также при помощи обертывания вгорячую на основу было наложено покровное стекло. Однако вместо золотой фольги

¹ Мякининский курганный могильник является составной частью Мякининского археологического комплекса, расположенного близ северо-западной границы г. Москвы неподалеку от д. Мякинино, на излучине правого берега Москвы-реки. Существование курганной группы относится к домонгольскому периоду, XII – первой половине XIII в. (Энговатова, Коваль, 2007. С. 71).

² Автор выражает благодарность руководителям раскопок, А. В. Энговатовой и В. Ю. Ковалю, за предоставленный для исследований неопубликованный материал.

³ Более подробно об этой методике см.: Столярова, 2000. С. 91–99; 2008. С. 405–408.

использован промежуточный слой из прозрачного стекла желтого или бежевого цвета. Цвет основы и покровного слоя бус слегка желтоватый, что отличает их от предыдущей группы. Форма тулова этих бус также иная – они округлые шаровидные усеченные дважды. Анализ химического состава одной из этих бус показал, что изготовлена она из стекла класса К-Pb-Si (табл. 1, ан. 774-28).

Из кургана 6 происходит 7 бус, отнесенных нами к группе золоченых (рис. 1, цвет). Технология изготовления этих бус также имеет общие черты с предыдущими. Эти бусы изготовлены из прозрачного бледно-желтого стекла. Для пяти бус применена индивидуальная навивка, а для двух – серийная навивка и отшибание. Покровное стекло бледно-желтого цвета было наложено на основу также путем обертывания, правда, в одном случае было применено многократное обертывание. Все бусы округлые, среди них отмечены шаровидные усеченные дважды, цилиндрическая и коническая бусины.

Изучение этих бус под бинокулярным микроскопом МБС-10 показало, что три из них имели в качестве прокладки металлическую фольгу, которая по внешним признакам была определена нами как золотая. Остальные четыре бусины имели чрезвычайно плохую сохранность. Наблюдалось локальное отслоение покровного слоя и отсутствие фольги. Микроскопическое исследование показало, что стекло основы под утраченным покровным слоем и фольгой было окрашено в желтый цвет в виде полосы. Известно, что для окрашивания стекломассы в желтый цвет в стеклоделии используется несколько красителей, в том числе и серебро. Вероятно, желтая полоса – это след от серебряной фольги, которую в данном случае использовали в качестве прокладки. При нагревании для соединения металла со стеклом ионы серебра проникли из фольги в стекло и окрасили его в поверхностном слое в желтый цвет. Такой способ окрашивания поверхностного слоя стекла в желтый цвет используется в стеклоделии начиная с XIV в. и вплоть до настоящего времени. Однако для этого используют не серебряную фольгу, а краску из порошкового серебра, так называемую протраву. В современном стеклоделии этот способ носит название диффундирования, или диффузного окрашивания (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 198–200). Для наших бус этот эффект окрашивания поверхностного слоя стекла проявился непреднамеренно. Таким образом, наличие на четырех бусах желтой полосы под отслоившимся покровным стеклом позволило предположить, что эти бусы также имели фольгу, но не золотую, а серебряную, покрытую желтоватым стеклом.

Изучение химического состава пяти из этих бус показало, что четыре изготовлены из стекла класса К-Pb-Si (табл. 1, ан. 787-37–39, 41), а одна – из стекла класса Pb-Si⁴ (табл. 1, ан. 787-40). Спектральный анализ показал повышенное содержание серебра в пробе не только у бус с основой, окрашенной в желтый цвет (ан. 787-37, 40), но и у бус, визуально определенных нами как золотостеклянные (ан. 787-38, 39, 41). Таким образом, анализ химического со-

⁴ Мы отнесли стекло этой бусины к классу Pb-Si на основании отсутствия в его составе окиси калия (ан. 787-40), несмотря на недостаточное для стекол этого класса содержание окиси свинца.

става стекол, с одной стороны, подтвердил наше предположение об использовании серебряной фольги при изготовлении четырех бус, а с другой – позволил говорить об использовании серебряной фольги для остальных трех бус этой группы.

Согласно комментарию аналитика А. Н. Егорькова, сопровождавшего полученные нами результаты анализов, состав одной бусины (ан. 787-37) помимо серебра содержал еще и слабую линию золота, хотя оно и не было отмечено им в таблице результатов анализов. Возможно, что для получения металлической фольги был использован сплав серебра, например биллон, содержащий примесь золота. С другой стороны, возможен и вариант применения так называемого «двойника», в котором золото находилось сверху, а серебро под ним. Однако слой золота был настолько тонок, что при изучении таких бус в бинокулярный микроскоп мы наблюдали лишь небольшие участки, поблескивающие желтым цветом. Применение «двойника» известно и в других областях средневекового ремесла. В частности, он был выявлен при изучении фрагментов одежды с отделкой из золототканой тесьмы, обнаруженных при раскопках средневекового могильника на территории кремля города Дмитрова (Энговатова и др., 2002. С. 86–88). Известно также, что «двойник» применялся при создании фона на древнерусских иконах. Использование такого материала в древнерусском искусстве хорошо соответствует представлению о малой распространенности золота в домонгольское время, поскольку это позволяло экономить золотую фольгу за счет использования слоя из серебра.

При изучении стеклянных бус Асотского городища Ю. Л. Щаповой было обнаружено, что химический состав украшений, которые по визуальным признакам были отнесены к группе золоченых, не содержал даже следов золота, но зато в нем присутствовало повышенное содержание серебра. Автор интерпретировала данный факт как замену металлической фольги на стеклянную прокладку желтого цвета, окрашенную серебром (Щапова, Дайга, 1961. С. 193). С одной стороны, это совпадает с нашими выводами относительно существования бус с прокладкой из желтого стекла. Однако подобные мякининские бусы не содержат большого количества серебра (табл. 1, ан. 774-28). Желтый цвет стекла в них получен при помощи ненамеренного окрашивания окисями свинца и железа, что традиционно для древнерусского стекловарения. (Заметим, что в древнерусском стекольном производстве способ окрашивания стекломассы в желтый цвет ионами серебра неизвестен.) Таким образом, наличие повышенного содержания серебра в асотских бусах нельзя рассматривать как краситель. Скорее всего, эти бусы все-таки имели металлическую прокладку. Возможно, это была серебряная фольга, покрытая желтоватым стеклом, в результате чего бусы воспринимаются как золоченые. С другой стороны, указанное внешнее сходство с золочеными бусами опять же можно объяснить тем, что сверху серебра все-таки было золото, т. е. был использован «двойник» из серебряной и золотой фольги. Отсутствие следов золота в анализе может объясняться тем, что золотой слой был чрезвычайно тонок и плохо сохранился. Ведь из пяти мякининских бус с повышенным содержанием серебра слабая

линия золота была обнаружена только в одной. Возможно, в других оно могло не попасть в пробу.

Таким образом, исследование химического состава наших бус показало, что большая их часть изготовлена из стекла класса K-Pb-Si (табл. 1, ан. 774-28, 787-37-39, 41). Составляющими такого стекла являются три компонента: песок, сурик и поташ. В качестве поташа использована промытая и выпаренная зола, которая содержит больше солей калия, чем солей натрия. Данное соотношение щелочей характерно для золы растений, произрастающих в умеренной континентальной зоне. Такой состав обычно связывается с древнерусскими, преимущественно киевскими, стеклоделательными мастерскими. Производство изделий из стекла этого класса, в том числе и бус, началось там в первой четверти XI в. В 1240 г. в результате разгрома Киева стеклоделательное производство там было прервано (Щапова, 1972. С. 191, 193). Древнерусские золоченые бусы известны, например, в Новгороде со второй половины XI до середины – 80-х гг. XIII в. (Лесман, 1984. Табл. 1; Щапова, 1998. С. 141).

Одна бусина была изготовлена из стекла класса Pb-Si (табл. 1, ан. 787-40). Обычно стекла такого состава связывают с древнерусской так называемой местной стеклоделательной школой, центры которой находились в крупных городах удельных древнерусских княжеств (Новгороде, Полоцке, Смоленске). В них производили украшения из свинцово-кремнеземного стекла. Однако бусы из такого стекла с металлической прокладкой встречаются чрезвычайно редко (Щапова, 1972. С. 87). Очевидно, что для окончательного решения проблемы происхождения этой бусины информации пока недостаточно. Оставим этот вопрос открытым.

Еще одна бусина изготовлена из стекла класса Na-Ca-Si (табл. 1, ан. 774-27). Составляющими такого стекла также являются три компонента: песок, зола и доломиты. В данном случае была использована зола галофитов, т. е. растений, произрастающих в засушливой зоне, а точнее – зола наземных частей пустынного растения *Calidium capsicum*. В такой золе, которая является источником щелочного сырья, содержится больше солей натрия, чем калия. Использование золы галофитов характерно для стекловарения Византии, особенно для периода X–XII вв. При составлении шихты использована рецептурная норма 0,75 (3:4). Такое соотношение легкоплавких фракций часто встречается в византийском стекловарении. Следует отметить, что в византийское время следовали более сложным и точным нормам, чем в римское. Например, помимо нормы 0,75 применяли соотношение 1,25 (5:4) или 1,75 (7:4). Такие нормы, кратные 4, составляют половину в византийском стекловарении (Щапова, 1998. С. 95, 98. Табл. 15).

При размещении результата анализа этой бусины на корреляционном поле оказалось, что он расположился довольно далеко от зоны, где, как правило, находятся стекла, изготовленные в византийских производственных традициях. Эта область включает гиперболу, описывающую ближневосточные стекла ($b = 9$), и асимптоты гипербол, описывающих древнеегипетские стекла ($b = 11$) и стекла из двойной шихты ($b = 4$). Наше же стекло расположилось около гиперболы,

которая описывает традиции западноевропейского средневекового стеклоделия ($b = 16$) (рис. 3). Это связано с тем, что содержание щелочных земель в нашем стекле довольно высокое и составляет 22%.

Обратимся к анализам византийских стекол, известных к настоящему времени. Они демонстрируют два правила в стекловарении этой школы: в одних стеклах содержание щелочных земель невысокое (6–11%), в других, наоборот, концентрация щелочных земель высока (11–16%). Самое большое содержание окиси кальция и магния в византийских стеклах зафиксировано на уровне 18,5% (Щапова, 1998. С. 96, 98). Однако при исследовании стекол из поселения Настасьино были обнаружены византийские бусы, имеющие в своем составе высокое содержание щелочных земель – 19 и 22,7% (Столярова, 2004. С. 70). Вероятно, эти стекла, так же как и наша бусина, иллюстрируют второе правило стекловарения византийской школы.

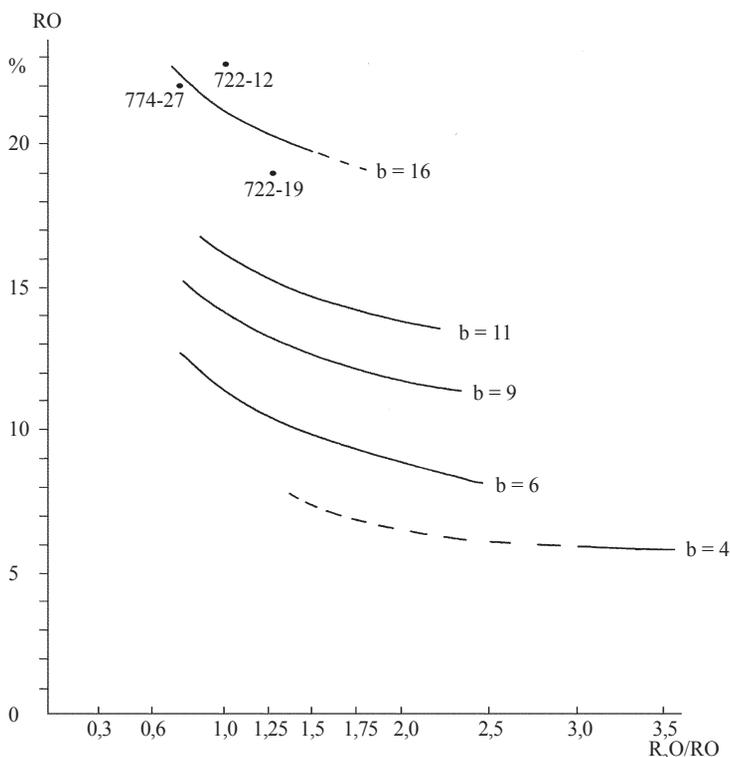

Рис. 3. Химический состав византийских бус из кургана 1 Мякининской курганный группы (ан. 774-27) и селища Настасьино (ан. 722-12, 19)

Византийские бусы появляются на территории Руси в начале XI в. и бытуют там вплоть до начала XIII в. Однако в период XII – начала XIII в. по сравнению с предыдущим столетием византийских бус становится заметно меньше (Щапова, 1998. С. 162). Золоченые же бусы византийского производства бытуют на северо-западе и северо-востоке Руси с конца X до середины XII в., причем время расцвета приходится на XI в. (Щапова, 1956. С. 172; Колчин, 1956. С. 123; Фехнер, 1959. С. 149–224).

Таким образом, на основании проведенного исследования по совокупности морфологических, технологических признаков и характеристик химического состава большая часть изученных бус (17 экз.) была отнесена к древнерусскому производству, а две бусины – к византийскому. Византийские бусы обычно имеют эллипсоидную усеченную дважды (бочонковидную) или усеченно-биконическую форму. Древнерусские бусы имеют иные формы. Они могут быть цилиндрическими, шаровидными усеченными дважды (зонными), а также коническими усеченными. Византийские бусы всегда изготовлены из бесцветного прозрачного стекла, древнерусские – из прозрачного желтоватого. Византийские бусы имеют в качестве прокладки золотую фольгу, покрытую бесцветным стеклом, древнерусские – либо стекло желтого/бежевого цвета, либо сплав серебра с примесью золота или «двойник» из серебра и золота. И то, и другое покрывали опять же неокрашенным, слегка желтоватым стеклом. Византийские бусы изготовлены при помощи индивидуальной навивки, сопровождающейся обкаткой. Древнерусские бусы могут быть изготовлены как индивидуальной, так и серийной навивкой с последующим отшибанием часто без обкатки. Византийские бусы имеют хорошую сохранность стекла без следов коррозии и иризации. Древнерусские бусы имеют коррозионное разрушение стекла в виде кракелюра, отслоение покровного слоя и отсутствие фольги, потемнение фольги. Также древнерусские бусы характеризуются общей небрежностью изготовления и присутствием на основе бусины под покровным слоем и металлической прокладкой желтой полосы.

К группе ложнозолоченых можно отнести древнерусские бусы с прокладкой из желтого или бежевого стекла. Здесь действительно имеет место имитация золочения при помощи использования вместо металлической фольги слоя стекла желтого цвета. Бусы с прокладкой из серебряного сплава или «двойника» называть псевдозолочеными, по нашему мнению, некорректно. Поскольку в качестве прокладки в любом случае используется металлическая фольга (золотая или серебряная), то правильнее было бы называть их также золочеными или серебряными соответственно.

Таким образом, проведенное изучение бус с металлической прокладкой и псевдозолоченых бус из Мякининских курганов в основном подтвердило выводы, сделанные предыдущими исследователями. На основании изучения нами были выделены внешние (визуальные) признаки бус разного происхождения, поставлен вопрос об использовании в древнерусском производстве золоченых бус так называемого «двойника» и выявлена группа древнерусских ложнозолоченых бус. Сделанные нами выводы носят предварительный характер, поскольку исследованная выборка стеклянных бус из Мякининских курганов недостаточна для окончательных заключений. Изучение бус с металлической прокладкой домонгольского периода должно быть продолжено с привлечением новых данных.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.*, 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12.
Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.

- Безбородов М. А.*, 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск.
- Безбородов М. А.*, 1959. Технология производства стеклянных бус в древности // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 33.)
- Галибин В. А.*, 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.
- Колчин Б. А.*, 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М. (МИА. № 55.)
- Ланцетти А. Г., Несстеренко М. Л.*, 1987. Изготовление художественного стекла. М.
- Лесман Ю. М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л.
- Лихтер Ю. А.*, 1994. Бусы из могильника Мошечая Балка // Боспорский сборник. 5. М.
- Львова З. А.*, 1968. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10.
- Столярова Е. К.*, 2000. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части Евразийских степей // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. М. (Тр. ГИМ. Вып. 120.)
- Столярова Е. К.*, 2004. Химический состав стеклянных изделий // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2.)
- Столярова Е. К.*, 2008. Источники щелочного сырья древних и средневековых стекол // Тр. II (XVIII) Всероссийского АС в Суздале. Т. III. М.
- Фехнер М. В.*, 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 33.)
- Щапова Ю. Л.*, 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М. (МИА. № 55.)
- Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1983. Очерки по истории древнего стекла. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1989. Древнее стекло: морфология, технология, химический состав. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1998. Византийское стекло: Очерки истории. М.
- Щапова Ю. Л., Дайга И. В.*, 1961. Стеклянные бусы и браслеты Асотского городища // Материалы по археологии Латвии. Рига.
- Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П.*, 2002. Исследование тканей из средневекового могильника в г. Дмитрове // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Тез. докл. конф. М.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю.*, 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: Мат. науч. семинара. Вып. 3. М.
- Spaer M.*, 1993. Gold-Glass Beads: A Review of the Evidence // Beads. Journal of the Society of Beads Researchers. Vol. 5.

Таблица 1. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянных бус из Мякининских курганов

Шифр лаборат.	774-27	774-28	787-37	787-38	787-39	787-40	787-41
Предмет	Бусина	Бусина	Бусина	Бусина	Бусина	Бусина	Бусина
Паспорт	К-1 № 3	К-1 № 4	К-6	К-6	К-6	К-6	К-6
Номер	40	43	270	271	272	273	274
Цвет	Б/ц	Желтый	Желтый	Желтый	Желтый	Желтый	Желтый
SiO ₂	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.
Na ₂ O	15	0,1	0,2	0,2	0,2	0,04	0,1
K ₂ O	2,6	9,5	9,4	4,1	7,1	–	2,8
CaO	15	0,2	0,5	0,5	0,6	0,5	0,5

Таблица 1 (окончание)

MgO	7,0	0,01	0,3	0,1	0,3	0,2	0,1
Al₂O₃	3,6	0,2	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3
Fe₂O₃	0,9	0,2	0,2	0,5	0,2	0,4	0,1
MnO	2,4	–	0,01	0,01	0,01	0,01	–
TiO₂	0,1	0,03	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
PbO	0,01	31	32	22	29	28	29
SnO₂	–	–	–	–	–	–	–
CuO	–	–	–	–	–	–	–
CoO	–	–	–	–	–	–	–
Sb₂O₅	–	–	–	–	–	–	–
Ag₂O	0,01	–	0,05	0,05	0,02	0,02	–
Au	+	–	–	–	–	–	–
Навеска				7,5			9,5

SUMMARY

This issue is mostly devoted to the theoretical and methodical approaches to the investigation of burial rite. It comprises around twenty papers presented at the all-Russian conference held in the Institute of Archaeology, Moscow, in 2005. Researches from Russian academic institutions, museums, and high schools of Moscow, Tver and Kolomna, from Moldavia and Bulgaria participated in the conference. In the published works the authors discuss the methodical and theoretical achievements of the present-day archaeology, both national and foreign, in interpretation of burial rite viewed as a system of postulates related to religious, mythological, social and political structure of the societies they emerged in.

The first section deals with general problems of investigation of burial rite. In V. I. Gulyaev's paper "Investigations of burial rite in foreign archaeology" history of studies on the point is presented, starting from the beginning of archaeology as an independent discipline in the 19th century. First scholars centred on the concept of primitive mythology, then in the early 20th century a relationship between burial rite and social system was established, the approach to the burial rite as one of transitional rites being its crucial point. In the 60-s and 70-s of the 20th century in the West the ideas of "processional archaeology" dominated. According to L. Binford, burial rituals reflect "social personality" of the dead and his group's attitude towards him, so that burial practices are viewed as a direct image of the type and structure of a social group. In the 80-s so-called "post-processional" archaeology appeared, mostly in Great Britain and Scandinavia, with special attention paid to the ideological (religious and symbolic) aspects.

E. V. Lagutkina in her work "Investigation of burial associations in archaeology: approaches and methods of research" considers perspectives of informational and system approaches in source analysis as a methodical base for investigation of burial complexes. These are taken as a system developing within a broad historical and cultural context with many elements and indications. Thus the regularities revealed in burial rite of certain epoch or region may be traced (maybe partly) among different peoples, regions, and epochs.

M. F. Kosarev in the paper "World-outlook aspects in traditional burial practices (on the Siberian materials)" discusses the problems related to the archetype, social and sacral characteristics of different aspects of traditional burial rituals known mostly from the data of the Siberian ethnography. Traditional character of the aboriginal cultures allows considering in a more detailed way the functional aspects and the world-outlook mirrored by burial practices of the tribes and peoples that inhabited Siberia in prehistory and the Middle Ages.

V. I. Melnik in his article "Symbolism of elements of burial rite according to ethnographic and archaeological data" considers burial rite (ritual) as a complex symbolic structure with its elements related to certain ritual symbols. But their meaning is based on a real event (an individual's death) and related ideas. The process of burying

includes three series of events: utilitarian, religious (supernatural), and ritual (symbolic). The set of symbols used in ancient society includes universal and non-ritual ones. The author distinguishes symbolic actions and symbolic objects of various kinds reflecting space orientation, time, geometric, numeric, and colour symbolism.

The paper by E. S. Baksheev and Yu. A. Smirnov “Two-stage burial rituals in Okinawa as an archaeological and cultural reality” is devoted to some aspects of traditional culture of Okinawa, with mixed and often archaic cultural elements adopted from Japan, China, South-eastern Asia and Oceania. Specific features of this culture are typical of each island community. The discussed form of burial ritual appeared as early as the Palaeolithic, while in Okinawa it was formed by the 19th century, some its elements have survived till the late 20th – early 21st centuries.

The series of anthropological studies opens with the paper of A. P. Buzhilova “On the informativeness of the investigations of collective burials” discussing graves containing several individuals. These burials are clearly of non-ordinary character, so that researchers suggest different explanations of this phenomenon: consequences of some dramatic events (war, epidemics, famine). In some cases reconstruction of burial rite suggests that mass burials reflect a complicated cult practice. Different types of mass burials analysed in the context of anthropological and palaeopathological studies provide very important information. The author presents the assessment of informativeness of this complex source on the example of different prehistoric and historic mass burials.

The article by M. V. Dobrovolskaya is headed “On the method of investigations of cremation materials”. Specific character of this source demands special methodological and methodical approaches. We should take into account that cremation is related to the archetypes of human attitude to fire. Usually, the origin of cremation is dated to the Early metal period; but presented data confirm that fire was used in burial practice from the Palaeolithic. The main difficulty consists in the fact that it is impossible to investigate macromorphological characteristics of skeletal structure, therefore it is important to study cremated bone tissue. Temperature regime and conditions of cremation are discussed, as well as the possibilities of histological methods for establishing sex and age of the dead. Reconstructions of diet based on the trace element analysis of cremated bone tissues from different epochs and territories are published.

The paper by M. B. Mednikova “Manipulations with the head of the dead (burial practice in antiquity according to the data of palaeoanthropology)” is devoted to the complicated manipulations with human head known from the Palaeolithic. Anthropology singles out a set of diagnostic indications pointing to the manipulations the dead bodies had undergone: traces of cutting, scraping, pits, defects of surfaces’ jointing, etc. Posthumous destruction often was caused by extracting brain and breaking facial skeleton, as it is established both on the Palaeolithic materials and modern ones. Thus, burials of skulls separated from cranium are typical of the Near East (Natufian culture). Special discussion deserves the tradition of modelling face features on macerated skulls known from early Jericho, the Bronze Age cultures of Eurasia, and in the Early Iron Age in the Minusinsk depression.

A. V. Engovatova, D. O. Osipov, N. N. Goncharova and A. P. Buzhilova in the article “Mass medieval burial in Yaroslavl (preliminary results)” publish materials

from the excavations near the Dormition cathedral in Yaroslavl conducted in 2004. In the construction 4 to 2,6 m in size with sunken bottom destroyed by fire mass human burial was discovered. According to the anthropological data, the buried people were killed at the same time; the selection included mostly females and children, young males were few. Both children and adult skeletons showed not healed traumas caused by different types of cold weapons used by professional mounted warriors. The specific character and state of remains suggest that the burial was executed hastily, maybe with sanitary aims; the version of an epidemic should be denied. The mass burial of some tens of individuals of different age in destroyed construction is an eloquent testimony of dramatic events that took place in Yaroslavl in the early 13th century.

The paper by K. E. Bochvarov “Neolithic jar burials from South-eastern Europe: the origins of rite” discusses specific manifestation of prehistoric mortuary practices related to the Early Neolithic in South-eastern Europe, and probably to the process of neolithization. Found sporadically in the context of other disposal types related to the domestic/mortuary space, including formal or secondary inhumation or cremation, jar burials show certain cultural and chronological features, which could be considered in relation to the problems of directions and results of the early farming interactions in the Southeast European Neolithic. The fact that the area of the Struma and Vardar valleys, and the west Rhodope was a core area of jar burial agrees with the overall picture of the Neolithic development in the Balkans. The significance of infant burials in the living space of the Neolithic societies is a cultural marker related to the early farming cult.

T. N. Mishina’s article “Social aspect of investigation of intramural infant burials (the EBA materials from tell Yunatsite in the Balkans)” deals with the interpretation of infant burials discovered in houses. In the EBA layer of stratified settlement Yunatsite in Thrace 30 burials have been investigated, 28 of infants and 2 of adults. The Yunatsite series makes over 55% of all the intramural infant burials known in Bulgaria. The associations were analysed by a set of indications (position at the settlement and in dwelling, relationship with the interior, burial constructions, age, grave goods, etc.). Infant burials do not show strict regularity in their rite, maybe due to the fact that the infants had not passed the first stage of initiation. Nevertheless, the burial practices follow certain regulations: the infants were deposited within the settlement, mostly inside the constructions, or in the yards; in the houses such burials were often placed in secluded places. The author stresses that the buried infants had not undergone “separation rite” and as such were not included in “social time”. Evidently, this determined the differences in details of burial rite.

S. N. Korenevsky in his article “The phenomenon of big Maikop kurgans – labour and cult aspects of construction” discusses typology and semantics of so-called “big kurgans” of Maikop culture, and suggests an assessment of their labour extensiveness based on the standards used in ancient Babylonia. The term “big Maikop kurgan” is defined as a mound over 3 m in height (the biggest ones measure 8 to 10 m). The author divides the sites into two types: some big mounds were built over one central burial, other ones grew gradually as next Maikop burials were deposited. Colours and properties of soil used for construction are related to the religious beliefs (black symbolised

fertility and reincarnation, yellow – solar and celestial aspects). Complicated constructions of big kurgans suggest that the builders used some mathematic knowledge and were controlled by some religious leaders.

M. V. Andreeva presents the article “Arrangement of space structure in the kurgans of East Manych catacomb culture”. Abundant materials of the steppe Bronze Age cultures document orientation to cardinal points as basic principle in arrangement of burials in kurgans. Orientation of burial constructions and positions of the dead by 8 directions and their location in kurgans are analysed. Database comprises 585 associations of East Manych catacomb culture, both burials containing human remains and symbolic ones, dating from the Middle Bronze Age (the mid – second part of the 3rd mill. BC in calibrated 14C dates). Burial constructions are oriented mostly to cardinal points (S and E, figs. 1, 2). Accordingly, the dead both in central and dug-in graves are also oriented to S and E. But those deposited in shallow pits not traced in subsoil are oriented mainly to diagonal directions – SE, S, and SW (fig. 3). The majority of graves are located in the diagonal sectors – SE and NE (figs. 4, 5). The revealed regularities evidence certain space structure based on the space code typical of the East Manych burial tradition probably related to the social/family structure.

E. V. Volkova in her paper “Burial associations of cemeteries Novinki 1 and 2 of Fatyanovo culture. Possibilities of historic reconstructions” analyses materials from two cemeteries in Tver Region. The author determines the real number of ancient cemeteries in the locality, their state of preservation, and gives their historical and cultural description, including structure of each burial group and pottery cultural traditions. The author concludes that four groups of local population left four cemeteries with different period of functioning. The first and the third cemeteries were of earlier date than the second and fourth ones. The first pair of cemeteries dates to the late 19th or early 18th cc. BC and the second pair – to the late 18th or early 17th cc. BC. The population of the first cemetery was related to the Corded Ware culture of the East Baltic region, and the population of the third cemetery maintained intensive cultural contacts with the Dnieper-Desna variant of the Middle Dnieper culture; the both of these earlier cultural groups took part in formation of two later groups buried in the second and fourth cemeteries.

The article by B. V. Meleshko “On the terminal date of the dolmen sites in the Caucasus” deals with a debatable problem of the Caucasian archaeology. The chronology of the dolmen sites is uncertain and very extended. The author questions the long chronology of the West Caucasian dolmens suggested by V. I. Markovin and V. A. Trifonov. The sites’ typological and stylistic uniformity, coexistence of different types of dolmens within one group demands working out a new version of their chronology. Publication of the Klady cemetery with a series of dolmen-like constructions gives an opportunity to discuss the problem: the stone slabs first used for building real dolmens were used secondary to construct the Klady “dolmens” and tombs of the Novosvobodnaya type. Thus two chronologies may be united into a single one, and some parallels in the dolmen and Novosvobodnaya constructions may be explained. The author claims that the secondary use of the dolmen slabs for building the Novosvobodnaya tombs points that the dolmen epoch had passed by that time, and suggests synchronization of the dolmen culture with Maikop culture.

A series of articles discusses the Early Iron Age and the early medieval period. V. B. Kovalevskaya's paper "Planigraphic computer analysis of the early medieval cemetery Dyurso in the North Caucasus" deals with application of the computer geographic program MAP DEVELOPER STUDIO in investigation of the Dyurso cemetery dating back from the 5th–9th cc. (excavations by A. V. Dmitriev). Burials of the second part of the 5th – first part of the 6th cc. have been analysed; these are distributed by three stages according to the grave goods, including beads. For all stages there are singled out reliably dated burials of warriors of high social status containing horse skeletons and swords; they are surrounded by rather modest burials and free areas. The groups were formed within the cemetery during a century.

The work by M. G. Gusakov "On the origins of cremation in urn or without it (cemeteries of the Hallstatt and La Tene periods in the South-eastern Baltic zone)" discusses burial rite of the Early Iron Age. Materials from the Pokrovskoe ground cemetery (Kaliningrad Region) are published (58 burials, 30 established individuals). The site is attributed to the Pomor culture of the 6th–5th cc. BC. The burials contain cremations in urns and without them and practically lack grave goods. In some graves the ashes were deposited in a heap, sometimes they were scattered over the pit, or deposited in a vessel. Some burials were lined with stones forming a kind of cist, or a dead-house. The author stresses similarity of the Pokrovskoe burials to the synchronous sites of North Poland and Germany by their construction and finds; the site is attributed to the same population. He considers the burial rite of the Pokrovskoe cemetery as a continuation of the Luzyce tradition, with its source in the Hallstatt cultures of the Alpine zone and the West Balkans.

A. M. Oblomsky presents the paper "New burial complexes of the mid 1st millennium AD on the Upper Don". Materials from two burials of cemetery Ksizovo-17 are published. The site belongs to one of the centres of the Hun power located on the Don River. Totally 23 burials have been excavated. The finds are typical of the Hun time. The most spectacular associations are burials Nos. 2 and 19 dating from the second third – mid 5th c. and around the mid 5th c. AD respectively. Their close counterparts are known from the Middle Danube region; the sites probably belong to the German population involved into the Hunnic movement. Some elements of the Central European cultures have been attested also at the settlements Zamyatino-5 and 8.

V. M. Kishlyaruk in the article "Environmental influence on the burial rite of the barbarian population of the Lower Dniester in the 3rd–2nd cc. BC" considers the analytical study of the contents of the incense cups from the Late Scythian burials. The organic remains were identified as wild plants, namely, cannabis. Evidently, it played an important role in the burial ritual. Other remains discovered in the incense cups make it possible to establish the season when the burial was performed, and the fact that the grave stayed open for at least a fortnight.

Some publications deal with the medieval materials. Among them there is Yu. V. Stepanova's work "The chronology of Medieval Russian burial associations of the Upper Volga region". The author concentrates on the problem of chronology of burial associations and the changes of rite considered on the examples of large and well-investigated cemeteries. In the late 10th – early 11th cc. on the Upper Volga people practiced cremation, then they passed over to inhumation rite. In the 11th c. the dead

were deposited on the burnt area, western orientation of the dead being dominating one. In the late 11th – early 12th cc. burial pits were arranged under kurgans. This rite in the region survived till the 13th c., parallel with ground cemeteries.

In the article by A. S. Syrovatko “Reconstruction of burial constructions of the Shchurovo cemetery” preliminary data of the excavations of kurgan cemetery Shchurovo near Kolomna are published. The kurgans with cremation burials are situated at the settlement of D’yakovo culture. Three mounds have been investigated; two of them contained remains of fire and the ashes deposited in the mound in a dense heap without urn or a coffin. In the third kurgan the ashes were scattered. The author supposes that the bodies were burnt directly on the spot. In all three kurgans traces of circular enclosures were revealed, probably, these were originally visible on the surface (fig. 5) and supported the ground inside from slicing down. The suggested reconstruction corresponds to the description of burial construction (*stolp*) given in the medieval chronicles.

I. A. Druzhinina’s paper “Concerning ethno-cultural contacts in the Central Caucasus piedmonts in the 16th–17th cc.” is based on the excavations of kurgan cemeteries in republics North Ossetia and Ingushetia. The cemeteries usually number from several to some tens mounds. The kurgans are divided into three types according to their construction: earthen mounds, earthen-stone, and stone ones. In burials different types of wooden constructions were present. The archaeological data together with ethnography and local lore picture close contacts between the Kabarda people and the mountaineers in the 16th – mid 18th cc. established in the course of economic settling of the Kabardineans in the piedmont areas of Ingushetia and Ossetia that influenced traditional culture of the both peoples.

In section “Publications” the article by L. V. Vakulenko “Complex of grain-pits of the 4th c. AD from the Ciscarpathians” is presented. At the settlement of the Carpathian kurgan culture (the 4th c. AD) near village Pylypy (Ivano-Frankovsk Region, Ukraine) a series of pits designed for preservation of grain were investigated (fig. 1). The grain-pits formed three rows arranged around the central pit (fig. 2). Mass finds of charred grains confirm the objects’ function. Each pit contained certain species of cereals. The Ciscarpathian population grew emmer, bread wheat, barley, millet, and oats. Weeds were also present in the pits. Agricultural implements look rather advanced. These facts evidence that agriculture of the local people was based on ploughing land-tillage.

E. K. Stolyarova’s paper is headed “Concerning technology of production of gold-glass beads in the pre-Mongol period”. Investigation of gold- and silver-glass beads has allowed the author single out two stages in production of beads of this type associated with different technological patterns and production centres. Beads of the 9th–10th cc. were drawn of glass tube in workshops of the Near Eastern, while beads of the 11th–13th cc. were made in Byzantium and Rus’ by twisting a glass rod. Special investigation of beads with metal foil from the Myakinino kurgans of the 12th – the first half of the 13th cc. gives a possibility to determine beads of Russian and Byzantine production, and single out a group of beads imitating gold-glass ones.

Translated by L. I. Avilova

СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия. М.

АС – Археологический съезд.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского Императорского Географического Общества.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ДЭВПН – Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков: Советско-венгерский сборник.

ЖС – Живая Старина.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, археологии и этнографии.

ИРГО – Императорское Русское Географическое общество.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.

РА – Российская археология. М.

СА – Советская археология. М.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.

ТГОМ – Тверской государственный областной музей.

ТИЭ – Труды Института этнографии.

ТКМ – Томский краевой музей

ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск.

УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.

ЭО – Этнографическое обозрение.

MSROA – Materiały i sprawozdania rzeszowskiego ośrodka archeologicznego. Rzeszów.

SDGW – Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. Warszawa.

Spr. Arch. – Sprawozdania Archeologiczne. Kraków.

Vschod. Pravek. – Vschodoslovensky Pravek. Koszice.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Гуляев В. И.)	3
-----------------------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

<i>Гуляев В. И.</i> Изучение погребального обряда в зарубежной археологии	5
<i>Лагуткина Е. В.</i> Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования	19
<i>Косарев М. Ф.</i> Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам)	33
<i>Мельник В. И.</i> Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным	52
<i>Бакшеев Е. С., Смирнов Ю. А.</i> Двустадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и культурно-историческая реальность	60

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бужилова А. П.</i> К вопросу об информативности исследований коллективных погребений	77
<i>Добровольская М. В.</i> К методике изучения материалов кремации	85
<i>Медникова М. Б.</i> Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии	98
<i>Энговатова А. В., Осипов Д. О., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П.</i> Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты)	106

НЕОЛИТ И БРОНЗА

<i>Бочваров К. Е.</i> Неолитические захоронения в сосудах из юго-восточной Европы: возникновение обряда	115
<i>Мишина Т. Н.</i> Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы)	136
<i>Корневский С. Н.</i> Феномен больших майкопских курганов: социально-трудовой и культовый аспекты строительства	149
<i>Андреева М. В.</i> Особенности организации курганного пространства в погребальном обряде восточноманьчжурской катакомбной культуры	171
<i>Волкова Е. В.</i> Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2. Возможности исторических реконструкций	185
<i>Мелешко Б. В.</i> О финальной дате дольменных памятников Кавказа	202

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Ковалевская В. Б.</i> Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе	214
--	-----

<i>Гусаков М. Г.</i> К вопросу о происхождении обряда сожжения в урне и без нее: по материалам могильников юго-восточной Прибалтики эпохи Гальштата и Латена	228
<i>Обломский А. М.</i> Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины I тыс. н. э.	245
<i>Кишлярук В. М.</i> Влияние природных условий на погребальный обряд варварского населения Нижнего Приднестровья (III–II вв. до н. э.)	266

СРЕДНИЕ ВЕКА И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

<i>Степанова Ю. В.</i> Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья	285
<i>Сыроватко А. С.</i> Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника	297
<i>Дружинина И. А.</i> К вопросу об этнокультурных контактах на территории Центрального Предкавказья в XVI–XVII вв. (по материалам малокабардинских курганов)	304

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Вакуленко Л. В.</i> Комплекс зернохранилищ IV в. н. э. в Прикарпатье	316
<i>Столярова Е. К.</i> К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода	323

SUMMARY	334
-------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	340
----------------------	-----

CONTENTS

Articles

INTRODUCTION (Gulyaev V. I.)	3
<i>V. I. Gulyaev.</i> Investigations of burial rite in foreign archaeology	5
<i>E. V. Lagutkina.</i> Investigation of burial associations in archaeology: approaches and methods of research.	19
<i>M. F. Kosarev.</i> World-outlook aspects in traditional burial practices (on the Siberian materials)	33
<i>V. I. Melnik.</i> Symbolism of elements of burial rite according to ethnographic and archaeological data	52
<i>E. S. Baksheev, Yu. A. Smirnov.</i> Two-stage burial rituals in Okinawa as an archaeological and cultural reality	60
<i>A. P. Buzhilova.</i> On the informativeness of the investigations of collective burials.	77
<i>M. V. Dobrovolskaya.</i> On the method of investigations of cremation materials.	85
<i>M. B. Mednikova.</i> Manipulations with the head of the dead (burial practice in antiquity according to the data of palaeoanthropology)	98
<i>A. V. Engovatova, D. O. Osipov, N. N. Goncharova, A. P. Buzhilova.</i> Mass medieval burial in Yaroslavl (preliminary results).	106
<i>K. E. Bocharov.</i> Neolithic jar burials from South-eastern Europe: the origins of rite	115
<i>T. N. Mishina.</i> Social aspect of investigation of intramural infant burials (the EBA materials from tell Yunatsite in the Balkans)	136
<i>S. N. Korenevsky.</i> The phenomenon of big Maikop kurgans – labour and cult aspects of construction	149
<i>M. V. Andreeva.</i> Arrangement of space structure in the kurgans of East Manych catacomb culture.	171
<i>E. V. Volkova.</i> Burial associations of cemeteries Novinki 1 and 2 of Fatyanovo culture. Possibilities of historic reconstructions.	185
<i>B. V. Meleshko.</i> On the terminal date of the dolmen sites in the Caucasus.	202
<i>V. B. Kovalevskaya.</i> Planigraphic computer analysis of the early medieval cemetery Dyurso in the North Caucasus	214
<i>M. G. Gusakov.</i> On the origins of cremation in urn or without it (cemeteries of the Hallstatt and La Tene periods in the South-eastern Baltic zone).	228
<i>A. M. Oblomsky.</i> New burial complexes of the mid 1st millennium AD on the Upper Don	245
<i>V. M. Kishlyaruk.</i> The environmental influence on the burial rite of the barbaric people in the lower Dniester area in the 3 rd –2 nd cc. BC	266
<i>Yu. V. Stepanova.</i> The chronology of Medieval Russian burial associations of the Upper Volga region	285
<i>A. S. Syrovatko.</i> Reconstruction of burial constructions of the Shchurovo cemetery.	297
<i>I. A. Druzhinina.</i> Concerning ethno-cultural contacts in the Central Caucasus piedmonts in the 16 th –17 th cc.	304

Publications

<i>L. V. Vakulenko.</i> Complex of grain-pits of the 4th c. AD from the Ciscarpathians.	316
<i>E. K. Stolyarova.</i> Concerning technology of production of gold-glass beads in the pre-Mongol period.	323
SUMMARY	334
ABBREVIATIONS.	340

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 224

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Г. Эрли
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 04.08.2010. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 27,985. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: 95-95-260 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)